80 коп. Индекс 70544

ЗВЕНИГОРОД

Саввино-Сторожевский монастырь основан в конце XIV века Саввой, учеником и последователем Сергия Радонежского.

Трапезная церковь монастыря.

Собор Рождества Богородицы. Начало XV века.

Молодая гвардия 12 · 1989

1989

ISSN 0131—2251

12

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: рис. С. Дергачева, фото Б. Раскина.
Вторая и четвертая страницы обложки журнала: фото Б. Раскина

«Молодая гвардия», 1989, № 12, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-25; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

НА ПРОВОКАЦИИ НЕ ПОДДАВАТЬСЯ

Чувство правды рождается и живет в народе по каким-то одному ему ведомым интуитивным и неопровержимым законам. Люди могут годами, десятилетиями слышать одно, а думать, чувствовать — совсем другое. Но теперь они сами хотят говорить, и говорить правду.

Доступность нашей прессы для самых широких и разных точек зрения — ощутимое достижение перестройки, благо демократии. И печально, когда видишь, как при чьем-то попустительстве благо используется во зло. Когда на страницах отдельных изданий раз за разом фабрикуются провокации, жало которых отточено для расправы над неугодными и независимо мыслящими. Такое впечатление, что уже саму гласность прибрали к рукам в таких изданиях. Призывы к консолидации на деле оборачиваются у них фарисейством и конфронтацией. Лишь то утешает, что времена изменились и читателя, как стреляного воробья, на мякине не проведешь.

Когда «Огонек», например, ставит на своих полосах рубрику «Осторожно, провокация!» — читатели на это реагируют весьма бурно: пишут письма, шлют телеграммы в редакции других газет и журна-

лов, в инстанции. Требуют: остановите лгунов, схватите их с поличным... Страсть к провокациям делается кое для кого привычной, и читатели видят в этом опасную, тревожную тенденцию. Разделяя их тревоги, задаешься вопросом: в самом деле, не стоит ли за такой тенденцией призрак кризиса? Ведь духовное коромысло в противоборстве так называемых экстремистов и консерваторов, левых и правых изогнулось до такого опасного предела, что, если оно треснет, больно ударит «одним концом по барину, другим по мужику».

Стоит ли утяжелять заведомыми провокациями столь необходимые и естественные в жизни споры, полемику, дискуссии? Или это от слабости позиции и неправоты?

Древний Рим может завидовать нам. Это там провокация была формой демократии, обращением к народу с жалобой на решение суда. В нашем веке она перевоплотилась в «предательские действия тайных агентов», совершаемых, как свидетельствуют беспристрастные словари, — «с целью вызова революционных организаций на такие действия, которые ведут к их разгрому». Не надо быть крупным политиком, лучшим редактором года, а равно и народным депутатом, чтобы понимать, кто и зачем прибегает сегодня к провокациям, нередко используя для этого служебное положение. Сегодня это изощренный донос, способ нажима на власть, чтобы добиться расправы над неугодными политическими лидерами, общественными структурами, широкими демократическими движениями, вплоть до национальных. Это рычаг, которому наше равнодушие может послужить точкой опоры, чтобы перевернуть мир.

А как безобидно вроде бы начиналось! На XIX Всесоюзной партконференции делегаты оценили недостойное выступление писателя Г. Бакланова буквально топотом ног. В ответ взыграли амбиции его сторонников. Несколько печатных органов попытались выгородить, обелить Г. Бакланова, переломить общественное мнение в его пользу: дескать, разве могут консерваторы, хоть и делегаты партконференции, понять прораба-новатора!.. Странная, конечно, логика. На М. С. Горбачева, чтобы понять его, у делегатов ума хватает, а на Г. Бакланова... Тем не менее один печатный орган дошел до того, что язвительно уколол делегатов, они будто бы не читают книг, журналов — в отличие от Г. Бакланова, который их даже пишет. Темный, значит, невежественный народ эти партийные делегаты.

Дела давно минувших дней — пора им выветриться из памяти, но провокационный душок, который их окутывал, все еще портит общественную атмосферу. Не от этого ли, не от того ли, что был ободрен групповой поддержкой, Г. Бакланов отважился протиражировать в журнале «Знамя» анонимку А. Норинского? Скольких же пядей во лбу голову надо иметь, чтобы не увидеть откровенной провокации? А может, Г. Бакланов отдавал должок тем политическим силам, которым эта провокация была нужна, была выгодна? Если так, это круто меняет дело. По крайней мере очевидной становится многоходовая комбинация, в итоге которой уже на страницах «Огонька» Норинский предстает этаким великомучеником и непонятым якобы сторонником и даже героем перестройки.

Кто возьмется, однако, если не проанализировать, то хотя бы перечислить все акции подобного рода, устраиваемые в «Огоньке»?! Разве только добросовестные потомки. Огоньковцы, видимо, пола-

гают, что провокация — самое безотказное оружие в «охоте на ведьм». Но в потугах исказить истину, спровоцировать в нашей жизни многое и многих «Огонек» не одинок. Не только этот журнал «грызется» за свои «новые» нравы, «новые» исторические доктрины, «новые» социальные концепции. Но так ли нова для нас кровавая перманентность троцкистских революций? Так ли новы русофобия и националистический снобизм? Так ли нова деспотия элитарного террора, с рапповской самонадеянностью и компьютерной оснащенностью распинающего нравственные и духовные твердыни, мораль и культуру, традиционные устои национальной жизни? Стоило В. Белову сказать об этих проблемах на сессии Верховного Совета, как слуги застоя и прорабы перестройки в средствах массовой информации сделались глухи и немы. «Плюрализм» восторжествовал настолько, что ни одно центральное периодическое издание речь В. Белова не опубликовало. Молчание иной раз (как в данном случае!) бывает очень выразительным: мир увидел, кому у нас в действительности принадлежит последнее слово, кто контролирует гласность, дозирует демократию.

А ведь именно плюрализмом, едва ли не как самым главным достижением перестройки, кичатся и «Огонек», который «русский дух» и на дух не выносит; и «Известия», газета, чье прямое назначение — печатать речи народных депутатов; и «Советская культура», которая публикует даже непроизнесенные выступления депутатов-леворадикалов; и «Московские новости», для которых «русская проблема» или «русский вопрос» далеко не новость, но они почему-то предпочитают и этому и другим национальным вопросам один — так называемый «еврейский». По крайней мере как ответ на этот вопрос прочитывается большинство публикаций еженедельника.

Имея в виду эти издания, а также примыкающие к ним в этом вопросе «Неделю», «Юность», «Знамя», «Октябрь», один старый писатель, видевший и Бамлаг, и бериевские застенки, «простуженный», как он о себе говорит, «хрущевской оттепелью» и еще так недавно радовавшийся «апрельской гласности», но и спрашивавший сам себя: не окажется ли она сродни первоапрельской шутке? — теперь с горькой иронией замечает: «В прежние времена, вплоть до самых застойных, правду почти нельзя было сказать. Сегодня ее почти негде сказать. А ведь как жаль: самая большая правда о прошлом, о настоящем еще не открыта людям. Оставили ей маленькую щелочку — «Московский литератор», многотиражку писательскую, но и на эту щелку уже большая затычка готова. И называется эта затычка — «Апрель». Сообщество. Лихие ребятишки в нем собрались: дети Арбата и внуки Раскольникова. Они еще себя покажут...»

Еще?! Они уже показывают!

Вон с какой оперативностью опубликовали те же «Московские новости» (№ 6, 1989) поклеп Е. Евтушенко на встречу читателей с авторами «Роман-газеты», журналов «Москва» и «Молодая гвардия» во Дворце спорта «Крылья Советов» в начале этого года. Что же особенно возмутило ортодокса гласности из «Апреля» и «Московских новостей»? А читатели, видите ли, посмели спрашивать, почему, как сложилось, как это стало возможным, что в нашем обществе социальной справедливости евреи, которые составляют 0,69 процента от всего населения в стране, имеют 434 человека с

высшим образованием на 1000 человек, соответственно азербайджанцы — 53 человека, армяне — 125, украинцы — 52, русские — 76. Это данные из Всесоюзной переписи населения 1979 года. И хотя они и без того ярко показывают односторонность нашей социальной справедливости, сегодня в их точности можно усомниться, во всяком случае, Дмитрий Жуков в предисловии к вышедшей недавно книге В. Шульгина «Дни. 1920» называет гораздо более высокое соотношение, указывающее на глубокую пропасть между евреями и русскими с высшим образованием.

Поразительно, но когда о том же говорил еврейский литературный журнал «Советиш Геймланд» («Советская Родина»), это не вызвало ни малейшего гнева Е. Евтушенко. Еще бы, этими данными, как достижением еврейской культуры в Советской стране, следовало только гордиться. А когда русские люди задались простым вопросом: почему такое вопиющее неравенство? — Е. Евтушенко тут же расценил это как «разжигание вражды», да еще в «издевательском духе национального стравливания». Ему очень не нравится, что народ по этому поводу бьет на площади в рельсу. И он спешит подольстить ему: «Мы должны восстановить все поруганные национальные русские святыни. — И тут же напоминает: — Но не будем забывать, что наши национальные святыни — это и доброта, и гостеприимство, и всемирная отзывчивость. Русский патриотизм — это Пушкин, Толстой, а не сочинители протоколов сионских мудрецов».

Это противительное «а» после Толстого и Пушкина уж не Достоевского ли ставит в сочинители протоколов сионских мудрецов? Или Достоевский относится не к «поруганным» национальным святыням», а к стертым с лица земли вовсе?

Я, может быть, не позволил бы себе иронию к этим словам Е. Евтушенко, может быть, поверил бы в его искренность, если бы в ряду наших национальных святынь, кроме всемирной отзывчивости, гостеприимства и доброты, он не забыл вспомнить о справедливости. Но тогда, в силу справедливости, он должен был бы вспомнить и то, что те же русские, украинцы, армяне, азербайджанцы и все другие народы СССР в самые трудные годы посылали своих детей в ремеслухи, школы ФЗО, СПТУ не для того, думается, чтобы исключительно евреи формировали интеллектуальную элиту нашего общества или подпитывали интеллектуальный потенциал сионистского Израиля.

Впрочем, иллюзии мои беспочвенны. Беспочвенны потому, что мы имеем дело не с эмоциями, не с заблуждениями поэта, а с убеждениями, четко детерминированными на расистской основе. «Шовинизм, — пишет Е. Евтушенко, — это самая дешевая возможность почувствовать свое превосходство, которое дается не умом, не талантом, не трудом, не добротой душевной, а просто национальностью».

Какую национальность он имеет в виду — свою? Русскую или еврейскую?.. Вряд ли поэт так неумен, чтобы непредумышленно, непровокационно подменить понятие «крайне агрессивная форма национализма» понятием «просто национальность». По его логике, человек любой национальности шовинист уже только потому, что у него есть национальность. Любая! Что это: логика абсурда или абсурд логики?

Дошло ли до этого, всегда немножечко склонного к абсурду, поэта трезвое предупреждение В. Сорокина, психологически тон-

ко подметившего в «Нашем современнике» (№ 8, 1989): «Сейчас имя Евтушенко похоже на стенобитный таран, бревно, которым космополитическая орда пробивает русские крепости, а сам он, визжа от восторга, бежит впереди»?

Евтушенко должен знать: такое его рвение замечено.

Или он больше согласен с В. Коротичем, который говорит почти слово в слово с Сорокиным, но с другим акцентом: «Бревно выглядит поаккуратнее живого дерева, но может служить столбом, тараном — этого мало» («Советская культура», № 111 от 16 сентября 1989 г.). Конечно, мало. Одним космополитическим бревном и даже двумя русские крепости не пробить.

Наши записные «плюралисты» понимают гласность преимущественно как право для себя говорить все, что вздумается, право затыкать другим рот, и этим другим они оставляют обязанность пахать, сеять, воевать в Афганистане, строить для них комфортабельные дачи, обслуживать их и даже — обязанность молча сносить оскорбления, унижающие достоинство человека, народа, нации. В самом деле, что может быть унизительнее для того же еврея, честного и порядочного человека, считающего Россию или Украину своей родиной, когда на его глазах его братья обвиняют в антисемитизме тех же украинцев или русских, которые критикуют сионизм? Такого еврея как бы психологически подготавливают к идее невозможности врасти корнями в то национальное общество, в котором он проживает. Химера недовольства, национальной замкнутости и подозрительности сеет семена русофобии.

Редко за каким провокатором не стоят в тени, в идеологическом всеоружии силы обеспечения и поддержки, чья-нибудь мощная рука или даже целый отряд средств быстрого реагирования в печати. Этим только можно объяснить, что провокаторам все сходит с рук, а лавина провокаций нарастает. С учетом этого и надо действовать. Прежде всего — не поддаваться на провокации. Надо разоблачать их. Открыто говорить об истинных целях и замыслах провокаторов. Не хочется быть очень банальным, но от повторения старые истины не утрачивают свой смысл: мрак рассеивается перед светом.

Возьмем случай с А. Ананьевым, с руководимым им журналом «Октябрь». К тому, каким журнал стал сейчас, А. Ананьев вел его все долгие годы своего редакторства. И довел. На страницах «Октября», вполне в духе троцкистско-авербаховских концепций перманентного оскопления исторической и духовной культуры России, сделана столь беспрецедентная по наглости попытка легализовать сатанинскую ненависть к России и всему русскому, что по сравнению с ней стихи С. Рушди (по свидетельству польской газеты «Политика», С. Рушди за издание своей книги получил в масонской Великой ложе Англии хорошую должность) просто невинный лепет. До балаганного героя низводится в журнале «Октябрь» Ленин. Смачно оплевывается на страницах этого журнала Пушкин — национальный гений, совесть народа. И еще поханка грязи, помоев на современную русскую литературу, судя по некоторым высказываниям А. Ананьева, подготовлена редакцией к печати. Мысль о неполноценности русского народа, о вечном его рабстве и раболепии всаживается, как клин, в общественное сознание и расщепляет его.

Сколько уж нас учила и била история, а все верим данайцам, дары приносящим. Публикации внутренней и внешней эмиграции в

«Октябре» почище любого троянского коня, ибо в итоге осады и лукавого вторжения не Троя должна пасть, а вся обозримая в прошлой и будущей истории Русь с ее святым почитанием отцов и отеческих заветов, с ее верой, с ее языком, ее нравами, ее гордостью и духовным подвижничеством.

Повод слишком серьезен — общественность ударила в набатную рельсу. Не остался в стороне Союз писателей РСФСР. В итоге видимые контуры провокации были четко обозначены на страницах «Литературной России». «Ничего не понял» будто бы лишь сам А. Ананьев. Но ведь и то правда: за Россию-то чужая голова болит, а не его собственная. Однако же в защиту своей редакторской «объективности» Ананьев выставил не только то, что публиковал грязные пасквили на Россию, но и «Печальный детектив» В. Астафьева. Выходит, все-таки понимал, что делал, понимает, что делает!

Вспоминается, как несколько лет назад уважаемый критик напечатал в «Октябре» А. Ананьева статью о В. Белове и все интересовался у коллег: «Как вы думаете, почему он это делает? Не может же он (Ананьев. — **В. Г.**) не понимать все значение Белова? И своих не боится... — успокаивал этот критик себя и тут же, как человек искренний, задавался вопросом: — Или тут какая-то провокация?..» Что бы он ответил на свой вопрос теперь, когда ему приходится защищать Россию от гроссманов и терцев Ананьева, а заодно и от литературных адвокатов Ананьева? Не случайно ведь и В. Коротич, выступая в «Правде», жаловался, что у него в «Огоньке» известные русские писатели от В. Астафьева до Ю. Бондарева не желают печататься. Разумеется, он не говорит, почему не желают. А такие публикации ох как размыли бы в глазах читателей монотонную желтую окраску «Огонька» и подтвердили бы, что «российский народ всегда жил в положении раба (как народ). И психология раба до сих пор имеет место» («Огонек», № 36, 1989).

Так, «Огонек», а с другой стороны «Юность» — публикацией похождений «бравого» солдата Чонкина — участвуют с «Октябрем» в одной масштабной провокации. Это ли не поддержка А. Ананьеву?! Хотя и прямых славословий в адрес «Октября» и Гроссмана на страницах нашей печати хватает. И появляются они в изобилии именно тогда, когда А. Ананьеву это необходимо. Да что там солидарность «Юности» или «Огонька»!.. Даже доморощенная пародия на ПЕН-клуб — так называемый Московский исполком ПЕН-центра — выступил с защитительным заявлением, одернул СП РСФСР: не смейте и думать спрашивать с Ананьева! Гласность-де не чета вашей соборности.

Это верно. Соборности чета — согласность. И вот согласно соборности СП РСФСР вправе именем российских писателей поставить «Октябрь» на свое место. И сделать это надо, несмотря на скоординированную поддержку Ананьева ПЕН — «Литературкой», «Комсомолкой», «Книжным обозрением» и т. п.

Но вот о чем надо бы тут сказать особо. Оказывается, и в составе Московского исполкома ПЕН-центра нашелся порядочный, честный человек, который отказался подписать анархо-синдикалистский вердикт, направленный на защиту хулителей России. Имя этого писателя называю с искренним уважением к его позиции и достоинству — это Анатолий Ким.

То, что сделал, а для кого-то — не сделал Анатолий Ким, является поступком не столько по отношению к Ананьеву или Московскому ПЕНу, сколько по отношению к России. Однако есть в этой истории с «Октябрем» нечто, что заставляет вспомнить финальную сцену из романа В. Белова «Все впереди», когда на мосту, исподволь стравленные между собой вездесущим Бришем, стоят, хватая друг друга за грудки, два русских человека, два мужа, достойных чести, может быть, именно те люди, от соединенных, слаженных усилий которых зависит в сегодняшнем мире все. Все! Мне уже однажды пришлось говорить это, но считаю необходимым повторить, что в тревожном финале беловского романа звучит призыв русских князей к единению. Время требует! Да как редки нынче эти князья...

Если бы дело ограничивалось только провокациями, встречаемыми на газетно-журнальных страницах, можно было бы отреагировать короткой иронической репликой и поставить точку. Но на фоне бурной политизации нашей жизни провокации стали частью политического дела в стране. Далеко ли ходить за примерами? Стоит лишь вспомнить провокационные истоки драматически напряженных и даже трагических событий в Нагорном Карабахе и Сумгаите, в Грузии и Прибалтике, в Фергане и Кишиневе, противостояние амбиций в Армении и Азербайджане... Многие так называемые демократические союзы и фронты ведут откровенно провокационную работу по подрыву единства советских народов, оголтело чернят партию и комсомол, армию и Советскую власть. Кто-то, явно не стесненный в валютных средствах, в рублях и множительной технике, настойчиво, последовательно и коварно подталкивает республики к междоусобной катастрофе. И слава богу, что у народов пока хватает здравого смысла противостоять всему этому. Но когда академик В. А. Тихонов («Огонек», № 36, 1989) проговаривается, что стране, возможно, еще придется пройти испытание... голодом, то, не имея данных, чтобы согласиться с ним или оспорить его, невольно начинаешь думать: а как развернутся и куда тогда направят свои усилия провокаторы?..

Кто это делает? Я думаю, общество само, совокупными усилиями должно ответить на этот вопрос, но пока за него говорят гдляны, коротичи, новодворские — правильного ответа мы не получим. Но вряд ли ошибусь, предположив, что зачинщики кулачных боев, развязав гражданскую войну, сделают все, чтобы переложить ответственность с себя на партию.

Даже незначительная, невинная на первый взгляд провокация начинается с подмены понятий. Что провокационного может быть, например, в вопросе: каким содержанием наполняется сегодня понятие «свобода»? А вот ответ — судите сами: оказывается, как утверждает Б. Н. Ельцин, можно два раза облететь на вертолете американскую статую Свободы... и стать «в два раза свободнее». Правда, такое чистосердечие, такая непосредственность, скажем так, оплачиваются одноразовыми шприцами на сумму в сто тысяч долларов. Но не будем обольщаться. По строгим нравственным законам преуспевающая Америка должна была бы бесплатно, безвозмездно снабжать все страны, где есть больные СПИДом, теми же шприцами. Просто вспоминаю, по аналогии, сколько спасительных вакцин передала в свое время наша страна другим, не требуя ни от кого взамен кружить вокруг Кремля или Василия Блаженного. Б. Н. Ельцину же для этого пришлось еще сказать, что партия (КПСС!) не должна быть далее руководящей силой

нашего общества; надо было сказать, что он не знает, считает ли он себя все еще коммунистом; надо было сказать, что он видел на ночных улицах Нью-Йорка бездомных, которые, к его удивлению, «тоже оптимистичны и жизнерадостны». Правда, за все это он получил еще и сомнительной чести вопрос от журналистов: «А встречались ли вы с кем-нибудь из тех 500 тысяч рабочих, которые сейчас бастуют?» Да когда же было встречаться, когда из Америки надо было спешить на встречу с кавээнщиками, демонстрируемую по нашему ЦТ!

А может, вопрос застал народного дипломата врасплох, пришлось чистосердечно признаться: «Мозги перевернулись на 180 градусов. Уже за двое суток. Еще осталось четверо суток, и я не знаю, куда им еще поворачиваться».

Поворачиваться им действительно некуда. Или, как сомневающийся в Уставе КПСС, Б. Н. Ельцин думает выйти из партии? Но, как говорит молва, для этого нужно иметь три рекомендации беспартийных товарищей, а сегодня получить их не так-то просто.

Не знаю, смотрелся ли в зеркало известный нам ликвидатор границ и барьеров, истовый правозащитник эмиграции в СССР В. Коротич, когда спрашивал: «Что делать с редиской?» («Советская культура», № 111 от 16 сентября 1989 г.), давая понять, что редиска — это нехороший человек, нехорошие люди, и даже вот что вынес в эпиграф: «Они как редиска: снаружи красные, а внутри белые (старая шуточка о противниках революции)».

В. Коротич пытается реанимировать «шуточку», переадресовать ее, так сказать, современным противникам революции. Истинно же в ней только то, что она старая. На самом деле эта «шуточка» была не о противниках революции — белым не было резона, да и честь не позволяла рядиться в красные одежды. На самом деле это была местечковая шуточка о местечковых революционерах, которые на местах и в местечках влились в революционное движение, но, поскольку мелкобуржуазная, торгашеская природа многих из них как была, так и осталась «белой», «красные» одежды ничего не могли изменить.

У нас, конечно, нет оснований сомневаться в верноподданничестве Коротича ни в хрущевский, ни в брежневский период. Свидетельствующие об этом похвалы в адрес Л. И. Брежнева широко известны. Менее известно, например, свидетельство Александра Гинзбурга в газете «Русская мысль» (№ 3781 от 23 июня 1989 г.): «...арестованная в 1956 году большая группа украинской творческой интеллигенции (братья Горыни, Панас Заливаха, Иван Гель и другие), преданная одним из своих лидеров, Виталием Коротичем (после чего и началась его официальная карьера), получила сроки от 3 до 6 лет». От каких-либо комментариев к сказанному вынужден воздержаться, в конце концов это дела темные — Гинзбург мог спровоцировать Коротича, а мог и Коротич спровоцировать Гинзбурга, пусть сами разбираются. Вообще же давно известно: милые бранятся — только тешатся.

Но вот то, что В. Коротич прибегает к нечистоплотным приемам в «Огоньке», — это должно быть известно. Читатели, наверное, помнят, как около года назад этот журнал опубликовал длинные списки произведений писателей, якобы нехапавших себе в годы застоя баснословные суммы за счет изданий и переизданий своих книг. Библиография включала написанное неугодными «Огоньку» авторами едва ли не с пеленок. По сравнению с доходами этих

писателей, книги которых народ читал и покупал отнюдь не по команде Брежнева или А. Беляева, а по своему выбору, свои собственные доходы В. Коротич оценивал весьма и весьма скромно.

«Мой оклад, — говорил он, — 450 рублей. И еще я получаю 120 рублей как депутат Верховного Совета УССР. Это, с одной стороны, много, но, с другой стороны, я сейчас практически не имею гонораров» («Собеседник», № 8, 1989).

Да, негусто, если не учитывать, что есть все-таки третья сторона. Гонорары, как известно, платятся как за новые издания, так и за переиздания. Неужели, скажем, в послебрежневский период, когда не стало кормильца В. Коротича, у него «практически» не выходили книги? Вот далеко не полный перечень того, что попало в закодированную память компьютера (а нет, например, зарубежных изданий):

В. Коротич. Избранное. Стихи и поэмы. Москва, 1986.
«Метроном». Москва, 1988.
«Голоса». Москва, 1984.
«Ненависть». Москва, 1984 («Роман-газета»).
«Лицо ненависти». Москва, 1983.
«Лицо ненависти». Москва, 1985.
Киев, 1984 («Днипро»).
Киев, 1984 («Молодь»).
Москва, 1985 («Прогресс»).
Фрунзе, 1985.
Алма-Ата, 1985.
Ереван, 1986.
Цхинвали, 1987.
Тбилиси, 1987.
Москва, 1988 («Прогресс»).
Избранные произведения в 2-х томах. Киев, 1986.
«Закономерность». Киев. 1983.
«Правда. Метроном». Киев, 1986.
«Дневник». Киев, 1986.

Маленькая ложь порождает большую, поэтому нет ничего удивительного, что в журнале под редакторством человека, стремящегося буквально изничтожить своих оппонентов, стереть их в порошок, появляется рубрика «Осторожно: провокация!». В материале «Интервью, которого не было» («Огонек», № 37, 1989) журнал бросает тень бесчестия на имя известного деятеля партии и государства И. А. Бенедиктова, ставя под сомнение его объективные размышления о Сталине и Хрущеве, о трудном для страны времени строительства социализма, раздумья о том, какими путями может развиваться и совершенствоваться социализм дальше.

Пытаясь не только в этой, но и во многих других своих публикациях дезавуировать, а то и очернить драматически сложное, порой трагическое для народа, но и героическое время созидания основ социализма, время, когда у руководства страной стоял И. В. Сталин, «Огонек» стремится представить Сталина едва ли не единоличным ответчиком перед судом истории за все ошибки, беды и преступления того времени. Почти полностью обходится молчанием негативная роль и преступная деятельность не только ближайшего окружения Сталина, его «сподвижников», но и его противников, скрытых или явных врагов социализма. Но при выработке путей сегодняшнего и завтрашнего развития страны, осно-

ванных на объективном анализе реальной истории, что может быть губительнее для нас сегодня, чем предвзятый подход к прошлому, заведомо искаженное представление о нем?

Пусть немногочисленные, порой спорные, но подкупающие искренностью и правдивостью рассказы участников и очевидцев эпохи социалистической молодости нашей страны в корне противоречат, а то и камня на камне не оставляют от той сплошной «чернухи», какой представляет отечественную историю «Огонек».

«Антисталинскую» линию «Огонька» многие читатели приняли за чистую монету. Мы не раз предупреждали, что это — отвлекающий маневр, маневр в известной мере провокационный, а нам в ответ на это кричали, что вы-де орган 37-го года!.. Теперь, однако, «Огонек» устами одного из своих новых идеологов, во всяком случае, человека, который стремится сделать идеологическую линию журнала целенаправленно-четкой, но встречает, видимо, стихийно-оголтелое сопротивление многих в «Огоньке», — это публицист Вячеслав Костиков — пишет («Огонек», № 32, 1989):

«Вдумчивый читатель, конечно же, уже смекнул, что наскучившая ему публицистическая «Сталиниана» была вынужденной, но необходимой мерой исторической ассенизации. Теперь, когда демистификация Сталина стала свершившимся фактом, можно признать (! — **В. Г.**), что в журнальной антисталинской гонке были и крутые виражи, и превышение скорости, и потеря равновесия...»

И далее:

«Критика Сталина на определенном этапе вызревания гласности была своего рода «эвфемизмом» более серьезной, концептуальной критики (! — **В. Г.**). Хотелось бы, чтобы вынужденный этот маневр был понят теми из наших читателей, которые гневались на нас и слали сердитые письма. Умный читатель! Вспомним же вместе с Горацием:

Надо сегодня сказать лишь то,
что уместно сегодня.
Прочее все отложить
и сказать в подходящее время».

Итак, И. А. Бенедиктов мешает, во-первых, демистификации Сталина, а, во-вторых, снимает покров таинственности с «эвфемизмов» концептуальной критики системы, точнее — с дезавуации самой системы. В ответ «Огонек», утверждая голословно, что В. Литов, дескать, не брал интервью у И. А. Бенедиктова, в упор не замечает прямых слов В. Литова, что интервью сложилось из нескольких встреч и бесед с И. А. Бенедиктовым. Журналисту-профессионалу «Огонек» не верит, а той же вдове Н. Бухарина, например, верит безоговорочно, особенно когда с ее слов, фактически ничем не подтвержденных, публикует письмо-завещание бывшего «любимца партии», которое она якобы хранила в памяти более 50 лет. Да за 50 лет можно забыть две популярные стихотворные строчки, не то что несколько страниц сложного политического текста. Вот где провокация-то!..

Возможно, «Огонек» допускал, что его провокация в отношении «Молодой гвардии» будет разоблачена, но вряд ли сомневался в том, что сподручные издания подхватят «утку». И в самом деле, «Советская культура» (№ 112 от 19 сентября 1989 г.), не утруждая

себя никакими доказательствами, рекламирует «Молодую гвардию» как журнал, из номера в номер «обеляющий Сталина», не чурающийся «прямых фальсификаций», публикующий «фальшивые» «мемуары Бенедиктова».

А между тем жанр интервью, составленного на основе нескольких бесед, обычное дело в нашей печати. Вот что пишет та же «Советская культура» (№ 110 от 14 сентября 1989 г.) в предисловии к интервью своих корреспондентов с директором Воронежского машиностроительного завода Г. В. Костиным: «Беседа наших специальных корреспондентов с директором завода Г. Костиным сложилась из нескольких встреч — и не только в директорском кабинете, но и в цехах завода, у станков, из непростых многочасовых разговоров на встрече с советом трудового коллектива ВМЗ» (разрядка моя. — **В. Г.**).

С нравственной точки зрения серьезной уликой обвинения «Огонька» является письмо родственников И. А. Бенедиктова — его брата и племянницы. Могу понять этих людей, никогда прежде не знавших В. Литова, могу допустить, что они из искренних побуждений поддались на провокацию «Огонька», могу согласиться, что сегодня не каждый способен противостоять напору оголтелой прессы, что сегодня не так уютно чувствовать себя близким к человеку, мнение которого идет вразрез с огоньковским. Мы знаем, что в свое время «моральный террор среды» побуждал даже самых близких родственников отказываться друг от друга, особенно когда один из них выставлялся «врагом народа». И не берусь никого здесь осуждать. Вольному воля.

Но вот мнения людей, знавших И. А. Бенедиктова и в радостные, и в самые трудные для него годы.

«Я встречалась с тов. Литовым, — пишет Н. И. Бенедиктова-Пейко, дочь Ивана Александровича, — разговаривала с ним по поводу этой публикации и могу совершенно твердо сказать: он действительно встречался с отцом и беседовал с ним по темам, затронутым в интервью. Ни малейшего сомнения в этом у меня не было и нет».

Вот еще:

«Я также встречалась с В. Литовым по поводу данной публикации. Ни малейшего сомнения в том, что он действительно встречался с Иваном Александровичем и вел с ним беседы по освещавшимся в интервью вопросам, у меня не возникло. Говорю с полным основанием, поскольку близко знала Ивана Александровича в течение многих лет, в последние годы его жизни находилась рядом с ним и была хорошо осведомлена о подлинных умонастроениях, суждениях и оценках этого замечательного человека».

Это пишет вдова Ивана Александровича — Л. В. Бенедиктова.

А может, для спокойствия «Огонька», давайте перестанем вообще всем верить — всем, кроме «Огонька»? Но тогда, быть может, он опубликует письмо (направленное и «Огоньку», и «Молодой гвардии») М. А. Липатова, знавшего И. А. Бенедиктова и некоторых его родственников. Обращаясь к уважаемым главным редакторам журналов, М. А. Липатов пишет:

«Должен Вам засвидетельствовать, что высказывания т. Бенедиктова И. А., аналогичные изложенным в 4-м номере журнала «Молодая гвардия», я слышал лично от него и со слов моей матери, и ничего предосудительного я в этом не нахожу. Кроме того, мы от него слышали, когда он стал персональным пенсионером, что

он работает над мемуарами. Я лично в 1956 году, после XX съезда, услышал от него такой случай.

Как-то после войны, рассказывал Иван Александрович, звонит ему т. Сталин И. В. и говорит: «Товарищ Бенедиктов, тут Берия принес мне список буржуазного правительства, которое должно было прийти к власти в случае победы фашистской Германии. В этом списке Вы числитесь министром сельского хозяйства. Прошу Вас дать объяснения».

Иван Александрович отвечает: «Товарищ Сталин, это какое-то недоразумение и даже провокация!»

Сталин помолчал и ответил: «Я тоже так считаю, тов. Бенедиктов. Я Вас вычеркиваю из этого списка». После этого разговора к этому вопросу т. Сталин больше не возвращался, и Иван Александрович работал спокойно. Он его ценил».

Сталин-то вычеркнул, а вот В. Коротич — тот уж вряд ли. Скорее бы вписал, судя по учиненной провокации...

В упомянутой статье о редиске В. Коротич, размахивая боксерской перчаткой конфронтации, заявляет: «Если вы хотите оценить состояние нашей прессы, всегда соизмеряйте оценку с тем, от кого вы ее услышали. Не расстраивайтесь, услышав тираду о том, что пресса разболталась, вышла из-под контроля и служит неизвестно кому».

Значит, «не расстраивайтесь»?..

А вот М. С. Горбачев расстраивается:

«Почему тема труда, патриотизма, поступков ради Отечества звучит приглушенно в средствах массовой информации? ...Как же об этом не писать, как же об этом не говорить?»

А Генеральный секретарь ЦК КПСС очень обеспокоен тем, что «нам наряду с концепцией перестройки как политики, направленной на обновление социализма, демократизацию, гласность, возвышение человека, гуманизацию общества, подбрасываются такие идеи, которые приглашают нас чуть ли не вернуться на 70 лет назад».

«...Пресса наша не должна вносить сумятицу в умы», — говорит М. С. Горбачев. Он отмечает: «Кое-кто никак не выйдет из митингового этапа. Со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров пока еще много страхов нагоняется и мало пишется о том, что уже много хорошего делается».

И коль скоро находятся трибуны, которые с крайних позиций пытаются «сбить с толку людей, посеять неверие в наши дела и планы», то средства массовой информации, подчеркивает М. С. Горбачев на встрече в редакции «Правды», должны видеть эту опасность, должны вести открытый диалог с трудящимися, доносить «до людей смысл происходящего в нашем обществе, чтобы никто не поддался искушению откликнуться на безответственные и очень опасные лозунги».

Любители провокаций думают иначе. Мол, чего расстраиваться, когда все известно, ничего не скрывается, по крайней мере, от вдумчивого читателя. В. Коротич пишет:

«Прессе принадлежит все большая роль».

Какая роль? А вот какая:

«В механизме борьбы за власть, тех самых сражений «за почту и телеграф», которые для власти очень важны, о прессе, как правило, не забывают ни на мгновение».

Что-то протокольно-знакомое слышится в этих словах. В 1860 году достаточно известный французский государственный деятель, еврей по национальности, основатель Всемирного еврейского союза Исаак-Адольф Кремье, обращаясь к единомышленникам, поучал: «Смотрите на правительственные должности как на ничто. Вздором считайте всякие почести. Махните пока рукой и на самые деньги. Прежде всего захватите прессу — тогда все прочее придет к вам само собою!»

Что хочется сказать в итоге? В обществе у нас сложилось кое у кого опасное заблуждение, будто без «Огонька» в его нынешнем варианте не может быть гласности или она не может нормально развиваться. Но разве гласность нам нужна для того, чтобы ее арендаторы опошляли партию, ревизовали ленинизм, продавали выстраданный народом социализм оптом и в розницу, опошляли историю, чернили тех, кто верой и правдой служил Отечеству? И уж вовсе не для того дана нам гласность, чтобы «воевать» с «Огоньком» и ему подобными изданиями. У нас и без того много дел, много острых проблем, без решения которых жизнь улучшить нельзя. Демократическая — от народа! — печать должна способствовать этому. Но для этого такая печать должна быть, а ее сейчас почти нет.

Некоторые читатели в ответ на огоньковскую рубрику «Осторожно: провокация!», понимая, чего она стоит, предлагают ввести более точную и понятную миллионам: «Осторожно: сионизм!» И тогда, если понимать гласность так буквально, не придется ли перепечатывать из «Огонька» почти все подряд? Или, допустим, из «Октября», спрятавшегося от критики, как кошка под диван... Не лучше ли в таком случае последовать примеру Кубы, которая без лишних дебатов закрыла свои двери для «Московских новостей»?

И последнее, что, впрочем, и без пояснений должно быть ясно читателям. Некоторые из упомянутых выше «прорабов перестройки», «арендаторов гласности» и любителей провокаций захотят представить это выступление как выпад лично против каждого из них. Слишком сомнительная честь. Мы говорили о негативных явлениях нашего времени, понимая, что эффективность разговора в глазах читателей во многом зависит от снятия анонимности с носителей негативных тенденций. А кроме того, изобличение провокаций и провокаторов — едва ли не самый необходимый залог консолидации на деле.

●

СТИХИ МОЛОДЫХ

Сергей ХОМУТОВ

СВЕТ

ИСТОРИК

Ты слеп, историк,
И нелеп,
Коль смотришь
Только в день вчерашний,
Напрасно ешь свой белый хлеб
И век свой проживаешь зряшно.

Ты в толстые тома вместишь
Все — от поэзии до прозы:
И стон,
И роковую тишь,
И веру, и любовь, и слезы...

Ты сле́пишь прошлого черты
Вполне добротно и не всуе...
Но все-таки ничтожен ты,
Коль смотришь
Только в даль былую.

Но ты забыл простой закон,
Что время неразрывно в беге,
И стрелы из былых времен
Уже свистят
В грядущем веке.

КРЕПОСТИ

А крепости наши прочны,
Покуда мы верою живы,
И силы для боя нужны,
И ярости нашей порывы.

Покуда отчаянный блеск
Распахнутых глаз не покинул,
Роптания гнусного плеск
Не тронул упругую спину.

Безверие — гибельный яд,
Предвестник плохого исхода.
Что толку, коль стены стоят,
А кем-то открыты ворота?!

* * *

И куда же, братья, мы зашли,
Забрели дорогами ночными?
Вот стоим среди большой земли,
Вспоминая собственное имя.
Что спасет среди слепых дорог
Хмурого, обветренного дола?
Может быть, забытый огонек
В маленьком окне родного дома?..
А вокруг и в сердце — темнота,
Вместо чистых звезд — туман безверья.
Холодны окрестные места,
И никто во мгле не скрипнет дверью.

ИНВАЛИД

Он руками гребет, гребет,
Вдоль по улице громыхает,
Только, видимо, устает
Очень быстро. И отдыхает.

И когда он с катком своим
Замирает, не глядя в лица,

То родная земля под ним
Словно перестает крутиться.

И украдкой глядит народ,
Как согнулся он в позе тяжкой,
Как с лица утирает пот
Пыльной, выцветшею рубашкой.

Нелегко постигать уму,
Как жестоко он изувечен...
Страшно даже помочь ему,
Потому что утешить нечем.

ЧИСТОТА

Росой рассветной вымыта трава
И ветерком расчесана веселым.
Спокойны птицы, звери, дерева,
Спокойно солнце
Над окрестным долом.

День настающий светел и высок.
Лучами,
Нисходящими полого,
Озвучен, словно музыкой,
Лесок,
До белизны утоптана дорога.

Прозрачна даль,
Прохладна высота,
И воздух упоителен и сладок...
Природа удивительно чиста,
Пока мы в ней
Не наведем «порядок».

В БОЛЬНИЧНОМ САДУ

Солнечных дней череду
Боль обрубила нежданно.

В тихом больничном саду
Длительны наши свиданья.

Солнце еще горячо,
Небо еще не устало,
Голову мне на плечо
Как ты давно не склоняла!

Лист на ветвях задрожал,
Словно вода на затоне.
Как я давно не держал
Эти ладони в ладонях.

Некуда нынче спешить,
Нечего нынче стесняться.
Так удивительно жить,
Снова друг в друга влюбляться!

Позднее лето в цвету,
Светлые тротуары...
Тихо в больничном саду.
Пары на лавочках...
Пары...

Рыбинск

ПОЭЗИЯ

Эдуард **БАЛАШОВ**

ВОСХОДИТ МУЖЕСТВО

ВНОВЬ ЖИВУ

Весна спускается с небес
Садами, реками, лугами.
Как небеса, прозрачен лес,
Омытый первыми дождями.

Весна восходит в небеса
Полями, реками, садами.
Плывут деревья облаками.
И в небесах шумят леса.

Уж не по мне ее дыханье,
Огня земного полыханье.
Себя забывший наяву,
Я, как на первое свиданье,
Спешу на первую листву.
Все вспоминаю, вновь живу!

ОПАСНОСТЬ

Опасность — спутник воплощенья.
Она одна не знает сна,
Как вечное светил вращенье,
Как неизбывная вина.

И каждый день мой на планете,
И каждый шаг, что верен мне,
Свершаются в опасном свете,
В опасной исчезают тьме.

Сегодня и вздыхать опасно:
Угарный газ, тлетворный дым.
Но все ж дышу я не напрасно
Опасным воздухом земным.

Пусть кажется, что нет спасенья,
И от судьбы не отвернуть,
И тверди гибельной трясенье
Твердит мне, мол, опасен путь.

Не замечая хляби зыбкой,
Разоблаченный донага,
Я на себя иду с улыбкой,
Как на опасного врага.

БОЛЬШОЕ ДЕЛО

Большое дело — оторопь большая.
Она в союзе с той волной,
Что гонит ветер нетерпенья,
И может прочь снести любого,
Кто не сподобился на дело.
В придачу к ней и страх ползучий,
Пятнистый, скользкий, но — минучий.
Когда на помощь мысль спешит —
Вожак попутных обстоятельств,
Когда из закромов души
Восходит множество мгновенья.
Большое дело начинать
От печки — от начала мира,
И в путь, как тот журавль осенний,
Не знающий конца полета.

ПОЛЕ

Лес враждебный между нами.
Видно, выращен веками
Неизбывный лес вражды.

А за лесом неминучим,
А за временем дремучим
Поля хлебного закат.

Как бы лес ни целил в око,
Как бы ни темнел широко,
Сердце чует край нужды.

Там на поле, там на воле —
Достоянье общей доли —
Там хлеба трудом горят.

СКОРО ЛИ?..

Старец-месяц на ущербе.
Не до нас ему во мгле.
Если тяжко стало в небе,
Каково же на земле?
Жить забором, править спором
Повсеместно люд обвык.
Скоро ли единым взором
Дух поднимет молодик?
Скоро ль сердце ободрится
Новоявленным серпом?
Скоро ль небо удивится:
Не младенец ли на нем?

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ

Далеко еще пахать
До единой пашни.
Далеко еще шагать
До всемирной башни.

Тут и там легли межи.
Там и здесь — границы.
То-то тяжкие гужи
Матери-землицы.

Далеко еще пахать
До большого хлеба,
Перешагивать-шагать
До седьмого неба.

ВОСПОМИНАНИЕ О МОНГОЛИИ

На камне ночи высох срок.
Защебетали птицы утра.
Зарделся нежностью восток.

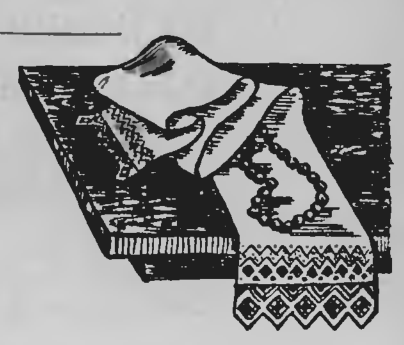
Небесная простерла юрта
Бегущих сновидений кров.
Зари торжественная сутра

Смешалась с хором облаков.
Поверх гортанного базара,
Стирая начертанья снов,

Рассвет улыбкой Дзанбадзара
Откинул тоно с юрты дня.
И Белая взрастила Тара

В степной печи цветок огня.

Москва



Наталья МОЛОВЦЕВА

Рябиновая нить

Рассказ

Наталья Моловцева — молодой писатель из города Новохоперска Воронежской области, где в двадцатые годы А. Платонов строил оросительные колодцы и писал свои прекрасные повести. Человек она одаренный, состоявшийся, имеющий твердую жизненную установку. Ее рассказы реалистичны, пронизаны трепетом перед родным краем, его дивной природой, перед традициями русского народа. Предлагаем читателю рассказ «Рябиновая нить», рекомендованный IX совещанием молодых писателей, участником которого являлась Н. Моловцева.

Мать умирала.

Болела она давно, третий месяц. Уходя на работу, Зойка ставила на табуретку возле ее кровати тарелку с едой — захочет мать поесть, а картошка или каша, вот они, рядом. Поначалу, возвращаясь домой, она находила тарелку чистой: мать все съедала и даже находила в себе силы встать и отнести пустую посуду на кухню. Зойка ругалась:

— Зачем встаешь? Раз мочи нет — лежи. Копи силы.

— Все уж... Откопилась, видать, — неохотно отвечала Прасковья.

Зойка от этих слов пугалась, но тут же бодрила себя надеждой: а вдруг да отлежится мать? В прошлом году так же было: за одну ночь она высохла, побледнела до синевы, и утром к ней потянулись старухи — прощаться.

«Ты уж прости, Прасковья, если обидела чем».

«Ты тоже прости меня...»

К обеду приехал из района сын, для всех — Михаил Трофимович, большой начальник, для нее, матери, — Мишка, насмешник и шалапут.

— Мать, ты что? Ишь чего надумала! Придет срок — я тебе сам назову. А пока не смей!

И мать не посмела: на другой день, поминая бога, села в кровати, еще через день кое-как, с великими трудами, встала, а на третий уже выговаривала снова приехавшему сыну:

— Ты что мне дров не везешь? Раз уж не померла — зимовать у себя буду. В своем доме.

— Мать, да я тебе сразу колотых! — на радостях пообещал Михаил.

«...Может, и сейчас так же? Полежит, полежит, да оклемается», — думала Зойка.

Но лучше Прасковье не становилось. День ото дня замечала Зойка, что еды на материной тарелке остается все больше, а однажды, придя с работы, она увидела, что тарелка с кашей вовсе стоит нетронутой.

— Мам, да ты никак не ела? — взялась ворчать по привычке.

— Аппетиту нет, — глядя в потолок, ответила Прасковья, а когда потом перевела глаза на дочь, та увидела, что они медленно и неостановимо, как роднички, наполняются слезами.

— Мам, ну что ты? Чего плачешь-то? — опустилась Зойка на стул возле материной кровати.

— Бог с ней, с едой... Целый день одна — вот что плохо.

— Так ведь... работа.

— Какая еще работа? — недоуменно, как малый ребенок о непонятном, спросила мать. — Я умираю, а у них работа.

— Так ведь пока за газетами сходишь, да пока разнесешь, — заторопилась Зойка словами, чувствуя, как в душе ее что-то начало падать, проваливаться вниз, образуя немую, зияющую пустоту. — Про смерть, мам, ты и думать забудь. В газетах вон про долгожителей пишут: до ста и больше люди живут. Посчитай-ка, сколько тебе до ста? Полтора десятка! Это сколько еще жизни-то впереди...

— Правда, Зойк?

От надежды, нежданно прозвучавшей в материном голосе, Зойке стало совсем не по себе.

Утром она пришла на почту молча, без обычной своей песни. Начальница, метнув на нее пристальный взгляд, спросила:

— Что, совсем плоха мать?

— Совсем, — без всякой уже надежды согласилась Зойка. — Не ест, не пьет.

«Да если бы только это! — думала она дальше уже про себя, раскладывая газеты. — Если бы только это — было бы полбеды. Аппетит — он всегда так, то уйдет, то появится. А тут... Какая еще работа? Я умираю, а у них работа...»

Невозможные, непостижимые слова сказала мать! За всю жизнь, пока не слегла, был ли у нее хоть один день без работы? Да она эти слова — работа и жизнь — и не разделяла никогда, друг без друга не мысля.

Семеро детей дал бог Прасковье; нарожала она их до войны, Зойка — младшая, родилась уже после того, как отца, Трофима Игнатовича, воевать проводили. Увидеть его Зойке так и не пришлось...

И сколь помнит она в детстве, а потом в девичестве — материн день всегда начинался в четыре утра: доила корову, топила печь, потом торопилась к колхозной скотине.

Рабочего завода Прасковье хватило надолго... Вот только прошлой весной она донимала Зойку: сажай да сажай картошку. Зойка поначалу только руками всплеснула: какая, мол, картошка, другие в твои годы с печки не слазят, а ты...

— Неужто мы тебе картошки не дадим? — принялась она отговаривать мать.

— Как же — в дому живу, а усад пустой будет?

— Да тебе давно уже пора ко мне перебираться. Или, думаешь, сам против будет?

— Ничего я не думаю, а только, пока руки-ноги не отказывают, из дому не уйду.

Пришлось сажать. Уж и казнилась Зойка летом, глядючи, как мать — где внаклон, а где прямо на коленях — полет осот да молочай; прибегая помочь, она то ворчала на нее: «Выпросила себе заботу», то вдруг жалела до слез, потому что догадывалась: отними у матери эту заботу — она забудет, зачем и жить на белом свете...

И все-таки осенью, после Сашиной свадьбы, опять позвала мать к себе. Та завела старую песню:

— Дом-то, Зойк... Дом бросать жалко.

Подтопок с началом холодов Прасковья взялась топить сама. Потом стала дожидаться, когда дочь пойдет на работу да по дороге на почту завернет к ней, выгребет золу, по новой заправит печку. Ей тогда только и останется — угольку подбросить.

В январе поддали морозы. В один из самых холодных вечеров Зойке как шепнул кто: сходи-ка к матери. Приходит — а у той холодина. Сунулась к печке — черным-черна.

— Мама, ты что не подкладываешь?

— Встать не могу.

Тут уж от уговоров она перешла к делу. Сходила за мужем, Санькой, и они на салазках перевезли мать к себе.

...И вот лежит она уже третий месяц. На дворе весна собирается с силами — днем припекает солнышко, по улицам не пройдешь от грязи — а материны силы тают. Как вешний снег...

— Баб, как ты тут?

Прасковья открыла глаза и некоторое время смотрела на внучку молча. Потом разлепила высохшие на нет, спекшиеся губы:

— Ты, Саш?

— Ага, только приехала. Ну, как ты?

— Да вот... помираю вроде.

Зная уже, какими словами успокаивать бабушку — мать предупредила, Саша принялась наговаривать их и, как и мать, с горестным удивлением обнаружила: бабушка верит! Бабушка, которая всю жизнь наставляла ее надеяться только на свои руки да свой разум, ловит каждое слово ее наивного лепета, ее отчаянного вранья. «Бабушка — это уже не бабушка», — пришла к ней невольно пугающая, шальная мысль, но Саша не дала ей обжиться, освоиться в себе. «Не может быть, не может быть, — принялась она гнать от себя мысль-предательницу. — Не может этого быть, потому что вот только, прошлой осенью...»

Прошлой осенью они копали картошку на бабушкином усаде. Приехали почти все ее дети из тех, что живут близко: дядя Миша, дядя Коля, тетя Шура пришла из Ивановки. Ну, и она с отцом и матерью. День был хоть и сухой, солнечный, но ветреный. Бабушке дома одной не сиделось, и она то и дело выходила на огород, стояла, опершись на батожок, смотрела...

— Мам, продует, — говорил кто-нибудь из великовозрастных детей, — шла бы домой.

Бабушка, постояв еще немного, возвращалась, и Саше грустно было смотреть, как она осторожно переставляет палку, выбирает, куда ступить...

Покончив с работой, они наварили молодой картошки, уселись в бабушкином доме за стол. Дядя Миша поставил на стол бутылку. Разлив по стаканам, спросил:

— Мать, пригубишь маленько?

— Нет, робяты. Вы уж сами.

Бабушка сидела у печи, сложив руки на своем батожке, и, казалось, дремала, слушая разговор. И вдруг насторожилась. Это после того, как тетя Шура похвалила:

— Картошка-то, мама, у тебя на славу уродилась.

— А с чего ей плохой-то быть? — живо, как прежде, откликнулась бабушка. — С чего ей плохой быть, если все лето полола?

Помолчав немного, бабушка добавила с ноткой торжества:

— Сама.

— Сдавать будешь? — обрадовавшись бабушкиному оживлению, поддержал тему дядя Коля.

— Сдавать. Мишка вон машину прислать обещался.

— Сдадим, мать! В лучшем виде! — подтвердил сын-начальник. — Готовь чулок побольше.

— Чего? — не поняла дяди Мишиной шутки бабушка.

— Чулок, говорю, готовь побольше, чтобы деньги было куда класть.

— Какой чулок! Внучка вон замуж собралась. На платье надо.

Она, Саша, обрадовалась тогда, а сейчас отчетливо поняла: не для себя — для нее пласталась бабушка все лето на огороде. А она, идиотка, на моря укатила, ей, видите ли, нужно было восстановить силы, затраченные на выпускные экзамены в институте.

...Туго натянутое платье на Саше чуть заметно заколыхалось: кто-то, еще безымянный, ворочался внутри, пробовал свои маленькие пока силенки.

И тут бабушка вдруг сказала:

— Тяжело сидеть-то? А ты ляг. Ложись, ложись... Чего меня сторожить.

«Нет, бабушка — это еще бабушка! — с благодарностью думала Саша, укладываясь на диване. — Все знает, все понимает, все чувствует...»

Когда Саша собралась замуж, подружки дружно завидовали: муж мужем, а ты еще городскую прописку и жилплощадь приобретешь, интеллигентных родичей заимеешь. Шутка сказать: будущая свекровь — преподаватель университета. Это стоит только Саше захотеть — и она вслед за любимым Костей прошмыгнет в аспирантуру...

Мать запаниковала: с такими сватами и родниться страшно. А бабушка... Бабушка только и сказала:

— Люди как люди. Нам руками привычней работать, им — головой. — Потом же, наедине, огорошила Сашу: — А все-таки жить тебе с ними будет трудно!

— Почему, баб? — удивилась она столь быстрой перемене в бабушкиных речах.

— Ты в девках-то сколько просидела? То-то и оно... Одна жить привыкла, все про себя сама решать. А замужем жить...

Бабушка даже помолчала немного — для того, наверное, чтобы Саша прониклась важностью предстоящих слов, и закончила:

— Замужем жить — с мужем все пополам делить. А свекровь да свекра уважать да почитать.

— А как же твое «надейся только на свои руки да разум»?

— Э-э, мила моя... Тут не разъяснишь. Тут уж сама связывай, если сумеешь.

«Я, бабушка, кажется, связала, — думала Саша, засыпая. — Только не знаю вот — прочно ли?»

...В доме шумно и голосисто, и они с Костей сидят во главе стола. Рядом-рядом, близко-близко...

— Горь-ко, горь-ко!..

Родня у Поспеловых большая, от дружного крика стены дрожат. За свадебным столом нет только бабушки — «тяжело уж мне, Саш, не приду».

К бабушке они с Костей все-таки сходили. Отнесли пирогов, конфет; Костя разлил по стаканам шампанское: «Выпейте за наше счастье».

Бабушка помочила губы в шипучей, пузырчатой жидкости:

— Любите друг дружку. Уважайте. А вот вам и подарок.

Она приподняла край лежащего на столе полотенца, и они увидели... рябиновые бусы.

— Ты не думай, Костюшка, на платье я Саше дала. А уж так... вдобавок. Чтобы было у вас деток, сколь ягод на этой нитке.

Костя засмеялся:

— Так это не вдобавок, бабушка! Это — главный подарок!

...И вот сидят они за свадебным столом. На ней нежно-розовое платье (в белом она была вчера, в городе, в первый день свадьбы), и на розовой материи пламенеют рябиновые бусы. Костя смотрит на них и улыбается. И все улыбаются. Костина мама — тоже, только вот... ох, какая сложная у нее улыбка! Что-то она хочет сказать этой улыбкой, но что, что?..

Проснулась Саша от недоумения: как что? Разве она не знает — что?

Поняв, что вопросы свои она задает уже не во сне, а наяву, успокаивается: это теперь она знает ответ, а тогда не знала. Ничегошеньки не знала... Сидела с рябиновыми бусами на шее, и... Нет, опять не то! Разве она была за свадебным столом в рябиновых бусах? Куда там! Едва они с Костей переступили порог, вернувшись от бабушки, как родня дружно навалилась на нее: сними да сними рябину, бабушка уже старая, чего она понимает? «Разве с такими бусами сейчас ходят?»

Она и сняла, и положила бусы в коробку из-под конфет.

Когда в очередной раз навестить мать пришла из Ивановки дочь Шура, Прасковья ее... не узнала.

— Мам, ты что? — тормошила ее Зойка. — Это же наша Шурка.

Но Прасковья глядела пустыми, непонимающими глазами, бездумно переводя их с одного лица на другое. Вскоре дом огласился сплошным безысходным стоном.

Санька, единственный в доме мужик, стал пропадать где-то допоздна, домой являлся чуть ли не в полночь и сразу лез на печь, задергивал занавеску — через кухонную стенку стоны были не так слышны. Женщины же маялись в одной комнате с матерью. Устав за день от

дел и переживаний, они, добравшись до подушек, хотели забыться хоть ненадолго. Но мать не давала. Привыкнуть к ее стонам было невозможно, и, забывая о том, что мать уже не понимает человеческой речи, они просили:

— Мама, дай передохнуть.

Прасковья в ответ опять стонала...

В одну из ночей, очумев от бессонницы, Зойка подошла к материной кровати и, сама не зная зачем, запела:

— Баю, баюшки, баю,

Не ложися на краю...

Кровать была с металлической сеткой. Зойка качала ее и пела. Через некоторое время остановилась, прислушиваясь: стонов не было.

Этим они и стали спасаться: по очереди с сестрой качали мать, напевая песню, и Прасковья на какое-то время переставала стонать, заплутавшись в неверном сне.

Саша засыпала и просыпалась вместе с бабушкой, и от того, что происходило это несколько раз за ночь, сны и явь у нее совсем перепутались.

Однажды она испугалась собственного голоса, выговаривавшего с обидой:

— Как вы не понимаете? У меня умирает бабушка, а я буду спокойно гулять в городском саду? Нет, я поеду в деревню... Переживания отразятся на моем ребенке? Но с каких это пор вы стали его жалеть?

Проснулась она не от бабушкиных стонов — от страха: неужели она говорит это вслух? В доме тихо, все спят. И хорошо... Сейчас и без нее всем хватает переживаний.

Вздохнув с облегчением, Саша даже засмеялась тихонько: надо же, какая она смелая во сне! А в жизни? В жизни смелой была свекровь:

— Саша, у Кости большое будущее, ты должна соответствовать ему! Почему бы тебе тоже не поступить в аспирантуру? Девочка ты способная, я знаю... Ребенок? Господи, да у вас еще целая жизнь впереди!

Она, Саша, только и сказала тогда, едва выговаривая слова от стыда и возмущения:

— Да... но первый аборт опасен.

— Господи, какие глупости! Все зависит от того, в чьи руки ты попадешь. А уж я постараюсь...

Бабушка опять застонала. Потом стоны вдруг оборва-

лись, и в неожиданно наступившей тишине она четко, осмысленно спросила:

— Кто тут? Кто не спит? Несите меня скорей домой.

Прасковья, видно, чувствовала, что очнулась ненадолго, и потому спешила сказать главное, то, о чем раньше говорила между другими речами: «Положите меня дома. Оттуда и понесете...»

В следующую ночь они не ложились — стояли у Прасковьиной кровати, чувствуя, что эта ночь для нее — последняя. Прасковья уже не стонала — даже на это сил у нее не осталось, — а только хватала ртом воздух, трудно, редко. «За что ей такая мучительная смерть, за что? — думала Саша. — Может, как раз за то, что о смерти бабушка думала слишком мало? Вот та и мстит ей...»

В животе опять торкался кто-то, и Саша переводила глаза с бабушкиного лица на свой живот: господи, какой он там? Может, свекровь права, и ей, ради него, не стоило ехать в деревню раньше времени?

Горячие слезы, катившиеся по щекам, стали еще горячее — от стыда...

...Последняя нить, связывающая Прасковью с жизнью, оборвалась на рассвете, и Прасковья наконец перестала чувствовать боль.

Обмывать ее пришла тетка Стеша, соседская старуха. Обмыла и удивилась перемене:

— Бабы, глядите, какая она опять хорошая. Прасковья такая — ничего плохо делать не умела...

Днем Санька съездил в райцентр за гробом, и вечером, потемну, мать понесли в ее дом. Подтаявший за день ледок снова хрустел под ногами, звезды сверху глядели тоже подмерзшие, льдистые.

Топить у матери не стали — теперь ей так было лучше.

И снова — в последний раз — стало людно в Прасковьином доме.

— Кость, ты веришь, что бабушки больше нет?

— Са-ша...

— Странно устроена жизнь, непонятно.

— Это тебе-то? Учителю с высшим образованием?

— А что мы знаем, Кость? Только то, что знаем слишком мало.

— Тебе на философский надо было идти. В университет. А ты по ошибке в пед попала. А впрочем... это хорошо, что ты ошиблась.

— Почему хорошо?

— Представляешь, что было бы, встреться ты с моей матушкой раньше?

— Что?

— У-у... Война миров! Зато теперь — мирное сосуществование.

— Слушай, она действительно смирилась с тем, что ее невестка библиотечные фолианты поменяла на пеленки?

— Думаю, что да.

— А... ты сам?

— Са-ша... Ну сколько можно об этом? Хочешь, дам тебе самую страшную, самую нерушимую клятву?

— Хватит, хватит страшного! Хотя... страшно. Что день грядущий нам готовит?..

Роды начались на рассвете. Зойка слетала за фельдшерицей, та констатировала:

— Скорей в больницу.

Санька приехал с колхозного двора на тракторе — грязно, машина до райцентра может не пройти. Сильных болей еще не было, и Саша, забравшись в кабину, с улыбкой слушала сквозь отчаянный рев мотора, как мать ругается с Костей:

— Ты куда собрался?

— В больницу.

— Пешком?

— Пешком.

— Да ты с ума сошел! Отец отвезет ее, потом за тобой приедет. Шутка дело — семь километров! По нашей-то грязи!

* * *

В палате она первым делом повесила на больничную койку бабушкины рябиновые бусы:

«Ну, бабушка, за первой ягодкой пришла».

Тут началось...

Поначалу, когда накатывала боль, Саша сжимала зубы и впивалась руками в железные прутья кровати — помогало. Когда боль уходила, она говорила себе: это — все, это — предел, сильнее болеть не будет, разве можно — еще сильнее?

Оказалось — можно. Когда начинались новые схватки, она, не выдержав, закричала:

— Не могу! Не могу больше! Помогите!

Вошедшая в палату дежурная сестра раздраженно буркнула:

— У нас не кричат, милочка. Не распускайте себя.

А Саше уже казалось, что ее спина превратилась в обычную деревянную доску и эту доску неведомая, жестокая сила пытается разломать пополам. «Господи, — задохнулась она от боли, — но ведь я же живая! Как же можно: живое — ломать?!» Ухватившись за решетку кровати, она наткнулась рукой на рябиновые бусы. «Бабушка, какие детки? Это выше моих сил! Я не хочу, не могу, не хочу...»

Суровая нитка разорвалась в ее руках, как паутинка, и красные ягоды, освободившись, рассыпались по больничному полу.

— Ты... что?

— У тебя... все в порядке?

— Все. Ты бледный, как полотно. Ты... Из-за меня?

— Если бы ты знала, что я пережил. Ты... Ты больше не будешь рожать. Никогда!

Больничное окно было не совсем чистым, и, может быть, еще и потому Костино лицо казалось таким жалким, таким неприбранным...

Она смотрела и смотрела на него, а потом вдруг засмеялась — тихо, без голоса, одними только глазами.

И вот они снова дома. Позади длинный, хлопотливый день: выписка из роддома, дорога домой, первое купание малышки. «Настенька, — сказал молодой отец. — Мы назовем нашу дочь прекрасным русским именем — Настя».

Теперь, слава богу, ночь, мать с отцом спят на печи, они с Костей одни. Нет, не одни, с дочкой.

Вот она, Настенька, лежит на бабушкиной кровати.

Когда встал вопрос, куда класть дочурку, она без колебаний сказала:

— На бабушкину кровать.

— А... не боишься? — переспросила мать.

— Не боюсь. И качать на ней удобно, если заплачет.

Но дочка, умница, не плачет пока, и можно отдохнуть ото всего, поговорить в тишине.

— Кость, а бусы-то я рассыпала. Те, что бабушка подарила.

— Вот и хорошо, новые тебе сделаю, — горячим шепотом отозвался муж. Она, как и в больнице, засмеялась от этих слов — уже с голосом, но тихо, чтобы не разбудить дочь.

— Кость, а ты дурачок. Хоть и ученый... Да ведь для того, чтобы они не рассыпались, достаточно одной-единственной ягодки...

●

Александр СИЗОНЕНКО

Рассказ

Он был непроглядно черен, чудовищно головаст, с запененной мордой и грудью. Представьте себе громадного жеребца, который, намертво прижав уши, скалясь и раздувая ноздри, несется за вами во весь опор, только чтобы загрызть, растоптать, уничтожить. В тот едва распогодившийся от ненастья день он, лютый Гернега, наводивший страх на всю округу, гнался за мной. Обладал он дикой, необузданной силой, яростно рвущейся из слепых недр темной породы. Страшны были его копыта — пудовые, растрескавшиеся, никогда не знавшие подков. Несоразмерно большие даже для его узловатых, крупных, будто надломленных в каждом суставе ног.

Теперь он вымахивал ими за самой моей спиной, и я, спасаясь от ударов настигавших копыт, зайцем прыгал из одного междурядья подсолнечника в другое, третье... Гернега мчался, покоряясь воле горячившего его кнутом горбатого Приходько — в те тридцатые годы он служил объездчиком, и обязанности свои исполнял с истовым, неусыпным рвением — бывало, за несколько сорванных колосков порол моих сверстников до беспамятства.

В степь Приходько отчего-то всегда выезжал в белой полотняной сорочке, будто дал кому-то зарок никогда ее не менять, так и войти вместе с ней в вечность. Зубы у него были стальные, и в таком множестве, что уж и не умещались во рту, и оттого верхняя челюсть, выпячиваясь в акульем оскале, зловеще нависала над скошенным подбородком, над белой сорочкой и черным жеребцом.

Этот жуткий симбиоз человека и зверя, как дикий кентавр, мчался за мной потому, что я сломил в поле подсолнечник — сорвал большую, как решето, туго набитую семечками корзину...

Земля под подсолнухами, множество раз изборожденная трактором, была после дождя мягкой, как пух, Гернега уходил в нее по самые бабки, а я летел междурядьями, едва касаясь ее поверхности, оставляя на ней лишь легкие следы босых ног. Злое дыхание жеребца обдавало мне шею страхом, обволакивало затылок и плечи, и я метался меж стебельчатыми подсолнухами, сквозь которые Гернеге приходилось с треском проламываться, обдирая горячую грудь и живот.

Уж и не знаю, как это мне повезло уйти, укрыться от той дикой, жестокой погони. Может, чудом каким Гернегу с Приходько перехитрил. А может, выскочив вдруг на простор — прямо на работавших в поле молотильщиков, Приходько опамятовался и не стал на людях топтать мальчишку...

Я зарылся в копну, в ее пахучие влажные недра, счастливый избавлением от страшной расправы, и мне уже не хотелось сладковатых семечек из молодого подсолнечника, наоборот — именно теперь я почувствовал себя настоящим злодеем перед всем миром, потому что, кроме той корзинки, что я сорвал, сколько подсолнухов было сломано, изувечено, вырвано с корнем Гернегой. Обвиняя во всем самого себя, я так и уснул в теплой, хорошо прогретой солнцем копне, уснул непрощенным грешником. А когда проснулся, страх овладел мной еще сильнее: ведь пока я спал, Приходько наверняка рассказал о моем злодеянии отцу, а там небось и в сельсовет заявил. Вот так закончилась моя мальчишеская беззаботная жизнь, и началась какая-то иная, несчастная.

Когда я, крадучись, будто тать, под вечер пришел к молотилке, мама бросилась ко мне, обняла крепко и, уж наплакавшись вволю, спросила: где это я так заигрался, вон, мол, и затируха, которую она оставила мне на вечер, остыла. И, уже смеясь, погладила по голове.

— Ну, хоть выспался за все недоспанные ночи. Да только чего это ты будто в воду опущенный? Что приключилось?

Приходько на току не было, почему-то он не приехал искать меня или моих родителей. Может, понял, что сам натворил бед той погоней?

А потом довелось мне увидеть гибель Гернеги. Это

было уже в иное, но такое же знойное лето. Пруд высох, из криниц повычерпывали даже ил, и только колодцы, выкопанные первыми поселенцами с обеих сторон пруда, поили людей и скот. Колодцы были глубиной по триддать шесть саженей каждый, черпали из мощных потоков подземных вод — село наше стояло на водоразделе меж Днепром и Южным Бугом. Колодцы были выложены пиленым камнем-известняком, снабжены специальными деревянными барабанами с металлическим тросом и огромными бадейками. Этот нехитрый механизм срабатывал безотказно. Трос наматывался на барабан и тянулся к маховикам, насаженным на крепкие столбы. И вращала этот механизм лошадь, поднимая из глубоких недр деревянные бадьи с водою — сразу по сорок-пятьдесят литров: полная бадейка идет вверх, а порожняя — вниз. Время от времени лошади давали отдохнуть, как на вспашке.

На нашей улице колодец стоял напротив кузни и дома Фанасия Кионы — темнолицего, скуластого, молчаливого. Днем он ковал, а ночью читал. Особенно долго светилось его окно длинными зимними ночами. Казалось, он все знал обо всем на свете. Не было ни одной хаты, ни одного двора, где бы он что-то не сделал, а на земном шаре не существовало материка, океана или горного хребта, о которых бы он не знал что-то особенное, таинственное, сказочное. Зимними вечерами рассказывал он про звездное небо, про далекие планеты и еще более дальние галактики.

Когда Гернега вместе с водовозкой упал в колодец, Фанасий Иванович куда-то отлучился из дому, к тому же и ночь наступила давно. Точнее, она и не наступила даже, а моментально упала: такое бывает только в жатвенную пору, когда заря зарю догоняет и люди всем селом уходят в степь. Когда выпал час Гернеге погибнуть — а случилось это как раз в молотьбу, все, только что видимое в ясных очертаниях и красках, мгновенно обратилось в такую тьму, что на шаг ничего не было видно.

Я как раз бежал вдоль пруда, мимо камышей и усадьбы ехидного, щедрого на всякие подначки деда Гриня Гордиенко, когда послышался вдруг какой-то неясный шум, будто бы тяжкий вздох неведомого великана, и я замер в испуге, как вкопанный. Потом раздался обвальный треск, за ним — гулкий удар, и тут я понял, что

что-то неимоверно тяжелое проваливается туда, вглубь, в самые недра земли.

Не чуя ног под собой, бросился на звук и едва не налетел на тот самый, знаменитый Киониевский колодец. Из его глубин, будто из самого чрева земли, доносилось тяжелое пырханье и всплески черной воды. Приглядевшись, прислушавшись, понял я наконец, что там из последних сил выбивается упавший в колодец Гернега. Он плавал по кругу, вдоль темных, глубоких стен колодца, а водовозка тянула его на дно. Как Гернега упал в колодец? Или подвели его слишком близко, чтобы удобней было наполнять водовозку, или он сам оступился в черную прорву? А водовоз позорно сбежал... Это был, несомненно, Приходько, конечно же, Приходько — ведь он с Гернегой не разлучался.

В кромешной тьме лежало немое и, казалось, всеми навеки покинутое село. Мне стало жутко. Я лег ничком, наклонился как можно ниже и еще раз, яснее уже, увидел длинный круп Гернеги, его большую голову, которая даже в пугающей глубине не только не уменьшалась, а даже будто выросла еще больше и еще больше напоминала чудовище. Он был неимоверно сильным, этот зверь; многих в селе Гернега покусал, и раны от укусов — глубокие, рваные — долго не залечивались. И вот теперь он сам попал в беду, очутившись в бездне колодца, — отчаянно пытается выплыть, все еще надеется на свое спасение. Но выплыть, конечно, он уж никак не мог, хотя и обладал могучей силой. И я понял, что наступила пора его страшной погибели.

Перепуганный, я бросился во двор к Фанасию Ивановичу. Пусто! Киониха вместе с нашей теткою Елизаветою варила борщ в бригаде, а сам Фанасий Иванович был, конечно, там, где машины, где всегда нужно было что-нибудь налаживать, ремонтировать. Но Гернега-то еще плавает, его же надо как-то спасать... «Люди!» — хотел крикнуть я. Люди ведь все могут сделать, всех на свете спасти. В детстве крепко я верил в это, и когда умирал мой отец, верилось: стоит созвать людей — и они вернут ему жизнь.

Я побежал к Грине, наперед зная, что и это — дело напрасное. Но у него — у одного на все село! — светилось окошко... Гринь Гордиенко всегда был торгашом — стоял за прилавками кооперации, потребительских товариществ и просто лавок — еще при нэпе. Бежал я на

недобрый огонек и вспоминал, какой Григорий Иванович все-таки ехидный и как он любит над людьми насмехаться. Когда селяне, бывало, спрашивали у него, не завезли ли, случаем в кооперацию товаров на «пшеничные рубли», то есть за сданную государству пшеницу, он, хитро прищурившись, непременно осведомлялся с издевкой:

— А разве еще есть и ржаные рубли?

Доведись кому из селян оказаться на безденежье и пойти, ломая гордость, к нему на поклон — Гордий вынимал старое кожаное портмоне, долго, приосанившись, шелестел на глазах у просителя новыми ассигнациями.

— Есть, а как же. Каждый порядочный человек должен иметь деньги, а у вас, значит, нету? — и прятал портмоне во внутренний карман пиджака, тем и прекращал дальнейший тягостный разговор.

Вот таким был Гордий, к которому и прибежал и, не переводя дыхания, крикнул с порога:

— Гернега упал в Кионин колодец! Надо спасать! — Я стоял, освещенный керосиновой лампой, но Гордиенко, которого все за глаза прозывали Гордием, меня сразу вроде бы и не заметил.

— Ну и что? — помолчав, спросил он, не спеша доедая вареную курицу, и пронзил меня своим вопрошающим ироническим глазом. — Не я туда его загнал.

— Но надо же его как-то спасать! Он ведь утонет!

— Чего ты кричишь, — спокойно сказал Гордий. — Ты лучше телепню, который загнал жеребца в колодец, — ткнул Гринь вилкой в окошко, — вот тому телепню поди и скажи. Можешь и крикнуть: «Спасай! Ты ж его хозяин!» Видел ты его?

— Нет... Не видел... Когда прибежал, там никого не было, только один Гернега плавает в колодце, фыркает и стонет.

— Убежал, значит, подлый горбун. Испугался. А Гернега, что ж... И будет фыркать, и стонать будет, пока совсем не утонет.

— А может, Приходько людей сзывает? Так и мы поможем?

— Людей в селе нет. А которые есть, те давно спят, а не слоняются, как ты, полуночник.

— Так и будет Гернега плавать? Аж до утра?

— До утра вряд ли — сплов не хватит.

— Надо же как-то спасать!

— Спасать? Нет, малый... Так тому горбуну и надо... Может, посадят наконец подлюку. У меня спина по сию пору помнит плетку его родителя. Такой же вот изверг был, да при раскулачивании сгинул. А сынок ту, папашину, землицу охранять подрядился. По сию пору гундит: «Я, мол, свое еще возьму!..» Вот и взял... Не на людях, так на жеребце колхозном отыгрался...

Из колодца, к которому я возвращался, могучее всхрапывание Гернеги доносилось все сильнее, оно уже смешивалось с фырканьем, все чаще прорывался то ли вздох, то ли стон. И тут далекая луна стала медленно выползать за далеким Явкинским шляхом, по которому когда-то чумаки ездили в Крым. Еще немного — и луна печально отразится в темно-фиолетовом испуганном глазу жеребца. Моего врага... Врага ли?

И вдруг меня осенила мысль: не Гернега виновен в той погоне-расправе. Его гнал, стараясь меня затоптать лошадиными копытами, Павло Приходько — этот клеветник и трус, эта погань, горбун, похожий на краба. Но он будет жить, а Гернеги не станет. Погибнет Гернега. Останется жить тот, кто много лет держал в страхе все наше село, денно и нощно находился «при сполнении»...

Я наклонился снова к колодцу, припал к самому его краю и в сиянии луны намного отчетливей увидел Гернегу. И казалось, тяжелая, громадная голова на долгой шее по-прежнему угрожала мне. Но что это? Он заржал... Заржал коротко, сердито и умоляюще одновременно. Мне навсегда запомнилось то короткое ржание.

А утром, когда люди пришли к колодцу, Гернега черной лоснящейся горой лежал на поверхности воды, и в мертвом его глазу, будто холодный осколок, застряла луна, что горюч-светом светила ночь напролет...

Уж многое быльем поросло — и такое, что, казалось бы, вовек не забыть, а в памяти по-прежнему цепко сидит Приходько на своем Гернеге, будто и не слезал никогда, все что-то стережет, кому-то грозит, карает самосудно. И кажется порой, что такими и пребудут они навеки — хоть и не вспоминай против ночи: сплошь черный, без единого пятнышка жеребец и взгромоздившийся на него горбун с тщедушным по-детски телом.

Перевел с украинского
Иван КИРПЕЛЬ

Анатолий ЯКОВЕНКО

Рассказы

ПРИБЛУДНЫЙ

Невесть откуда взявшийся Тюлькин уже давно жил в нашем поселке отшельником. На краю озера, среди одичалых заброшенных огородов и в одинокой полуразвалившейся землянушке. С виду он тоже мало чем походил на обычного человека. Носил одни и те же обвисшие просаленные брюки, фуфайку и стоптанные затасканные сапоги. В зеленых кошачьих глазах угадывалась холодная постоянная затаенность.

Но, несмотря на это, все к нему уже настолько привыкли и пригляделись, что редко когда вспоминали и удостаивали каким-то вниманием. Вреда он никакого не приносил, не надоедал и не лез на рожон. Если и покупал в магазине банку бобов или рыбину, то все хорошо знали, что берет на свои, потому как зарабатывал их по соседним колхозам, ремонтируя рамы в телятниках, заборы и прочую мелочь.

Я тоже поначалу не обращал на него особого внимания. Тем более что жил большую часть времени в городе и наезжал к себе домой лишь за тем, чтобы повидаться с матерью, побродить по родным местам. Завернул как-то к нему и был крайне удивлен и даже подавлен увиденным в его лачуге. Почти вся глина на стенах обсыпалась, потолок прогнил, а там, где когда-то был пол и можно было ступать на ровные доски, чернела твердая утоптанная земля. Тюлькин лежал прямо в фуфайке и сапогах на стоявшей в углу кровати. Причем матрац под ним и подушка были такими грязными и изорванными, что походили на самое настоящее тряпье.

Рядом с кроватью зияла огромная пустая яма. Когда-то она служила погребом для прежних хозяев. Но теперь все доски над ней тоже были сорваны и пущены, вероятно, в печь. А та из них, которая все-таки уцелела, служила ему как бы перекидным мостом.

Самым странным и непонятным во всем этом было то, что Тюлькин отнюдь не относился к разряду людей, которые попросту не способны оценить такой беспомощности и опущенности. Напротив, он очень чутко улавливал, понимал и даже иронизировал по поводу этакого своего положения, и потому у меня уже после первых фраз зародилось сомнение и некая настороженность к чему-то еще совсем не ясному и искусно скрываемому.

— Знаешь, Тюлькин, — сказал я ему. — А ведь ты не зря так живешь, на уме у тебя что-то явно недоброе.

— Чего уж там на уме, — возразил Тюлькин. — Тоже скажешь еще... надоело мне все кругом, кажется, и не шевелился бы, если брюхо не надо было бы набивать. А брюхо набьешь, бабы голые во сне начинают канючить. Вот и все тут мои радости и прегрешения.

— А так ли уж все? — не поверил я. — Не слишком ли обкрадываешь себя?

— Исповеди возжелал, — тихо говорил Тюлькин. — Не торопись, вшивый, в баню... она еще про тебя нетоплена. Я за собой сам все знаю и как-нибудь уж без околоточных обойдусь.

— Убил ты кого-то, — рассуждал я вслух, — теперь прячешься...

Тюлькин весь побелел, приподнялся и обжег меня долгим взглядом, что я тоже невольно вздрогнул и привстал с подоконника. Но уже через минуту все его обострившиеся черты приобрели безразличное дремотное выражение. И он лишь вымученно усмехнулся, пошевелил губами, посопел, не обронил ни единого слова.

С этой поры между нами установилось что-то вроде постоянной негласной связи. Она затухала и притуплялась только тогда, когда я уезжал отсюда и совершенно не думал о всей этой истории. Но стоило мне вернуться и где-нибудь встретиться с ним, как во мне заново вспыхивало какое-то смятение и беспокойство.

Тюлькин же, словно угадывая и опасаясь, всякий раз останавливался, сводил свои тяжелые нависшие брови и подолгу косился на меня. Потом все так же вымученно усмехался, отходил в сторону и, кивая или уступая дорогу, тут же пропускал мимо себя и многозначительно покрякивал мне вслед.

Однажды, проснувшись среди ночи и выйдя по какому-то наитию во двор, я наткнулся на него возле угла сарая. Он стоял прямо под дождем и, уставясь на темные

затворенные окна, неподвижно и вместе с тем напряженно всматривался в них. Но как только оторвал взгляд и увидел меня, сразу же потерялся, выпрямился и с минуту молча переминался с ноги на ногу, затем вынул из кармана руки, потоптался немного и попробовал проскользнуть поближе к забору.

— Ты чего это забыл здесь? — остановил я его. — В гости решил наведаться? Так не с той стороны заходишь. Да и время выбрал что-то уж слишком позднее.

— Когда же еще? — отчаянно бросил Тюлькин. — Мне такая слякоть на руку... ни следов, ни собачьего лая... Никому и в голову не придет, что кто-то у тебя по задворкам ходил.

— Выходит, что ж, — продолжал я, — разгадал тебя... волчьи-то повадки сказываются.

— Уж как знаешь, — сказал Тюлькин. — Хозяин — барин, может, чего и было, да только уж все быльем поросло. Поди-ка теперь проведай, что к чему.

Я еще раз посмотрел на него и, чувствуя, как внутри у меня что-то сжимается и холодеет, все-таки сделал над собой усилие и заставил себя сдержаться. Тюлькин тоже несколько поспешно надвинул на лоб шапку, вобрал голову в плечи и так же крадучись направился через весь двор в сторону калитки.

Уснуть в ту ночь я так и не смог. Мне было неприятнее всего сознавать то, что я сам себя поставил в это глупое положение. И хотя бы действительно хотел докопаться до какой-то истины, а то ведь все вышло чисто случайно, не загляни я к нему в тот день, у меня бы и не возникло ничего подобного. Теперь вот нажил себе столько лишних хлопот, что даже не знал, как мне быть дальше. Кроме собственных догадок, у меня никаких доказательств. В нелегком мучительном состоянии я провел еще несколько дней, затем не выдержал, махнул на все рукой и уехал в город.

Когда снова собрался и приехал назад, то, к немалому изумлению, узнал о том, что Тюлькин замерз зимой и что вскоре после этого открылась и вся его тайна. Поведала о ней приехавшая из соседнего Бускуля бывшая его сожительница. Больше двадцати лет назад он взялся выгораживать свою сестру и, заметая следы, подпалил впопыхах магазин, где она проторговалась и где сгорел вместе со всеми ящиками спавший там сторож. С тех пор

Тюлькин-то и вынужден был распрощаться с родным леспромхозом и проводить тут у нас на чужбине нелегкие деньки.

Но еще больше меня поразило другое. Это то стечение обстоятельств, при котором он был препровожден в последний путь, и то, быть может, слишком уж необычное суровое воздаяние, которое только и выпадает на долю таких вот, уже окончательно потерянных, отверженных людей.

Его подобрали неподалеку от дома в фуфайке, сапогах, припорошенного снегом. Из всех вещей, бывших при нем, нашли один, уже изрядно потертый, источившийся портсигар. С ним его и увезли в районную больницу на экспертизу. Только на третью неделю о Тюлькине вспомнил сельсовет и забрал хоронить, но и здесь-то он попал в руки к самым разгульным непутевым мужикам. Прокутили выделенные им деньги, продержав его еще больше суток в кузове на морозе, и уж только после этого взялись за порученное дело. Выдолбили кое-как на полсажени яму, стащили вместе с одеялом на землю и столкнули туда скрюченного и безо всякого гроба, воткнув крест с чьей-то старой занесенной могилы.

ПУТЕВКА

Всего неделю Насте и довелось пожить в санатории. А уж в начале второй ее поджидал совсем непредвиденный сюрприз. К ней вдруг подсела на скамейку одна из вновь прибывших и, узнав, что та из знакомого ей поселка, тут же вся вытянулась, округлила глаза и, расстегнув свой модный удлиненный пиджак, все так же многозначительно повела плечами и загадочно усмехнулась.

— Из самой Чесмы? — переспросила она. — А я ведь там одного человека очень хорошо знаю.

— Кого же?

— Голикова Андрея... шофера! Он возит ваше районное начальство.

Настя сразу вся вздрогнула и даже несколько потерялась от такой неожиданности. Но в следующее мгновение пересилила себя, поправила пучок туго стянутых волос и, не желая раскрывать все раньше времени, лишь еще раз подобралась и приняла спокойное выражение лица.

— А я соседка его, — вырвалось у нее как-то совсем ненароком.

— И как же он поживает?

— Как жил, так и поживает.

— Все с той же? — не унималась ее новая знакомая.

— С той, — снова постаралась не подать вида Настя. — А с кем же еще?

— Да-а, — протянула та как ни в чем не бывало. — Такой мужчина!.. Как объявился у нас в Магнитогорске, так я уж его не упустила. И если б ему дать знать, то и сюда бы примчался. Считай, со мной только и испробовал настоящей услады.

Настя вдруг откинулась, качнулась и, кусая вмиг побелевшие губы, резким рывком поднялась на ноги и некоторое время лишь стояла еще с каким-то немым вопрошающим видом.

— Да я ведь не соседка, — выдохнула она наконец. — Я жена его... и устроила бы вам свиданьице. Но вот только он уж больше года как в сырой земле лежит.

И тут же, повернувшись и ничего уже не видя перед собой, побежала вниз по усыпанной мелким свежим песком дорожке к озеру.

Но у самой лестницы остановилась, ухватилась за перила и с минуту судорожно держалась за их скользкие отсырелые бока. Затем вновь повернулась, откинула полы мешавшего ей плаща и тут же поспешно устремилась к своему корпусу.

Проскользнула на второй этаж, открыла комнату и, не застав в ней никого из соседок, упала поверх покрывала и дала полную волю чувствам.

Всю грудь ее по-прежнему что-то нестерпимо сдавливало. Настя все еще никак не могла поверить всему случившемуся. Ведь с тех пор, как познакомилась с Андреем и получила родительское благословение, ни разу не сомневалась в его искренних отношениях к ней: и в

первые годы, и гораздо позднее, когда пересел с бортовой на «газик» и стал возить райкомовское начальство. Он куда бы ни уезжал и сколько бы ни отсутствовал, но без гостинцев никогда не возвращался. Да и про хозяйские дела не забывал: и сена успевал накосить, и дров на целых три поленницы заготовить. А уж все остальное держалось на ее не ахти каких всесильных женских плечах. И она, помимо семенной лаборатории, поспевала еще за всем по дому: и с коровой управлялась, и за двумя сыновьями доглядала. Даже картошку, и ту нередко приходилось копать самой со свекровью, без него.

Никогда не жаловалась, не обижалась за это на Андрея, считала, что так и должно быть. Он все-таки хозяин и глава семьи! И ей надо только доверять ему во всем, так как не было для нее ничего важнее семейного очага, да чтобы дети росли здоровыми и было взаимное согласье.

Хотя в последнее время Андрей несколько изменился. Он все чаще и чаще стал возить начальство на охоту. Почти каждый раз возвращался уже в самую темень. Вгонял машину во двор, тяжело поднимался на негнущихся ногах на крыльцо и, прихватив из чулана пуховую запасную подушку, сразу же валился за печку — прямо на пол.

— Что за праздник сегодня? — поднимаясь с кровати и отодвигая тонкую ситцевую занавеску, не выдерживала Настя. — Что за выпивка?

Андрей поднимался с трудом, виновато опускал голову и, теребя свою темную густую шевелюру, тут же бросал:

— Да опять за утками лазил, пришлось малость пропустить для сугрева.

Вот и не уберег в каких-то сорок пять бедовой головушки. Слишком уж рьяным и преданным хотел оставаться для своих покровителей. А те-то стояли на бережку в теплых стеганых куртках и сапогах. А он продирался в одном белье по ледяной болотной хляби. Пока в конце концов совсем не застудил легкие и потом уж так и не поднялся после запоздалой операции.

Настя никак не могла пережить горе. Исхудала, осунулась и вскоре вынуждена была перейти из лаборанток на водокачку. На ней теперь лежали все хлопоты и

заботы семьи, надо было добывать самой и как-то поднимать детей.

Кроме того, старшего отправила в техникум. Младшего же нередко таскала за собой, потому что свекровь стала прибаливать, контроля за ним никакого, а ночевать в пустом доме он ни в какую не соглашался.

В одно из ее дежурств заклинило насосы. Нагрянул сам председатель райисполкома. Походил между боками, осмотрел все и, заметив прикорнувшего на скамейке Настиного сынишку, спросил:

— Чего это пацан с тобой?

— Не с кем оставить, — призналась Настя. — Свекровь в больнице... да и краны поможет завинтить.

Председатель насупил брови, потоптался на месте немного и ушел, а ровно через неделю вызвал ее к себе и предложил бесплатную путевку в санаторий. Настя знала, что Андрей как раз его-то и раскатывал чаще всего по болотинам. И поначалу лишь потупилась и долго не могла ничего сказать от этакой его столь внезапной сердобольности, но затем выпрямилась, одернула толстую вязаную кофту и уже как-то непроизвольно дала согласие.

По дороге же в санаторий заметно волновалась и все чего-то побаивалась. Ей еще ни разу не приходилось бывать на курортах. Но сразу по приезде все ее сомнения развеялись, потому как врач оказался очень приветливым, залы и кабинеты необычайно уютными и все вокруг вызывало радостное ощущение. Скоро получила весточку от сынишки, и на душе ее еще больше потеплело. Он писал об оценках и о том, как помогает бабушке во всех домашних делах. Встречает из стада корову с овечками, таскает ведрами воду из колодца, по вечерам успевает еще колоть напиленные чурбаки.

Утром Настя поднялась с первыми лучами. Наспех собрала чемодан, застелила постель и, не желая ничего видеть и ни часу больше здесь оставаться, неслышно затворила за собой дверь, спустилась по мягкому широкому ковру вниз и направилась в сторону шоссе. Дождалась рейсового автобуса, примостилась на свободное место и уже до конца с той же непроходящей горечью думала об Андрее. После его смерти не было такого дня, чтобы она не вспоминала о нем, а каждое воскресенье наряжалась в подаренное им платье и неизменно шла к нему на кладбище.

— Да что ты уж впрямь, — останавливали ее наиболее участливые старухи. — Все кого-то теряют... нельзя же так себя до белого колена изводить.

Но Настя никак не могла забыть своего Андрея. Она испытывала к нему трепетное неизгладимое чувство. И вдруг так вот разом перевернуть все...

Домой добралась перед самым вечером.

— Ты чего это так скоро? — встретила ее на пороге свекровь.

Но Настя молча прошла в горницу, остановилась перед шифоньером и, распахнув сразу обе тонкие скрипучие створки, принялась с каким-то ожесточением выкидывать всю одежду Андрея.

— Да ты что? — по-прежнему ничего не могла понять свекровь. — Какая муха еще тебя там... забесилась-то!

— Забесишься, — бросила Настя. — Верила и молилась на него, как на божницу. А он, оказывается, на стороне еще со всякими удовольствие справлял.

— И откуда ты такое откопала?

— Оттуда, — продолжала Настя. — Сама залетка его встретилась и поведала обо всем. И как в Магнитку к ней наезжал... и как любил ее жарко.

Но свекровь искоса взглянула на нее и утерла кончиком косынки уголки губ. Потом опустилась на стул и, стараясь не выдать охватившего ее смятения, как-то сокрушенно вздохнула и покачала головой.

— Ой, девонька, — сказала она через некоторое время. — Да чего теперь понапрасну ворошить? Был бы лучше живой, и грело бы тебя красно солнышко. А эти все побасенки ни к чему... мало ли чего можно навыдумывать.

Настя постояла в тишине немного, окинула все сваленные вещи и, не в силах больше оставаться возле них, повернулась и быстрыми нетвердыми шагами подалась к двери.

Остановилась во дворе возле белой, аккуратной баньки и прислонилась к стене. Впереди хорошо виделись стоявшие у самого обрыва дома. За ними во все небо багрово

пылало занимавшееся полымя. И все здесь было таким же близким и привычным. И Настя с сожалением думала о том, что зря поехала по этой путевке. Прожила жизнь и не трогалась. А тут только разбередила душу...

Сбоку, со стороны короткой узенькой улочки, должен был вот-вот показаться сынишка. Он возвращался обычно в это время из школы. Настя хотела поначалу обо всем рассказать, но после разговора со свекровью внутри ее что-то дрогнуло и даже вроде бы как приглушилось.

Полымя над обрывом все разгоралось. Вдохнула родного воздуха и никак не могла надышаться, и чем дольше она стояла, тем все больше и больше поездка казалась ей каким-то странным неправдоподобным наваждением.

●

ПОЭЗИЯ

Леонид ГОРЛАЧ

БЛАГОТВОРНЫЙ ОГОНЬ

УЗКОКОЛЕЙКА НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Снега. Морозно. Стылая земля.
Разлапистая хвоя колко гнется,
пружинится и скользко стежка
вьется,
захлестывая сердце, как петля.

Метелью сизой взято небо в плен,
сместилась в круговерти
перспектива.
Но сквозь пургу чугу́нка терпеливо
диагональный намечает крен.

Студено. Вьюжно. Кажется, вот-вот
и все вокруг схоронит снег
постылый.
Но в ельнике повизгивают пилы
и топоров клекочет пулемет.

Там снова — бой. Там, в чаще,
где буран,
как волк на плечи прыгает, сбивая,

струится в полумертвых кровь живая,
почти бессильным дух великий дан.

Пусть звон идет от ледяной земли,
пусть белые кусают злобно мухи —
отчаянно, как гвозди в гроб разрухи,
ты забиваешь в шпалы костыли.

На эти шпалы лечь способен ты,
когда не хватит рельсов. Что там боли!
Ведь надобно по рельсам твоей воли
спасительному поезду пройти.

Там, вдалеке, безмолвно стынет Киев,
сияя, как холодная звезда...
И рук рабочих жилы-провода
гудят, и пот струится, очи выев.

В недоуменье вьюга и мороз:
ползет, ползет вперед узкоколейка...
Откуда ж столько здесь у человека
упорства, силы, ярости взялось?!

Зима. Метельный двадцать первый год.
Жжет душу память пламенем пылая,
сквозь огненное сердце Николая
в грядущий век состав, гремя, идет.

ПРИСЯГА

Валентину Колеснику

Над лесом тучи сходятся в куртину,
висят тяжелой стылою грядой.
— Здоров, сынок! — отец промолвил сыну. —
Какой же ты в шинели молодой!

Торчит под шапкой худенькая шея,
висит шинель, как будто на шесте.
Обувка хороша... Чтоб потеплее,
такую б мне в сороковые те!

А сын стоит недвижно и к шинели
плотнее прижимает автомат.

Снежок пошел. Подрагивают ели.
Стоят солдаты рядом — к брату брат.

Над четким строем кружится пороша.
За белизной темнеет небосклон.
Отец на сына смотрит, будто тоже
присягу нынче принимает он.

* * *

К чему мне городов заморских чары,
где бродит за тобой твоя же тень.
Мне киевские дороги бульвары
и над Днепром сияющая звень,

и ветер, что от леса и от поля
доносит в Киев аромат хмельной,
и отчий край, единственный, как доля,
отождествленный с целым миром мной.

ПРОСЬБА К ОСЕНИ

Пошли нам ясных дней — за грозы,
за все тревоги, за беду,
чтобы украинские розы
росли у мира на виду.

Чтоб не пугали мир ни взгляды,
ни ветры с нашей стороны,
чтоб люди были солнцем правды
согреты и освещены.

Пошли согласье белу свету,
земле и водам — чистоту,
пошли с народами беседу
нам на калиновом мосту.

И сохрани нам нашу память.
Беспамятный народ — что сброд!
Чтобы не стали снова ранить
нас молнии былых невзгод.

* * *

Здесь трава ощущает собою
вековечную силу земли.
Здесь горят огоньки зверобоя,
много раз отражаясь вдали.

И река сквозь камыш серебрится,
будто рыбья блестит чешуя,
и душа, словно сонная птица,
оживает от светлого дня.

— Утро доброе! — день привечаю
на земле, данной предками мне.
И судьбу свою солнцу вручаю,
в благотворном купаясь огне.

Киев

Перевел с украинского
Владимир ЕВПАТОВ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Хусто Хорхе Падрон — один из ведущих представителей нового поколения испанских писателей. Поэт родился в 1943 году в Лас-Пальмас на Канарских островах. Изучал философию, право и другие гуманитарные науки в университетах Барселоны, Парижа, Стокгольма и Осло. Позже занимался адвокатурой в родном городе, но затем полностью посвятил себя литературе. Хусто Хорхе Падрон — основатель и главный редактор международного журнала «Эквиваленсиас», генеральный секретарь ПЕН-клуба Испании, член-корреспондент Парижской академии Малларме, Неаполитанской академии, Североамериканской академии испанского языка, почетный член Всемирной академии искусств и культуры, член международного Комитета по проведению всемирных съездов поэтов, один из учредителей европейских поэтических фестивалей. Произведения Хусто Падрона переведены на тридцать языков и удостоены многих международных премий, среди которых премия Европы, премия Шведской академии, премия Испанской Королевской академии, премия Воскана. Хусто Падрон является ведущим испанским переводчиком скандинавских литератур. Поэт неоднократно бывал в Советском Союзе, в 1987 году он был участником московского международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества».

Поэзии Хусто Падрона присущ глубокий внутренний психологизм, его лирика непроста и многозначна, так же как сложен и многомерен современный мир человеческой души в его границах между раем и адом бытия, поэта волнуют вечные темы исторических судеб человечества и одновременно драматизм обретения счастья и поиски безнадежно утраченной любви.

Наиболее известная и признанная книга Хусто Хорхе Падрона «Круги ада» произвела в свое время настоящий бум в литературно-общественных кругах Испании и многих европейских стран. Зачинатель новой латиноамериканской прозы Хорхе Луис Борхес писал, что эта книга впервые за долгие годы заставила его глубоко переживать, сострадать и плакать. Предлагаем вниманию читателей «Молодой гвардии» несколько стихотворений из «Кругов ада».

Хусто Хорхе ПАДРОН

ГОРОД СМЕРТИ

Здесь расположен город,
который нельзя придумать
ночью, страшась сновидений.

В полоске воды неподвижной
всплывает из-за тумана.

Лачуги из черных елей,
расщепленные деревяшки,
мертвенный мир склепа.

Свалки, разрытые бурей,
лохмотья непознанной бездны,
корки спекшейся крови.

Испепеленные горы,
скелеты деревьев гниющих
тянутся из-подо льда,
как руки душителей зверских.

Смотрю в необъятность
без неба и звезд.
От малейшего звука
лопнет воздушная сфера.

Что толку в поисках жизни:
вольной волны переливов,
благоуханья деревьев,
солнца и голоса человеческого.

Вымерло все.
Нет выхода из лабиринта.
Земля отражается в будущем
видении преисподней.

МЕЧТА О ВОЗВРАЩЕНИИ В ДЕТСТВО

Он оказался в деревенском доме, —
вдогонку детству.
Там было замечательно и ярко:
лето, трава сверкала,
ясные горы, гордые птицы,
бабочки, радужные водопады.
О детской поре он мечтал,
в несравненный мир погружаясь.

Но никогда не вернуть того лада,
на других непохожего,
все они — бесподобны.
Никогда ни живительных дуновений,
ни прекрасной щедрости света,
ни слоистого аромата
чудесных воспоминаний не будет.
И хотя
запоздало его тысячелетнее возвращение,
не смогли его уничтожить.
Он встретил ветер и птиц радушных,
листья затрепетали,
ключи сильнее забили.
Зеленое благоухание ветра,
фрукты, цветы, родники — навстречу.
Вернулся, вернулся! — ликует долина.

ЗЕМНАЯ ЖЕНЩИНА

Где, как ее найти?

Тело ее благоухало,
пьянило зарницы сумрачной ночи.
Трепет мучительной жажды,
шепот пылал
в глубине полумрака.

Глаза ее были нежны просветленно,
голос — взволнован,
он воцарял светотень в пустоте. Как ответ
на немое желанье. Два угля
в блистающем летнем море.

Губы с прохладным великодушьем
вина и нектара:
два лепестка. Оазис садовый.
Шея ее —
окольцованный мрамором бурный огонь,
прекрасная молчаливая статуэтка.

Груди — о тропиках напоминанье.
Плоды, увенчавшие утро
запахом мякоти сочной,

распахнутой солнцем.

Как лавровый шелест ветра,
движется талия,
словно кувшинчик цветка.
Отдых полдневный.

В лавине кружащихся поцелуев
ночная пичуга,
ночной муравейник восторга.
Опáли волна и пена. Хрусталь
кровоточит, трепещут
цветы, негасимы зарницы.
Только здесь — постоянство.

ЗЕРКАЛЬНЫ И ЛЕД, И БЕЗДНА

Зеркальны и лед, и бездна,
окна бессонниц и поисков, —
стальными осколками в сердце врезаясь,
они в ирреальности нас покидают.
Стремленье пучины, их ртутная
жажда вдали проявляется
возгласом, скомканным тьмою,
которая прячет и мерно стирает все боли.
В зеркальной промерзлости — лед бытия.
В тебе, в твоей душе
моя судьба как будто задохнулась.
Тот доверительный взгляд бесконечности,
которым ты умела одарить,
тот ветер страсти и восторга,
неистовости и любви.
Где же печаль таилась?
Где же те мгновенья
веселости, волнений безобидность,
широкий вихрь тел,
твой океан и твой счастливый вздох?
Все это ныне хаотично, ибо
глазами прошлого на прошлое смотрю.
Глазами слепнущими, с дикой резью;
«Вернись!» — молю.
Скрипят, как половицы, веки. Взгляд

повешенного — с отраженьем оргий
и в запредельность загнанного гнева.
Невидящий невыносимый взгляд. Глаза
прозрачной чистоты.
Никто не знает, почему они слезятся.
Мир — это ужас. И уже
в нем никому не доразрушить ничего,
не расшатать атавистический порядок.
Побег — как слабость. Я останусь здесь,
расплющен безвоздушностью зеркальной
и в дымчатые стекла погружен, бесцветен,
в своей пустыне теневых пустот,
поблизости от самого себя —
былого и такого
потрянного, так как я не отрицаю:
гнет страха моего здесь,
в зазеркалье адском.

ТУННЕЛЬ

Не торопясь, он шел по узкому туннелю,
руками,
нет — всем существом своим
отталкиваясь от сырых, изрытых вечностью
камней.

Не помнил, как попал сюда,
по прихоти какой причины.
Вне времени,
он наскочил
на мрачное густое эхо,
подернутое тиной тени, —
и тут же словно провалился
в какой-то донный вязкий ил.
И стал следить за отдаленным взлетом
мельчайших фосфорических частиц.
Муть обступала диким табуном,
казалось, что вот-вот раздастся ржание
в непроницаемой глобальной тишине, —
и трепеща в бессмысленном пространстве,
неповторимо длилось одиночество.
Он возбужденно продолжал искать
простейшие приметы жизни —
как импульсы душевного настроя.

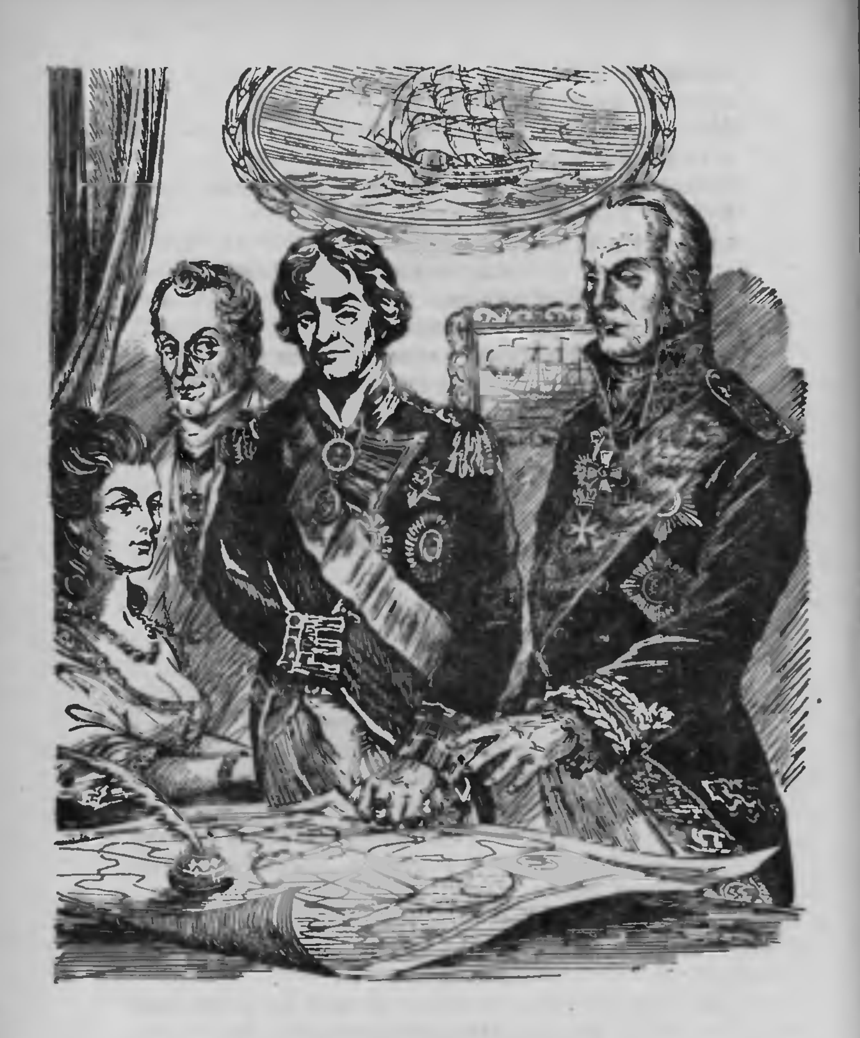
И с пылкостью первопроходца, —
глаза — две кровянистых капли, —
он, оступаясь,
пропадал во мраке
и дальше брел на ощупь.
Постепенно
бледнела чернота в провалах бездны, —
и там, как блестки, мелкота зрачков
роилась с неприятным треском.
Мгновенной огнеметной вспышкой
к нему тянулась жадная чума.
Вокруг членистоногие кишели,
голодные и злые пауки.
Друг друга жрали,
наливаясь ядом,
их прорва разгоралась, как костер,
что чавкает, давясь гнилой листвой осенней.
Кощунственное буйство разложения.
Издалека к нему катился жуткий вопль.
Ленивый вал с молниеносным жалом,
с антеннами, шипами настигал:
и он остолбенел.
Все истовее раскалялось небо.
Разъятых клювов, ртов, глазищ ползла лавина.
Разрыв аорт и пламенного света
был взрывом его хворой крови.
Распластанное тело четвертует
мучительный неодолимый спазм.
И, разрыхляясь, исчезает дно туннеля.
Паучий смерч блуждает здесь и там,
пятнает стены липкими следами, —
и чудится бедняге,
что теперь
немыслим он уже без этих тварей,
они — его лицо, желудок, голос.

ЖЕЛТАЯ ЛУНА

Как золотой в туманном ореоле,
как сказочно бездонный кратер
за острой гранью горизонта,
как символ высоты, величия и грусти, —

неспешно поглощая белый свет,
желтеет большеликая луна.
Мы входим в звездную пучину тишины, —
в подлунных отблесках березы,
огромный ельник,
буйные рябины
кидаются на нас,
как ослепленные пантеры,
летят руиной облачного храма,
где мы едва успели причаститься,
и над землей встают рядами башен мрака.
Но пламенный прибой, гривастый конь,
дорожкой лунной мчится, гипнотичен,
как искуситель, увлекая нас
в таинственность ночного ветра.

Предисловие и перевод с испанского
Дарьи БОБКОВОЙ



Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

ШТРИХИ ИСТОРИИ И СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ АДМИРАЛА ФЕДОРА УШАКОВА

Историческое повествование

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ

Ушаков переходил ко второй своей задаче. Он должен был помочь очистить Южную Италию от французских войск. Там, на самой модельной части Апеннинского сапожка, расположилось Неаполитанское королевство. Только в 1734 году обрело оно свою независимость от Испании. Королевство объединило территорию шести областей Южной Италии — Кампании, Калабрии, Базиликаты, Апулии, Абруцци, Молизе и Сицилии. После Карла Бурбона, первого владетеля королевства, престол занял его сын Фердинанд IV, женившийся на 16-летней Марии-Каролине — дочери австрийской императрицы Марии-Терезии. Фердинанд был человек безвольный и недалекий, Мария же Каролина отличалась необычайной энергичностью, честолюбием, экспансивностью. Двор короля блистал роскошью, аппетиты королевы удивляли своим размахом, подданных не жалели, богатство приобреталось быстро и с такой же скоростью пускалось по ветру.

В общем, государство хирело, и искры французской революции падали на подготовленную почву.

Фердинанд, объявив войну французской Директории, надеялся убить двух зайцев: отодвинуть опасность от границ, поспеть к столу при дележе французского наследия. А второе — уничтожить внутреннюю республиканскую оппозицию. Во главе неаполитанского воинства вступил он 29 ноября 1798 года в Рим. Шампионне, командующий французскими войсками в бывшем папском государстве, генерального сражения не давал, а предложил отступить на удобные позиции, откуда наносил удары. Ошеломляющие удары. Заносчивый и ограниченный австрийский генерал Мак, приглашенный Фердинандом для командования его армией, растерялся, и через несколько дней от неаполитанских побед не осталось и следа. Французы перешли в наступление и двинулись на Неаполь. В городе, подогретые вином и воинственными речами, забушевали лаццарони — низшие слои неаполитанского населения. Они требовали дать бой солдатам Директории! Но Фердинанд и Мария-Каролина уже замыслили побег. Фердинанд еще демонстрирует бодрость духа, отдает распоряжения. Своим указом он назначает наместником в Неаполе князя Франческо Пиньятелли, объезжает войско своих сторонников под восторженный их рев и, чтобы не осталось никаких сомнений в его уверенности, закатывает бал. Горят огни, сверкают бриллианты, гремит музыка во дворце короля — он говорит этим, что непоколебима его власть, верны ему подданные, а он не оставит

Окончание. Начало в № 10, 11.

их в беде. Но в том-то и дело, что вот уже несколько дней заколачивали в бочки бриллианты королевы и золотые монеты из королевской казны. На них писалось: «Припасы для Нельсона», и они тихо переправлялись на корабль английского адмирала. Звучала музыка, по парку и дворцу кружился карнавал. В этой суматохе Фердинанд IV и Мария-Каролина «вытанцовывали на «Вэнгарде», на котором вместе с Горацио Нельсоном, английским посланником сэром Уильямом Гамильтоном, его супругой и любовницей Горацио Эммой, ближайшими приближенными в эту же ночь бежали в Палермо на Сицилию.

Наутро подданные были ошеломлены. Франческо Пиньятелли попытался организовать сопротивление французам, но дезорганизованная армия не смогла сопротивляться. Войска Шампионне пошли в наступление, и тогда Пиньятелли заключил с ним перемирие, обещая выплату контрибуции. Вот тут-то и сказали свое слово лаццарони. Десять дней бушевала анархия, лилась кровь, сводились счеты под видом верности королю. Местная буржуазия, республиканцы обратились к Шампионне с просьбой ввести войска. Тот начал штурм, а республиканцы объявили о создании Неаполитанской республики.

Русский посол В. Мусин-Пушкин-Брюс честно информировал Павла I о событиях и писал тому, что королевство «потеряно», «...нарочитая часть обывателей преклонность имеет видеть у себя учрежденным распространяемый французами образ политического бытия. Двор не имеет сил отвратить зло такое. Как во всем королевстве Неаполитанском, так и в Сицилии Франция господствовать будет, ежели ко избавлению от их такого жребия не прислано будет в скором времени войско от дружественных и приближенных держав».

Действительно, неаполитанцы «имели склонность» к новым порядкам, откликнулись на близкий их сердцу призыв республиканцев стать вольной и свободной страной, получившей новое устройство. В Неаполе толпы жгли родовые книги, сажали древо свободы, кричали: «Смерть роялистам!» До последнего, правда, не доходило. Просто разграбили несколько дворцов, покинутых наиболее ненавистными аристократами. Королевские дворцы не трогали. Страх и почитание оставались. Покуситься на монарха, еще вчера бывшего полубогом, тронуть его богатство было святотатством и безумием. Однако французские комиссары — уже не яростные честные якобинцы, а выкормыши Директории — прибыли из Парижа и, провозгласив лозунги о свободе, равенстве и братстве, удобно расположились на королевских креслах и кроватях, раскупорили бутылки с шамбертеном и бургундским, заманили под кружевные пологи самых смелых неаполитанских красавиц. Комиссары потребовали ввести новые налоги взамен королевских, экспроприировали собственность сбежавших с королем придворных, стали поощрять погромы противников республиканцев, ограничили власть местного республиканского правительства. Попытавшегося возражать против подобного диктаторского курса командующего французскими войсками романтического республиканца Шампионне сместили. Бывшее Неаполитанское королевство втягивалось в новый хаос.

Англия, Турция, Россия, Австрия — вот силы, которые могли отринуть французов, их новую деспотию. Эскадра Нельсона защищала королевскую власть в Сицилии, вела безуспешную осаду Мальты, блокировала французскую армию Бонапарта в Египте. Но одна она не могла остановить войска Директории. Аастрия дрожала за Альпами перед лицом республиканской Франции, взывала о помощи к России. И Суворов своим молниеносным движением завязал все ее силы на североитальянском фронте. К туркам неаполитанцы всех лагерей ни за что бы не обратились, турки — их вечные враги на морских путях, жестокие соперники, не щадившие при встрече. Правда, они тоже были союзниками России, но их нравы от этого не изменились.

Передавали достоверный слух, что Ушаков взял первых французских пленных на острове Цериго и обещал отпустить их на родину при условии, если они дадут слово не сражаться в течение года против России. Кадыр-бей просил Ушакова употребить военную хитрость. «Какую же?» — спросил русский адмирал. «По обещанию вашему французы завтра надеются отправиться в отечество свое и спят спокойно в своем лагере. Позвольте же мне подойти к ним ночью и тихо вырезать их». Кадыр-бей крайне удивился и долго раздумывал, почему Ушаков отказал ему в этом акте.

Неаполитанцы знали о турецких представлениях о войне, об обращении с пленными. Кровь «неверных», по их мнению, ничего не стоила, а неаполитанцы были «неверными».

Оставалась Россия. До Суворова, правда, далеко, но до эскадры Ушакова рукой подать. Порядка, организованности, дисциплины, которые хотел внедрить командующий русским флотом, ждали в истерзанной стране.

К Ушакову потянулись делегации жителей городов: купцы, священнослужители: «Спасите! Защитите! Окажите помощь!»

Русский адмирал, казалось королевскому двору, не спешил. Фердинанд и особенно Мария-Каролина взывали к Павлу. После бегства из Неаполя в Палермо они находились в кошмарном состоянии. Павел же еще не разочаровался в своих целях и союзниках и был полон монархических иллюзий о своем высоком

предназначении. В конце года в Санкт-Петербурге подписали договор о совместных действиях Неаполитанского королевства и России против Франции. По договору оказывалась конкретная военная помощь королю Объединенных Сицилий. Конечно, действия войск коалиции служили консервативным целям, но следует помнить о следующих обстоятельствах. Динамичная французская буржуазия на этом этапе захватила Мальту, Египет, Сирию, развязала войну в Европе и Средиземноморье, предполагая расширить свои владения. Республики, которые создала тогда Франция в Европе (Гельветическая, Цизальпинская, Лигурийская, Батавская), — просто марионетки, да, кроме того, Директория не предполагала развивать их национальное самосознание и экономику. Фактически это были полуколонии, придатки Франции.

В то же время следует отметить, что многие реформы французов, направленные против абсолютистских режимов, носили объективно-прогрессивный характер (отмена сословных привилегий, земельные, судебные реформы). Однако контрибуции, колоссальные налоги, пренебрежение к национальным чувствам поднимали население занятых ими стран на борьбу. Естественная реакция народов — их выступление против оккупантов.

В Италии же в это время возрождались идеи воссоединения страны, что вносило свой элемент в события конца XVIII века. Роялисты вплетали свои лозунги в народное движение и пользовались его победами. Усилия коалиционных войск в Италии были, конечно, реакционны, ибо поддерживали отжившие режимы, но у действий России имелся свой оттенок. Русское правительство не ставило перед собой захватнических целей, не стремилось завладеть итальянскими землями, как австрийцы в Пьемонте, Венеции, Ломбардии. Оно выступало за восстановление независимости итальянских государств, правда, возрождая и их архаизм.

В апреле 1799 года корабли под командованием капитана 2-го ранга А. А. Сорокина подошли к югу Италии. Республиканское правление тут держалось недолго. Над городом Бриндизи подняли флаг коалиции. Отсюда, с побережья, пересек Апеннинский полуостров и вступил в Неаполь отряд русских моряков и солдат капитан-лейтенанта Г. Г. Белли.

Следует сказать, что русские войска проявляли образец дисциплинированности и организованности. Не было отмечено ни одного случая грабежа или насилия с их стороны. «Вы не похожи на победителей, общаетесь с побежденными, выслушиваете их», — слышалось на улицах Неаполя в то время. Русские солдаты и моряки и не считали себя таковыми — они просто исполняли свои обязанности, их храбрость шла рука об руку со строгой дисциплиной и уважительным отношением к населению той страны, на территории которой воевали. Немалая заслуга в этом, конечно, ее командующих Суворова и Ушакова.

Наступала на Неаполь и армия фанатика монархии кардинала Руффо. Когда объединенные силы русского отряда капитан-лейтенанта Белли, кардинала Руффо, турок и англичан блокировали Неаполь, то вокруг крепостей Кастель Нуво и Кастель д'Ово завязалась жестокая схватка, республиканцы отчаянно сопротивлялись. Тогда Белли высказался за заключение перемирия и такие условия капитуляции, чтобы избежать кровопролития и дать возможность отойти республиканцам во Францию.

Кардинал Руффо тоже хотел этого, конечно, не из-за человеколюбия и боязни крови, а понимая, что республиканцы будут отчаянно сопротивляться и неизвестно, чем закончится схватка.

Однако 24 июня английские капитаны Болл и Трубридж вручили Руффо послание Нельсона. «Адмирал Нельсон, командующий флотом его величества короля Великобритании в Неаполитанском заливе, доводит до сведения мятежных подданных его величества короля Объединенных Сицилий, находящихся в Кастель Нуво и Кастель д'Ово, что он не позволит ни сесть на суда, ни выйти из замков». Это уже было вероломство. Даже отъявленный монархист кардинал Руффо стал протестовать против столь непорядочного обращения с врагом.

Руффо, Мишеру, Белли и турецкий представитель Ахмет направили Нельсону решительный протест. Но Нельсон ни с кем не посчитался и, когда республиканцы сложили оружие, арестовал их и отдал на растерзание монархистам. Пожалуй, это самая большая кровавая вакханалия конца XVIII века. Людей резали, терзали, жгли, вешали, рассекали, топили. Сорок тысяч семей потеряли своих родственников, в городе пахло жженой кожей республиканцев, кровь лужами стояла на площадях, собаки растаскивали по закоулкам руки и ноги казненных. Дикая оргия монархических убийц запятнала имя адмирала Нельсона.

Соучастницей кровавого пиршества явилась и королевская чета. Мария-Каролина писала леди Гамильтон 25 июня, что она дает адмиралу самые широкие полномочия против этих «каналий-мятежников»... «Наконец, моя дорогая миледи, настойчиво рекомендую милорду Нельсону трактовать Неаполь, как мятежный ирландский город. Не нужно заботиться о количестве (наказанных), уменьшение числа злодеев (в Неаполе) на несколько тысяч сделает Францию более слабой, а мы почувствуем себя лучше».

...Весною и летом 1799 года от французских побед в Италии не осталось почти ничего. Блестящие победы Суворова у Адды,

Нови, Требии метлой вымели войска Директории с севера страны. Летом 1799 года французские гарнизоны остались лишь в Генуе, вблизи Ливорно, в Чивита-Веккии и Анконе.

Корабли контр-адмирала Пустошкина появились под Анконой в мае. Вследствие ложной тревоги Нельсона (о вхождении в Средиземное море для боевых действий соединенной франко-испанской эскадры) они возвратились к Корфу и двинулись дальше к южной оконечности Италии. К Анконе же подошла эскадра под командованием капитана 2-го ранга графа Войновича. Вся остальная часть эскадры Ушакова готовилась к переходу в Италию.

Летом у Северной Италии продолжались военные действия. Австрийские войска заняли Флоренцию, порт Ливорно, хорошо знакомый русским морякам. Сюда в 1764 году прибыл первый русский торговый корабль «Надежда благополучия», совершивший переход вокруг Европы. Тут останавливались корабли эскадры Спиридова и командующий русской экспедицией граф Алексей Орлов. Тут базировались эскадры контр-адмирала Сухотина а период «вооруженного нейтралитета». По просьбе Суворова для разрыва коммуникаций французов Ушаков постоянно посылает крейсировать корабли в Венецианский залив, устанавливает блокаду Анконы. 16 июля А. В. Суворов пишет Ушакову о взятии цитадели Александрия, о трофеях и пленных. А затем рисует панораму дальнейших действий. «Обратя теперь виды свои на Геную, выступил я теперь в поход. Мне надлежит осилить некоторыми крепостями; трудности, препоны отнимают у меня довольно времени, как и изготовление к горному походу; провиант и припасы должны быть доставлены на мулах, а после, когда достигнем берегов Ла-Ривьеры, то уже из Ливорны (ежели она за нами устоит) и морем». План его движения ясен. Какую же роль отводит он флоту, эскадре Ушакова? Очень серьезную. Он просит: «От Поненты к Леванте и паче от берегов Франции, ваше превосходительство, покорнейше прнять попечительные и благоразумные, свойственные вам меры к пресечению ее, дабы оголодить сию распутно-зловредную армию. Извольте знать, что генуэзцы кормятся сами из чужих мест, то есть особливо и в большом виде припасы свои получали они из Африки и Архипелага. Союзные флоты ныне господа моря и легко в том препятствия утвердить могут».

«Господа моря» действовали по-разному. Нельсон, ознакомившись с посланием Суворова, не особенно утруждал свои корабли военными операциями к северу от Неаполя. Ушаков же, получив это письмо 4(15) августа, послал эскадру вице-адмирала Пустошкина для крейсерства «около генуэзских берегов». Сам

же Ушаков, уведомляя Суворова об исполнении послания, пишет: после Палермо «отправляюсь я отголь с эскадрою к Неаполю и от оного к Генуе или в те места, где польза и надобность больше требовать будут».

Но положение на севере Италии уже изменилось. Правда, Павел I еще находился в эйфории, считая миссию своих войск богоносной, а себя прозорливым политиком, полководцем, которому внимают попавшие в беду императоры, султаны и короли Вены, Константинополя и Неаполя, к которому прислушиваются в Лондоне и на помощь которого надеются. Да, монархам и Англии требовалась помощь от русского союзника, но его абсолютистский романтизм был им чужд, так же, как нередко и методы ведения войны Суворовым и Ушаковым. Единственно, чего они хотели, так это как можно больше урвать от результатов участия России в этих войнах. И довольно долго водили за нос русского правителя. Но все чаще и чаще в планах и рапортах Суворова и Ушакова Павлу I проскальзывает недовольство союзниками, протесты на их обращение с русскими, неудовлетворение организацией снабжения и возмущение вероломством и иезуитством как высших дворов, так и военных командиров, жалобы на их «интриги, происки и неблагоприятные поступки».

Однако Ушаков не позволял себе расслабиться, разобидеться, хлопнуть дверью. Он был все время в творческом напряжении, внимательно следил за событиями, держал все нити управления эскадрами и кораблями в своих руках. Ему приходилось постоянно учитывать много факторов: политические события, проистекающие на Ионических островах, в Италии, в близлежащих владениях Порты, Австрии, во всем Средиземноморье; экономическое положение и ресурсы: Республики Семи островов, снабжающих его продовольствием турецких пашалыков, осажденной Мальты, разоренного Неаполя; военное состояние, организацию, наличие резервов противника у гарнизонов Корфу и Анконы, французских войск в Неаполе, Риме, на Мальте; дипломатические интриги и коллизии, возникающие вокруг Ионических островов, распадающегося Неаполитанского королевства, северо-итальянских государств, населения Венеции, судьбы Мальты, действий алжирских пиратов, номинальных подданных Порты. Не следует забывать, что он получал главные предписания из Петербурга от Павла I, которые иногда дублировал и вице-президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адъютант Кушелев. Полупросьбы-полуприказы получал Ушаков от посланника из Константинополя Томары, письма с изложением точки зрения шли от русского посла в Вене графа Петра Разумовского, взывал к нему и русский посланник в Неаполе граф Мусин-Пушкин-Брюс, давал информа-

цию «полномочный министр России по военным делам при Неаполитанском королевстве» в Палермо Андрей Яковлевич Италинский. Поразительны связи и контакты командующего союзной эскадрой. Переписка и общение шли у Ушакова с Суворовым, Нельсоном, адмиралом Кадыр-беем, Али-пашой Янинским, с верховным визирем Турции Юсуф Зия-Хаджи пашой, премьер-министром Неаполитанского королевства Актоном, Мустафой-пашой Дельвинским, с главным командиром Черноморского флота адмиралом фон Дезином, генерал-майором Бороздиным, комендантом Корфу, а затем командующим русскими войсками в Неаполе, с русскими генеральными консулами в Рагузе графом Джикой и на Корфу Бенаки, с австрийским генералом Борди, сенаторами и депутатами Ионических островов и многочисленными другими командирами, дипломатами, правителями, от усилий, знаний, действий которых многое зависело в то пороховое лето 1799 года.

Главное же состояло в том, что Ушаков был флотоводец, в его руках находился флот — инструмент, с помощью которого и решил он многие задачи. Постоянное и неусыпное его бдение, приказы, требования, пожелания шли отсюда — к морякам, офицерам, капитанам, к его опоре, надежде и силе — кораблям русского флота.

Ушаков постоянно находился в движении, выполняя указания Петербурга и решая военно-политические задачи. 24 июля (5 августа) адмирал с эскадрой в 18 кораблей покинул Корфу и в начале августа подошел к Сицилии. 3 (14) августа его корабли вошли в Мессинскую бухту. А 11 (22) августа он перешел в Палермо, где его уже поджидала прибывшая с Балтики эскадра вице-адмирала Карцова в составе 6 судов. Здесь же состоялись и две важных встречи с контр-адмиралом Нельсоном, на которых обсуждался ход дальнейших операций. Союзная эскадра должна была двинуться из Палермо в Неаполь. Но вспыхнул бунт турецких моряков, потребовавших возврата на родину. Ушаков распрощался со своим уже, пожалуй, другом, Кадыр-беем и прибыл с русскими кораблями 26 августа (7 сентября) в Неаполь, соединившись с эскадрой Сорокина.

Из Неаполя к Риму по берегу Ушаков направил десант подполковника Скипора, который предполагал потом разделить, послаа часть его под Анкону. Адмирал проявляет высокую заботу о культурных ценностях Италии и отдает приказ капитан-лейтенанту Эльфинстону, командовавшему фрегатом «Поспешный», «иметь наистрожайшее наблюдение, чтобы французы, в Чивита-Веккии и Риме находящиеся, ограбив все редкости и сокровища из Рвма, не ушли с оными и не увезли во Францию или на

Корсику, предписываю все неприятельские суда ловить и брать в плен».

Здесь, под Римом, Ушаков в очередной раз испытал коварство своего союзника-соперника Нельсона. Пока Скипор готовился к походу, тот разработал план, по которому капитан Трубридж опередил русского полковника и втайне от Ушакова подписал условия капитуляции гарнизонов Чивита-Веккии и Рима. Поставил свою подпись под ними и не нюхавший пороха у Великого города австрийский генерал Фрейлих... Правда, его войска подошли к Риму, когда полк Скипора уже вступил в город под рукоплескания римлян. Фрейлих развернулся и поспешил к Анконе. Австрийцам никак не хотелось уступать и эту крепость эскадре Ушакова. Они здесь сепаратно подписали капитуляцию и присвоили себе плоды усилий эскадры Войновича, моряков и пехотинцев Ратманова. Союзнички!..

10 октября, вырвавшись с честью из швейцарского «котла», Суворов пишет Ушакову письмо, в котором обрисовывает картину событий и пересылает различные рескрипты двора.

В октябре к Ушакову обратился Нельсон и попросил помочь в штурме Мальты. Для Ушакова это явилось неожиданностью. Судя по всему, у англичан дела на этом острове шли неважно. Ушаков серьезно отнесся к просьбе и 20 (31) декабря двинулся от Неаполя к Мальте на 16 крупных и мелких судах, имея на их бортах две тысячи гренадер. Можно было предположить, что судьба Мальты решена.

На пути Ушакова лежала Мессина, где он сделал короткую остановку. Сицилия оказалась прямо-таки роковым местом для союзников. Тут взбунтовались моряки Кадыр-бея, отсюда они ушли в Турцию, здесь 22 декабря Ушаков получил пакет с указанием о возвращении всей русской эскадры в черноморские порты.

Павел I начинал прозревать — все явственнее проявлялась союзническая неверность. Заканчивался 1799 год.

У БЕРЕГОВ СИЦИЛИИ

Вот показалась и Сицилия. Утром обозначились мыс Песара и башня с маяком. Вдали белела вершиной Этна. Но лишь к вечеру корабли прошли мимо великана, поразившего всех своей громадностью и дымкой над вершиной.

— Мессина! — прорезал рукой вдоль пролива неаполитанец лоцман. — Калабрия! — показал он направо. — Сицилия! — все повернули головы вслед за ним налево.

Калабрия выглядела величаво и строго: горы, скалы с небольшой зеленью. То тут, то там выглядывали деревушки, иногда гордо возвышался замок.

У Мессины командам пришлось повозиться с такелажем и парусами. Мыс отгораживал город от моря, и надобно было круто развернуться, убрать часть парусов, чтобы затем осторожно войти в бухту. Знаменитая коса закрывала бухту от сильных ветров и делала ее одной из самых удобных гаваней в Европе. Город так и назывался в древности — Зансала, то есть коса, объяснил один из офицеров эскадры, бывавший здесь раньше.

— Красота-то! Чудо чудесное! — восклицали матросы, выстроившиеся на палубе, показывая друг другу то на кактусовую ограду вокруг города, то на голубую гладь бухты.

У самого Ушакова распрямились уголки губ, глубокие борозды морщин на лбу как-то сгладились, стали ровнее и добрее.

— Пожалуй, покрасивее самого Золотого Рога будет, — обратился к нему Телесницкий. — Древние говорили, что Сатурн здесь уронил свою косу и образовал сию пристань.

— Отменная бухта и гавань превосходная. Нам бы не мешало в Крыму такую косу, — согласился адмирал.

Подзорная труба, однако, обнаружила в густоте зелени развалины многих домов. Следы бомбардировки? Нет, то были следы жестокого землетрясения, до основания разрушившего в 1793 году город. Моряки заметили, что жители обустраивались как-то неуверенно, дома строили только в один или два этажа, не разбирали завалы лачуг, где жили до сих пор.

Гром прокатился над городом. Италия приветствовала объединенную эскадру салютом. На берегу Ушакова встречали толпы. Комендант крепости дал отменный обед. Все рассказывал, чем славен город. О том, что собор нынешний вместил в себя всю архитектуру с двенадцатого по восемнадцатый век. Несколько колонн даже привезены из знаменитого храма Нептуна. О том, что здесь жил знаменитый Антонелло. который передал искусство писать масляными красками итальянским мастерам.

— Это великое уменье! — экспансивно доказывал он Ушакову. — Ведь до этого так писали только во Флоренции. Караваджо принадлежал нашему городу. И знайте: знаменитый философ Эвгемер, писавший историю небес, наблюдая мессинцев, отметил, что боги — не что иное, как великие люди. Вы знаете Эвгемера?

Ушаков Эвгемера знал, но коменданта слушал внимательно, надеясь проведать, сколь далеко французские корабли, как достаточно припасов, не перекидываются ли волнения из Неаполя на Сицилию, когда можно разжиться пресной водой и припасами.

Генерал ничего этого не знал, его, казалось, интересовало все, кроме войны, он, сокрушенно покачав головой, сказал:

— К сожалению, я не знаю того, что хочет знать адмирал. Я помню только то, что было давно...

Ушакова такое бездельное отношение к своим обязанностям удивило, с огорчением махнул рукой: давай про историю, но комендант уже переключался на новую тему. Показал в окно:

— Теперь в Мессине нет философов, нет живописцев, нет стихотворцев, но природа так же прекрасна, как и в древнее время.

И верно, природа, полуевропейская, полуафриканская, была царственна. Вечная зелень гирляндой окружила город. Олеандры, кактусы, оливковые деревья, мирты, алоэ благоухали, цвели, изумрудными лентами змеились между домов и улиц.

Федор Федорович не любил тратиться на простое созерцание, всегда искал отличительное и нужное для дела. И тут заметил, что все дома одного цвета. Почему это? Может, отличие сие всех италийских городов касается?

— Нет, нет! — задергал головой комендант. — То случилось, когда вице-король возжелал посетить Мессину, а наш губернатор, преглупый человек, велел все выкрасить охрой. Хитрости военной тут нет, одни глупости.

Вдруг вспомнив что-то, побежал из комнаты. Ушаков рассердился: хорош хозяин, суета сплошная. А тот прибежал запыхавшийся, сунул в руки пакет и победоносно отошел в сторону. Ушаков с недоумением повертел пакет и, отстранив от себя, прочитал: «Господину адмиралу Ушакову...»

Медленно прочитал и медленно встал.

— В Палерму надо ехать. Мусин-Пушкин с Италинским ждут с нетерпением.

Палермо так же опоясался дымами, увидев флаг русского адмирала и следующую за ним эскадру. Корабли, ведомые Ушаковым, выравнивались и выстраивались полукругом, стянув бухту в один узел.

На берегу уже собрались толпы сицилийцев. Они махали платками, ветками деревьев, что-то кричали. От причала отвалила длинноносая лодка с большим зонтом на корме, похожая на венецианскую гондолу. За ней тронулись к флагману и другие шлюпки.

— Граф Мусин-Пушкин-Брюс, полномочный министр русского императора при неаполитанском дворе, просит принять на борт! — зычно крикнул по-русски офицер, стоявший на ее носу.

— Принять! Для встречи полномочного министра!.. — отдал команду Ушаков.

Матросы подтянули лодку, из нее, отдуваясь и покачивая голо-

вой, выбрался толстый человек, смахивающий на провинциального чиновника. Подошел к Ушакову, отдавшему честь, и протянул обе руки:

— С благополучным прибытием, господин адмирал. Ваша морская наука не каждому по нутру. Я многое в жизни знаю, но в деле морском только руками развожу, перед силой и уменьем морских служителей. О ваших победах вся Европа наслышана, и слава о них впереди вас бежит. Посмотрите, сколько народу пришло вас приветствовать. И это после года резни и погромов. — Посланник показал на бухту, где народ все прибывал. Потом вдруг внезапно из растрепанного, рыхлого подьячего превратился в горделивого осанистого господина и торжественным голосом закончил: — От лица посольства Российского изъявляем вам свою благосклонность и благодарим за вспомоществование в дни тяжелой судьбы Королевства Неаполитанского.

Ушаков с лицами дипломатическими общаться умел, но перед титулом слегка оробел. Не перед пулей, не перед противником, а перед громким словом: князь, граф, барон. Да ведь и стояло за этим богатство немалое, двор всесильный, связи всемогущие. Мусина-Пушкина-Брюса он еще не понял: говорлив ли, прост ли, — но чувствовалась горделивость того, а может быть, и заносчивость. Пригласив в свою каюту, ответствовал:

— Премного вам благодарен, граф, за высокие добрые слова в адрес эскадры. Смею сказать вам тоже слово благодарное за то, что ставили вы и ваш военный министр, господин Италинский, в известность о многих происходящих здесь в королевстве событиях, о злых кознях врагов нашей экспедиции и обо всем другом ценном.

При упоминании имени Италинского лицо посланника помрачнело, он хоть и умел скрывать истинные свои чувства, но здесь, перед простым и, как показалось ему, неискушенным адмиралом не счел это нужным.

— Сего моего заместника не чту ни достойным, ни ученым, как он тщится себя представить. Строчить донесения умеет и даже добился права писать самому императору. От меня ему в мае отдали все дела, «какие по части воинской здесь существовать могут». А какие, спрашивается, в сей год военных действий еще могут быть дела в нашей миссии? Мелкопоместный дворянчик, а хочет вылезти влиятельным вельможей!

Ушаков не ожидал такой интимности, не знал, чем ответить. Боялся попасться на откровенности. Граф же, не стесняясь матроса, что прислуживал, вдруг стал распекать петербургские порядки.

— При нашем дворе умники не нужны. Они даже опасны.

А меня так почитают таковым. Ибо я что думаю, то и пишу. — Увидев в глазах Ушакова недоверие, махнул головой. — Да нет, не простак я, а из истинных причин исхожу, из картины реальных дел, которые свершаются. Они бы хотели думать, будто тут все за короля едино выступают, а я им пишу: наполнены все провинции королевства писаниями, возбуждающими в народе мятежнические мысли; все почти селения, принадлежащие дворянству. — И без перехода сказал: — К Нельсону надобно бы съездить. Он тут фигура главная, да и непревзойденный мастер маневра морского...

Ушаков насупился; он главный по званию, старше по возрасту, негоже ему ехать на поклон первому. Посол почувствовал перемену в адмирале, поморщился, что-то хотел сказать, но вошел вестовой и доложил, прибыла шлюпка с секретарем посольства господином Италинским. Граф помрачнел.

— Уже сюда добрался. Нет чинопочитания никакого, знает ведь: здесь посланник, а лезет!

Ушаков вопросительно посмотрел на него. Граф тяжело вздохнул и встал.

— Я, батенька, пожалуй, поеду, а то голова разболелась. О встрече с венценосными особами весть подам. Да они и сами отзовутся скоро. Ведомо им, кто их от головорубки спас.

В дверях граф столкнулся с Италинским, тот вежливо посторонился, а посланник, тихо бормоча, вышел, оставив запах пахучего табака, померанцевой воды и какое-то беспокойство. Италинский держал в руках кожаный портфель и сразу начал доставать из него бумаги. Доставая, заговорил:

— Приветствуя вас, господин адмирал, хочу вам картину военную на день сегодняшний показать. Все опасные силы для наших действий описать вам.

«Хваток», — подумал Ушаков, ответствовал:

— Ну что ж, я на дела всегда расположен. Докладывайте.

Сказал и смутился. Не подчинен ему посольский секретарь, а он скорее ему подчинен в политике военной. Но не повинился, промолчал, стал слушать. Италинский, как будто не заметив неловкости, повел речь о том, в каком бедственном положении находится здесь двор королевский, о том, что после летней резни в Неаполе происходит, где французы ныне в Италии обретаются, куда следует направить дальше эскадру. Чувствовалось: знал, знал дело, но был сух, сдержан и не открывался. Вот ведь, как сам Ушаков ни родовит, а беседовать с Италинским тяжелее, чем с графом Мусиным. Ну да бог с ним, с тактом. Главное — дело говорит. Спросил о Нельсоне. Италинский слегка оживился. Нет, спешить к нему не надо. Тому ведь и самому невтер-

неж встретиться. Без русской эскадры ни Неаполь не защитить, ни Мальты не взять, ни Италии не видать.

— Поспешать надо к царствующим особам на поклон.

— Ну, я сначала все подсчеты закончу, что эскадре надобно для дальнейшего перехода. А сие — Неаполь или Мальта?

— Вам нет надобности считать. Я уже это произвел и имел честь его превосходительству доложить просьбы.

— Как же вы сие произвели, не зная доподлинной нужды?

Италинский начинал сердиться и с видимым неудовольствием раздельно по слогам вывел:

— Приб-ли-зи-тельно.

Ушаков с огорчением, что не нашел близкого по рачительному духу человека, устало, но твердо сказал:

— На флоте, милостивый государь, ничего приблизительно делать нельзя. Все надо делать точно, иначе на дно морское пойдем, рыб кормить.

ВСТРЕЧА ВЕЛИКИХ ФЛОТОВОДЦЕВ

Августовский день горел нестерпимой жарой, но в каюте Ушакова стояла прохлада. Матросы все протерли влажными тряпками, открыли двери, иллюминаторы, и легкий ветерок гулял по всему помещению. На столе было разложено несколько карт, пестрела ваза с благоухающими цветами, в углу на столике подготовлены четыре прибора для обеда. Ждали Нельсона.

Федор Федорович встретил Горацио, посланника Гамильтона и его супругу у трапа, крепко пожал левую руку и молча показал на вход в каюту. Пропустил их вперед и, попридержав за локоток леди Гамильтон, помог ей спуститься по ступенькам...

Эмма окинула быстрым взглядом каюту, задержала его на картинах и, не ожидая приветствия, с непосредственностью избалованной женщины воскликнула:

— О! Адмирал любит искусство!

— Прошу садиться, господа! — пригласил Ушаков. Сам же, стоя, продолжил: — Мы сердечно рады приветствовать вас, славных представителей могущественной державы союзников. Я имею честь приветствовать на русском корабле вас, милостивый государь адмирал, чьи победы стали известны среди всех морякоа. Они не только плод удачи и воли всемогущего, они плод вашего искусства. И я рад, что могу лично засвидетельствовать мое искреннее почтенье и уважение к вам.

Нельсон, по-видимому, не ожидал услышать такое признание, его единственный глаз потеплел, он неожиданно встал, приложил

руку к сердцу и поклонился в сторону русского адмирала. Ушаков ответил тем же и продолжал:

— Я приветствую здесь вас, глубокоуважаемый лорд — английский посланник сэр Гамильтон. Воли наших правителей привели нас сюда, и мы хотели бы согласовать наши планы на будущее.

Ушаков сделал поклон в сторону Гамильтона и повернулся к леди Гамильтон.

— На морские корабли редко ступает нога женщины. Есть даже поверье, что тогда они приносят несчастье морякам...

Английский посланник с равнодушным вниманием слушал Ушакова, Нельсон же весь напрягся, готовый ответить резкостью. Федор Федорович широко улыбнулся.

— Ваша несравненная красота, я уверен, приносит только удачу, и я надеюсь, что после вашего посещения она не обойдет русские корабли.

Метакса, переводивший разговор, загордился своим адмиралом и как можно точнее постарался перевести комплимент.

— Вот уж не ожидала, что вы такой галантный кавалер, — вспыхнула Эмма. — Истинный рыцарь, — изящно вернула комплимент. — Да еще эти картины! Чудесно, адмирал, чудесно!

Нельсон, который начал расслабляться, снова как-то сжался: четко проявились скулы, заходили желваки, он резко задышал. Ушаков не обратил внимания на перемену в адмирале, пододвинул ему карту и, как бы приглашая к главному делу, обратился сразу ко всем:

— Мне хотелось бы, господа, четко обозначить наши совместные действия. Я готовился идти согласно вашим просьбам и повелениям моего императора к Мальте. Сейчас последовала просьба идти к Неаполю. Каковы на сей счет ваши мнения?

Только после этого Ушаков сел и внимательно оглядел присутствующих. Сэр Гамильтон опустил взор вниз и глубокомысленно молчал. Эмма глаз не отвела, на ее тонких губах играла недоверчивая улыбка. Нельсон подтянул карту за угол и указал пальцем на север Италии.

— Я не думаю, что нам надо крейсировать у Ливорно, Сардинии. И не дай бог Корсики. — Он помрачнел. Этот остров будил в нем плохое воспоминание. Именно здесь, при штурме крепости Кальви, перестал видеть его правый глаз. — Дай бог нам сохранить от погрома Неаполь и защитить Палермо. По моим сведениям, в Средиземноморье вышел объединенный франко-испанский флот, и нам сейчас не до Мальты. Кстати, оттуда собираются уезжать португальские солдаты, и мы можем вообще снять осаду.

— Как же так, адмирал? — искренне изумился Ушаков. — Ведь Мальта — наша общая цель. Она должна быть взята, и там должен быть водружен флаг наших держав. Ведь вы взывали ко мне с просьбой принять участие в осаде. Что за сила отвращает вас от крепости? Чего мы боимся?

Нельсон вспыхнул, на его щеках и лице заиграл румянец, поползший вверх и проступивший сквозь редкие волосы на голове. Он не мог позволить, чтобы кто-нибудь усомнился в его храбрости. Да еще здесь, в каюте русского адмирала, в присутствии Эммы Гамильтон.

— Я не знаю ничего выше преданности Англии и королю. Я не испытываю страха перед смертью. Наша жизнь находится в руках того, кто лучше других знает, нужно ли ее продлить или оборвать. И в этом отношении я отдаю себя его воле. Но мое имя, моя честь, — дерзко взглянул на Эмму, — находятся в моих руках. Жизнь с запятнанной репутацией кажется мне невыносимой. Смерть — есть только долг, который мы все рано или поздно должны уплатить. Мальта не уйдет от нас, и я прошу вас не ходить туда без английской эскадры.

Нельсон пристукнул рукой и с вызовом посмотрел на Ушакова. Федор Федорович вздохнул, с сожалением, как делают деревенские бабы при виде странника или убогого деревенского мужика.

— Я ценю вашу храбрость, адмирал, и тоже никогда не задумываюсь о смерти в бою. Но нам следовало бы подумать, как и когда мы завершим это дорогостоящее и кровавое предприятие — естественно, победой над нашим общим врагом.

Нельсон стал остывать. Понимал, конечно, что без объединенной эскадры с французами не управиться. Египет, Мальта, Анкона, Рим, Генуя, Тулон, Мальорка — коммуникации слишком растянуты, чтобы уловить все замыслы и действия противника. Сказал примирительно:

— Господин адмирал одержал славнейшую победу на Корфу, оставьте нам что-нибудь для пиршества.

— Думаю, герою Абукира хватит лакомства от сией славы до конца жизни, — весело парировал Ушаков. — Ну а как же с крейсированием на севере?

Нельсон отвел руку в сторону и пожал плечами:

— Где же? Где у нас столько кораблей?

— Но ведь вас просил сам граф Суворов-Рымникский! От усилий которого многое решится в сей кампании!

Нельсон опять преобразился.

— О да! Это великий полководец! В Европе нет такого больше! Все восхищаются его подвигами. Это делаю и я — Нельсон.

Глаза Горацио загорелись, он и сам весь засверкал каким-то внутренним блеском. Тонкая шея вытянулась, хохолок волос затопорщился на голове.

«Да ведь он похож на Суворова, — внезапно подумал Ушаков. — Сказать? Или возгордится совсем?» Нельсон же, придерживая правый пустой рукав левой рукой, вбивал слова-гвозди кому-то в укор:

— Я люблю его и за презрение к богатству, к удобствам...

Ушаков все-таки решился и попросил Метаксу:

— Переведи ему, что он очень похож на нашего фельдмаршала Александра Васильевича. И обликом, и манерами, и голосом даже. Тот тоже загорается, как порох, и все сметает на пути. Я ведь его хорошо знаю. Много лет знаком.

Нельсон вскочил и потянулся своей одной рукой к рукам Ушакова, пытаясь пожать их.

— Спасибо! Спасибо, адмирал, вы делаете меня самым гордым человеком в Европе. Я давно думал, что мы родня с сим великим полководцем! Спасибо.

Сэр Гамильтон с удивлением вскинул глаза на адмирала. Давно он не видел его в таком возбуждении. Ушаков же подумал, что в родню Суворову Нельсон набивается зря, тот людей неверных слову не любит. Вздохнул и обратился к сэру Гамильтону:

— Нас просят навести порядок в Неаполе. Но на это есть одно средство — прекратить кровопролитие, успокоить обывателей, не чинить притеснений со стороны богатых, и мы надеемся, сэр, что вы повлияете на министра Актона и королевский двор в этом.

— Не будем же мы возвращать генерала Шампионне, чтобы он защищал этих оборванцев и разбойников от законной власти, — саркастически заметил посланник.

Ушаков начал бледнеть. Он и сам ратовал за законную власть, но за разумную и достойную.

— Ваше превосходительство, наверное, не желает лишних жертв. Страна и так пострадала достаточно. Я хотел бы договориться, чтобы мы соблюдали порядок совместно, не разжигая страстей. Мы на Корфу не возвращали комиссара Дюбуа, а порядок установили, ограничив своеволие и диктат нобилей, успокоив обывателей, укрепив закон, и не было никакой резни!

Теперь уже Горацио менял свой цвет, правда, на какой-то необычный, юношески-розовый. Он понял намек Ушакова на неаполитанскую резню.

— Мы служили беззаветно английскому королю и везде будем бороться с якобинской заразой и революционной чернью, до тех пор, пока они не захлебнутся в собственной крови.

— Ну и служите себе, никто от вас не требует измены. Но если мы так будем наводить порядок, то скоро не останется никого из тех, кого мы призываем к порядку. Я прошу совместных мирных действий в областях, где мы сражаемся вместе...

...Два часа разрабатывали планы, присматривались друг к другу, спорили, не соглашались, склонялись к близости и снова расходились во взглядах два великих флотоводца.

Расставались после обеда, договорившись встретиться завтра на английском «Фоудройанте».

Эмма озабоченно, с удивлением рассматривала русского адмирала — пожалуй, первого, кто не сломился перед волей и страстностью ее Горацио (да, уже год он был ее, этот однорукий герой. Сэр Гамильтон не считался помехой).

— Вы так и не сказали, господин адмирал, чья это картина? — кивнула на стену, где на полотне колонна русских кораблей, раздваиваясь, обходила противника.

— Леди, я, к сожалению, не такой знаток и ценитель искусства, как ваш муж, у которого, как известно, великолепная коллекция античности. — Сэр Гамильтон встрепенулся. — Здесь у меня батальные картины. Живописец попытался изобразить одну известную битву, когда мы отрезали турецкий флот от суши...

Нельсон, не глядя на картину, спросил:

— А где же турецкие батареи?

— Вы уже поняли, господин адмирал, что это Калиакрия. Да, мы сумели там совершить боевой маневр, который удалось повторить только вам, при Абукире...

Нельсон одеревенел. Затем медленно протянул негнущуюся руку Ушакову:

— До завтра на «Фоудройанте»...

НЕАПОЛЬ

«Исполняя волю и пожелание его неаполитанского величества», русская эскадра в начале сентября стала полукругом в заливе у столицы Неаполитанского королевства. Ушаков вскинул свою спутницу — подзорную трубу — и долго всматривался в мягкие и красивые очертания города. На итальянской земле он уже бывал, довелось ему видеть здесь и мишуру богатства, и дикость нищеты. Нет, не узрел он здесь, в этих краях, ни разумных порядков, ни разумной отеческой власти. Почти все казалось ему в зарубежье странным и миражным, каким-то игрушечным, неживым, кукольным.

Вот и сюда прибыли для важного дела — спасения неаполитанского короля, но возвышенности и святости монаршего сана

Ушаков не почувствовал. К русскому графу, полномочному министру, да — почтение, а к этому монарху, сбежавшему из своей столицы средь шумного бала, он и отнесся как к карнавальной маске. Говори ей пустые слова и знай, что под ней другая личина. Какая?

Русские офицеры и посланник рассказывали о пустоте, трусливости, напыщенности короля, о злопамятности, беспощадности королевы.

Ушаков про себя сокрушался: сколь же ничтожных особ ему приходится защищать. Напоминали они ему ионических нобилей. Напыщенны, как индюки, родство помнят, а забот о подданных, о людях подчиненных как не бывало. Да разве бы смог он победы свои одержать в Черном море, здесь, у Венецианских островов. Корфу взять, если бы о матросах не пекся, экипажи не снабжал всем необходимым. Как же они хотят в своем королевстве жить и править оным, ежели подданные у них хуже скота? Почтительно и твердо отписал Фердинанду и Актону, что необходимо для мира и спокойствия «общее прощение».

Граф Мусин-Пушкин-Брюс, который прибыл на корабль, снисходительно рассмеялся при встрече.

— Кому вы пишете? Я уже имел честь вызвать неудовольствие таковой же просьбой. Думаю, и вам несдобровать после сих уязвительных для королевской пары просьб. Я-то чую, мне придется уехать, и рад сему. Надоело, признаться, видеть сии позорища палаческие на всех площадях.

Граф приехал, чтобы пригласить адмирала в свой неапольский дворец, и быстро уговорил Ушакова посмотреть «уголок российской земли». Дом находился недалеко от гавани. Решили пройти пешком в сопровождении матросской охраны. С первых шагов по твердой земле красота города растворилась. У берега жирные собаки подскакивали и обрывали куски мяса с ног повешенных, у стенки, обрызганной кровью, молча сидели исхудалые дети. Их, казалось, уже ничто не могло оторвать от земли, так бессильны и немощны они были. Ушаков передернулся, крикнул мичмана и отдал приказание привести с корабля команду и котел каши.

— Повешенных похоронить, детей накормить.

Всю дорогу до дворца посла его трясло. Нет, покойников он не боялся. На то и бой, чтобы оставались живые и мертвые. Но вот так измываться над противником, так зверски стращать — этого он не признавал, это ненавидел в душе.

— Не думает он, видимо, о том, что жить здесь придется, что казненные-то — подданные королевства? — напрямую спросил у посла Ушаков.

— Об этом ли заботится адмирал? — сразу понял посол. — У него главное — любовная утеха под носом у старика Гамильтона с его супружницей Эммой. Далее он только о славе своего королевства английского помышляет, а Неаполитанское для него — временное пристанище да место для игрища. Так что рвением своим он вроде бы волю монаршью исполняет, а сам его слабеть заставляет до такого состояния, чтобы неаполитанский король у него все время в ногах валялся, помощи просил.

Ушаков все это и сам чувствовал, но некоторых тонкостей, интриг местных не знал. Да и, если сказать честно, и знать бы не хотел, но когда армиями и флотами движет монаршье своеволие, надо пытаться уловить возможное будущее движение и не быть застигнутым врасплох, не оказаться в дураках, высказывая свое мнение, которым, правда, мало интересуются. Тогда лучше промолчать. Федор Федорович и молчал нередко, науку сию тоже уразумел, ибо имел свое мнение, отличное от других, высказывал его, правда, не торопясь, но и не боясь, в необходимых ситуациях. Союзные командиры, послы, сановники это чувствовали, понимали: Ушаков видит многое насквозь, интригу плетущуюся разгадывает, обмануть себя не даст. А поэтому противники его, злопыхатели злились на него, обзывали медведем, дубом, русской дубиной, но поделать ничего с его несокрушимым спокойствием не могли. Обзывали, злились, ненавидели. Вот и английский адмирал его разгадал и рассердился. Окажись он, Ушаков, глупее, проще, растяпистей — Нельсон с радушием его проводил бы, с радостью: глупого соперника не надо бояться. Пусть везде своим недотепством подчеркивает значительность англичанина, его военную удачу, тонкий английский юмор. От раздумий Федора Федоровича оторвал граф, пригласив в интимный кабинет, где у горящего камина стоял низкий столик с напитками и закусками.

В доме у посла еще господствовал беспорядок, до конца все не убрали и не поставили на место. Хоть и не разграбили подчистую, ибо даже лаццарони побаивались дерзостно обходиться с имуществом посла могущественной державы, но в кабинете, в бумагах в его отсутствие в Палермо рылись. Да и камердинера, отправленного Мусиным-Пушкиным с Сицилии для присмотра за особняком, генерал Шампионне приказал арестовать и заключить в крепость. В руках у республиканцев оказалась вся секретная переписка русского дипломата. А в ней находились серьезные документы. Тогда, наверное, перехватили они и договор, присланный из Петербурга о совместных действиях России и Королевства против Франции, ибо ни в Палермо, ни на русской эскадре об этом не узнали — Шампионне держал камердинера и

русские документы за крепкими замками. Лишь позднее эта весть пришла на Сицилию.

— У королевской четы тогда от сердца отлегло, они в газетах все пропечатали, — рассказывал посол, пока Ушаков усаживался в низкое, неудобное кресло. — Да ну их, — граф жестом пригласил адмирала взять бокал, взял и сам и, не произнося больше никаких слов, залпом выпил его до дна. Ушаков заметил, что и на его корабле, и в своем доме в Палермо граф с этого начинал серьезную беседу.

Ушаков удивился золоту и лазури, что окружали графа. Звезды всех видов, прямоугольники, циркули сияли на стенах.

— Не удивляйтесь, все сие символы истины и света. Эти два треугольника, что друг на друга положены, означают борение света духа с тьмой материи, борение духо-человека со ското-человеком. А эти пять концов говорят, что тяготения долу уже нет, тьма побеждена, осталось устремление вверх, ввысь, ко свету, вершине.

— Мудрено, — вздохнул Ушаков с безразличием, скользнул по всем этим молоточкам, отвесам, кои он видел еще в Кронштадте, и тихо спросил: — А для долга есть у вас знак?

Мусин-Пушкин-Брюс смешался, он понял, что Ушаков все знает, и не таясь сказал:

— Так вот, любезный Федор Федорович, мы с вами, как мне кажется, люди сродственные по духу. И вам и мне одно свойство принадлежит: мы умеем пробиваться вперед.

Ничего такого Ушаков не предполагал в себе, он не вперед пробивался в жизни, а долг свой с открытым и честным сердцем выполнял, а это и его вперед продвигало. Но промолчал, слушая.

— Смею вам сказать, что я в сих широтах историю латинскую изучил досконально и особо интересовался, отчего Латинская империя пала. От того, что не было у них в период раздоров и распрей тайного и невидимого для постороннего глаза скрепления лучших людей, тех, кто мог судьбы державы изменить.

Граф пошевелил щипцами угли в камине, откинулся и продолжал:

— Я к вам присмотрелся, Федор Федорович, и думаю, для вас и для нас полезно отзовется ваше вступление в союз масонский. Сие единение людей для вас наверняка известно. Вы человек благородный, в ложах масонских люди тоже отмеченные печатью высших добродетелей. Мы все печемся о любви к брату человеку, и вы, как я пронаблюдал, высокое человеколюбие проявляете. Многие известные вам люди в наших ложах пребывают.

Для вас не секрет, что во флоте еще со времен Петра и Лефорта масонское влияние имелось немалое. Но потом, в период упадка мощи морской, ложи сии действовали скромно и потаенно, заинтересовывая и подготавливая умы. Самуил Карлович Грейг — вот истинный восстановитель русского масонства. Самуил Карлович собирал вокруг себя лучших офицеров и через морское Кронштадтское собрание, где объединялись многие офицеры для смягчения и улучшения нравов, идею эту провел широко. Эти офицеры со многими другими иностранными друзьями знакомились через масонов, заимели товарищей зарубежных. Их же слава выросла благодаря участию в этих собраниях нравственного воздействия. Ваша тоже от сего возвысится, не сомневайтесь!

Ушаков сразу насторожился, не дал себе попасть ни под власть вина, ни под доброжелательный тон посла, ни под магию обещаний. Все это он уже слышал не раз. Знал и то, что и в ссору с могущественной силой входить не стоит, подчиняться им тоже не следует. Отечество — вот высшая сила, ему он служит без остатка, а масоны это служение хотят переключить куда-то в другое место, заставить служить каким-то другим силам и странам. Ответил спокойно, но твердо:

— Нет, сему вашему приглашению не последую.

— Ну отчего же? Вы не хотите или не можете быть с нами? Известно, на свете есть три сорта людей: Хочу, Не хочу и Не могу. Первые всего достигают — это мы; вторые всему мешают, а третьи терпят во всем неудачу. Вы из каких?

— Любезный граф, благодарю за доверие, которое вы мне оказали здесь, вдали от милого моего Отечества, пригласив в ложу людей почтенных и достаточных. Но я для себя избрал другой удел. Служить без корыстного расчета своему Отечеству, трудиться на благо флоту российскому. Вы мне говорили, ложа ваша поможет мне славу создать. Могу сказать: в Палермо и здесь, в Неаполе, тоже римской историей интересовался и вот что в память взял. Римляне в храмах своих ставили алтари Доблести и Славе, так что никто не мог достигнуть второго, не пройдя перед первым. Порядок движения таков: Труд, Доблесть, Слава. Кого может удовлетворить успех, ежели б для достижения оного было бы довольно одного желания? И кто-то мне даровал бы славу без моих усилий? Благодарю, граф. И довольно об этом.

ВЫСТУПАТЬ В РОССИЮ...

Суворов вырвался из швейцарской западни, совершив свой последний блистательный переход. В те дни, когда зловредные козни Гофкригсрата и Тугута «выдавливали» русского полководца из

Австрии, на французскую пристань Фрежюса, после длительного и опасного плавания из Египта ступил генерал Бонапарт. Колесо фортуны разворачивалось в другую сторону. История начинала переписываться заново. Суворов еще слабо надеялся на возвращение ему союзниками действительной и полной военной власти. Отослал письмо Ушакову с описанием кампании: дал знать — сражаюсь. Правда, он решил больше не верить словам союзников. А австрийцы и надеялись только на слова, ибо замыслы у них были другие. Суворов почувствовал это снова и, когда эрцгерцог Карл просил его о личном свидании, сурово ответил, что ему могут сообщить, что почтут нужным, в письме, надеясь, что письменные обязательства будут более уважаемы, чем устные. Его снова уговаривали, назначили место свидания с эрцгерцогом в Штокках. Суворов с раздражением говорил: «Чего хочет от меня эрцгерцог? Он думает околдовать меня демосфенством. Решите вы с ним, а у меня на бештимзаген ответ готов. Он дозволил исторгнуть у себя победы. Мне 70 лет, а я еще не испытывал такого стыда. Да возблистает слава его! Пусть идет и освободит Швейцарию — тогда и я готов!»

Суворов впал в настоящее горе. Как можно так упускать победы. Как можно так предавать союзников. Написал эрцгерцогу: «Мы сражались день и ночь, взбирались в холод на снег, утопали в болотах, и пришли к Рейну победителями, но босые, в рубище, без хлеба, оставляя раненых». «...Над таким старым солдатом, как я, можно посмеяться только один раз, но слишком глупо было бы с моей стороны второй раз позволить себя провести. Я не могу входить в план операций, от которых не ожидаю никаких выгод. Я послал курьера в Петербург, увел на отдых свою армию и не предприниму ничего без повеления моего государя».

«Если хотите, — дребезжащим голосом, готовым сломаться, истолковывал он английскому полковнику, графу Клинтону, — то надо снова исправить армию, соединиться всем вместе и действовать всеми силами, не ожидая, опрокинуть неприятеля в центре, раздавить его, преследовать и изгнать его из Швейцарии, а дальше...» И, видя восторженное недоверие в глазах англичанина, понимая, что ничего не изменится, если он будет действовать в цесарских оковах, при мертвенном почитании эрцгерцога, при Тугутовом вмешательстве, сказав о себе, отстраненно закончил: — Эрцгерцог Карл, когда он не при дворе, на походе, такой же генерал, как и Суворов. Кроме того, Суворов старше его опытностью и разрушил теорию нынешнего века, особливо в недавнее время победами в Польше и Италии, посему ему и диктовать правила военного искусства».

Граф восхищался, соглашался, обещал передать все эрцгерцогу, но при словах Суворова о том, что всю операцию можно завершить за месяц, не сдержался и недоверчиво усмехнулся. Фельдмаршал рассердился:

— Да, да, за месяц! Надобно только беречься адского жерла методиков. Прочь зависть! Контрмарш! Демонстрации! Они — ребяческие игрушки. Мои правила: глазомер, быстрота, натиск!

Клинтон не раз вспоминал позднее в Лондоне, что ожидал увидеть после швейцарского похода сломленного усталого старика, а увидел энергичного, не прекращающего думать над судьбами всей войны, над операциями в Швейцарии, Италии, на Рейне человека.

В Англии же в это время слава Суворова достигла апогея. Посол Воронцов писал Суворову, что после песни «Правь, Британия» (ставшей позднее национальным гимном) исполнялись куплеты, прославлявшие подвиги Суворова. «Вся публика изъявляла крайнее восхищение при пении сих стихов; плескали, кричали: «Браво! Браво!» — и заставляли актеров пропеть оные два раза». Посол добавлял, что король на торжественном обеде в честь кентской милиции провозгласил тост и за здоровье фельдмаршала Суворова!.. «Во всей Англии, за всеми столами после здравия королевского следует здравие Вашего сиятельства». Народ же английский, писал Воронцов, «льстить не знает, даже и противу собственного короля, а если кого и хвалит и прославляет, то верить можно, что без лести, без обиняков, а от искреннего сердца, от истинного уважения». Австрийский же двор Суворова лишь боялся, а не уважал.

Вена надеялась, что и на этот раз, осенью 1799 года, уговорят строптивого старика с помощью Павла Первого. Однако российский император все больше и больше задумывался над эфемерностью своего союза императоров. Его императорские амбиции уступали место трезвому реализму. Да и Суворов срывал маски с союзников, столь бесцеремонно и хищнически распоряжавшихся его победами. Он не доверял русскому посланнику в Вене графу А. К. Разумовскому, полностью попавшему под влияние Тугута. И начал отправлять свои донесения, минуя русское посольство — сразу Ф. В. Ростопчину, «прямо государю». Павел сначала лишь подозревал, что его обманывают, потом сам убедился в этом. Он соглашался с Суворовым, что надо продолжать наступление в Италии и выйти на юг Франции, но Тугут его убедил: надо приостановить движение. Павел хотел восстановить власть бывших владетелей Северной Италии, а Австрия упорно этому сопротивлялась, имея в виду установление своей. Австрийцы уже не без труда уговорили Павла перенести действия русских войск в Швейцарию и вдруг предали их там, как он понял из донесения Суворова. Стал разбираться, по-другому оценил предыдущие донесения Суворова, отписал тому: «Не предпринимайте ничего, что не касается цели союза. Не хочу тратить войска для тех, кто упустил время и хочет заменить себя союзниками для своих выгод».

Австрийский посланник в Петербурге граф Кобенцель велеречиво распространялся о ценности союза, о том, что австрийцы не покинут Швейцарию до подхода русских. Узнав, что цесарийцы и не думали поддерживать Суворова, Павел рассвирепел и написал фельдмаршалу: «Хочу посмотреть, как австрийцы одни, без вас будут бить французов», подтвердив, что разрешает ему действовать отдельно или безостановочно идти в Россию.

Тугут уже вызывал приступы ярости и у Павла. Он приказал не принимать австрийских подданных при дворе, выслал из России его посланцев. В Вену назначили нового русского посланника С. А. Колычева, Разумовского отозвали из Вены. Ростопчин, саркастически сообщая об этом Суворову, добавил: «Гр. Разумовский по привычке жить в Вене и по великому мнению о бароне (Тугуте. — В. Г.) весьма часто забывал, какому государю он служит. Колычев хоть не так затейлив и менее у Дворов играет роли, но может не хуже дело сделать». Павел ждал вестей от Суворова. Фельдмаршал все подтвердил, и 22 октября 1799 года Павел отдал приказ: «Войска мои, принесенные в жертву, политика, противная моим намерениям и благосостоянию Европы, поведение австрийского министерства, причин коего я знать не желаю, заставляют меня общее дело прекратить, дабы не утвердить торжества в деле вредном».

Англичане, почувствовав, что Россия уже разгадала их постоянное умение — воевать чужими руками, кинулись уговаривать русского императора, убеждая его «пожертвовать справедливыми причинами негодования его против Австрии». Даже Тугут залебезил: рескриптом императора Франца Суворов был награжден орденом Марии-Терезии I степени. Поздно. Павел был непреклонен и прислал Суворову строгое предписание идти в Россию.

«Я решился отстать вовсе от связи с Двором Венским — и давать единый ответ на все его предложения доколе Тугут остается министром, то я ничему верить не буду; следственно, и ничего делать не стану. Весьма рад, что от вашего из Швейцарии выступления узнает эрцгерцог Карл на практике, каково быть оставлену не вовремя и на побиение; но немцы люди годные, все могут снесть, перенесть и унесть. Прощайте, князь Александр Васильевич, вас да хранит Господь Бог, а вы сохраните

Российских воинов, из коих одни везде побеждали от того что были с Вами, а других победили оттого, что не были с вами».

Суворов как-то поник, состарился. Нет, не там, штурмуя Сент-Готард, не при покорении горного Паникса, а здесь, в зеленой долине, понимая, что то были его последние победы и, пожалуй, последние битвы. Павел осознал, что его попытки создать прочную коалицию всех монархов рухнули, и отдал приказ Суворову немедленно выступать в Россию. Решена была судьба и Средиземноморской экспедиции.

ПОСЛАННИК ГАДАЕТ

Сегодня Василий Степанович Томара общался с душами ушедших, постигал будущую судьбу. Души-призраки появлялись в сполохах света, мерцали таинственными бликами. Опускались, шептали, предостерегали. Там, в запредельном мире, уже много истерзанных, желающих поведать о себе душ. Их голос предостерегает, сдерживает от греха и порока, очищает. Но их надо услышать, почувствовать, отворить свое сердце и разум навстречу. Василий Степанович раскрывал, старался постичь этот мир, слегка заглянуть в тот. Ему все больше и больше казалось, что все нынешние потрясения, неповиновение черни, безверие и разврат — от вздорных книг, от неистовых философов, от нарушения веками установившегося порядка, от выдуманных законов, идущих вразрез с традиционным духом народа, его корнями и нравом. Души ушедших убеждали его в этом.

Василий Степанович пытался заглянуть как в прошлое, так и в будущее. Нередко, рассматривая ладонь собеседницы, он многое предсказывал. Проводя пальцем по трепетавшей ручке, вначале сокрушенно качал головой и объяснял, что линия жизни проходит рядом с линией Сатурна и потому близка смертельная опасность. Дама вздрагивала, подсаживалась ближе к предсказателю, ее зрачки расширялись, и она со страхом и надеждой ожидала окончания.

А Василий Степанович внимательно вглядывался в линии пересечения, бугорки ладони и видел в них то, чего другим было не дано. Он разглаживал кожу, затем, поднеся руку к глазам, каким-то изменившимся, почти утробным голосом оповещал: линии опасны, но, продолжаясь дальше к золотому безымянному пальцу, они образуют крест. А сие дает возможность при добрых советах и благоразумных действиях избежать несчастья. Дамы готовы были выслушивать все советы всевидящего Василия Степановича. А он, слегка сжимая ладонь и показывая на ложбинки у Венериного бугорка, объяснял, что желания и томления сердца следует удовлетворять, и это не легкомыслие, а натуральность характера и его здравость. Мужчины, правда, при сем ухмылялись и злословили, в предсказания не верили. Он и не заставлял. Судьба покажет, кто прав.

Сегодня, однако, он гадал один. Хотелось удачи. Чувствовал себя плохо, болела печень после острых турецких блюд, мучила зыбкость константинопольской султанской кухни. Заварил кофе в медной турецкой кофеварке. Делал все медленно, осторожно. Не спеша слил жидкость, переложил три ложечки гущи в одну чайную чашку, затем в другую. Накрыл их блюдечками и осторожно опрокинул на стол. Капнул чистой воды. Подержался за виски, задвинул шторы, зажег свечу и, взяв чашку за донышко, не стряхивая, тихо и бережно опустил ее три раза. И каждый раз повторял, направляя на свечу звук, три слова: «Верность, дружба, согласие». Посмотрел на одну чашку, затем на другую и первым решил испытать судьбу Ушакова. Ушакову удивлялся искренне. Видел его талант флотоводца. Но возмущался: что лезет в дела государственные? Лезет настойчиво, неуступчиво. Одержал великую победу — честь и хвала. Однако же упрямое его гонение на аристократов было уже опасно. Если бы не ведал Василий Степанович, что ревностно служил Отечеству Ушаков, то мог и заподозрить в якобинских симпатиях, в заразе, ныне коснувшейся многих. Посланник много приложил усилий, дабы Временный план заменить Византийской конституцией для новой Республики Семи островов без крайностей ушаковских предписаний. Ушаков забомбил его письмами, жалобами на лучших людей, устроил со своим дружком Тизенгаузеном нетерпимую жизнь для них. Все печется о благоденствии многих. Да разве для многих жизнь хорошую, достойную высоких помыслов создашь? Бред! Не многими, а лучшими мир держится. Правда, последние годы оглядываться приходится, слова разные ласковые говорить для успокоения всех, что поделаешь, пожалуй, только льстя народу и создавая впечатление, что разделяешь его мнение, можно в наши дни привести его к мыслям более здравым. Но льсти! Льсти! Кто тут мешает Ушакову? А дело твори во благо немногих аристократов, не допускай к власти тщеславное и завистливое мещанство, второй класс, всяких художников и лекарей. Не жаловался на него императору, только прилагал к реляциям Павла копии своих писем Ушакову, в которых наставлял адмирала, не соглашался с ним. Думал, Павел поддержит, одернет Ушакова. Однако император молчал. Плохо и неуютно, когда твои рапорты не поддерживают. Послал свои соображения в Коллегию иностранных дел, но и там молчали.

Нет, мелкопоместный дворянин, оказавшийся у кормила власти волею случая, ну пусть не случая, а собственной победы — вздорен, неуправляем и даже опасен. Недаром вице-канцлер Кочубей говорил об Ушакове: «Не велик гусь!»

Василий Степанович собрался, свел брови, поднял чашечку и долго всматривался в приставшую к ее краям кофейную гущу, в скрытые фигуры и тайные очертания, что предсказывали будущее. Вначале все было ясно. Посланник покрутил чашку, присмотрелся, проступили ветви. Густые ветви каких-то диковинных деревьев, листья с которых отлетали в сторону. М-да! Раздоры, раздоры ожидают бедного адмирала. Предупреждал ведь, предупреждал. Правда, вот там видно что-то роговое, из-за гущей кофейных. Ну а рога — к дороге. Дорога дальняя. Засиделся адмирал, застоялся, пожалуй, лучше ему в Ахтияр побыстрее.

О себе Василий Степанович не беспокоился — знал, что найдет верное толкование любому пятну кофейному. Но всегда хотелось очевидным знаком утвердить судьбу. Так и есть, слава богу, башня. Сие добрый знак. Рядом, правда, мельница. То клевета. Перевел глаза снова па башню. Задумался...

Василий Степанович служил царской короне ревностно. Служил не из награды и почестей, а из внутреннего побуждения, подчеркивая свою преданность второй родине. Собственно, для него первой, ибо это его переселившиеся на Украину родители могли считать Грецию родиной. Он уже узнал мир и добился своего положения в России. Сейчас он уже в годах, но видел много, добился немало. Побывал переводчиком в Закавказье и служащим константинопольского посольства. Царский двор заметил его, заметил и оценил хитрость и скрытность, храбрость и изворотливость. На Черном и Средиземном морях его знали. Бывал он во многих портах и сам в 1790—1791 годах командовал русскими кораблями в Средиземном море. Тогда и пришлось ему столкнуться с турками. Связи с Кочубеем привели снова сюда, на берег Босфора. Но не только за связи определяли послов сюда, в Турцию, а и за знание, за усердное служение царскому двору, великой империи. Старался Василий Степанович и служил не за страх, а за совесть. За совесть владетеля крупных имений, сотен крепостных душ и немалых капиталов.

Слуга доложил: «Опять эти крикуны-просители». Обычно Василий Степанович ухмылялся, а тут одернул: «Не смеешь так о господах!» Тот с удивлением взглянул на хозяина и громко, явно передразнивая, крикнул: «Высокие командиры и сенаторы прибыли к русскому посланнику». Теперь уже и Томара с удивлением взглянул на слугу: «Откуда только неповиновение сие нутряное. Ведь до якобинского Парижа и пугачевской Волги отсюда так далеко... Времена...»

Гости зашли шумной, суетливой толпой. «Какие из них аристократы? Так только пыжатся. Прав Ушаков: индюки венецианские».

— Высокочтимый русский посол, как всегда, мы склоняемся перед вашей великой мудростью, перед сиянием императора Павла и, как всегда, во второй руке у нас жалоба на вашего адмирала, — не делая паузы, ибо переводить было не надо, зачастил Каподистрия. Все закачали головами в подтверждение сказанного. — Невыносимо, — закатывал глаза старый депутат. — Невыносимо жить в постоянной угрозе, что твои слуги тебя прирежут, крестьяне запашут твои земли, а ремесленники займут твои дворцы. И страшнее всего то, что глава утвердившейся у нас российской власти, власти монархической России, все прощает им...

— Господин посол, — вдруг перебил одетый в изысканный костюм с венскими кружевами Граденигос Сикурос ди Силлас, — он не только прощает им! — Голос его понизился до шепота. — Он подстрекает их, он сам заговорщик, а его капитан Тизенгаузен — якобинец.

— Полноте, господа! Полноте! Адмирал в полном здравии, — решил осадить Томара. — Он имеет указание нести военную службу и несет, как вы знаете, ее исправно. Как ваши острова, так и Неаполитанское королевство пребывают в безопасности. Что касаемо вашей власти, то оная имеет полную поддержку императорского двора в Петербурге и нашего посольства в Константинополе. Что вам еще нужно?

— Но до вас так далеко, господин посол, а второклассные и вся чернь каждый день бывают у адмирала. Утром у него, а вечером звенят стекла в наших домах. Спасите нас от беззакония.

Томара помрачнел: он знал, что этим заканчиваются все его встречи с аристократами. Не хотелось защищать сумасбродного Ушакова, но и этих заносчивых баранов надо осаживать. Бегают, не переставая, к визирю, Раис-эффенди. Имел точные сведения, что много часов провели у английского консула Форести и нового великобританского посла в Константинополе Элгина. Ловердас, большой интриган и умелый сочинитель, втайне приписывающий себе авторство Византийской конституции, вкрадчиво, словно разглаживал морщины на лбу посла, стал его благодарить за участие и помощь в продвижении их нового свода законов.

— Ваше превосходительство, вы мыслите много и напряженно, и мы знаем, что вы поддерживаете естественную природу обще-

ства, когда сверху власть, идущая от бога. Не выбирать ее надо, а опираться на вековечный порядок. Мы благодарим вас, но...— Ловердас развел руками, — русский адмирал попирает сей принцип. Знаете ли вы, что он в нашем отсутствии кричал на почтенных депутатов Сената, поддержавших нас. «Если бедняки восстанут и вас вырежут, они очень хорошо сделают, и я прикажу моим солдатам не вмешиваться в это. Вы заслуживаете все, что бедняки с вами сделают, потому что вы и ваши депутаты — предатели». Он приказал отозвать нас.

Томара тяжело вздохнул, он уже знал, что Форести написал об этом туркам и лорду Элгину. Врал, конечно. Адмирал, наверное, не одобрял пугачевщину, но слово, поди, крепкое сказал. Пора, пора и его осадить, а то не оберешься хлопот. До Петербурга слухи доползут; а где посол был? Посулил успокоить адмирала, взял их «жалобу» на него, твердую поддержку императорского двора обещал аристократам, но, выпроваживая, кольнул:

— А вы, господа, не отходите от ваших главных освободителей и заступников. А то всех нобилей делят на турецкую и английскую партии, а русской партией громко себя именуют лишь второклассные и чернь. А Форести да Раис-эффенди вас не защитят, ежели вы с Россией порвете.

Аристократы засмущались, обещали ревностно служить и русскому императору, добиваться его благосклонности.

Василий Степанович постоял у окна, проследил, куда разъезжаются депутаты, потом сел за стол, придвинул чернильницу и вывел: «Вашему императорскому величеству осмелюсь всеподданнейше донесть...»

ПЕСНЯ ДАЛЬНИХ ДОРОГ

Федор Федорович с утра приказал себе: «Не расстраиваться. Не предаваться чрезмерно чувствованиям». Знал, сделать это будет нелегко: сегодня корабли покидали Корфу... Понимал, заканчивается важная, может быть, главная часть его жизни. Здесь одержал одну из самых славных своих побед — взял Корфу. Здесь скинул путы постоянного надзора и контроля. Руководил сам: согласно пониманию и опыту, обстановке и обстоятельствам. Нет, он слал рапорты в Петербург, но знал — пока они дойдут, он уже завершит то, на что испрашивал разрешения. Здесь он был военным моряком и державным деятелем, слугой царю и отцом своим матросам, европейским политиком и полномочным представителем России. Думал о том, сколько же там, в Ахтияре, на Черноморском флоте, в любезном ему Отечестве приходится тратить сил на уговаривание вельмож, увещевание чиновников, на преодоление разгильдяйства, напыщенного чванства, многозначительного неумения, сколько сословных, финансовых, естественных рогаток приходилось ему преодолевать. Конечно, много бестолочи и тут, вдали от Родины, но здесь он — хозяин ситуации, боя и мира. Редко, как же редко русскому талантливому человеку удавалось потешить себя таким положением. Но уж если улыбалась ему судьба, то достигал он таких вершин, как Суворов, как Ломоносов, близких духу и душе Ушакова людей. Но главное, он верил и знал, что должен взять Корфу, сохранить корабли, должен победить. Он знал, что Мордвинов, блестящий и способный адмирал, не одерживал побед потому, что лишен веры и решимости. Сам же Ушаков, изучив все высокие приказы и уяснив задачу, заставил себя не колебаться, не отступать. А ведь можно было дрогнуть, растеряться, оправдать себя, свое отступление. И, наверное, поняли бы, простили, но он не простил бы себя. И поэтому оставался столь тверд и непреклонен, многим, видимо, казался твердолобым. И подвластное его напору вокруг расчищалось место, предоставляющее ему простор и свободу действий. Федор Федорович был твердо убежден: неудача наступает тогда, когда человек не приложил вовремя воли и своих способностей, чтобы добиться успеха. Редко мог он упрекнуть себя за отступление от этого правила.

...На площади перед ратушей собралось великое множество люду. Пожалуй, весь Корфу. Морские служители уже вернулись на корабли, а здесь, у высокого крыльца, выстроился почетный караул из солдат подполковника Гастфера, что оставались еще на острове для охранной службы. Флейтисты хотели сыграть бодрую торжественную мелодию, но музыкальный строй как-то сломался, инструменты зазвучали вразнобой, и оттого каждая флейта стала издавать какие-то печальные и грустные звуки. Зарыдали женщины, заплакали дети. Мужчины-греки негромко приказывали им замолчать, но сами украдкой смахивали влагу с ресниц. Ушаков прокашлялся, потер щеку и, успокоившись, медленно, отчеканивая каждое слово, обратился к собравшимся:

— Братья и сестры! Островные жители всех сословий! Исполнив свой долг, наказав дерзкого врага, защитив интересы Отечества нашего, передав острова в ваши руки, русская эскадра отплывает сегодня в Севастополь. Земля ваша стала Республикой Семи островов, поставленной на хорошем основании и выгодах. Блюдите нынешнюю державность греческую, защищайтесь от посягательств, не раздражайте волнением Блестящую Порту Оттоманскую, под властью которой, как и Рагуза, вы будете. Не устраивайте резни, не разжигайте пламя недовольства.

На кораблях и бухте трепетали белые с синими крестами флаги, косицы вымпелов вытягивались по ветру в сторону далекого Крыма, куда тянулись и душой и телом русские моряки. Ушаков горестно вздохнул:

— Здесь остались могилы воинов наших. Не дайте разорить их, сохраните память о героях, что не пожалели живота своего за вызволение островов. Тут последнее их пристанище на земле.

Адмирал положил руку на плечо подполковника Гастфера и, помолчав, обратился к караулу:

— Русские солдаты, вы остаетесь здесь. Будьте зорки, прилежны, честны и неусыпны, не дайте разбойникам и пиратам с побережья грабить острова. Не позвольте себе обидеть невинного, взять чужое, забыть свою веру и Отечество. Будьте надежными караульными работниками России здесь до нового ордера.

Ушаков положил вторую свою руку на плечо графа Булгариса, притянул его к себе и громко, чтобы слышали все, закончил:

— Желаю островитянам иметь послушание к высшему начальству. Все неприличные споры и распри прекратить. Правителям же, Сенату вашему свои требования делать сходно с законом, не нанося оскорблений и соблюдая правосудие. Хочу всем обывателям благосклонности божьей, тишины и спокойствия на островах. Я же всегда буду вашим покорным слугой и доброжелателем!

Метакса перевел последние слова, и Ушаков, сделав шаг со ступенек, низко поклонился всем, кто окружал его. Раздался шум, к крыльцу, раздвигая толпу, вышел Дормарос, его голова была обнажена, седые волосы развевались во все стороны. Священник спешил, он только что приехал с Закинфа и боялся опоздать к отходу русской эскадры. Остановившись внизу перед Ушаковым, Дормарос обернулся вполоборота к толпе и, поведя рукой, как бы извлек из толпы голос, которым заполнил всю площадь.

— Великий адмирал! Ты спас нас! Ты покорил нас силой своей доброты. Ты един с нами в вере. И ты всегда будешь в душах страждущих, усталых и надеющихся на лучшее греков. Ты выправил души наши, и мы уже не трепещем перед врагами с Запада и с Востока, потому что мы знаем: с нами непобедимая Россия, за нас великий адмирал! — Он протянул Ушакову большую, выкованную местными умельцами медаль, на которой было написано: «Мужественному и храброму спасителю и победителю» — и, отдав ее, осенил адмирала крестным знамением.

Ушаков смахнул слезу. Священник не соблюдал традицию, не упоминал императора, не вспомнил об угрозах турок и опасности Бонапарта. Он говорил от сердец тысяч, и эти торговцы, врачи, художники, рыбаки, крестьяне, моряки, повинуясь единому

чувству, запели... Они пели какую-то старую греческую песню, сохранившуюся в веках. Возможно, ее пели в Древней Элладе, провожая аргонавтов, или уходили с ней «из греков в варяги» бесстрашные купцы Византии, или напевали ее, вглядываясь в горизонт, жены пропавших в дальних плаваниях рыбаков.

Это была песня прощания и грусти. Это была песня дальних дорог. Ушаков шагнул к шлюпке.

НОЧНАЯ ДУМА

Константинополь отступал во тьму. Корабли входили в Черное море. Ушаков вышел на палубу незаметно, остановился в лунной тени. Солдаты суворовского батальона, посланного им еще для штурма Мальты, рассказывали забавные истории из заграничных походов. Матросы отвечали тем же. Один из них с удивлением и восхищением приговаривал:

— Красота-то какая! Красотища. Эхма-а, братцы, ничего этого мы бы не видели и не знали, если бы не наш Федор Федорович. Вот уж победы умеет ковать-то. Ажно страшно, куда забрались. А с ним не боязно.

— А и нам с Александром Васильевичем стало ничего не страшно. Он все дела свои вершит по божьим законам. Господь дал ему чудесную мудрость, и знал он все на свете, что было раньше, что будет потом. Ангелы божьи руководили им. Они слабые стороны его врагов указывали, а русскому солдатскую силу удесятеряли.

— А ты знаешь, — перебил другой, — он хоть и телом хлипок, не чета вашему адмиралу, но бог дал ему здоровье наикрепчайшее, хворь его не одолевала.

— Да что хворь, он с самими звездами речь вел и волны слушал, шелест листьев разумел. Бают, что по ночам он видел всех, кто погибший, и скорбел всегда сердцем, зная их. Дьявол, сказывают, — продолжал седоусый гренадер, — со его врагами союз заключил, но Суворов дьявольских чар не боялся и наваждения всегда отводил от себя и солдат. Но однажды, — гренадер оглядел слушателей, достал трубку и, набивая ее табаком, продолжал: — дьявол-таки одолел его солдат. Сила врага человеческого велика, и войско стало роптать. Дело еще было во время перехода через ущелье Сен-Готардово, где и гнездился дьявол. «Не пойдем дальше! — кричали солдаты. — Мы голодны, не обуты, веди нас назад!» — «Хорошо!» — сказал Суворов. — Гренадер высек искру, трут затлел, и трубка его задымила, распространяя запах пахучего турецкого табака. — Так вот: хорошо,

он говорит. Я позволю вам возвратиться назад, но прежде заройте меня в землю! Копайте могилу!

— Так и сделал? — недоверчиво спросил крепкий коренастый молодой моряк.

— Так и сказал: «Копайте мне могилу!» А у солдат сердце встрепенулось. «Отец наш! — заливаясь слезами, говорили они... — Веди... веди нас! Умрем за тебя!» Так что и на сей раз дьявольские козни не удались. Я ведь с Александром Васильевичем из-под самого Кинбурна воевал и под Очаковом был, под Измаилом, две дырки от фузеи в ноге, по голове саблей турок полоснул, француз в грудь штыком уколол, а жив все. А он, наш отец родной, уже на том свете, но, сказывают, — гренадер снова понизил голос, — что лежит он в гробнице в глухом темном лесу, среди необитаемых трясин. В том лесу есть скала, а вход в эту скалу скрыт под болотом, про которое в народе ходят недобрые слухи...

Трубка гренадера иногда вспыхивала ярче, и тогда из темноты выплывали лица моряков и солдат: то нос с усами, то чье-то ухо с серьгой, то полуоткрытый рот застывшего во внимании молодого еще воина.

— Так вот, говорят, по ночам слышатся на болоте чьи-то горькие стенания, синие потаенные огни загораются то там, то сям под скалой, какая-то бледная тень носится над ней, да тянется заупокойная и звон погребальный.

— Что то такое? — не выдерживает молодой.

— Тайна. Но говорят, в середине скалы есть оконце и видно в него, как горит внутри неугасаемая лампадка и кто-то замогильным голосом произносит поминовения старому князю, рабу божьему Александру. А он сам, батюшка наш Суворов, спит тут же, положив голову на каменную плиту. Тишина мертвая кругом, лес не шелохнется, ветерок не прошумит в листве, ни птица, ни зверь сюда не заглядывает, только черный ворон каркает над скалою, да высоко в небе вьется орел, что другом его и спутником был.

— Да-а, история, — протянул кряжистый, полувопросительно подтвердил: — Может, и найдется волшебник какой, что живую воду отыщет.

— Спит мирно русский богатырь, — закончил гренадер. — И долго еще спать будет, пока не покроется русская земля человеческой кровью по щиколотку бранного коня. Тогда и воспрянет от смертельного сна могучий старец, выйдет из темного могильного заключения и освободит свою родину от злой напасти.

Над кораблем проносились морские ветерки, тихо шуршала волна, а солдаты и матросы задумались над судьбой уже ставшего легендарным, недавно водившего в поход русские войска непобедимого воина и командира. Ушаков шагнул вперед, солдаты и моряки вскочили.

— Сидите! Сидите! Славно сказывал про Александра Васильевича. Может, и песни какие споете про него?

Солдаты переглянулись.

— Да вот есть у нас тут один, Максим из Малороссии. Он много знает.

Максим не отнекивался, сел на подсунутую кем-то скатку и попросил подсвистывать. Потом начал лихо:

А Суворов подскакал ко донским казакам:
«Ой, вы, братцы, молодцы, вы донские казаки!
Вы донские, гребенские, запорожски молодцы.
Сослужите таку службу, каку я вам велю,
Каку я вам велю и каку прикажу:
Вы пейте-ка без меры зелено вино,
Берите без разсчету государевой казны,
Но можно ли, ребята, караулы турски снять?»

Закончив куплет на высокой ноте, Максим опустил голову, набрал воздуху и снова с удалью продолжал:

Не велика, сударь, страсть — караулы турски скрасть,
Тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали,
Закидался, забросался сам турецкий визар,
Черзень-речку перешел, во постелюшку слег:
«Не чаял своей силушки в погибели бывать,
А теперь моя силушка побитая лежит,
Вся побитая лежит, вся порубленная».
Побили-порубили все донские казаки,
Донские, гребенские, запорожцы молодцы!

— Хорошая песня, боевая, — похвалил Ушаков. — Ну а еще что знаешь?

— Я много знаю: и про Кинбурнскую косу, и про польского короля, и про то, как цесарский царь просил Суворова отрядить спасти его, и про их спор с Потемкиным. Но вам вот спою смутную, печальную.

Где ты, ворон, был, где полетывал,
Ты скажи, ворон, что видал-слыхивал?
Что случилось во туречине,
В грозной армии Суворова
Не убит ли мой сердечный друг,
Сердцу верному зазнобушка?

Вышла луна, по берегу тянулись огоньки, и русская протяжная песня зажимала суровое солдатское сердце в тоске, вызывала в нем сладостные и грустные воспоминания.

Я видал диво, диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Как наш батюшка, Суворов князь,
С малой свитой соколов своих
Разбивал полки тьму-численны,
Полонил пашей и визирей,
Брал Измаил-крепость сильную, заветную.
Много пало там солдатушек
За святую Русь — отечество
И за веру христианскую.

Моряки вспоминали штурм Корфу, солдаты — последние битвы при Требии и Нови. И там пали многие их товарищи. А Максим продолжал как-то сдержанно и легонько:

Я принес тебе и весточку,
Что твой милый друг на приступе
Пал со славой русска воина.
Он велел отдать кольцо тебе
Обручально, с челобитьицем,
Чтобы красная ты девица
Не кручинилась, не печалилась.
Князь Суворов, наш отец родной,
Смерть отмстил он своих детушек —
Над главами басурман-врагов:
Он, отпев тела геройские,
Поронил слезу отеческу,
И по долгу христианскому
Над могилой их поставил крест.

Песня затихла, а все кругом молчали. Было грустно, жаль солдата, его невесту, да и себя немного. Ушаков тоже пожалел себя. Некому отдать обручальное кольцо. Да и нет его у него. Обручили его с морем, с дальними походами, ласкали его удачливые ветры. Не семейный, а самый настоящий боевой корабль был под началом у него всю жизнь.

— Ну, спать, братцы, пора. В России будем скоро. Своих встретим. Обрадуются.

ЕГО КАПИТАНЫ

Русский морской флот во времена Ушакова был густо населен опытными морскими командирами, принимавшими участие во многих кампаниях и сражениях. Г. А. Спиридов, А. Н. Сенявин, А. И. Полянский, Ф. А. Клокачев, А. В. Елманов, А. П. Круз, С. П. Хметевский, Т. Г. Козлянинов, С. К. Грейг, И. Т. Овцын, Я. Сухотин, А. И. Борисов, Н. И. Баскаков, В. Я. Чичагов, И. Л. Голенищев-Кутузов, Е. С. Одинцов, И. М. Одинцов, Шельтинг, Н. С. Мордвинов, Ф. Макензи, П. И. Ханыков, А. П. Алексиано, А. В. Мусин-Пушкин, П. Алексиано, П. К. Карцов, П. В. Пустошкин, Г. К. Голенкин, П. И. Пущин, В. П. Фондезин, Д. Н. Сенявин, А. А. Сорокин и другие. А рядом менее способные, но более пронырливые и нахальные Г. Кушелев, Поль Джонс, М. Войнович, Д. Эльфинстон, Мазини, Траверсе, П. В. Чичагов. Нелегко было пробиться через этот строй к высшим военно-морским званиям, орденам, признанию. Следует сказать, что в этом продвижении существовал строгий порядок. Присуждение высших званий происходило после успешного завершения плавания, выигранного сражения, других испытаний, выдержанных кораблем, эскадрой, флотом. Немало, конечно, зависело и от благосклонности двора, от влияния знатных родственников, фаворитов. Ушаков этого дополнительного коэффициента продвижения не имел. Он был обязан своему таланту, опыту, упорству, знаниям, человеческим качествам. И еще в продвижении, в утверждении авторитета он был обязан своим друзьям-капитанам, своим помощникам по боевому братству, своим подчиненным офицерам, своим сотоварищам. Он им обязан. Но и они ему обязаны славой, приобретенным опытом, высочайшим умением.

Ушаков не подбирал себе командиров, Адмиралтейств-коллегия сама назначала их по старшинству, выслуге, успехам. Офицеры должны уметь повиноваться и подчиняться. Они и умели. Но через небольшой промежуток времени почти все они исполняли команды своего командира не только по уставному требованию, а по внутреннему убеждению в его правоте, по вере в его знания, опыт и удачу. С Ушаковым они прошли крещение в соленой купели моря, прожили беспокойную, нелегкую, но возвышенную жизнь. Все они были высокие патриоты, все были люди духовные, одни из самых образованных представителей державы, все десятки раз покидали родину и, если не погибали, всегда возвращались к ней.

«Чести образец» являл сам Ушаков. И его окружали люди, для которых честь всегда пребывала самым высоким понятием.

Возьмем храбреца Ивана Андреевича Шостака. Он и в блестящем шлейфе на судне «Лебедь» сопровождал Екатерину II по Днепру, а в первом бою с турками в Лимане сражался на шлюпке. В устье Дуная на дубель-шлюпке появлялся в самых неожиданных местах, нападал на противника, взял в плен два речных судна, участвовал во взятии крепостей Тульчи и Исакчи. «Георгий» 4-й степени заблистал тогда у него на груди. Казалось, человек этот создан для подвигов. Один указ о его награждении настигал новый — за бесстрашие при штурме Измаила с отрядом гребного флота он награжден при похвальном листе золотым знаком с сокращением на три года срочного времени для

получения военного звания. В 1791 году на полном ходу на своих не очень устойчивых гребных и иных судах подходил к Галацу и Браилову и, разворачиваясь, устраивал артиллерийский обстрел. Известны случаи, когда такие обстрелы оканчивались печально для стреляющих — пушки разрывало, лодки от отдачи переворачивало. Но Шостаку везло — все оставались целы. Везло потому, что был храбр, настойчив, четок, умел подготовить к бою всю команду. Второй «георгий» вне очереди засиял на его груди. После войны с турками его искусство шлифовалось под началом Ушакова. Доверие вице-адмирала окрыляло. Иван Андреевич провел блестящую операцию по взятию Цериго и Занте. Ушаков ценил достоинства своих командиров. Павел I особо отметил эти победы. Шостак стал капитаном 2-го ранга и получил «Анну» на шею. Затем осадные работы вокруг Корфу, дерзкие рейды по Адриатике и Генуэзскому заливу. Восьмиконечный крест Иоанна Иерусалимского — знатная награда того времени — присоединился к другим у стремительного и бесстрашного капитана 1-го ранга. Он и погиб-то по-морскому, геройски, не оставив корабль «Тольская богородица» при крушении (уже в начале следующего века).

А Сарандинаки (Стамати) Евстафий Павлович? Известно, как любил Ушаков греков. И не случайно он избрал своим флагманом корабль «Святой Павел» под началом капитана Сарандинаки. Этот не знавший страха волонтер архипелагской кампании Спиридова прибыл в Кронштадт с русской эскадрой и поступил на русскую службу. Ее он проходил по ступенькам, ничего не переступая, начав в 1775 году с артиллерийского унтер-офицера. Еще раз с эскадрой контр-адмирала Борисова обогнул Европу, вздохнул с грустью у родных берегов Греции и в лейтенантском звании оказался с другой стороны своего Отечества в Азовской флотилии. Не пренебрегая ничем в деле службы (да, собственно, и пренебрегать-то изгнанникам с родины нечем), командует транспортным судном. Яростно сражается в Лимане. Замечен. Получает капитана 2-го ранга. Под началом Ушакова на фрегате «Кирилл Белозерский» сражается у Керчи и Гаджибея. На «Св. Андрее» участвует в судьбоносном для русского флота сражении у Калиакрии. Не мог не поднять свой флагманский флаг на «Святом Павле» Ушаков, ибо не раз испытывал он четкость команд, понимание, слаженность экипажа, умение канониров на этом корабле, ибо не случайно стал на нем с 1798 года капитаном этот бесстрашный русский грек, с детства знающий все бухты и заливы Архипелага. И ушел Сарандинаки в отставку сразу же после похода. Может, не хотел служить под другим началом?

Через десять лет после Ушакова закончил морской кадетский

корпус Александр Андреевич Сорокин. И сразу дальний и сложный переход к «Английскому каналу». На этом школа заморских переходов не завершилась. В 1781—1782-м на «Памяти Евстафия» в эскадре Я. Сухотина прошел он от Кронштадта до Ливорно и обратно. Тут-то и познакомился Сорокин с четким, упорным, скрупулезным командиром корабля «Виктор», отсюда и пошла их многолетняя и братская дружба. Судьба на Черном море свела их снова, где он плавал ежегодно, а одним летом ходил для обозрения Константинопольского пролива. Присматривались капитаны. В войну храбро сражался в Очаковском лимане — стал капитан-лейтенантом. Командуя дубель-шлюпкой, ходил в устье Дуная. Поверил окончательно в мастерство своего старшего собрата в сражениях у Керчи и Гаджибея. И сам был награжден там «георгием» 4-й степени. Затем знаменитая Калиакрия. После этого можно было Александра Андреевича больше на храбрость не испытывать — он полностью прошел морскую академию Ушакова. Думаю, что Федор Федорович радовался, когда с ним на «Св. Михаиле» шел в Ионическое море капитан 2-го ранга Сорокин. Не опасаясь нерасторопности, неумелости, простоватости, Ушаков доверял ему крейсировать от Александрии до Неаполя, действовать с английской эскадрой в совместной блокаде Египта. Ну и когда наступил час Корфу — Ушаков без него тоже не обошелся. Капитан 1-го ранга Сорокин, осыпанный наградами, остается после ухода Ушакова в Неаполе, крейсирует в Средиземном море, до 1806 года, исполняет добросовестно поручения русского двора (спас даже сардинского короля). Один из немногих после Великого адмирала получает Золотую шпагу с благодарностью от Сената Ионических островов.

С 1807 года он в России, командует эскадрой на Балтийском море, тогда же и уволен от службы (что за поветрие пронеслось в эти годы над ушаковскими капитанами?). И лишь в год смерти Ушакова его опыт вновь понадобился и он был возвращен во флот, стал членом Адмиралтейств-коллегии.

А вот еще два его замечательных капитана-друга, подписавших завещание Ушакова. Нет, панибратства у них не водилось, но был совместный, боевой, не усыпанный розами путь, была крепкая мужская дружба, была уверенность в порядочности и честности, была вера в высокую судьбу русского флота. С Гавриилом Голенкиным и Петром Карцовым они учились почти в одно время в кадетском корпусе. Их пути сходились и расходились в самое переломное время. Карцов инспектировал его в 1797 году в Севастополе, в 1800 году пришел на подмогу из Кронштадта в Палермо. Гавриил плавал по тем же маршрутам, что и Федор: Кронштадт — Архангельск — Ливорно. Сражался при Чесме.

хозяйствовал в Херсоне, его усилиям город и порт обязаны в немалой степени своему расцвету. Но корабле «Св. М. Магдалины» сражался у Керчи, Гаджибея и Калиакрии, состоял членом правления Черноморского флота, а до Ушакова, уже в звании вице-адмирала, командовал галерным флотом Балтики. Уволен от службы почти одновременно с Ушаковым. Победители в прошлом всегда неуместны для новых правителей.

Ушаков не был противником иностранного, как пытались иногда представить его ретивые почитатели. Он всегда глубоко изучал иностранный опыт, знал иностранные языки, с почтением относился к зарубежным обычаям. Но он был противником невежества, которое не имеет национальных границ, но умеет хорошо рядиться в престижные и высокочтимые у нас в Отечестве зарубежные одежды. Он умел хорошо распознавать его, за напыщенностью, многозначительностью и горделивостью увидеть пустоту и никчемность. И в то же время умел перенимать у иностранцев все хорошее, умел дружить с самыми умными и благородными капитанами-иностранцами, пребывающими на русской службе. И действительно, под его началом находились люди разных национальностей, с которыми Ушаков быстро находил общий язык, если они добросовестно и усердно служили русскому флоту. Вот, например, швед Бакман, нареченный при переходе в наш флот Иваном Яковлевичем. В войне с турками Бакман командовал дубель-шлюпкой. Хладнокровный и расчетливо храбрый, он участвовал в штурме острова Занте, в сражении на Цериго и в десантной высадке при взятии Корфу, где и был контужен. Не успел поправиться — ринулся на фрегате «Святой Григорий Великой Армении» к Неаполю, где участвовал в высадке десанта. Три ордена получил за эту кампанию Иван Яковлевич. Ясно, что не без представлений Ушакова.

С почтением относился Ушаков и к англичанам. Англичане волонтеры Роберт Вильсон и Белле. Вильсон сражался при Фидониси и Керчи, а стремительный капитан Белли (Белле) был одним из любимцев Ушакова. Его звали то Генрихом Генриховичем, то Григорием Григорьевичем. Он появился в Донской флотилии в 1783 году с английской службы. Плавал на Азовском и Черном морях, воевал под началом Ушакова во всех сражениях: при Фидониси, Тендре, Гаджибее, Калиакрии. На фрегате «Счастливый» участвует в штурме Церию. В экспедиции с десантом русских моряков проходит из Манфредонии весь юг Италии и завершает поход в Неаполе. Победоносное шествие небольшого отряда потрясает Петербург, Палермо, Константинополь. «Белле думает меня удивить, — воскликнул тогда Павел I, — так я его удивлю сам», — и пожаловал ему орден Анны I степени, что

было явно не по чину. Морская закваска передалась, кстати, в семье по наследству, его внук Владимир Александрович Белли начал службу в 1900 году на «Авроре», перешел в 1917 году на сторону Советской власти, командовал эскадренным миноносцем, названным в честь его деда «Капитан Белли», служил в штабе ВМФ и преподавал в академии.

Следует сказать, что Ф. Ф. Ушакова вообще окружали интересные, ответственные, умные, наблюдательные люди. Историограф его эскадры в Средиземноморье Телесницкий — один из самых замечательных и легендарных разведчиков XVIII века. Под чужим именем сухопутным путем пробрался он в Италию. Снял планы Сиракуз, Палермо, Корфу. Нащупал связи с инсургентами и противниками режимов на Балканах и в Италии. На свой страх и риск организует отряд корсаров и начинает совершать нападения на турецкие корабли. чудом спасается от окруживших его турок и становится в эскадре Ушакова ценным осведомителем, наблюдателем и историографом.

А Иван Осипович Салтанов — лихой боец со шведами! Где только не побывал он. Избороздил Северные моря, несколько раз ходил в Архангельск, Копенгаген, Лондон. В последнем походе стал волонтером английского флота. Достиг Вест-Индии и Америки. Это и сейчас-то далековато, хотя вполне достижимо, а тогда из Ярославля, например, — сущий край земли. Ушакову такие бывалые капитаны очень по душе, и Салтанов становится с ним рядом. На корабле «Св. Михаил» в эскадре Пустошкина штурмует Видео и Корфу, ведет блокаду Анконы и Генуи. За разгром военных транспортов у генуэзского побережья награждается орденом Иоанитов. Он и позднее прибудет сюда в эскадре Сенявина, проявляя лихость и безукоризненную исполнительность. С новыми порядками на флоте, с отставкой своего адмирала ушел из жизни.

Или возьмем мичмана Федора Сабова, окончившего более чем через тридцать лет после своего кумира кадетский корпус, да не в Петербурге, а в Херсоне и сразу же попавшего в огнище войны, принимавшего участие в штурме Церию, Занте, Кефалонии. Ушаков разглядел в нем человека смелого, ответственного, везучего. И поручает ему на поляке «Экспедицион» курсировать до Туниса и обратно. Капитаны некоторых хорошо вооруженных фрегатов не решились бы на столь рискованные рейды под носом у французов, а Федор Сабов не усомнился ни в себе, ни в экипаже. Умел воевать и быть неуязвимым.

А умница, зоркий и наблюдательный капитан-лейтенант Егор Метакса. Тоже из греков, из второго поколения, после окончания Корпуса чужеземных единоверцев направлен мичманом на

Черное море, участвовал в бою при Калиакрии и, по его словам, имел «счастье служить при великом адмирале», с которым и направился в Ионический поход. В Константинополе переведен, как знающий турецкий язык, на флагманский корабль Кадыр-бея «для истолкования сигнальной части и движения эскадр». Участвовал в десантных операциях на Цериго, ездил с особыми поручениями в Превзу и другие места. Оставался при адмиралах Сорокине и Сенявине в Средиземном море, лишь в 1811 году возвратился в Россию и ушел в отставку. Он-то и написал прекрасную эпитафию к памятнику великого адмирала «Записки флота — капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Фед. Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798, 1799 года». К сожалению, вышли они уже после смерти учителя и ученика.

Его капитаны не были элитной когортой, не были кастой, они объединялись духом высокого служения Отечеству, у них в превосходной степени развито чувство долга, они опытные профессионалы и духовно родственные души. «Сочувственники», «общники» — такими старинными словами можно обозначить капитанов Ушакова. Они обладали желанием превосходить друг друга, но это не порождало коварства, а искало выхода в повышении мастерства. Все они искусны в управлении кораблем, некоторые старались это делать с особым шиком. Ушаков не препятствовал дерзостному лихачеству, но и не раздувал это в ревность. Для него высший смысл — исполнить заданное дело с наименьшими потерями людей, экономной затратой средств и сил в эскадре.

Его капитаны — люди разных темпераментов, стилей, положений в обществе. Но он умел всех их воссоединить в едином организме эскадры, исполняющем единую волю. Вместе с тем каждый действовал предельно самостоятельно. Ушаков с их помощью тщательно разрабатывал все операции и походы, а затем поступал решительно. В этой его железной системе действий нет места для боязливых, робких, нерешительных. «Все за одного, один — за всех».

Ушаков видел и ощущал всех своих капитанов, их чувства, их состояние, их реальную готовность. Он сдерживал для полного вызревания вулкан страстей в натуре Дмитрия Сенявина, чтобы дать ему восторжествовать и вернуться с победой, а не с шумом скандальной славы. Он уважал печальную надежду Евстафия Сарандинаки на освобождение родины и оказывал ему полное доверие, порождая ответное чувство благодарного служения России. Он восхищался боевой дерзостью Шостака и поручал ему самые рискованные операции, он знал неусыпную бдительность и умение блюсти честь державы Сорокина и без сомнения отправлял его в дальнее крейсирование в составе английской эскадры. Он знал железную непоколебимость в строю Голенкина и поставил его в авангарде у Калиакрии.

Он ведал и про их слабости и поэтому перекрывал возможность оступиться соседом, честолюбием, твердым словом. Они стояли насмерть, и это был его главный резерв, позволявший создавать перевес там, где хотел адмирал.

И еще Ушаков и его капитаны опирались на великолепную боевую традицию морского флота России, на Петровскую школу мореходов. Нет, они не следовали ей слепо, а, укрепляясь ею, шли дальше. Воссоединение знания и вдохновения, профессионализма и идеи, характерное для флота Петра, оставалось чертой русских морских офицеров и в последующие годы. Блестящая плеяда капитанов и командиров, окружавших Ушакова, сама по себе выдающееся явление, и уже она одна подчеркивает гениальность и вершинность великого русского адмирала.

ЕГО КОРАБЛИ

Ушаков любил осмотры корабля. Внизу шуршала волна, вверху бился в парусину ветер, а здесь покоился мир, от которого зависела жизнь всего того, что именовалось кораблем.

Начинал осмотр с трюма, где сразу проявлял тщание, даже придирчивость.

— Не близко у вас к боргам сии грузы расположены?

В насыпном балансе стояли в три ряда обложенные дровами водяные бочки — верхнего, среднего и нижнего лага. Он требовал согласно всем правилам, чтобы они равномерно заполнялись и опорожнялись, дабы устойчивость не терялась. Особо придирчиво оглядывал крюйт-камеры, щупал уголья, насыпанные для предохранения пороха от сырости. Нередко выставлял возле крюйт-камер специальных часовых. Осматривал фонарь, который зажигался с другой стороны камеры, медленно и осторожно обходил бочки с порохом, проверяя их подвижность, пробуя рукой разложенные на решетчатых полках картузы, приготовленные для орудий разных калибров. Чуть повыше на выходе хранились разного рода артиллерийские припасы: кожи, кокора, роги, фальшвееры, палительные трубки, блоки. Артиллерийский припас в основном хранился в каюте возле крюйт-камеры — там лежали фитили, армяки, запасные колеса, оси, клинья, лома, банники, бумага. Ядра были в ящиках с переборками в ячейках для

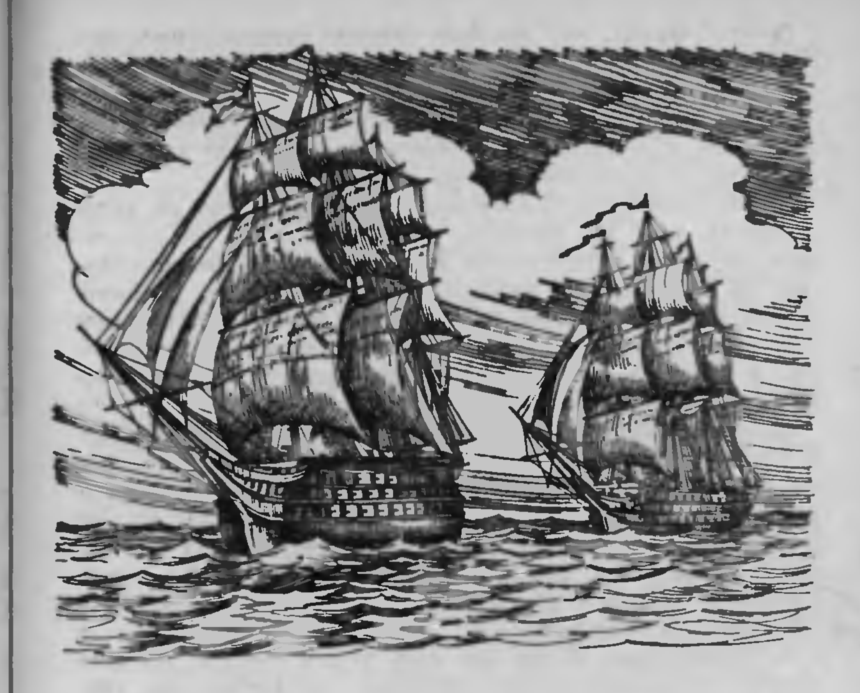
соответствующего калибра. В шкиперских каютах трюма пахло горьковатой парусиной. Свернулись в аккуратные тюки тенты, брезентины. лежали разные тросы, парусные нитки, сало, смола, кожа, котлы, гвозди, фонари, обыкновенные сигнальные свечи, мелкие блоки и разные нужные для корабля железки и деревяшки.

В ящиках умещались готовые вкрутиться в дерево гаки, остроголовые топоры, палубные скребки, свайки, долота, болты. В трюмах было влажно, улепетывали завидевшие фонарь крысы. Ушаков с ними боролся, но не всегда успешно. На нижней палубе днем людно. У пушки находились баталеры. Федор Федорович всегда пробовал, как прикреплена пушка. Дергал тали, особо придирчив был к брюкам — толстым смоленым веревкам, которые пропускались в рымы, прикрепленные к бортам. Помнил, как кружила однажды сорвавшаяся в Северном море пушка, как покалечило матросов, как и его чуть не придавило.

В каютах для сухой провизии громоздились кули и лари, наполненные крупой, горохом, тут же хранились канистры, котлы, ендовы, кружки, чарки, ливера, веса. Сверх них лежали решетчатые перегородки для воздуха. В скрученных из веревок кольцах, что назывались у моряков кранцы, до времени покоились ядра, другие ядра были уложены вокруг грот-мачты. На нижней палубе, начинан от носа, жили служители — канониры, матросы и солдаты. В подвесных койках всегда спала часть команды, другая находилась на вахте.

На корме в констапельской каюте размещаются артиллерийские, солдатские офицеры и штурманы. Тут же корабельная канцелярия. Хранится все абордажное оружие — мушкетоны, пистолеты, пики. Впереди бизань-мачты мерно просвечивали выстроенные в три ряда ружья. На верхней палубе в корме отделяется переборкой кают-компания, рядом с которой располагаются капитан-лейтенанты и лейтенанты, над шканцами живут мичманы и гардемарины, на правой стороне — священник, там же поставлен корабельный образ для совершения молитв. Посреди верхней палубы во время похода стоит барказ. Тут же место для всякой живности — вверху в клетках куры, утки, гуси, внизу бараны, телята, свиньи.

В носу под баком на середине находится корабельная кухня — камбуз. Впереди ее корабельный лазарет, с другой стороны зажженный фитиль, что позволяет служителям курить над кадками, наполненными водой. С ними рядом труба, которая восходит из кухни, и тут же гальюн, то есть уборная. Между грот- и фок-мачтой прикреплены запасные стеньги, реи, помпы, дубовые доски.



Потом Ушаков шел на шканцы, туда, где каюта капитана. Здесь же, на шканцах, всегда у компаса вахтенный, что командует в рипер, то есть медную трубу. За шканцами хранятся всякие припасы штурмана: флаги, лоты, лаги, лини.

Вдоль всего корабля проходы — называются колидоры, чтобы плотники и конопатчики могли осматривать его борта, перегородки, ладить и конопатить. В колидорах развешивались блоки, бугели, голики и стояли ружья. А на юте и шканцах вокруг корабля сделаны сетки, где хранятся служительские чемоданы и койки, не раз спасавшие от картечи и пуль моряков.

Сколько бурь, штормов, грозных валов обрушивалось на корабль Ушакова. Казались неизбежными крушения, катастрофы. Но их у него не было. А ведь крушения кораблей в то время не редкость. Так, в 1773 году в Архипелаге затонул со всей командой 59-пушечный корабль «Азия». Лишь сундук с платьем и офицерскими эполетами да бизань-мачта остались от него. В 1774-м наскочил на камни и разбился вблизи Ревеля фрегат «Минерва», взорвался в Керчи от неосторожного поведения крюйт-камера фрегат «Третий», погиб линейный корабль «Слава России», сгорел корабль «Преслава» близ Тулона.

Следует сказать, что причины каждого крушения изучались комиссией и докладывались Адмиралтейств-коллегии, которая принимала строгие решения.

Войновича, капитана «Минервы», допустившего упущения «из-за лености и покою», лишили чинов и разжаловали в матросы (через год Екатерина восстановила его в чинах).

Капитан-лейтенанта Козлянинова, показавшего, что он ходил в карауле, хотя, как оказалось, сказал «облыжно», то есть соврал, ибо сам на вахте проспал, поставив дежурить часового, списали на два месяца в матросы, лейтенанта Сакена, ушедшего раньше со службы, решено было при производстве обойти чином один раз, а фурьера Колесова «за ложный рапорт о том, что якобы... и помнил то, что было признано», наказали еще более жестоко, пропустив через тысячу шпицрутенов два раза.

Сурово наказывала Адмиралтейств-коллегия провинившихся. К Ушакову такие меры не применялись ни разу. И не потому, что к нему кто-то чрезмерно благоволил, а потому, что денно и нощно проводил он свою жизнь на корабле, потому что знал ов его досконально, осматривал постоянно, предупреждал возможные поломки, имел необходимый запас досок, канатов, реев, стеньг. Он знал каждый свой корабль досконально, чувствовал его, любил его нежной любовью.

На первых порах он сам был лишь членом команды, постигал корабль, приживался к нему, готовился к началу над ним. «Евстафий», «Наталия» в 1764 году, фрегат «Ульрика» в 1765 году, пинк «Наргин» в 1766—1768 годах, «Три иерарха» в 1768 году — приобщили Федора Федоровича к морскому братству, к нуждам, возникающим на корабле, особенностям корабельной жизни, характерам и недостаткам как моряков, так и кораблей.

Азовско-Донской поворот в жизни предоставил Федору Федоровичу возможность познакомиться с невиданными доселе судами. Надо было преодолевать мели и перекаты, перевозить вооруженных солдат, различные припасы — и русские судостроители создали новый тип судов. Управляться с «новоизобретенными» кораблями приходилось нелегко. Прам № 5 в 1769—1770 годах, «Дефеб» в 1770-м, фрегат «Первый» в 1771—1772 годах, бот «Курьер», новоизобретенные корабли «Морея» и «Модон» — находились уже под командованием Ушакова, выходили в Черное море, помогли будущему адмиралу овладеть искусством морехода, дали практику прибрежного кораблевождения, показали всю сложность существования южного флота.

На Балтийский флот возвращается уже испытанный, жаждущий дальних экспедиций капитан. Фрегат «Северный орел» стал первым большим кораблем, которым командовал Ушаков. Поход

же вокруг Европы по трудности вполне мог быть отнесен к походам первой сложности. «Виктор» также полностью подчинился воле капитана. Адмиралтейские чины признали за Ушаковым качество — умение покорить, приручить корабль, сделать его объезженным, изучив все его сильные и слабые стороны. Недаром в его руки вручали для проверки корабли, которым выпала судьба определить будущее российского судостроения.

К его отзыву о фрегате «Проворный» прислушиваются. «Во время вояжа примечено...» — писал он в вахтенном журнале. Эта приметливость и зоркость к своему другу-кораблю навсегда остается характерной для него.

Флаг командующего Севастопольским флотом Ушаков поднял на 80-пушечном линейном корабле «Рождество Христово». Командовал кораблем капитан 2-го ранга М. М. Елчанинов. Этот флагманский корабль был для Ушакова счастливым. Недалеко от Керчи, где турки решили высадить десант, встретился он впервые в должности командующего со всем турецким флотом. Очевидно превосходство турок: 1110 пушек против 860 русских орудий. Но Ушаков бросает в жаркий бой авангард во главе с Г. К. Голенкиным, который и вызывает всю силу турецкого флота на себя. В решающий момент в бой вступает «Рождество Христово», на котором поднимается сигнал «сблизиться с противником на картечный выстрел». Командиры на корабле были отменные, они и сокрушили мощь турок. Капудан-паша бежал.

У Тендры Ушаков атаковал трехкильватерной колонной турецкий флот Гуссейна. И опять «Рождество Христово» сыграло ключевую роль в битве, разгромив своими орудиями второй флагман адмирала Саит-бея.

Звездный час линейный корабль «Рождество Христово» пережил 31 июля 1791 года. Блестяще пройдя между берегом и флотом, Ушаков оказался на ветру и устремился на флагманском корабле к адмиралу Саит-Али, успевшему построить кильватерную колонну. Возможно, легендой было то, что Саит-Али перед походом обещал султану привести Ушак-пашу с веревкой на шее в Константинополь, возможно, легендой был и громовой возглас Ушакова с дистанции сто метров: «Саит, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!» Но не легенда — великое мастерство канониров с «Рождества Христова» и других кораблей, не легенда — развороченная золотая корма турецкого флагмана, перебитая мачта, уничтоженный такелаж и абордажные лестницы. Корабль Саит-Али затонул на виду у Константинополя, а «Рождество Христово» вошло в историю как наиболее победоносный флагманский корабль Черноморского флота.

Нет сомнения, что Федор Федорович пылко любил и другой

свой черноморский корабль — «Святой Павел». Он наблюдал за его достройкой в Херсоне, приглядывался к команде, спасал от чумы, закалял в переходе из Лимана в Севастополь. Именно на «Св. Павле» он отработал знаменитое взаимодействие, которое превращало капитана, команду и корабль в единый слаженный организм. Его «старанием и искусством» быстрее всех выбегали по команде моряки «Св. Павла» на свои места, быстрее всех они освоились со сложным такелажем, хорошо знали команды и сигналы, быстрее других ставили паруса, споро перестраивались на другой галс, точнее и скорее всех стреляли там артиллеристы, метко поражали врага стрелки. И еще моряки там были всегда аккуратны, хорошо и сытно накормлены. Много времени отводил Ушаков постижению команд и сигналов. Поэтому-то столь блестяще, как на учениях, опередил «Св. Павел» турецкие корабли при Фиодоноси, «сбив с немалым повреждением капитан-пашинский корабль. Тож особо один за другим сбил из своих мест сначала поставленных капитан-пашою против его трех кораблей, из коих один большой осьмидесятый, — писал в донесении Ушаков, — потом сбил же из места пришедшего в помощь им из передовых кораблей одного, причиня всем оным немалое повреждение, фрегат, спустившийся с ветра, один потопил напоследок».

Три часа длился бой, турки не привыкли еще проигрывать на Черном море, но мастерство командиров и моряков «Св. Павла», других русских кораблей превзошло, когда рухнула бизань-мачта у флагмана турок, капудан-паше стало ясно, что сражение проиграно, и он поспешно вышел из боя, устремившись к берегам Турции. Так победоносно вошел в историю русского флота «Св. Павел». Ушаков за победу на нем стал контр-адмиралом. Однако список побед и экспедиций корабля на этом не закончился.

Новый «Св. Павел» стал флагманом в Средиземноморской экспедиции Ушакова. Наверное, это не случайно. Вокруг него создавалось какое-то поле уверенности, мужества и честности. Отсюда, со «Св. Павла», шли указания на корабли русской эскадры, донесения в Петербург, Константинополь, Вену, здесь ковалась стратегия победы.

Достаточно вспомнить февраль 1799 года.

По сигналу с флагманского корабля эскадры объединенный русско-турецкий флот выдвинулся к Видео и после артиллерийского обстрела «истребили и обратили в прах французские батареи». «Св. Павел» стрелял по самой крупнокалиберной батарее противника и в короткий срок подавил ее. На мачте взвился сигнал: «Начать высадку десанта». Видео пал. Взяты штурмом внешние форты. Судьба Корфу решена. Генерал Шабо 20 февраля

1799 года на борту «Св. Павла» подписал условия капитуляции. Командование осажденных прибыло на корабль к Ушакову.

Капитан-лейтенант Е. Метакса свидетельствует:

«Французские генералы, выхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы и Видео, что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видана... Оне еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обязаны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнущие силою от рук мусульман».

Можно привести и отзывы самих французских пленников о впечатлении встреч с Ушаковым и кораблем «Св. Павел».

«Русский адмирал принял нас в кают-компании (на корабле «Св. Павел»)... Он оказал очень ласковый прием всем нашим начальникам. После обычных приветствий вице-адмирал Ушаков велел подать нам кофе. Ушакову около пятидесяти лет. Он кажется суровым и сдержанным. Он говорит только по-русски... Московский флаг на корабле начальника напомнил о враге, которого должно опасаться, но который знает законы войны, не то было с флагом оттоманским... Адмиральский корабль «Св. Павел» хорошо построен и вооружен бронзовыми пушками, так же как и прочие суда. Это судно содержится очень чисто и в хорошем порядке».

Ушаков возвратился из Средиземноморской экспедиции в Россию на «Св. Павле» 26 октября 1800 года. Через несколько дней он донес главному командиру Черноморского флота В. Н. Фондезину, что «Св. Павел» вместе с другими кораблями «подлежит большому исправлению». Все они «введены в гавань, поставлены на места и разоружены, и из них к исправлению килеванием и за червоядием к перемене верхней обшивки наипервее приуготовляться» (31 декабря 1800 г.). Это была его последняя встреча со «Св. Павлом», на следующий год Ушакова перевели в Санкт-Петербург. Там он и ходил несколько раз в море, взыскивал за порядок.

Но душа его уже никогда так не радовалась и не возвышалась, как в дальних походах на своих лучших кораблях...

ЕГО МОРЯКИ

Морской служитель, моряк, мореплаватель, мореход, матроз, чин нижнего звания — сколько названий имел тот, на чьих мускулах, усилиях, ловкости, храбрости и умении держался парус-

ный флот. А жизнь не баловала его какой-либо прочностью. Зыбким было море, зыбкой была жизнь. Сухари в походе превращались в пыль, порошок, в котором копошились черви, вода протухала, солонина сгнивала. Цинга, шатающиеся зубы, распухшие десны, вонь сопровождали моряка на его корабле.

В западных флотах на корабле часто собирались странные «моряки»: обыкновенные арестанты, каторжане, авантюристы, случайные люди. Их захватывали всякими правдами и неправдами в приморских набегах, на городских окраинах, на пыльных дорогах и в грязных трущобах. Сборище последних бродяг и пожизненных люмпенов, бояливых сельских парней и авантюристов, убегающих с берега от наказания.

Русский флот сложился несколько иным. Моряки в него набирались в основном из рекрутского набора и из солдат, а также из небольшой части вольных людей, однодворцев, мелких торговцев, бывших иностранных подданных. Рекрут воспринимал свою тяжкую повинность как исполнение желания общины, всего сельского схода, и поскольку общинные настроения преобладали среди русских крестьян, рекруты в основном не считали возможным протестовать против жестких порядков, а свой долг, свою обязанность видели в добросовестном исполнении общинной обязанности. В этом заключалось преимущество русского моряка, моряка, которым командовал Ушаков. Они приходили в неведомое для них дело и с крестьянской основательностью овладевали им. А освоить его было нелегко, неимоверно тяжко для того времени. Как разобраться во всем сложном корабельном устройстве? Перед рекрутами представал новый мир, который постепенно, усилиями таких капитанов, как Ушаков, становился понятным и близким. Но не сразу...

В книге известного немецкого мариниста Хельмута Ханке «Люди, корабли, океаны» пишется о кораблях того времени: «Для обслуживания парусов на фрегате имелось около 140 различных тросов. Среди них были фалы для подъема рей, бегущие кверху по эзельгофтам или блокам; ракстали для поднимания или опускания раксов, брасы для поворота парусов на ветер; шкоты для притягивания нижних узлов паруса к борту, палубе или ноку нижележащего рея; гитовы для подтягивания кверху нижних углов паруса во время взятия рифов или при уборке; гордени для подтягивания паруса к рее и многие другие снасти. Эти тросовые джунгли были еще гуще, так как, исключая фалы и ракстали, у каждой из снастей был свой двойник для противоположного борта. Попробуй разберись во всем этом хозяйстве! Да еще такие трудности, зачастую иноязычные, «птичьи» названия... Но куда сложнее, чем овладеть подобной тарабарщиной, было научиться «играть на этой канатной арфе». Чего, например, стоят такие команды, как: «Брамсели и бом-брамсели на гитовы! Кливер и бом-кливер долой! Фок и грот на гитовы! На грот-брассы!»

В хорошую погоду еще сносно. Когда же налетал шторм и рангоут начинал скрипеть и охать, когда верхушки мачт кружились, а палуба, окатываемая забортной водичкой, становилась скользкой, будто смазанная мылом, когда промерзшие канаты деревенели, а судно после нескольких прыжков в этой дьявольской чехарде вдруг давало резкий крен — тогда начиналась битва с морем не на жизнь, а на смерть! Для того чтобы суметь в неистовстве урагана взять рифы на гроте, нужны были нечеловеческие силы. И барахтались люди в хлещущей их, словно плетьми, путанице такелажа, как мухи в паутине... и раскачивались между небом и землей на этих сатанинских качелях отчаянные ползуны по вантам, цепенея от ужаса и выкрикивая прямо в тучи богохульные проклятья... Но никто не покидал своих постов, если только ураган не распоряжался по-иному. За трусость полагалась смерть. Таков был суровый закон палубы».

На русском флоте порядки несколько отличались, но в целом оставались почти такими же. Ибо ничто не могло изменить характер моря, урагана и корабля. Ибо не придумали еще тогда двигатели, заменявшие паруса, и автоматы, исполняющие команды.

Жестокие наказания применялись на флоте: цепи, кошки, линьки (короткие пеньковые тросы с узлом на конце, которыми избивали провинившегося), порка на палубе в присутствии команды, шпицрутены. Жестоко по нынешним меркам. Ушаков проявлял строгость к прегрешениям на службе, отклонений от требований не терпел. Существовали уставные наказания за прегрешения, и, возможно, мы в наше время ужаснемся некоторым из них. Но таково было время, да и нынешние наказания, видимо, нашим потомкам тоже покажутся ужасными. Главное, о чем свидетельствовали сослуживцы Ушакова, наказания за проступки и преступления были справедливы и неотвратимы. Адмирал не упускал нарушений без наказания. Вот, например, один из его суровых приказов от 4 октября 1792 года:

«§ 1. Явившегося из бегов корабля «Рождество Христово» клерка унтер-офицерского чина Ивана Батагова за самовольную от команды отлучку, за пьянство, в котором он обращается весьма часто, и дурное поведение, написал я в матросы по 2 статью и рекомендую к воздержанию впредь от таких предерзостей наказать его при команде по рассмотрению.

§ 2. Пойманного из бегов находящегося на Глубокой пристани штурманского ученика Герасима Федора во исполнение прислан-

ного ко мне из Черноморского Адмиралтейского правления от 18 числа сентября указа, ежли и подлинно он так объявляет и имел так от командира притеснения для чего... не принес жалобы, а отлучился... Рекомендую господину премьер-майору Говорову наказать его жестоко при разводе фрунта и определяю его на корабль «Сошествия святого духа» в комплект, куда приняв, внести в список и довольствовать чем следует.

§ 3. Явившегося из бегов корабля «Богородица казанская» писаря Ивана Шершнева и пойманного каторжного невольника Ивана Михайлова рекомендую первого за пьянство и 5-дневную от команды отлучку наказать при команде по рассмотрению, а невольника господину премьер-майору Говорову наказать при собрании прочих нещадно кошками и, освободив из-под караула, отослать куда надлежит.

§ 4. По рапорту господина командующего корабля «Рождество Христово» матроса I статьи Абрама Петрова за утрату самовольно всего казенного мундира, кроме тулупа парусинового, за пьянство и воровство и весьма худое поведение, написал я во 2-ю статью и рекомендую наказать его при команде шпицрутенами через 1000 человек один раз и из-под караула освободить, вместо ж утраченного мундира выдать ему из имеющегося при команде оставшего после умерших, а за прежний, что следует, взыскать из его жалования, о чем дать знать конторе Севастопольского порта...»

Да, не ангельская жизнь была в морфлоте, совершались там проступки, преступления, действия, продиктованные бесправием, жестокостью командиров, темнотой и невежеством. Стояла задача научить матросов, помочь им преодолеть страх, полюбить море и корабль, через это возвести их труд до служения Отечеству и царю, как выразителю высшей власти. Все это требовало кропотливой работы, постоянного пребывания рядом с командой. Ушаков не мог опереться на просвещение, на ученые знания своих матросов — они сим не обладали. Но в них жила традиция стойкой борьбы их предков с иноземными захватчиками, традиция веры в предназначение «служить народу православному», а также исконные мужество, стойкость, практическая сметка, умелость в рукодельничанье, вера в командира. В иную пору это могло и зло принести. Ушаков же извлекал из такого реального состояния русского моряка XVIII века Добро. Добро для моряка, для флота, для державы.

Строг, но справедлив был адмирал. Справедлив и заботлив. Питание, состояние здоровья моряка постоянно в центре внимания Ушакова — больной морской служитель службы не исполнит.

Он требовал от командиров, лекарей, подлекарей, их учеников и аптекарей бдительно следить за возникающими болезнями.

«О состоянии больных, — требует в 1792 году, — присылать еженедельные рапорты, означая в них число каждой болезни порознь». И дальше: «Постелей, подушек оных умножить, почему и нанять их достаточное количество на сей случай число, дабы белье почасту переменять».

«Рекомендую всем господам командующим корабли, фрегаты и прочие суда в палубах, где должно для жилья поместить служителей, привесть в совершеннейшую чистоту, воздух даже в интрюмах кораблей очистить, а потом здоровых служителей перевести на суда и исполнять все, как выше в повелении означено, — пишет Ушаков в одном из своих приказов. — ...Больных служителей, которые не могут помещаться в госпитале, содержать... при командах, поместя их свободно в казармы, в которых соблюдать всевозможную чистоту и рачительный за ними присмотр и попечение самих господ командующих. Также и я не упущу иметь всевозможное и собственный мой присмотр за всеми».

Вот это уже новый и абсолютно выпадающий за пределы кастовой морали господствующего слоя принцип Ушакова. Этому еще предстояло научиться многим лучшим передовым командирам того и будущего времени. А Ушаков уже исповедовал высокую гуманистическую мораль истинного человека, и не имеет значения, что пришла она к нему не от радикалов века Просвещения, а из глубин человеческого сострадания, от духовной сути высокоодаренной личности, от отца Федора и других ее носителей, возможно, и не обладавших священническим саном.

* * *

Ежедневно в гавани Севастополя объезжал Ушаков корабли и казармы. Следил, чтобы каждый матрос подвесил в каюте свою койку, разложил постель, одеяло, одежду перед окуриванием корабля.

— Пойми ты, братец, — увещевал он молодого моряка, — одежда и койка просушены быть должны. Из нее гнилость и хворость пороховым и табачным дымом изгоняется, а лучше березовым дымком, лучше всего, а ты кафтан свой под барказ спрятал, боишься, дабы он у тебя аромат не потерял. Аль начули на него вылил?

Матросы незлобно засмеялись, а новобранец, смущаясь, унес свой кафтан в каюту, у входа в которую боцман тихо показал ему увесистый кулак. И это не ускользнуло от Ушакова.

— А ты, Петрович, опять только кулаком командуешь? Скажи лучше, гребни у всех есть?

— Так точно, ваше превосходительство! — неуверенно ответил боцман.

— А ну давайте посмотрим, каковы они у вас.

Началась кутерьма, кое-кто достал из кармана сразу, кто-то сбегал в каюту, взял из верхней одежды, кто-то из чемодана, другие растерянно разводили руками. Офицеры переглядывались: «Нашел что проверять командующий!..»

— Вот что, братцы, без гребня матросскому служителю нельзя. Голова должна быть аккуратна, прибрана, чиста, мерзости ни в волосах, ни в мыслях иметь не должна. Петрович, я больше проверять не буду, то твое боцманское упущение. А вы, господа, — повернулся он к офицерам, — сие тоже в регламент своих дел занесите. У командира мелочей нет, от бушприта до кормы все его заботой содержится, а главное на корабле — моряки!

— Понял, — с уважением к себе покачал головой новобранец. — Главное — моряки!

— Какой ты у черта моряк, ты еще помпа водоносная. Вот поплавай с нашим адмиралом, повоюй, тогда он и тебя Петровичем называть будет, — не злобясь, ответил боцман. — Но гребня не теряй, помни, что он сказал.

При спуске по трюму с корабля Ушаков бросил последние слова капитану:

— Поставь, Гавриич, курительницы в каютах офицеров, чтоб не загорелось. Ничего, прокашляются — здоровее будут, — и, махнув рукой, спустился в шлюпку.

* * *

Особенно тщательно Ушаков следил за питанием морских служителей. Могло показаться иногда, что не морские искусства, не мастерство кораблевождения, не заботы порта беспокоили его больше всего, а еда. И не его личная, об этом он почти не говорит и не пишет никогда, а еда моряков. И не такая, чтобы просто насытить, а полезная, вкусная, здоровая и регулярная.

В условиях оторванности от Адмиралтейств-коллегии, даже от Ясс, где размещалась ставка «Предводителя» Черноморского флота Потемкина, в условиях жесткого режима и экономии, отсутствия лишних средств сделать это было нелегко. Но Ушаков один за одним издает регламенты, приказы, распоряжения. Он шлет письма, просьбы, иногда кажется ноющим жалобщиком и унижающимся просителем. Но в том-то и дело, что он просит для моряков, для флота. Просит губернатора Каховского, обер-кригс-

комиссара Фалеева, контр-адмирала Мордвинова, правители военно-походной канцелярии Потемкина, полковника Попова и самого светлейшего князя, Адмиралтейств-коллегию. Даже императора Павла не боялся обременить разного рода хозяйственными просьбами. Надоедал, наверное. Надоедал, но матрос был сытым. Сытым даже тогда, когда никто не откликался на его просьбы и не присылал продовольствия и денег. Тогда Ушаков взывал к своим капитанам.

Обучая свою эскадру в 1797 году, он издает приказ «О снабжении больных свежей провизией во время плавания». Понимая, что таковой может не оказаться, утверждает: «Ежли господа командующие покупкою или из собственной своей провизии сколько чего на содержание больных служителей издержат, на сколько суммою денег по окончании кампании в заплату кому что следовать будет, деньги отпущены быть имеют».

В приказе он пообещал: если у командующих нет денег — выдать свои. Да, это тоже постоянное правило Ушакова: если задерживались, не доставлялись деньги для флота, для еды, он платил свои. Вот, например, он пишет в приказе от 18 октября 1792 года: «По случаю же недостатка в деньгах по необходимости сбережения служителей в здоровье, отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей, из которых велено десять тысяч отпустить в контору Севастопольского порта для покупки свежих мяс, а три с половиной тысячи госпитальному подрядчику Куранцову для содержания госпиталей, который, не получая четыре месяца денег, пришел не в состояние к продовольствию больных».

Свои деньги для снабжения матросов он давал не раз, в том числе в заморских кампаниях. Неизвестно, сколько ему вернула из них казна, но они возвращались к нему беспредельной преданностью моряков, их любовью, их желанием исполнить службу «в совершенстве». Именно это стало главным капиталом русского адмирала Ушакова, обеспечило его победы.

ФЛОТОВОЖДЬ

Парусный флот России к концу XVIII столетия достиг своего пика — ибо обладал большим количеством первоклассных кораблей, опытными капитанами, умелыми и хорошо обученными моряками. Он вышел на просторы Атлантики, Средиземноморья, Тихого океана. Он имел — Ушакова. Флот становился необходимой частью державы. Этого требовала политика, этого требовала экономика, этого требовала история. Гаврила Державин, поэтическое

нутро которого не раз чувствовало направление века, в 1795 году написал о флоте:

Он белыми взмахнув крылами
По зыблющей равнине волн,
Пошел, — и следом пена рвами
И с страшным шумом искры, огнь
Под ним в пучине загорелись,
С ним рядом тень его бежит;
Ширинки с шлемов распростерлись,
Горе пред ним орел парит.

Не только блестящие художественные образы подвластны поэтам прошлого, лучшие из них были широкомасштабными мыслителями. Вот и Державин обращался к российскому флоту, понимая его предназначение:

Водим Екатерины духом,
Побед и славы громкий сын,
Ступай еще и землю слухом
Наполнь, о росский исполин!
Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?

Пророчески прозвучали слова поэта в конце века!

— Ступай — и стань средь океана.

Пророчески, ибо утверждалось океаническое мышление, уходила захолустная водобоязнь, являлись морские стратеги, торжествовала новая тактика. У военно-морских сил России был свой флотовождь — Федор Федорович Ушаков. Ему далеко не все было подвластно во флоте, отнюдь не все нити управления сосредоточивались в его руках, он сам входил в систему, где полнотой власти располагала даже не Адмиралтейств-коллегия, а монарх, интерес которого к флоту проявлялся далеко не всегда, а знания о нем были отрывочны и случайны. Но и в этих условиях Ушаков явил образец цельности, энергии, профессионального умения, политического мастерства, человеколюбия и долга.

В его систему входило: доскональное владение флотоводческим искусством; тщательная подготовка базы флота (то есть того, что мы нынче называем материальная часть); непрестанное обучение морских экипажей (своеобразный человеческий фактор).

Пройдя все ступеньки флотской службы, блестяще овладев мастерством кораблевождения, освоив искусство морского боя, став подлинным флотоводцем, он, казалось бы, отказывается от того, что служило незыблемым символом веры военного парусного

флота. Он нащупывает ее, эту новую тактику, с первых своих шагов в командовании кораблями, ищет наиболее эффективные пути. Еще в донесении М. Войновичу Ушаков пишет: «...Нельзя соблюсти всех правил эволюции, иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, от главных правил, если возможно». Но Ушаков не задумывался, когда нужно «делать несходное» с усвоенным раньше.

Его стратегия и тактика подчинялись конечному результату — сражению, уничтожению противника, победе. А раз так, то и вся тактика носила наступательный характер и получила название тактики решительного боя. До Ушакова у русского флота уже были блестящие победы. И он использовал все лучшее, что создали путешественники. Те победы имели свои особенности. При Гангуте (1714) и Гренгаме (1720) их одержали с помощью абордажной схватки, атаку при Чесме произвели, когда флот противника стоял на якоре. Ушаков же в сражениях при Фидониси, Керчи, Тендре и Калиакрии в Средиземноморском походе применил новую маневренную наступательную тактику. «Морской сборник» в своем «победном» номере 1945 года посвятил этой наступательной тактике специальную статью. В ней говорилось:

«Основной целью боя Ушаков считал быстрый и решительный разгром противника. Возможность достижения этого он видел в смелом и свободном маневре, в предоставлении широкой инициативы младшим флагманам и командирам кораблей в нанесении сосредоточенного удара.

Стремительная атака, сближение с противником на дистанцию картечного выстрела с целью введения в действие артиллерии всех калибров, удар превосходящими силами по неприятельским флагманам — характерные для тактики Ушакова приемы. При этом он полностью отверг отжившие правила линейной тактики. Кильватерной колонне Ушаков противопоставил широкий маневр. Он не боялся ломать свою линию, смело прорезал строй врага, окружал вражеские корабли и громил их.

Ушаков всегда учитывал важность поддержания высокого морального духа в своих подчиненных. Он умел воодушевить матросов и офицеров на преодоление любых трудностей и вызвать у них стремление к одной общей цели — уничтожению врага. Большое значение в этом отношении имел тот факт, что Ушаков, обладая громадной личной отвагой, непреклонной волей и твердым характером, в то же время был чрезвычайно скромен, прост в общении со своими подчиненными и, заботясь о них, умел заслужить их любовь и преданность».

Военно-морское искусство Ушакова было построено в первую

очередь на отказе от устаревших шаблонных форм ведения военно-морских операций и учета поведения и подготовки военно-морских сил.

«Румянцев, Суворов и Ушаков подняли на высшую ступень военное и военно-морское искусство эпохи, своей деятельностью обеспечили России приоритет в разработке стратегии и тактики сухопутных и морских сил. Ушаков нанес такой же удар по канонам формальной линейной тактики, господствовавшей тогда в западноевропейских флотах, какой Румянцев и Суворов нанесли по прусской линейной тактике» *.

Ушаков сам порождал результат. Не ждал чрезвычайных случаев, не уклонялся ни от одного из боев. Из маленьких шансов он создавал большие, завоевывая постепенно авторитет самого победоносного флотоводца.

И недаром в статуте ордена Ушакова, учрежденного в 1944 году, говорится, что им награждаются «за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом... За отличную организацию и проведение операции противника в море и против его побережья, достигнутые успехи в уничтожении сил флота противника и его береговых баз и укреплений в результате внезапного и решительного нанесения удара, основанные на полном взаимодействии сил и средств флота».

Действительно, не было на тот период более авторитетного, более компетентного, как сказали бы ныне, более известного военно-морского руководителя, освоившего предшествующее искусство морского боя и двинувшего его дальше, чем он — Ушаков, и орден его имени, учрежденный в годы Великой Отечественной войны, — одна из высших наград офицера флота.

Второе, что обеспечивало Ушакову победу, — его забота о корабле, о стоянке, о гавани, о портовых сооружениях, об артиллерийском снаряжении, о добротном лесе для строительства кораблей, о парусине и гвоздях, о бочках и якорях, о палубных и обшивочных досках, конопати и красках. О всем том, что составляло базу флота. Он знал его изначально — корабль, основу жизни флота. Он постигал таинство его рождения в ложе эллинга Кронштадта, Архангельска, Новохоперска, Таганрога, Херсона, Николаева. Он знал мудрость русских корабельных мастеров Афанасьева, Соколова, Катасонова, Амосова, Баженина, Селянина, Масальского и многих других умельцев создания быстроходных отечественных линейных кораблей, фрегатов, пинков, галер. В его деятельности нередки поездки для осмотра корабельного

* История военно-морского искусства, т. 1. М., 1953, с. 265.

леса, инспектирование строящегося мола, недавно организованного склада.

Город русских моряков Севастополь — его порт и обустроенная гавань — в немалой степени обязаны предусмотрительности, трудолюбию, настойчивости, вниманию Ушакова. «При усиленной настойчивой деятельности Ушакова по части корабельного и портового благоустройства, со всяким появлением нашего флота в Севастопольском порте, всякие обычные городские и адмиральские работы проводились самым порядочным образом и ему лично и его постоянной неустанной заботливости мы были обязаны не только тем, что наш флот являлся хорошо вооруженным и снабженным на море, и одерживал решительные и малостоящие для нас победы, но и тем, что порт Севастопольский за последующее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежли во все продолжение своего прочего существования» *.

Особые усилия предпринимал он по постоянной подготовке корабля к плаванью, а было это нелегко. Ведь из каждого плавания корабли возвращались ободранными, с облупленной краской, с трещинами в рангоуте, похудевшими канатами, вылезшей конопатью, с порванными парусами, с закопченными, а нередко треснувшими пушками; изъеденной червями, отваливающейся на ходу обшивкой. Адмирал казался всем вездесущим. Наблюдал за тем, как килевались корабли, осматривал нижнюю часть, следил, как проконопачивали верхнюю часть корабля, пропитывали снасти смолой, меняли перетертый такелаж, чинили и исправляли блоки. Чего только не добивался, не требовал от магистрата, от губернатора, от конторы адмиралтейской Ушаков: леса, ворсы, досок, гвоздей, болтов, всякого металла, масла, конопати, тиру, снастей, краски, щетины, полотна, нитей, смолы. И все это для того, чтобы сделать корабль еще более быстроходным, крепким, красивым, позволяющим укротить суровый нрав моря.

Известно, что поведение солдата и матроса в армии и на флоте объективно обусловлено, исторически задано условиями жизни. Ф. Энгельс, как известно, большой специалист в области военной теории, показал это на примерах русского населения, которое «в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все; выносливое, храброе, послушное, способное преодолеть любые тяготы и лишения, оно поставляло превосходный солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя» **.

* Голованов. История Севастополя, как русского порта. Спб., 1872, с. 174.
** Соч., т. 22, с. 16.

Вот эти качества и учитывали победу творящие полководцы и флотоводцы Отечества. В книге «Русское военно-морское искусство» говорится:

«Ушаков не проиграл ни одного морского сражения и главным фактором своих побед считал прежде всего стойкость и мужество матросов эскадры. Сам Ушаков неустанно заботился об эскадре и часто в период перебоев снабжения эскадры тратил на питание и нужды команды свои личные средства. Гуманное отношение к матросу и продуманная система воспитания личного состава эскадры во многом роднили Ушакова с Суворовым. Ушаков, так же как и Суворов, высоко ценил моральные качества русских воинов. Суворовские и ушаковские принципы воспитания и обучения личного состава армии и флота в тот период находили известную поддержку лишь среди наиболее дальновидных представителей высшей придворной знати, какими, например, являлись Румянцев и Потемкин. Они прекрасно понимали, что для борьбы с внешними врагами нужна сильная армия, которая не могла держаться только на одной палочной муштре. Потемкин и его единомышленники понимали, что уверенно вести личный состав в бой мог только авторитетный начальник. Таким начальником на флоте был Ф. Ф. Ушаков, имевший огромный авторитет и заслуживший безграничное доверие и преданность личного состава эскадры».

Может показаться странной такая преданность рядового состава флота, в котором немало бывших крепостных, человеку, представлявшему высшее сословие, и делу, которому они служили. Однако и здесь есть своя особенность, которую наверняка учитывал Ушаков. Русского матроса брали по рекрутскому набору, который проводился по месту поселения. Конечно, это принудительная мера дворянского государства, повинность для крестьян. Но ответственными за людей, отданными в армию и флот, были община, мир. Отсюда и общинный характер этой повинности, круговая порука за рекрута. Его побег — уже измена общине. Рекрутский же набор позволял отказаться от найма иностранцев, и это создало особый облик русской армии и флота того периода. Они состояли из солдат и матросов великорусской национальности, а позднее — выходцев из Украины и Белоруссии. Феодальная Россия применяла этот общинный институт, и русские полководцы Суворов, Румянцев, Ушаков использовали его. Артельность и общинность русского воина и моряка брались ими на вооружение. О спайке, взаимовыручке, тяге к сплочению бывшего русского крестьянина ходили легенды в Европе. А эта черта, говорил Энгельс, сохраняется у русского и в военном деле, «объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать: чем серьезнее опасность, тем плотнее смыкаются они в единое компактное кольцо» *.

Многие государственные деятели в XVIII веке это хорошо понимали. Еще Воинская комиссия для реформы армии в 1762 году установила, что «для силы войска наибольшим... основанием признается общий язык, вера, обычай и родство». Национально однородный и социально единый крестьянский состав армии и флота способствовал там развитию чувства любви к собственной земле, краю, родине, чувства патриотизма. Именно такое социально-экономическое состояние породило, как писал Ф. Энгельс, «величайшую силу русской армии» и, добавим, флота.

Конечно, между командиром, капитаном-дворянином и нижним чином пролегала социальная пропасть, но психология крестьянина-общинника срабатывала. И солдат, матрос продолжал испытывать ответственность за Общее дело, за то, что ему поручено, он был предрасположен к восприятию национально-патриотических настроений, он любил свое Отечество, то есть свою общую землю. Этим русский флот отличался от французского, испанского, турецкого, где служили моряки — любители наживы, представители многих национальностей, отнюдь не собиравшиеся погибать за дела чуждого им Отечества. Не приходится говорить о всякого рода сброде, который переливался из одного порта в другой, из одного государства в другое.

Для русского флота было характерно достойное поведение моряков в зарубежном порту. Ушаков хорошо помнил наказ, полученный при первой зарубежной поездке в Средиземноморье от флота капитана Козлянинова: «Будучи в иностранных портах, служителей содержать во всяком порядке, чистоте и совершенной воинской дисциплине и крепко смотреть за ними, чтоб ни малейших непристойных поступков и побегов не чинить».

Этот стиль порядка, чистоты и совершенной воинской дисциплины в зарубежье был стилем Ушакова. Дисциплину он вообще считал залогом успеха. «Без дисциплины никак нельзя и никакой пользы быть не может», — уверен был адмирал.

Ушаков всячески поддерживал традиции и обычаи флота. И если у моряков было единение вокруг корабля, вокруг эскадры, флота, то великий русский адмирал включал это в факторы победы и развивал эти чувства. Недаром он всегда четко и в то же время широко, панорамно ставил задачи перед подчиненными командирами и разъяснял морякам смысл задачи, дела, сражения, экспедиции, повышая их боеготовность. Действительно, одно дело уповать на исходящий сверху, от царя, а порой и от бо-

* Соч., т. 22, с. 403.

га порядок. А другое прочерчивать его контуры самому, вместе со своими командирами, с участием моряков.

Историк и бывший военный министр России Д. А. Милютин в книге «История войны 1799 года» отмечал, что за блеском побед Суворова забывают «значительные победы русского флота под предводительством адмирала Ушакова: даже известно немногим из соотечественников наших, что русские были в Неаполе и Риме». Русские моряки, писал он, сумели своим «обхождением и дисциплиною привлечь к себе сердца народа. Офицеры русского флота могут гордиться кампанией 1799 года не только на своей стихии, но и в действиях сухопутных, оказали они отличную храбрость, распорядительность и везде исполнили свой долг».

«...Сам Ушаков приобрел себе прочную славу; во всех распоряжениях его видны благородные чувства опытного моряка и человека, истинно русского человека».

Но не только приемами военно-морского искусства, своей революционной тактикой тех лет дорог нам, современным людям, Федор Федорович Ушаков. Давно ушли в прошлое кильватерные колонны, паруса, ядра, но в нашей памяти остались решимость и настойчивость, выдержка и стремительность, беззаветное служение Отечеству и полная самоотдача делу военного флота.

Даже если бы и владел он в то время современным арсеналом знаний, команд и приемов, этого было бы еще мало, чтобы остаться в памяти людей замечательным выдающимся человеком. Не отказом от кильватерной линии дорог он нам, а умением отказаться от шаблона, от застоявшегося на долгие года приема и правила. Вот это замечательно! Это истинно современно и поучительно! А его мудрое человеческое, поистине отеческое отношение к моряку. Нам, воспитанным в условиях равенства, это не кажется из ряда вон выходящим, но ему, человеку, выросшему из недр феодального общества, где господствовало крепостное право, пришлось переступить не только через сословные каноны, но и через чисто личные представления о порядке вещей в обществе.

Нет, не будем опрощать, времени Ушаков не изменил, но внутри флотской структуры он создал качественно новые отношения, которые пунктиром шли через всю историю российского флота: от Ушакова к Сенявину, от Сенявина к Лазареву, Корнилову, Нахимову, от них к Макарову. Это вспыхнуло ярким пламенем в бескорыстных и человеколюбивых действиях лейтенанта Шмидта, отозвалось в залпе «Авроры» и стало прочной опорой для советского флота в годы Великой Отечественной войны.

НАЧАЛО ВЕКА — КОНЕЦ ЖИЗНИ

Ушаков возвратился в Ахтияр. Никто на адмирала особого внимания не обратил, триумфа при встрече не было. Да и привычным стало в то время не заметить победы, приуменьшить ее, а то и оболгать, замарать победителя. На что уж Суворов, перед которым Европа падала ниц, и, казалось, его слава непрекословна, и тот возвратился в Петербург без лаврового венка. Император сорвал его с головы победителя непобедимых до этого французов за формальное несоблюдение устава, за то, что старого генералиссимуса сопровождал генерал, не положенный по штату. Столь обидная придирчивость ускорила смерть великого полководца.

Ушаков тоже чувствовал холод неприятия, не понимал часто, откуда исходит наговор, как появляется ложь, кто так умело и хитро перевирает его действия. Ныне он возвратился: все известные ему дома в Севастополе, Одессе, Херсоне, Николаеве да и в Петербурге стояли на месте, заседала, как и прежде, Адмиралтейств-коллегия, на верфях стучали топоры, корабли выходили в море. Составлялся длинный экспедиционный отчет, ревизоры переписывали остатки пороха и солонины, раненные в походе залечивали раны, возвращались на корабли. Все вроде бы было попрежнему, но на самом деле родилась и утвердилась новая тактика флота. От Ушакова исходили токи, которые могли дать русскому флоту невиданный взлет. Пришедший после убийства Павла новый император не захотел воспользоваться именем, знаниями, опытом Ушакова, а они могли стать полезными всей Адмиралтейств-коллегии, всему флоту. Адмирал получает новое, вроде бы и неплохое, а на самом деле унизительное назначение — командиром Балтийского гребного флота.

* * *

Неуютно было немолодому и уже отяжелевшему адмиралу в сановитом Петербурге. С болью смотрел он на новых хозяев флота, да не хозяев, а просто распорядителей и холодных вершителей его судеб. Он никак не мог понять, о чем думают новые правители Российской державы, чего хочет новый император. Почему столь велико их безразличие к самым важным интересам военно-морских сил, почему не видят они, как Петр I, во флоте — вторую, и так необходимую государеву руку. Обидно, конечно, не получить причитающиеся награды и вознаграждения за громкие победы и неимоверные усилия в походах и сражениях, но еще обиднее чувствовать, как хиреет флот, как обрастает

ракушками безразличия днище морского дела России. Он видел, как падало уважение к званию морского офицера. Публика под этим званием стала разуметь юношу и молодого человека, позабывшего благонравие, почтение к отеческим наставлениям и долгу, а то и просто гуляку, пьяницу и неуча.

Корабли гнили, вооружались плохо, флотоводцы не имели смелости духа требовать внимания к нелюбимому детищу императора. Звания на флоте все чаще давались не за длительность плавания, не за смелость и решительность, а по родству и за взятки. Остряки не без ехидства заметили, что Россия содержит свой флот не для неприятелей, а для приятелей.

Федор Федорович ездил в порт регулярно, проверял умение гребцов, от коих и зависели скорость и маневр кораблей, командовал, отдавал распоряжения, а на душе скребли кошки. С каждым днем делать это становилось все тяжелее, бессмысленнее даже. Он и так чувствовал насмешку и унижение в том, что его, командовавшего всем Черноморским флотом, повелевавшего объединенной Средиземноморской союзной эскадрой, поставили над гребной флотилией. Но, умея не только командовать, но и подчиняться, — смолчал, покорился, ожидая изменений. Однако проходил месяц за месяцем, а изменений во флоте не намечалось. Или намечались, но к худшему, при всех высоких словах и обещаниях, при язвительном глумлении над прошлым. Молодой император Александр I с пылом к реформам, за которым ощущались неуверенность и страх перед действиями тех, кто задушил его отца, менял коллегиальность в управлении на единоличие, учреждал министерства. Учредили и министерство военно-морских сил.

Нет, не ждал Федор Федорович, что его пригласят и возведут на сие место. Знал, что мало у него вельможности. Побед, орденов, заслуженных трудами званий хватало, а вельможности, знакомств высоких не хватало. Очень хотелось, чтобы назначили человека знающего, в морском деле разбирающегося, с пренебрежением к флоту не относящегося. Хоть и крякнул, но выбор одобрил, когда объявили царский указ о назначении первого морского министра России. Им стал Николай Семенович Мордвинов. Многим не дотягивал Мордвинов до самого замечательного флотоводца России, но был он человеком образованным, нужды флота постиг, законы экономии и хозяйствования знал, командовал хотя и осторожно, но верно.

Однако в морском деле первенствующее значение приобретал «Комитет образования флота», во главе которого стал англоман и умелый царедворец граф Александр Романович Воронцов. По примеру многих не самых умных политиканов он стал обливать грязью все, что было во флоте до нового императора. Тот охотно в это поверил, да и соблазнительно — переписать страницы истории заново, чтобы потомки восхищались зоркостью, предвиденьем и решительностью нового правителя. Однако потомки, да и современники, обладают возможностью сравнивать прошлое и будущее, видеть забвение лучшего, внедрение худшего там, где вершитель политики объявлял о провалах предыдущего и утверждал свой курс. Так получилось и с флотом во времена Александра I. Его состояние таким образом представил Комитет, что император отписал: «Мы повелеваем оному комитету непосредственно относиться к нам о всех мерах, каковые токмо нужным почтено будет к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и к приведению оного в подлинное бытие». Как будто не было у российского флота Чесмы, Калиакрии, Корфу. Совершать преобразования во флоте не случайно поручили не моряку, тот бы помнил о победах и достижениях и боролся за продолжение славных традиций. Граф Воронцов никаких теплых чувств к флоту не питал. И это позволило ему сформулировать мнение о будущем флоте: «По многим причинам, физическим и локальным, быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится... Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользы никакой». Это уже был чисто английский подход, где граф усвоил не только манеры, но и взгляды Великобритании. Даже осторожный Мордвинов не выдержал такого принижения флота и подал в отставку. На его место пришел услужливый Чичагов. Как отмечали современники, этот адмирал и «по воспитанию, и по женитьбе» англичанин и притом англичанин «до презрения всего русского».

Вице-адмирал В. М. Головнин так охарактеризовал нового министра: «Человек в лучших летах мужества, балованное дитя счастья, все знал по книгам и ничего по опытам, всем и всегда командовал и никогда ни у кого не был под началом. Во всех делах верил самому себе более всех, для острого слова не щадил ни бога, ни царя, ни ближнего. Самого себя считал способным ко всему, а других ни к чему. Вот истинный характер того министра, который, соря деньгами, воображал, что делает морские силы наши непобедимыми. Подражая слепо англичанам и вводя нелепые новизны, мечтал, что кладет основной камень величию русского флота. Наконец испортив все, что осталось еще доброго в нем (во флоте) и наскучив наглостью и расточением казны верховной власти, удалился, поселив презренье к флоту в оной, и чувство глубокого огорчения в моряках».

Замыслы нового министра были обширны, контракты заключались на целые миллионы, а мощи флота не прибавилось. Когда через несколько лет в кабинете министров Чичагова запросили, по какой причине он уничтожил прежний флот, а нового не создал, то ему ничего не оставалось делать, как, «напустив презренье», выйти с заседания, хлопнув дверью.

Правда, англичане его в это время усиленно расхваливали, называли представителем «нового порядка», «честным человеком». Как не подивиться этому хитрому умению восхвалить ненужного, никчемного человека, деятельность которого приносит вред собственной стране и объективную пользу туманному Альбиону. Поистине: хвали недруга слабого и придурковатого — выиграешь. Историк русского флота Н. И. Белавенец писал: «Полагаю, что, будь Чичагов на месте Ушакова, он бы заслужил блистательный отзыв Нельсона, как человека преклонявшегося перед англичанами, а Ушаков, отстаивавший раньше всего русские интересы, был неудобен английскому адмиралу».

Нельсон сам в это время подвергался остракизму высшего английского света. Ушакова же высший свет и верховная власть просто не замечали. Он понял, что его талант, знания, умение не нужны новой власти и 19 декабря 1806 года подал прошение.

* * *

Декабрь по-петербургски был сумеречным и тусклым. На душе было столь же промозгло и туманно. На службу ко времени Федор Федорович не поехал. Мундир, однако же, надел, зачем-то нацепил и ордена. После этого распрямился, засветился весь и решительно пошел к выходу. Подошел к двери, взялся за ручку — в это время вдали раздался сигнальный выстрел Петропавловской крепости. Федор Федорович ручку не дернул. Постоял минуту, опустив голову, и, повернувшись, медленно пошел к столу. Подтянул чернильницу и вывел на оставленном с вечера листе бумаги:

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

НАША СИЛА В ЕДИНСТВЕ

«Славься, Отечество наше свободное...» Эти слова Государственного гимна нашей страны каждое утро звучат по радио. Они — неотъемлемая часть жизни каждого из нас, отражают одну из реалий современного мира — создание братской семьи народов. 30 декабря 1922 года 2215 делегатов, приехавших в Москву на I съезд Советов, единодушно приняли решение об образовании СССР. Сбылись слова В. И. Ленина: «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком».

На XXVII съезде КПСС, XIX партийной конференции, сентябрьском (1989 года) Пленуме ЦК КПСС откровенно говорилось о ситуации в межнациональных отношениях. В тугой узел сплелись проблемы социально-экономические и государственно-правовые, экологические и демографические, проблемы развития языка и культуры, сохранения национальных традиций. Поставлена задача — в каждом регионе страны создать условия для более полной реализации запросов в развитии самобытной культуры наций и народностей.

В стране создаются национально-культурные общества, представляющие интересы разных национальных групп. Учреждены такие общества и в Москве. Об одном из них — обществе русской культуры «Отечество» — наш журнал рассказал в десятом номере. Сегодня мы знакомим с работой других обществ.

А ВЫ ГОВОРИТЕ ПО-АРМЯНСКИ?

А. СИМОНЯН,
председатель совета Московского городского общества армянской культуры, профессор

Наше общество возникло не на пустом месте. Оно вобрало в себя любительские товарищества и объединения, которые до этого действовали в Москве. Главная цель общества — изучение армянского языка и истории нашего народа, удовлетворение культурных и духовных потребностей армян-москвичей, укрепление дружбы и взаимопонимания с многонациональным населением столицы, участие в развитии и возрождении творческой и духовной жизни Армении, укрепление тесных связей московской армянской общины со всеми армянами, живущими в нашей стране и за рубежом.

Деятельность общества осуществляется по ряду направлений. Так, к примеру, в некоторых районах Москвы намечено открыть школы-факультативы, где слушатели будут изучать армянский язык и историю армянского народа. В скором времени откроется Армянский дом, который станет местом общения армянских жителей столицы, проведения лекций, выставок и других культурно-просветительских мероприятий. Предусмотрено также издание газеты и журнала. Через них можно будет оповещать москвичей о результатах деятельности общества, информировать их о важнейших событиях культурной жизни армянской диаспоры.

Ставя перед собой задачи нравственного и эстетического воспитания, укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, общество армянской культуры видит особенности, вытекающие из специфики армянской диаспоры. Эта специфика обусловлена исторической судьбой армянского народа, имеющего глубокие корни и самобытную культуру, народа, перенесшего чудовищные испытания, последними из которых были разрушительное землетрясение и события в Сумгаите. Мы намерены пропагандировать армянскую культуру, отстаивать целостность армянского этноса.

Русско-армянские культурные отношения, равно как и отношения с другими национальностями, проживающими в Москве, составляют важный раздел интернациональной деятельности общества. И одним из первых практических результатов в этом отношении будет публикация исторических материалов об истории армянской общины в столице, которую в настоящее время готовят члены общества.

НЕ ПРЕРЫВАЕТСЯ СВЯЗЬ С РОДНОЙ ЗЕМЛЕЙ

Р. ЧЕРВОНЦЕВ,
член правления Московского добровольного товарищества белорусской культуры имени Ф. Скорины

В разные времена тысячи белорусов осели в Москве. Но связь с родной землей, культурой Белоруссии не прерывается. Разлука с родиной, близкими людьми, друзьями детства обостряет национальные чувства, активизирует национальное самосознание, усиливает интерес к истории.

Товарищество носит имя Франциска Скорины — просветителя эпохи Возрождения, пять веков тому назад первым начавшего печатать книги на языке восточных славян. Сегодня оно объединяет несколько сотен энтузиастов. Состоялись встречи с белорусскими писателями, историками, искусствоведами. Перед москвичами-белорусами и почитателями нашей культуры выступил белорусский поэт из Польши Ян Чиклин. Открылся университет белорусской культуры, начались занятия в воскресной школе для малышей.

У нас, как, думаю, и у других национально-культурных обществ, немало проблем. Отсутствуют связь и контакты со всеми белорусами, проживающими в Москве и Подмосковье. Было бы замечательно, если бы городские газеты — «Московская правда» и «Вечерняя Москва» — открыли на своих страницах рубрику «В национально-культурных обществах Москвы». Пока же информацию приходится распространять лишь по телефону.

Сколько радостей и надежд вызвало сообщение о ретрансляции в Москве на коротких волнах информационно-музыкальных программ республиканских радиостанций! Однако попробуй поймай, например, в эфире передачу на белорусском языке. Различные зарубежные «голоса» значительно лучше слышны, чем голос Минска! Сотни тысяч белорусов и почитателей нашей музыки из Москвы и Подмосковья были бы благодарны Гостелерадио СССР за ретрансляцию информационно-музыкальной программы «Криница» Белорусского радио в диапазоне УКВ. Но об этом пока приходится только мечтать.

РАСТЕТ ИНТЕРЕС К УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

П. ПОПОВИЧ,
председатель Московского городского товарищества украинской культуры «Славутич», летчик-космонавт

Как ни горько, но приходится сегодня говорить о том, что наряду с яркими проявлениями социалистического образа жизни, развитием национальных культур, созданием письменности некоторых народов накопились острейшие проблемы. Под влиянием экономических, социальных и демографических факторов происходило сокращение действия национальных языков. Все это трактовалось как слияние наций. Эти процессы многие воспринимали с тревогой, однако здравые попытки глубоко и тщательно в них разобраться наталкивались на непреодолимые препятствия. Разве не в результате такой политики упала роль национальных языков, национальных культур? Поэтому, думается, понятно стремление некоторых народов к сохранению и развитию родного языка, умножению ценностей своей культуры.

Мы, украинцы, проживающие в Москве, с радостью восприняли утверждение Моссоветом устава нашего товарищества «Славутич», которое объединило москвичей-украинцев и людей других национальностей, проявивших интерес к истории, культуре, языку, жизни украинского народа. «Славутич» помогает проводить мероприятия, цель которых — удовлетворение национально-культурных запросов украинцев, проживающих в столице нашей страны. В программе товарищества — помощь в овладении украинским языком всем желающим. Для этого организована группа, руководит которой преподаватель, заслуженный работник культуры Украины И. Мовчан. Украинцы-москвичи большой интерес проявляют к истории и культуре своего народа. Идя им навстречу, мы отмечаем юбилейные даты жизни и творчества выдающихся деятелей нашей культуры, проводим встречи с литераторами, мастерами искусств, историками, филологами. За короткий срок при обществе организованы литературная и историческая секции, приступила к работе воскресная школа для детей.

Мы намерены открыть библиотеку, кинозал для просмотра фильмов на украинском языке. Неплохо было бы организовать хотя бы одночасовые теле- и радиопередачи с Украины на родном языке. В дальнейшем можно будет рассматривать возможность открытия специализированной украинской школы и театра.

ВОЗРОЖДАЕТСЯ ДАВНЯЯ ТРАДИЦИЯ

И. АДАМС,
заместитель председателя Московского общества латышской культуры

Латышская культура в Москве имеет глубокие корни. Вряд ли точно можно установить ее истоки. Хотя имеется обширный исторический материал о деятельности некоторых выдающихся представителей латышского народа, латышских культурно-просветительских обществ, до сих пор никто его обобщением не занимался. В какой-то степени такую задачу поставило перед собой наше общество. Возрождение его спустя полвека стало возможным благодаря революционной перестройке нашего общества. Почему возрождение? Дело в том, что культурное общество существовало в России еще в прошлом веке. В Москве жили и работали прогрессивные латышские писатели и публицисты — К. Валдемарс, К. Баронс, А. Спагис, Е. Велме и другие. В Московском университете изучался латышский фольклор. Издавались свои газеты и журналы. Во время Октябрьской революции латышские рабочие сражались вместе с московским пролетариатом. Латышские стрелки охраняли Советское правительство и В. И. Ленина.

После Октябрьской революции начался расцвет латышской культуры в Москве. В 20—30-е годы в столице активно действовало культурно-просветительское общество «Прометей», несколько латышских учебных заведений, Московский центральный латышский коммунистический клуб, государственный театр «Скатуве», работало издательство, выходил ряд газет и журналов. В послевоенный период в Москве также жили и работали латышские общественные и культурные деятели. Среди них особое место занимал солист балета, известный педагог-хореограф М. Лиепа.

Перестройка дала новый импульс возрождению давних традиций латышской культуры

в Москве. По инициативе студентов-латышей, обучающихся в столице, было создано Московское общество латышской культуры. Своей основной целью оно выдвинуло возрождение и развитие традиций нашей культуры в Москве. Общество объединило всех желающих приобщиться к ней. Хотя учет его членов по национальному признаку не ведется, известно, что оно объединяет, кроме латышей, русских, украинцев, евреев, цыган, немцев, поляков.

С учетом того, что полноценное приобщение к культуре нации невозможно без овладения языком, одной из первостепенных задач общество поставило изучение латышского языка. С этой целью организованы курсы.

САБАНТУЙ В МОСКВЕ

Р. ГАЛИМОВ,
председатель Московского общества татарской культуры «Туган тел»

С давних пор в Москве проживали представители Казани. Они были на дипломатической службе, торговали, исполняли переводческие обязанности. О татарской слободе упоминается в 1619 году. В начале этого века татары проживали в районах улиц Мясницкой, Сретенки, Арбата, Мещанских улиц. В первые послереволюционные годы в составе Московской ассоциации пролетарских писателей активно действовала татарская секция. Руководил ею Муса Джалиль. В ЦК ВЛКСМ существовала татаро-башкирская секция. В 1928—1931 годах в Москве на татарском языке издавалась газета «Эшьче» («Рабочий»). С 1932 года стала выходить всесоюзная газета «Коммунист».

В Москве получили музыкальное образование такие виднейшие композиторы, как Ф. Яруллин, М. Музафаров, А. Ключарев, Н. Жиганов, которые активно участвовали в творческой жизни Московского татарского клуба — устраивали музыкальные вечера.

По комсомольскому призыву на строительство Московского метро прибыли тысячи молодых татар.

Татарская общественность города организовывает концерты народной музыки, празднования Сабантуя. Действуют два драматических самодеятельных кружка, два вокально-инструментальных ансамбля, секция национальных видов спорта, студия начинающих писателей. Проведены вечера, на которых москвичи-татары встречались с учеными, писателями, общественными деятелями, сотрудниками редакций журналов, выходящих в Казани. Все это было на плечах инициативных групп. Теперь же этим занимается общество татарской культуры «Туган тел».

Определяя его задачи, мы исходили из того, что оно должно не только распространять татарскую культуру, но и активно содействовать государственным и общественным организациям в осуществлении национальной политики, реализации задач партии в области совершенствования национальных отношений, укрепления дружбы и взаимопонимания между народами нашей страны.

В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Согласно переписи 1979 года в Москве проживало 7 931 602 человека почти ста национальностей. В том числе:

русских	7 146 682	белорусов	59 193
евреев	223 138	армян	31 414
украинцев	206 875	грузин	12 180
татар	131 380	латышей	5 310

На тысячу человек в возрасте 10 лет и старше имели образование:

	высшее	незаконченное высшее	среднетехническое	среднее общее	неполное среднее
русские	183	35	136	219	220
евреи	513	49	120	159	79
укрвинцы	283	45	146	236	147
татары	94	28	109	237	266
белорусы	217	39	140	249	185
армяне	491	68	95	208	71

В среднем на тысвчу человек в возрасте десяти лет и старше имели высшее образование 197 человек, незаконченное высшее — 36, среднетехническое — 134, среднее общее — 220, неполное среднее — 204 и начальное — 152 человека.

Любопытно, как распределилось население отдельных национальностей по общественным группам.

	Рабочие	%	Служащие	%	Колхозники	%
русские	3 528 186	49,4	3 584 171	50,2	33 103	0,4
евреи	32 577	14,6	190 461	85,4	56	0,02
украинцы	84 559	40,9	120 460	58,2	1 823	0,9
татары	91 718	69,8	39 022	29,7	624	0,5
белорусы	28 918	48,9	29 574	50,0	693	1,1

Всего в Москве в 1979 году проживапо 48,4 процента рабочих, 51,1 — служащих и 0,5 процента — колхозников.

комментарий «ТОВАРИЩА»

В отделе по связи с общественностью и средствами массовой информации Мосгорисполкома, где рассматриваются уставы национально-культурных обществ, оживленно. Здесь уточняются цели и задачи обществ, оговаривается их деятельность, структура, определяется правовое положение. Кроме представленных обществ, в Москве работают также ассоциация советских корейцев, общество таджикской культуры «Согдиана», еврейское, цыганское и польское культурно-просветительские общества, общество осетинской культуры и советских немцев.

Представляющие интересы разных национальных групп москвичей, общества и ассоциации помогают осуществлять национальную политику государства, способствуют более полному удовлетворению культурных и духовных потребностей людей, содействуют дальнейшему развитию культуры, изучению истории, искусства, литературы, языка, обычаев народов.

Мы хотели шире представить действующие в Москве общества и ассоциации. В частности, мы обратились к председателю еврейского культурно-просветительского общества Ю. Соколу с просьбой рассказать о деятельности общества. Наша просьба диктовалась еще и тем, что евреи самая многочисленная после русских группа, проживающая в Москве. Интересно, чем занимается общество, какую работу ведет? Этот вопрос мы и задали Ю. Соколу.

— Видите ли,— сказал он,— если мое выступление будет опубликовано в вашем журнале, то, значит, я полностью солидарен со всеми напечатанными материалами в «Молодой гвардии», особенно по так называемому «еврейскому» вопросу. Я категорически отказываюсь дать вам какую-либо информацию...

После этого мы обратились к его заместителю, директору еврейского молодежного центра, члену ВЛКСМ Л. Ройтману.

— Я должен о нашем разговоре поставить в известность руководство нашего общества,— сказал Леонид. Потом, немного подумав, добавил: — Хотя, впрочем, я и так вам скажу: после тех материалов, которые вы опубликовали, я бы не хотел выступать в вашем журнале. Мне не нравится мнение журнала.

Ну, раз разговор перешел в другое русло, мы его поддержали.

— Что же вам не нравится в публикациях журнала?

— Все,— ответил Л. Ройтман.— Если же я дам вам интервью, то будет создана иллюзия объективности публикаций в вашем журнале.

— Скажите, какие статьи, на ваш взгляд, необъективны?

— Практически все, где речь идет о евреях,— ответил Л. Ройтман.

Странно все это было слышать. Странно, во-первых, потому, что причина отказа рассказать о деятельности общества была явно надуманной: не понравившиеся Ю. Соколу и Л. Ройтману материалы никем никогда не опровергались. Авторы журнала стремятся точно, объективно и правдиво рассказывать о всех явлениях нашей жизни. Странно, во-вторых, потому что руководство еврейского культурно-просветительского общества, как нам показалось, стремится не к диалогу, не к открытости, а скорее к обособленности. Но ведь сегодня как никогда необходим открытый диалог, откровенное выяснение позиций. Сегодня нужна не конфронтация, а консолидация.

Между тем в уставе еврейского культурно-просветительского общества можно прочитать, что деятельность его «направлена на укрепление дружбы и взаимопонимания между народами СССР, ознакомление граждан всех национальностей с историей, культурой и языком евреев, с их вкладом во все сферы трудовой и общественной жизни СССР, а также на воспитание патриотизма, национального достоинства и социалистического интернационализма».

Что и говорить, вроде бы хорошие провозглашены задачи! Тогда непонятно, почему их надо скрывать?

Созданные в Москве национально-культурные общества, думается, призваны расширить наши знания, поднять культуру, укрепить взаимопонимание и дружбу между народами. Любое же недоверие вряд ли будет способствовать нормальным отношениям.

КООПЕРАТИВНАЯ МОНОПОЛИЯ НА ТРАКТОВКУ ИСТОРИИ

В центре Свердловска, недалеко от проспекта Ленина, в двухэтажном особняке разместился музей истории комсомольских организаций Урала. У входа в здание установлен огромный «еж», составленный из трех разноцветных параллелепипедов. Я открыл старинную массивную дверь. Экспозиция начиналась в подвале. Там в полутемном огромном зале стояли какие-то абстрактные фигуры, предметы, знаки. Что они собой изображают, понять не просто. Тут же пестрел мусор стройки, стоял покосившийся забор, незаконченная кирпичная кладка и множество обшарпанных дверей, на одной из которых головой вниз был помещен портрет одного из членов Политбюро ЦК КПСС, примеряющего военную фуражку. В дальнем углу над крохотными фигурками пионеров, рабочего и колхозницы, подпирая головой солнце из металлических прутьев, возвышалась статуя в огромных сапогах с поднятой рукой. Дальше начинался закрученный улиткой зеркальный лабиринт, который вел к гипсовой пирамиде и огромному полотну с изображением поставленных «на попа» обглоданных мамонтовых костей, названный «Большое обьятие».

На этом заканчивалась экспозиция, расположенная в подвале. Дальше мой путь был вверх по лестнице. В следующем зале я увидел голые затылки одетых в солдатские шинели манекенов. Все они были на одно лицо. Как мне объяснили, они символизировали защитников Родины.

Примерно так же были оформлены залы «Героизм», «Жертвы репрессий», «Культура застоя». Складывалось впечатление, что я попал на выставку авангардистов. Слова, начертанные при входе в музей, о том, что «образный ряд этой экспозиции — не иллюстрация к теме, а знак нашего неравнодушия к судьбам людей и страны...», оказались пустой фразой. Но тем не менее выставка получила высокую оценку некоторых посетителей. Вот как о ней, скажем, писала газета «Наука Урала»: «Экспозиция музея непостоянна. Она рассчитана на три-четыре года. А потом следует ее полная замена. Удобство ее в том, что она устроена по модульному принципу. Как только сотрудники музея заметят, что какой-то элемент перестал «работать», его заменят другим».

Мне, например, непонятно, как можно «варьировать» память! Как можно, используя модульно-ходульный принцип, переиначивать историю! Ведь историческая память — не флюгер, шарахающийся от сиюминутного ветерка то в одну, то в другую сторону! И нельзя не согласить-

ся с мыслью писателя о том, что «отечество и родную историю не выбирают — выбирают свой путь в истории, творимый сегодня, а выбор объективно связан с осмыслением уроков прошлого. Осмыслением, а не огульной хулой или, что еще хуже, смакованием пороков».

Пишу эти строки, а перед глазами так и стоит кривая улыбочка экскурсовода Вадика Винера, его неоднозначный кивок в зале «Героизм» на репродукцию, изображающую опустевшее поле боя Афганистана: «Ну ты хоть понимаешь, что это библейская пустыня!» Хорошо, но к чему здесь обломки античной колонны, олицетворяющей собой традиционную культуру и духовность, и то, что все изображенное выше крест-накрест перечеркнуто полосами белой материи с безымянными фотографиями «афганцев»!

Когда я обратился с этими вопросами к научному сотруднику музея Н. Бурнатовой, она сказала, что кооператив «Телефакс», оформивший экспозицию, запрещает экскурсоводам как-либо трактовать «образный ряд».

Вот как! Оказывается, кооператив имеет монополию не только на оформление, но и на трактовку истории. А ведь экспозиция выхолащивает историю, подает ее тенденциозно, игнорирует преемственность поколений. Не случайно ветераны не принимают такое видение истории. Вот что, к примеру, написал в книге отзывов ветеран труда, участник Великой Отечественной И. Гатдаков: «Вместо великой цепи — какой-то некрополь. Затушевано участие комсомольцев нашей области в трудовых и боевых победах. Нет и намека на ордена. Нет экспозиции о перестройке».

В музее не воспитывают историей, а иронизируют над ней. И как тут не вспомнить слова А. Блока: «Перед лицом проклятой иронии — все равно... добро и зло, ясное небо и вонючая яма... Так мне угодно, ибо я пьян. А с пьяного человека — что спрашивается! Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все безлично, все «обесчещено», все — все равно».

Таким вот «опьяненным состоянием» создателей только и можно объяснить дух беспамятства, беснующийся в музее. А ведь на его создание обком комсомола выделил 270 тысяч рублей. Иной скажет, мол, что чужие деньги считать. Но, позвольте, какие они чужие! Они наши, комсомольские. И на такое ли осмысление и воплощение исторической памяти они предназначались!

С. ПИВОВАРОВ

ВОЛНЫ И ПЕНА

Сегодня в Москве наряду с официальными газетами и журналами можно купить и самиздат. На Арбате, у метро «Кропоткинская», на Пушкинской площади, в других местах вам предложат, скажем, листовку «Мемориала» или «Гражданского достоинства», газету Российского народного фронта или Демократического союза...

Будучи проездом в столице, приобрел и я кое-какую литературу неформалов, начал ее штудировать и был ошеломлен идейной направленностью иных выступлений, программ и задач ряда неформальных организаций. Вот, например, один из номеров газеты «Свободное слово» — органа Демократического союза. Открывается он карикатурой, на которой изображен Председатель Верховного Совета СССР, цепляющийся в читателя, а за его спиной нарисован круг с надписью: «Перестройка». Рядом обращение, адресованное «всем антифашистам нашей страны»: «В стране начинается, вернее, возобновляется фашистский террор». А в другом номере еще похлеще: «Будьте готовы к бескомпромиссной борьбе и к открытой конфронтации со жрецами и апологетами преступной государственной власти. Вы можете и должны: отвергнуть ныне действующую Конституцию; требовать выборы в учредительное собрание на многопартийной основе; провозгласить необходимость дезинтеграции империи».

Как же все это расценивать! Антисоветской пропагандой! Призывом к свержению существующей власти! Да, было время, когда антисоветская пропаганда рассматривалась как уголовное преступление. Но это понятие истолковывалось нередко вольно, по усмотрению заинтересованных и облеченных властью лиц, и соответствующая статья Уголовного кодекса подчас использовалась для расправы с инакомыслящими людьми. Теперь этого нет. Согласно закону, принятому Верховным Советом СССР 31 июля, уголовно наказуемы лишь «призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного строя». Значит, выходит, сейчас каждый может писать все, что ему вздумается! Вполне свободно и безнаказанно распространять ложь и клевету!

В Москве выпускаются десятки самиздатовских газет, листовок, бюллетеней. А сколько их печатается по стране! Все они принадлежат определенным группировкам. Но вот что парадоксально: почти все они выступают единым фронтом! Словно по чьему-то совету ведут наступление на нашу государственность, партию, комсомол, армию. Они создают нервозность в обществе, распространяют слухи, а то и ложь, обливают грязью неугодных людей. Во многих статьях содержится требование изменить государственный строй в нашей стране. Некоторые материалы направлены на разжигание национальной розни, они сеют недоверие и подозрительность друг к другу. Газета «Свободное слово», к примеру, опубликовала призыв одного из руководителей Демократического союза В. Новодворской, с которым она обратилась к съезду сейма литовской организации «Саюдис»: «Только открытый вызов, открытое неповиновение властям страны приведет к падению строя».

Вот и понимай как хочешь горячие заверения некоторых неформалов, что они не сторонники «насильственных методов борьбы».

Привез я всю эту макулатуру домой показать моим землякам — рабочим Депутатского горно-обогатительного комбината, строителям треста «Депутатский», автомобилистам Усть-Куйгинского дорожно-транспортного предприятия — чем дышат столичные неформалы. Думал, им будет любопытно, поскольку мы у себя тоже организовали единый фронт борьбы за перестройку. Сами разработали программу действий. За короткий срок выпустили несколько «Окон гласности», в которых бичевались нарушения социальной справедливости при распределении жилья и других материальных благ, критиковались порочные методы и стиль работы местных партийных, советских и комсомольских органов. Кроме того, совет неформалов внес немало конкретных предложений в «Штаб общественного мнения» и «Клуб деловых людей», созданных при райкоме партии, организовал субботник по благоустройству поселка Депутатского... Опыт работы, как понимаете, небольшой, поэтому понятно желание узнать, на каких принципах созданы другие неформальные организации, какие цели они преследуют, как организуют свою работу.

Прочитав привезенную мною литературу, мои товарищи возмутились: «Мы, конечно, знали, что в Москве проживают умные и интеллигентные

люди, но даже в мыслях не допускали, что они могут дойти до такого, ратуя за лозунг «Чем хуже, тем лучше». Неужели кто-то всерьез воспринимает эти бредовые публикации! Неужели не ясно, что с такой программой действий мы вообще без штанов останемся!» И так далее в том же духе...

Но вот что удивительно — почти то же самое слово в слово я услышал и от комсомольцев Азовского морского пароходства, когда рассказал им о выходящих в Москве изданиях неформалов. А секретарь комитета ВЛКСМ К. Бережной сказал мне, что ждать от тех, кто все отрицает, все готов разрушить, а взамен ничего существенного не предлагает, хорошего не приходится.

— В Мариуполе тоже есть неформалы,— рассказывает К. Бережной.— Например, организация «За перестройку» выступает против несправедливостей, медлительности, а «За чистый Мариуполь» ратует за охрану окружающей среды. Есть у нас и представители Демократического союза. Но их, надо прямо сказать, никто всерьез не воспринимает.

Комсомольская организация пароходства одной из первых в Донецкой области получила права юридического лица, создала собственный фонд молодежи, который состоит из средств, заработанных на субботниках. Здесь действует около десяти молодежных объединений. Клуб самодеятельного технического творчества, хозрасчетный молодежный центр «Азовэкспресс», дирекция молодежных программ — по организации культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятий, МЖК «Азовец», хозрасчетный филиал центра НТТМ Черноморского морского пароходства... И хотя созданы они недавно, тем не менее на их счету немало интересных дел. Так, клуб самодеятельного технического творчества выполняет отдельные заказы пароходства, молодежный центр «Азовэкспресс» не только организует работу клубов по интересам, но и занят изготовлением спортивно-оздоровительных тренажеров для судов и реализации населению города, будет строить теннисный корт у профилактория предприятия. Дирекция молодежных программ взяла на себя организацию праздников и других массовых мероприятий, а вот МЖК «Азовец» готовится начать строительство четырех новых домов на 180 квартир...

— Филиал центра научно-технического творчества молодежи Черноморского морского пароходства открылся чуть больше года назад,— рассказывал его директор В. Павленко.— За это время, например, творческая группа НТТМ под руководством инженера конструкторского бюро В. Шорохова разработала техническую документацию на установку более совершенного радионавигационного оборудования на суда, а группа старшего мастера энергоучастка В. Шумского изготовила саму установку. Сейчас новое оборудование установлено на таких судах, как «Леонид Попов», «Ургенч», «Квант», «Ураган», и других.

Некоторые говорят, что, мол, никто не противодействует разгулявшимся неформалам. Спору нет, нынешнее время дало право на свободу слова, право мыслить иначе. Теперь каждый может, не таясь, высказывать свои идеи, мысли. Но это вовсе не означает, что мы должны добру и злу внимать равнодушно. Необходимо отделять зерна от плевел, отличать пену от волн, оттенять правду от лжи. И в этом отношении у комсомола, мне кажется, непочатый край работы.

Н. ЛУГОВОЙ

Якутская АССР

Александр ФРОЛОВ

ВОИТЕЛЮ НУЖНА ОТЧИЗНА!

ОТВЕТ Б. ОКУДЖАВЕ НА ЕГО «ИРОНИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГЕНЕРАЛУ»

В журнале «Огонек» № 35 опубликовано стихотворение Б. Окуджавы «Ироническое обращение к генералу». С возмущением его читали мои сослуживцы. И не потому, что задета наша профессиональная честь, так сказать, «ведомственное самолюбие», а главное, потому, что в стихотворении обесценивается святая святых — ленинская идея защиты Родины. В трактовке Окуджавы генералы — «шатающиеся» бездельники, чуть ли не отбросы общества. Вот мой ответ Б. Окуджаве.

С уважением А. ФРОЛОВ, генерал-майор

...Вы в положении дурацком.
Не лучше ли шататься в штатском...
Воителю нужна война,
разлуки, смерти и мученья,
бой, а не мирные ученья...

Б. ОКУДЖАВА

Я детство вынес из войны,
А юность — из полуподвала.
С благословения страны
Ношу я форму генерала.
И вот спросил меня поэт,
Что «в положении дурацком
Не лучше ли шататься
В штатском...»!
Я отвечаю твердо «нет!».
Без гонораров, за зарплату
С семьей живу. Гулять хожу
На пограничную межу.
А не по Вашему Арбату.
О генералах говорите,
Что будто им война нужна,
Победа громкая... Молчите!
Не только ведь у Вас жена,
И дети, внуки, внучки. Что же,
Послушать вас — мы им враги.
В нас видеть только сапоги
И близоруко, и негоже.
И кто бы вдруг подумать мог,
Что Вы, войною опаленный,
Пускай в ту пору и «зеленый»,
Но спутник фронтовых дорог,
Забыли напрочь строчки эти:
«Мы все войны шальные дети,
И генерал, и рядовой»!..
Шинель Вы взяли и — домой,
Другим досталось жить
В шинели,
Чтоб Вы печатались и пели,
А Вы состряпали навет.
Незрело как для Ваших лет!
Чернить военных стало модно.
И хоть совсем не благородно,
Зато «сподвижники» поймут.
Их, злопыхателей, немало
Вскричат:
«Ату их, генералов!»
Но если встанет час кровавый —
Они в атаку не пойдут.

ТРАКТОР ДЛЯ АРЕНДАТОРА

Порой думалось, что все так разговорами и кончится. Призывы создать технику для арендаторов вряд ли дойдут до предприятий, специализирующихся на выпуске крупногабаритной сельскохозяйственной техники. И тем приятнее сюрприз харьковчан: молодые конструкторы в кратчайшие сроки разработали и наладили выпуск мини-трактора Т-08.

Бюро малогабаритных тракторов было создано лишь в мае нынешнего года. Хотя работа над первым мини-трактором началась раньше. Это позволило молодым конструкторам провести испытания новой машины в опытном хозяйстве на базе пригородного совхоза «Лебежанский», а заводу — выпустить серию тракторов уже в начале лета.

Многочисленные заявки со всех концов страны говорят о том, что трактор вызвал огромный интерес у людей. Но удовлетворить их не просто. Завод, разработавший эту модель, занимается лишь ее сборкой на небольшом участке экспериментального опытно-механического цеха. Многие агрегаты, детали, узлы к новому трактору поставляют смежники, а одна сборка Т-08 заводу не выгодна. Наладить же собственное производство деталей нет возможностей — огромный завод не имеет свободных производственных площадей, а строить дополнительные негде.

Тем не менее трактор выпускается. Первыми опробовали его сельские жители Украины в садах и огородах, в парниках и животноводческих помещениях, на пришкольных участках. Им пришлись по душе его высокая маневренность, легкость в управлении, хорошие тяговые показатели. Вполне приемлема и его цена — около трех тысяч рублей. По желанию трактор можно купить вместе с плугом, культиватором, бороной, окучником, почвенной фрезой и полуприцепом.

Некоторые узлы трактора требуют доработки. Поэтому наряду с выпуском машин идет их совершенствование. Конструкторы считают, что мини-трактор непременно должен быть с дизельным мотором, у которого значительно больше моторесурс, чем у двигателя внутреннего сгорания.

Разработать такой мини-дизель трудностей не представляет. В том же Харькове есть два завода, которые могли бы этим заняться. Но кто возьмется изготовлять к нему комплектующие детали в условиях стопроцентного госзаказа!

Надо сказать и о финансовой стороне дела. Коллектив, по существу, изготовил мини-трактор на одном энтузиазме. Его выпуск не подкреплен ни материальными, ни финансовыми ресурсами. В итоге все издержки, связанные с разработкой нужной модели, пришлось взять на себя предприятию.

О. ЛОБАНОВА

Слесарь механосборочных работ Игорь Луценко.

Инженеры-конструкторы малого бюро механизации Марина Шевченко, Геннадий Тымин, Евгения Климова и начальник бюро Владимир Никулин.

БУЛЬКАЮЩИЙ ОПУС

Преподаватель музыкальной школы в Филадельфии Питер Чейчер сотворил «Пивную симфонию». Нотной записи, однако, нет, а сам опус записан на магнитной ленте и представляет композицию из звуков, возникающих при наливании пива в различную посуду: керамическую, стеклянную, железную.

По словам автора, такие булькающие звуки, которым он долго подбирал подходящее сочетание, в конце концов сложились в приятную мелодию.

Музыкальные критики, обычно приветствующие любую авангардную музыку, на этот раз были единодушны: «Профессор явно разбирается в пиве лучше, чем в симфониях. Его опус требует существенной доработки. И вообще, судить надо по нотам, а не по магнитной пленке».

Словом, П. Чейчеру дается шанс довести до ума свое булькающее произведение.

Г. МАЛИНИЧЕВ

РЫБАЦКИЕ БЕДЫ

Среди рыбаков-колхозников прибрежного лова на Финском заливе редко когда встретишь молодого человека. Как правило, работают в бригадах мужики, сорокалетние или постарше, и удивляешься, кто же придет к ним на смену. Это удивление подкрепляется словами, которые иногда слышишь от старых рыбаков:

— Мы последние. До пенсии доработаем, а нынешняя молодежь уж в рыбаки не пойдет.

За этим мнением много горечи. Труд рыбака тяжел. Почти круглый год проводит он на ветру, воде, льду. Все работы делаются вручную, при любой погоде, в путину по несколько недель без выходных, с неограниченным трудовым днем. А зарабатывают в колхозе рыбаки — копейки. Судите сами: за килограмм выловленной корюшки бригаде платят 9 копеек, а продают ее с лотков в Ленинграде по 1 рублю 20 копеек. На судака закупочная цена 55 копеек за килограмм, а населению продают по 3 рубля. И получается среднемесячная заработная плата у рыбаков на нашем берегу по 120 рублей. Можно на такой заработок существовать мужчине, кормильцу семьи? Пойдет молодой человек после армии зарабатывать такие гроши?

Сыновья рыбаков, зная все это, стремятся избежать участи отцов, стараются приобрести какую-нибудь специальность, отличную от рыбацкой. Теряется профессиональная преемственность поколений. Наверное, и поэтому тоже исчезли с нашего берега рыбацкие поселки, деревни, где рыбаки селились плотно, дом возле дома, и морской промысел был для всех семей одним общим делом, которое и взращивало, и кормило их. Ходили в лодках на промысел и дед с внуком, и тесть с зятем. Теперь не то. Многие рыбаки живут не то что далеко друг от друга, а даже далеко от моря, где проходит большая часть их жизни. Колхоз настроил в городе девятиэтажек, переселил туда семьи рыбаков.

Где теперь учат на рыбака? Сразу скажу (из многих лет наблюдений за рыбацкой профессией) — просто научиться всему почти невозможно. Для того чтобы сродниться с морем, влюбиться в этот труд и выдержать его, нужны врожденные данные. Как для того, чтобы стать музыкантом, нужен слух, для рыбака нужно, назовем это так, — чувство моря. Чтобы мальчишка с ходу понимал, как нужно подвести лодку к сетям, с какого борта их брать для похожки, как учитывать заходы ветра, направление волны. Но как распознать все эти качества в подростке? Помню, в одной из телепередач «Клуба кинопутешественников» рассказывалось о старом польском капитане, рыбаке. Каждое лето он набирает на траулер в команду пару десятков четырнадцатилетних мальчишек. Срок их пребывания на борту не оговаривается: на две недели, два месяца, кто сколько выдержит. Они работают с экипажем на промысле, привыкают, смотрят, учатся. Причем это для них не увеселительная прогулка, а работа.

У нас же из-за какой-то условности, ложно названной «детский труд», ни разу не встречал я в море мальчишек, работающих рядом со взрослыми. Круизы, яхты, спортивные соревнования — все это для них пожалуйста, а работа, то, что формирует характер и будущее любого человека в молодости, — это запрещено. Почему?

Рыбаки не имеют права распоряжаться своим уловом, им указывают, где ловить и сколько, как крестьянам — где сажать, что и когда. От этих глупых приказов народ бежит как с земли, так и от моря. Остаются и приходят работать в колхоз только люди со всем этим согласные, большей частью водкой заглушающие в себе протест против реально существующих порядков.

Даже сам процесс приема рыбака в бригаду обусловлен его повиновением и жаждой, как правило, призрачной вольной жизни. Просятся обычно в рыбаки такие, которым кажется, что водка у рыбаков не переводится и пить ее можно с утра до вечера. Обычно это грузчики, рабочие с пирса. Такому говорят: помогай нам сначала на причале, мы посмотрим, годен ли ты. Мужик чинит сети, ремонтирует лодки, моторы. (Это все рыбак должен уметь). Денег ему не платят, а дают рыбы, наливают выпить за общим столом. Потом берут в море, смотрят, может ли с похмелья работать в штормовых условиях. Скажу, не многие выдерживают это становление. А самое печальное, что такой горе-рыбак приучается работать на алкоголе, как спортсмен на допинге. Он уже не может представить себе, чтобы выйти в море без бутылки. Появляются целые пьяные бригады. Начальство на них закрывает глаза, лишь бы тянули, а что пьют, так, мол, кто сейчас не пьет. И спиваются мужики. Как я уже сказал, работа тяжелая, живут рыбаки неделями вдали от семей. После рабочего дня без уюта и домашних занятий только и забава — смотреть телевизор, а если он надоедает? Опять же водка. Порочный круг. Проблема пьянства среди рыбаков не меньшая, а кое-где даже более обостренная по сравнению с другими профессиями. Все это, конечно, тоже не способствует престижу рыбацкого труда среди молодежи. Решение этой беды видится только в повышении общего социально-культурного уровня нашей жизни. Помнится, мне рассказывал старый рыбак, как после войны он слышал поучение отца сыну:

— Держись, Ваня, за ячею, всегда будешь пьяным — не пропадешь.

С тех пор много воды утекло, но многие в рыбацком промысле еще и до сих пор руководствуются этой пословицей. И печально, что число их не убывает.

А. ЖУКОВ

На первой странице обложки «Товарища»: инженер-конструктор Геннадий Тымин. (Корреспонденцию «Трактор для арендатора» читайте на стр. 142.)

МИР ТАИНСТВЕННЫЙ, МИР МОЙ ДРЕВНИЙ

Как избежать болезней и недугов, сохранить физическую и душевную бодрость? — этот вопрос все больше волнует людей. Мода и здесь не стоит в стороне. Она предлагает набор импортных средств: аэробика, йога, у-шу... Престижными становятся гипноз, психотерапия, саморегуляция, сеансы экстрасенсов и прочие новейшие достижения. Но так ли уж все они необходимы и полезны? Ведь и йога и у-шу порождены местными условиями жизни, обычаями, верованиями, климатом и многими другими причинами. Можно ли их игнорировать и механически перенимать эти системы? Да и зачем искать спасение на стороне, когда оно рядом: стоит обратиться к нашему отечественному опыту. Русский богатырь не хуже индийского йога, но он возможен только здесь. И наоборот. В пустыне не поднимется сосна, и пальма не раскинется на севере, писал поэт. У каждой земли свои особенности, и коль мы — дети своей земли, то и жить нам по ее законам. А она, как заботливая мать, все предусмотрела, чтобы мы были здоровыми, только в отличие от наших предков не умеем мы ее дарами пользоваться, нема и глуха для нас родная земля. И все же дело не безнадежно, ибо не перевелись люди, хранящие древние заветы. К ним и принадлежит моя собеседница Полина Константиновна Рожнова.

Рожнова предсказывает погоду и по этой причине нередко спорит с синоптиками, знает заклинания и заговоры, целебные свойства трав и растений. Для нее не составляет труда определить, какая профессия или цвет одежды подходят человеку, что из даров природы лучше всего преподнести ему в день рождения. Заманчиво? Прямо как реклама экзотического кооператива. Но Рожнова считает, что никаких необычных знаний не имеет: раньше ими владели — в разной степени, разумеется, — многие крестьянки, строившие свою жизнь по народному календарю — месяцеслову. Это только в наш век родился миф о темноте и невежестве русского народа. Но ведь сотни лет жили, да и сейчас еще живут во многих северных деревнях без врачей и фельдшеров, прибегая в случае болезни к помощи народных лекарей — знахарок, врачевателей, чудом уцелевших после всех гонений. Вспоминается телевизионный фильм об известном целителе Касьяне, к которому идут больные со всей страны. Когда-то таких касьянов насчитывались тысячи, и редкое село не могло похвалиться своим костоправом.

Полине Константиновне повезло: с детства судьба сводила ее с людьми, владевшими сокровенными знаниями. В вологодских деревнях прислушивалась она к заговорным словам, видела, как готовятся целебные снадобья, как лечат ими больных. Перед глазами девочки раскрылся мир деревенской жизни, полный поэзии и тайн. Здесь впервые она услышала о народном календаре, с оберегами и приметами, обрядами и песнями, календаре, представлявшем многообразную картину народной жизни. По нему наши предки-язычники сверяли сроки сева и жатвы хлебов, начало осенних посиделок и дни, когда приспевала пора кликать птиц к родным гнездам. В календаре хранится забота деревенского жителя о лесном звере, о покосе, о заводи, о судьбе будущего урожая, названия игрищ и игр и даже приметы дней.

— Русскому крестьянину природа виделась живой, одушевленной, — говорит П. Рожнова, — прислушиваясь к земле, к воде, к шуму леса, каждое движение солнца вносили в народную память. Отсюда и приметы, и предсказания, которые и сейчас необходимы. В 1989 году что получилось? Солнце до 14 марта скрывалось за тучами, наконец, появилось, и вся Москва, обрадовавшись, вышла на улицу. Но в этот день было много сердечных приступов — следствие усиления солнечной активности. Вообще от солнца лучше беречься, нельзя загорать часами, как это у нас принято, девочкам лучше отказаться от капроновых бантов — своеобразных антенн, притягивающих солнечное излучение.

Полина Константиновна Рожнова.

— Народную медицину стали признавать, но она тесно связана с народным календарем и, наверное, без него не может быть до конца понята?

— Порой трудно сказать, где медицина, а где обряд, – настолько они едины. Скажем, вербное воскресенье, праздник накануне Пасхи, когда в церковь несут прутики вербы. Делают это не случайно. По весне верба обладает чудодейственной силой: очищает в избе застоявшийся за зиму воздух, выгоняет из дому хворь и болезни. Как только осеребрилась вербочка, ее несли в дом, обметали стены, снимали паутинку, хлестали себя по голому телу, чтобы кожа легче дышала, эластичной стала. Очищение тела сопровождалось очищением духа — шел Великий пост, поэтому и несли в храмы вербу – и как символ, и как средство обновления человека.

Ну и коль заговорили о вербе, немного о ее лечебных свойствах. Верба останавливала кровотечения, с ее помощью снимали головную боль, повязав прутик платком. Кору вербы сушили, толкли и вдыхали для укрепления носовой оболочки.

— С ранних лет мы знаем о таинственной воде: живой и мертвой, которая исцеляла раны и возвращала жизнь. Приходилось ли вам встречать эту воду?

— Есть такая река на Вологодчине — Глушица. В XV веке на ней основал монастырь монах Дионисий, позднее прозванный Глушицким. Он прославился тем, что вылечивал многих людей, используя местные источники. Когда я услышала эту историю, захотелось самой испытать свойства целебной воды. Сейчас, правда, источники заросли, покрылись глиной. И вот в нее сунешь пораненный палец — он коченеет, словно под анастезией. Окунешь в другой ключ — и палец начинает сгибаться. Кровь перестает идти, ранка затягивается, только рубчик от нее остается.

По народному календарю один день в году — 19 мая (по новому стилю) — исцеляющими свойствами живой воды обладает утренняя роса. Помню, умирала у нас в деревне одна старушка и всеми силами старалась дотянуть до этого дня. Выкупалась в росе и прожила еще несколько лет. На Руси 19 мая все шли в росе купаться: и взрослые, и дети.

— Значит, где-то и сейчас течет живая вода?

— Вода есть, но все меньше ее остается – в землю уходит. У нас на Вологодчине 21 июня, как и повсюду, колодцы роют. «С Федора колодцы рой, будет вода в них чиста, светла и пьяна и от всякого лихого сглазу на пользу»,– говорили в народе. Поутру примечали столбы туманные, ставили на них сковородки. Если дно покрывалось испариной, то, проверив трижды, начинали копать. А сейчас воду найти — проблема, иссякают подземные источники, и это сулит нам много горя.

— К сожалению, для многих поверья, обычаи ассоциируются с невежеством и суеверием.

— Это от незнания или лукавства тех, кто учит нас прошлому. Поверья отражали чаяния народа, его веру в конечную победу добра. Вот хотя бы это: 15 января черный петух о семи годах откладывал в навозе яйцо, из которого должен появиться царь змей Василиск. Беды можно избежать, зарубив петуха, но коль этого не случилось, то 4 июня змей выклевывается из яйца. В этот день никакого дела не начинали — уродятся василиски. И все молодое непременно бы усохло, не приди на помощь пастух Егорий, сразивший змея копьем.

— Очень уж напоминает Егорий святого Георгия Победоносца.

— В народном представлении они слились в один образ. Вообще христианство очень удачно наложилось на языческий мир, не разрушив его, а приспособив в своих интересах, которые нередко совпадали. Языческому Велесу — покровителю скота — соответствует святой Власий, пастуху Егорию — Георгий Победоносец. Даже установленный церковью Великий пост не был новостью для славян, которые задолго до принятия христианства ограничивали потребление пищи в весеннее время — пору солнечной активности.

— Влиял ли календарь на выбор человеком профессии?

— Благодаря календарю на Руси никогда не возникал вопрос, кем быть. Знали, к примеру, что рожденный 14 февраля угробит скот, а появившийся на свет 6 мая — прирожденный пастух.

— А если ребенок родился 4 июня, в день царя змей?

— В этот день ни одна женщина рожать не хотела: сладу не было с таким ребенком, красивым, как царь, своенравным и неуступчивым.

— Полина Константиновна, мы много говорим о календаре, а давайте возьмем один из дней и посмотрим, чем он был примечателен.

— Какой вам интересен?

— Лучше не выбирать, пусть это будет типичный будничный день, ну, скажем, 4 октября.

— 4 октября — день заклинания плодородия и земледелия. Накануне вечером приносила баба к печи три охапки соломы. Втыкала серп в притолоку, кланялась печи — хранительнице огня, источнику здоровья, выгребала кочергой в старый чугун золу: «Будь зола для окату, от призора, от немочи, от огни разжильной, от ломей, от гнетей! Будь зола под весеннюю соху!» — просила она у Роженицы благополучия и плодородия. Роженица — земная вода и земля родящая, пронизанная солнечным символом, впитывающая солнце; солнечный облонок (круг) венчает ее голову. Крестьянин именно таким представлял образ земли. Так вот, бросала баба в печь горсть зерна, ставила туда лохань с горячей водой, а потом брала три охапки соломы и приговаривала: «Ниву сажали, страду пострадали, гибкими серпами, острыми серпами жали-пожинали, три пряди напряли. Первая прядь — на урожай, вторая прядь — сил не избывать, третья прядь — зиму простоять — на стояньице». Первую прядь она связывала чистым льняным холстом или полотенцем и ставила под солнце с маревами, в красный угол. Стояла она в избе до Покрова, а на Покров с песней выносилась на поле, и все от мала до велика, кого это поле кормило, вырывали из пряди соломку и бросали к небу: чтобы и девке и полю Покров голову накрыл. Вторую прядь стелила баба по-над печкой; третью — на стояньице, по ней баба шла: «Я хожу со Спожинок по яровой соломке — по кормовой, по ржаной соломке — потовой, по гречишной соломке — по молочной. Я хожу-похожу, борозду поторю. Солнце-матушка, ты ляг зерном, подымись житом». При этом баба снимала платье, брала веник и залезала в печь. Там она все больное смывала, схлестывала крапивой и снова произносила заговорное слово. Вылезет баба из печи, окатится водой да скорехонько солому в печи кочергой сгребет, дров поверх накладет — вот и готова печь на утренней заре добрым огнем заниматься. А мужик уже в сенях стоит. Баба соберет ему стояньице, по которому она ходила, и велит скотине отнести, а сама тем временем воды наготовит — смыть с него худобу, призор, гнесть.

О чем могла кликать крестьянка накануне 4 октября? Она

верила, что сила солнца хранится и в зерне, и в медовых сотах, и в золотой соломе. Могла она, если детей не имела, просить, чтобы чрево ее пустота не заела. А коли дочь на выданье была, заговаривала ее рубахи на тепло, на здоровье. И обязательно просила она у Роженицы благополучия и плодородия.

Четвертого октября поднималась она чуть свет, в печь горящих угольев кинет: «К доброму хлебу гори!» — и выходит на крылечко. В этой рани, по поверью, мог подняться ветер-листобой. Он деревья обнажал, мог с бабьего или девьего лица красоту сорвать. Поэтому баба ветер заговаривала: «Ветер-листобой, ты лети за семь высоких лесов, за семь глубоких морей, не тронь мово лица, с лица — зори, подыми перо воронье, суховерть да веревку-удавку, да отнеси ты назольное за семь высоких лесов, за семь глубоких морей, а то заступлю твои следы, веточкой осиновой забью!» Верилось ей: теперь ветер-листобой зла не учинит. Осиновой веточкой, что была еще ввечеру воткнута у крыльца, баба хлестала наотмашь и бросала горсть зерна: «Иди к добрым людям!»

Пока топила баба печь, обряжалась, мужик шел из-под коровы навоз вытаскивать. Полагалось 4 октября землю назмить, чтобы глада на землю не было, чтобы жито другим летом уродилось. 4 октября надо было бабе избу ухитить, то есть услонить, уготовить к зиме. «Ухитишь избу до Покрова, будет изба толкова». У всякой бабы была своя ухитка, свое скрывище. Она могла, прибирая избу, заговорить на порог, или на окно, или на печной столб. Всякая крестьянка слышала избу, и если казалось ей, будто кто-то ходит в сенях, заговаривала она на сени: «Шум-

Участницы ансамбля «Виноградье — красно-зеленое».

шумок, ты чего спохватился: аль на радость — шуми, аль на боль — замолчи, аль на горе — приходи вчера».

Коли кто в этот день болел, то вокруг него обносили плошку с клюквой, произнося заговор. В каждом доме пекли житники — сдобные кокурки на коровьем масле или наливушки: на ржаную лепешку наливали размятый, замешенный на молоке и сдобренный яичком картофель. В полдень шли к полю, кланялись до земли стерне, чтоб гремело поле серпами, чтобы было кому его жать.

— Дом, как и природа, тоже казался живым?

— А он таким и был. Ведь дерево — это жизнь. Считали, что оно, высыхая, отдает соки рожденным в этом доме. И пусть это не покажется странным, но внешний вид дома, его стойкость говорили о здоровье хозяев. Где болели, там в доме появлялась плесень, гниль. Тогда приглашали в дом бабушку, которая произносила заговоры, брала можжевельник и совершала специальный очистительный обряд.

— А стегали себя крапивой, надо полагать, не только в ритуальных целях?

— Разумеется, нет. Крапивой пользовались и для лечения, и для укрепления организма. Она выгоняла нарывы из тела, с ее помощью залечивали раны, избавлялись от кровотечений. Соком молодой крапивы полоскали гортань, что увеличивает содержание эритроцитов, повышает гемоглобин. Бабушка всегда находила повод постегать внучат свежей крапивкой — для крепости.

— Можно ли провести аналогию между знахарками и современными экстрасенсами?

— Не знаю. Видите ли, народные лекари успешно врачевали более тысячи лет, а экстрасенсы появились недавно и пока, на мой взгляд, не очень заметно себя проявили.

— Но интерес к ним растет, а русских знахарок, похоже, просто не замечают.

— Но вот типичный случай: одолевает младенца грыжа, ищут-то русскую бабку. Нет, напрасно мы забываем свое, родное. Столько потрудились наши предки, знания, опыт накопили, а мы живем, как будто первыми на свет родились. Я понимаю, жизнь меняется, но если мы хотим сохранить свое здоровье и вырастить крепкое потомство, без обращения к народным знаниям нам не обойтись.

Полина Константиновна показывает объемистую рукопись. Читаю заглавие: «Месяцеслов, меня растивший». Здесь все: обряды и заговоры, приметы и поговорки. Пока издатели решают, в каком объеме и как подать этот материал, Рожнова времени не теряет: выступает с лекциями в трудовых коллективах, на различных вечерах. Особый колорит ее рассказу придают юные артисты из фольклорной группы «Виноградье — красно-зеленое», которой сама Рожнова и руководит. Ребята исполняют заклинательные песни, показывают древние обряды. Заинтересовались Рожновой и на телевидении: теперь ее часто можно увидеть в программе «Времена года».

Где бы ни выступала Рожнова, интерес к ее рассказам везде одинаков. Не так давно на одном подмосковном заводе на два часа продлили обеденный перерыв — столько возникло у рабочих вопросов. А после окончания смены наверстали упущенное. Когда еще доведется услышать такое?

В. ПЕТРОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ АЛБАНИЯ

«...Сейчас больше всего кричат о гласности. Но ведь существует немало тем, на которые писать не принято. Попробовал найти что-нибудь об Албании — не получилось. Может быть, «Молодая гвардия» нарушит этот «заговор молчания»?»

Н. СУВОРОВ,
Алма-Ата

Лозунг «Жить, работать и бороться как в окружении» во многом определяет сегодняшнюю жизнь в Албании, внешнюю и внутреннюю политику Албанской партии труда. Стремление руководителей уберечь страну от «тлетворной буржуазной идеологии и ревизионизма», от частых пересмотров собственной истории и собственного опыта, от социально-экономических и политических «пороков и язв», порождаемых «капитализмом и ревизионизмом», воплощается в различных областях экономики, во внутренней и внешней политике, культуре страны «истинного» социализма, в повседневной жизни албанцев.

Албания, длительное время получавшая значительную экономическую помощь от СССР и других стран СЭВ, а также от КНР, во второй половине 70-х годов провозгласила политику отказа от иностранных кредитов и другой помощи, угрожающей, как считают в Тиране, экономической и политической независимости «государства диктатуры пролетариата». Ценой огромных материальных, финансовых, трудовых усилий, нередко 14—16-часового рабочего дня, Албания оказалась в состоянии преодолеть трудности, обусловленные прекращением сотрудничества с соцстранами. Усилив экономическую и политическую централизацию, подчинив все наличные средства и ресурсы делу «выживания в окружении», максимально используя научно-техническое сотрудничество со многими странами (которое никогда не прерывалось), жестоко карая за некомпетентность, халатность, бюрократизм и тем более за «мелкое» воровство (уже не говоря о «крупном»), Албания смогла обеспечить экономическую и политическую стабильность и самостоятельность, сравнительно высокие темпы роста валового национального продукта (в 80-х годах — 10—15 процентов в год).

Уже с начала 80-х за счет национального производства полностью удовлетворяются потребности в зерне (урожайность пшеницы в 80-х годах — до 42 ц/га), мясомолочных продуктах, одежде и обуви, медикаментах, многих предметах длительного пользования. Нефтехимические, металлургические, деревообрабатывающие и другие предприятия, созданные в 70—80-х годах, на 80—90 процентов обеспечивают страну черными и цветными металлами, алюминием, сельхозтехникой, автомобилями, многими видами энергетического и промышленного оборудования, нефтепродуктами, удобрениями, стройматериалами, электровозами, вагонами..

Приняв за основу советский опыт индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, используя богатые природные ресурсы (хром, медь, бокситы, нефть и газ, железо-никелевая, цинковая и марганцевая руды и др.), с небольшим по численности (3,2 млн. человек в 1988 году), но самоотверженным и трудолюбивым населением албанское руководство проводило и проводит курс на создание полностью самообеспечивающейся экономики, на расширение экспорта не за счет сырья, а полуфабрикатов и готовых изделий.

Конечно, небольшая численность и потребительская неискушенность населения в определенной мере сдерживают «потребительскую» направленность экономики, а самоустранение по политическим мотивам от мировой экономической интеграции, идеологизация внешнеэкономических связей вряд ли положительно влияют на экономику, научно-технический прогресс Албании.

Тем не менее успехи налицо: страна, не имевшая до середины 70-х годов черной металлургии, ныне производит более 50 видов стали и 80 — проката. Страна, «не ведавшая» собственного железнодорожного машиностроения до 80-х годов, первые железные дороги в которой появились лишь в конце 50-х годов, ныне вывозит рельсы, некоторые виды грузовых вагонов. Электрифицированная до середины 50-х годов лишь на 20 процентов территории за счет небольших дизельных ТЭС, Албания ныне экспортирует электроэнергию в НРБ, СФРЮ, Грецию, Румынию, располагает крупными ГЭС на Балканах, развивает биоэнергетику, геотермальную и солнечную энергетику. Страна, в которой до 50-х годов около 80 процентов населения было неграмотным, стала обществом всеобщей грамотности не только албанцев, но и проживающих в Албании греков, сербов, черногорцев, македонцев, турок; имеет два университета, десятки вузов и исследовательских институтов, обучает студентов из ряда стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Если раньше население республики считалось обреченным на вымирание вследствие многочисленных болезней, эпидемий, отсутствия системы здравоохранения, то ныне она имеет самый высокий уровень рождаемости в Восточной Европе — 33 человека на 1 тысячу жителей и минимальный — смертности — 6 чело-

век на 1 тысячу жителей. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляет 730—750 леков (1970 г.— 650 леков), плата за квартиру, построенную в госсекторе,— 10—15 леков, в кооперативном секторе — 25—30 леков (По курсу Госбанка СССР (1989 г.) 100 леков составляют 12 рублей.) Проработавшие на одном предприятии не менее 15 лет имеют право на ежегодную бесплатную путевку на курорты (с 50-процентной скидкой членам семьи), оплачивают только 50 процентов стоимости лекарств; цены на медикаменты снижаются один раз в 3—4 года. Трудящиеся, школьники, студенты пользуются бесплатным питанием по месту работы или учебы, школьная форма и учебники также бесплатные. Студентам выплачиваются стипендии — имени В. Ленина, И. Сталина, Э. Ходжи *.

Рабочие и служащие к месту работы и обратно доставляются государственным (ведомственным) транспортом по льготным тарифам. Ежегодный оплачиваемый трехнедельный отпуск (до середины 80-х годов — двухнедельный) большинство трудящихся проводят на курортах «семейного типа».

Мужчины имеют право выхода на пенсию в 65 лет; женщины — в 60 лет. В случае кончины одного из супругов членам семьи в течение года выплачивается ежемесячная зарплата (или пенсия) умершего. При рождении первого ребенка женщина получает 10-процентную прибавку к зарплате, второго — 15- процентную, при этом оплачиваемый (в сумме месячного заработка и доплат) отпуск по рождению и уходу за ребенком составляет 2 года (в том числе послеродовой — полтора года); в случае потери кормильца женщина в течение трех лет получает 125 процентов своей зарплаты.

Браки с иностранцами запрещаются. С 1986 года исключение делается для «соратников и соратниц по борьбе с империализмом и ревизионизмом».

Примечательно, что в Албании еще в 60-е годы был полностью отменен подоходный налог, а с 1984 года наполовину уменьшен налог на холостяков и малосемейных. Ежегодно летом, по примеру «сталинского», как его называли, снижения цен в нашей стране, в НСРА снижаются розничные цены на многие потребительские товары в среднем на 5—15 процентов.

Но есть, как говорится, и обратная сторона медали. Трудящимся не разрешается иметь в личном пользовании предметы «буржуазной роскоши» — автомобиль, рояль (правда, пианино можно), видеомагнитофон, «нестандартную» по размерам и «рекомендованным» типам застройки дачу, сдавать жилплощадь частным лицам (последнее возможно по «специальному временному» разрешению). Коротковолновые радиоприемники и радиолы не производятся, а владение импортными запрещено.

* Э. Ходжа — Первый секретарь ЦК АПТ с 1941 по 1985 год.

Госхозы не имеют права реализации сельхозпродуктов на рынках; кооперативные хозяйства могут реализовать эти продукты по ценам, превышающим государственные только на 10—20 процентов, причем государственные цены имеют «сезонные» колебания, варьируются в зависимости от качества продукции. Некоторые продовольственные товары (хлеб, молочные, мясные продукты, шерсть, оливки, ягоды, чай и др.) вообще запрещено продавать на рынках. Государство, часто повышая закупочные цены, способствует уменьшению рыночной торговли продовольствием.

В Албании очень мало иностранных журналистов, несмотря на то, что НСРА поддерживает дипломатические и торговые связи с 95 государствами. Максимальный срок пребывания иностранцев (не дипломатов) в стране — три недели, и то им разрешено посещать лишь немногие города и районы. Подобные ограничения, правда, не распространяются на представителей «борющихся против империалистов и ревизионистов «партий» и движений», наоборот, их визиты всячески приветствуются, широко освещаются в прессе, по радио и телевидению.

Перечень «табу» этим не исчерпывается. Длинные волосы, джинсы и узкие брюки, импортные юбки, косметика, «буржуазно-ревизионистские» фильмы, рок-музыка, джаз и т. п. — все это безоговорочно запрещено. Известны многочисленные случаи, когда приезжих иностранцев, даже если они «искренние друзья» и «истинные коммунисты», не церемонясь, прямо в аэропорту направляют к парикмахерам или в «срочное» ателье. Сопротивляющихся отсылают обратно...

Комментарии, как говорится, излишни. Вероятно, самолету с В. Леонтьевым или А. Пугачевой на борту не разрешили бы не то что приземлиться, но даже пролететь над территорией страны.

Тем не менее времена меняются. Албания, хотя бы по экономическим причинам, заинтересована в расширении международных связей. Она активно участвует в международных выставках и ярмарках, развивает торговые, научно-технические связи, поощряет иностранный туризм.

Хочется сказать еще вот о чем. В стране, как и прежде, уделяется неослабное внимание пропаганде опыта социалистического строительства в СССР до 1956 года, изучению практики народно-демократических преобразований в странах Восточной Европы (кроме СФРЮ, считающейся с 1948 года страной «классического ревизионизма»), Китае, Корее, Вьетнаме, на Кубе. В Тиране считают, что если до 1956 года была только одна «ревизионистская» партия и страна — Югославия, то после 1956 года «ревизионистами» оказались все восточноевропейские страны «во главе» с СССР. С 1978 года к числу «социал-империалистов и предателей марксизма-ленинизма» стали относить и Китай. Албанию, Кубу, Вьетнам и КНДР в Тиране называют подлинно социалистическими странами.

В то же время НСРА поддерживает торгово-экономические связи со странами СЭВ, членом которого она являлась до 1961 года; с 1984 года возобновлена торговля с КНР.

Резко отрицательно относятся в Албании к политическим и экономическим реформам в СССР, КНР, странах Восточной Европы. Руководители НСРА именуют многочисленные нововведения «укреплением государственно-бюрократического капитализма», «изменой марксизму-ленинизму», «дальнейшим политическим и экономиче-

ским разложением социализма». Забастовки шахтеров в СССР названы «классовой борьбой пролетариата против бюрократов-капиталистов», события в Пекине — «переходом ревизионистов к военно-полицейской диктатуре». Не менее категорично Тирана высказывается и в отношении «гласности», которая «сориентирована против Сталина — великого продолжателя дела Маркса, Энгельса и Ленина». Такая направленность «гласности», по мнению Тираны, объясняется стремлением «верхов» заслужить «похвалу империалистов и замалчивать методичное разрушение социализма в СССР и восточноевропейских странах после 1953 года».

В Албании переиздаются на разных языках произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, классиков русской и советской литературы. Создана комиссия по организации празднования 110-летия со дня рождения И. Сталина. Его именем названы два города.

В 1952 году в Тиране открыт Музей Ленина и Сталина. В 1961 году Э. Ходжа потребовал передать Албании гроб с телом Сталина для последующего установления его в мавзолее в Тиране. Годовщины Октябрьской революции, дни рождения и кончины Ленина, Сталина, Ходжи отмечаются по всей стране. В день похорон В. М. Молотова (12.11. 1986 г.) в НСРА был объявлен траур.

Не менее любопытно и то, что радио Албании, например, в передачах на русском языке называет Н. Андрееву и И. Шеховцова «истинными патриотами Родины Великого Октября, принципиальными защитниками героической истории социализма». Ежедневно радио- и телепрограммы завершаются трансляцией «Интернационала».

Нельзя не сказать и о переиздании в НСРА известных постановлений ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба», «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Министр иностранных дел НСРА Р. Малиле «шокировал» тележурналиста из СФРЮ знанием русского языка. Как отмечает корреспондент югославской «Политики», в Албании можно приобрести книги на русском, который изучается во многих школах, вузах, в учебных заведениях ЦКАПТ и МИДа Албании. Это, по мнению «Политики», «довольно неожиданно для тех, кто прибывает в Албанию с Запада».

Действительно, если ничего не знать о характере, сути политики албанского руководства, «эффект» неожиданности может смениться обвинением в «русофильстве». Но «русофильство» албанцев, как видим, весьма своеобразное, «неклассическое». И сегодняшний день этой страны наглядно демонстрирует силу практического — не рекламного единения Коммунистической партии и народа.

А. ЧИЧКИН

На снимках: нефтеперерабатывающий завод в городе Сталин; ковроткачество — нестареющий промысел в Албании.

●

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ...

Вам не приходилось ночевать в действующем монастыре? А вот мне с группой энтузиастов — почитателей русской старины и ценителей искусства — довелось. Сюда, в Толгский монастырь, что в Ярославской области, в который раз приезжает из Москвы, Калинина, подмосковных Бронниц, Электростали и Купавны дружина, чтобы спасти поруганную святыню.

Обитель — одна из древнейших на Руси. Расцвет монастыря приходится на вторую половину XVI века после пребывания в нем царя Иоанна Грозного. На его щедрые пожертвования был воздвигнут Введенский собор, выкопаны пруды и разбит сад. Кроме Грозного, сюда совершали паломничество Екатерина Вторая и Николай Второй.

Как рассказывает монастырская летопись, икона Толгской Божьей Матери погасила моровое поветрие, уносившее каждый день сотни людей из ополчения князя Пожарского. Последнее пристанище получили здесь представители боярских родов: Голицыны, Засекины, Львовы, Вяземские, Троекуровы, Урусовы, но могилы их, как и могила героя Отечественной войны 1812 года Николая Тучкова, были уничтожены в недавние времена.

Недавно Толгская обитель вновь обрела хозяев. В ней открылся женский монастырь. Помочь его восстановлению и решили патриоты — члены национально-патриотического фронта «Память» — из разных городов страны.

Трудно описать открывшуюся их взорам картину. Вместо привычных монастырских стен красного кирпича, вместо храмов и часовен чернеют безликие казенные постройки и громоздится высоченная бетонная тюремная стена.

...Бьют колокола. Настоятельница монастыря мать Мария дает задания. Вскоре монастырь становится похожим на муравейник: перетаскиваются бревна, разгружаются машины с кирпичом, искрит свариваемый металл, ведра с керамзитовыми камушками мелькают в «цепочке», ведущей под крышу палат, буквально влетая одно за другим в маленькое чердачное окошечко. В тихую жизнь монастыря как будто ворвался вихрь, но не тот, что в роковые годы сметал все на своем пути, а вихрь очищения и вдохновенного созидания.

Большинство приехавших в монастырь не впервые принимают участие в подобном мероприятии. Одни расчищали завалы в Оптиной пустыни, другие приводили в порядок Донской монастырь, третьи отвоевали у московского завода «Динамо» могилу наших национальных героев — участников Куликовской битвы Пересвета и Осляби... Некоторые награждены значками Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры за активное участие в

субботниках и воскресниках по реставрации и благоустройству памятников.

Гудят колокола древней обители. В сотне шагов от монастырских стен тихо плещутся волжские волны. Смиренно идут монашки после утренней молитвы. Возрождается еще один памятник отечественной культуры.

А. ШТИЛЬМАРК

...И ВОЗГЛАСЫ НЕГОДОВАНИЯ

Издавна селились люди в окрестных землях Клещина (Плещеева) озера, «клескавшего» (плескавшего) волны даже при небольшом ветре. Земли в этих местах были плодородны, леса богаты зверем, озеро изобиловало вкусной сельдью — ряпушкой. В X—XI веках Клещено было окруженное валами селение, к пристани которого причаливали суда с товарами.

Сегодня от древнего города Переславля, построенного князем Юрием Долгоруким, сохранились только валы длиною около двух с половиной километров и Спасо-Преображенский собор, возведенный в 1157 году. Переславль-Залесский входит и в «Золотое кольцо». Мы очень гордимся, что живем в этом городе, и всякий раз переживаем, когда кто-то бесцеремонно относится к старине.

В мае этого года Переславский горисполком принял решение о строительстве семи коттеджей для опытного завода рядом с уникальнейшим памятником истории и архитектуры XII века — земляным оборонительным валом и рвом «Гробля». Строительство коттеджей оправдывается решением жилищной проблемы. Но разве они решат ее?

Для каждого русского человека сама мысль строить что-либо у древнего вала кощунственна. Но администрация опытного завода с упорством, несмотря на все доводы и протесты, продолжает настаивать на строительстве и готова в ближайшее время его начать.

Хотим особо отметить, что инцидент с семью коттеджами вовсе не случаен. Дело в том, что захват заповедных мест в Переславле и его окрестностях в последнее время приобретает массовый характер. Под видом реализации различных научных и технических программ начали бесцеремонно кромсать историческую самобытность города в своих корыстных целях. Спрашивается, с какой стати на берегах древнего Плещеева озера вспыхнула вдруг компьютерная лихорадка? Почему Институту программных систем АН СССР отдано одно из лучших зданий города? Там, где, по нашему твердому убеждению, мог бы разместиться музей или выставочный зал, появилась очередная контора, которая уже простерла свои щупальца на живописные холмы Веськово. Нас никто не спросил, хотим ли мы видеть там чужеродное окружающему ландшафту здание международного кибернетического центра. Под свои нужды технократы стремятся приспособить и Никитский монастырь, построенный в 1564 году. И всему этому разбою никто из местных властей не противодействует.

Другим решением Переславского горисполкома в полное распоряжение невесть откуда взявшейся экологической станции контроля окружающей среды отделения Всемирной лаборатории в СССР (ЭСКОС) отдан земельный участок по улице Кардовского вместе с великолепным каменным особняком, построенным в конце XIX века фабрикантом Житниковым в архитектурном стиле «модерн». Возглавил эту станцию профессор Г. Баренбойм. Он в пространном интервью, данном местной газете, пообещал переславцам повысить уровень мировой науки, а Переславль превратить в экологический центр с экологически чистыми поселками.

Все это вызывает не только улыбку, но и гнев! Сначала на плодородных землях построили предприятия с вредной для окружающей среды технологией, губящие уникальное озеро и особый климат, работающие на привозном сырье, укомплектованные завезенными специалистами, а теперь намечено пригласить армию экологов со всего мира. Экологическая команда Г. Баренбойма рассчитывает, например, получить у Переславля в заповедной зоне землю, где разместятся 45 жилых домов для сотрудников ЭСКОСа с комплексом всевозможных коммунальных услуг, с гостиницей для советских и иностранных ученых, с космической и международной телефонной системой связи. Как говорится, дали палец, а норовят оттяпать и всю руку. Не успела станция обосноваться в чужом особняке, как тут же последовало еще одно посягательство с одобрения горисполкома: подготовлена купчая на дом 22 по улице Кардовского для расширения ЭСКОСа. За бесценок описан сад, за гроши оценен дом. И все это вопреки робкому протесту двух пожилых женщин.

Катастрофа беспамятства на пороге. Именно беспамятство поражает нас безволием и оторванностью от всего, что происходит вокруг нас. То, что случилось совсем недавно, — еще одна пощечина нам всем. Без всенародного участия, по-воровски захоронили 31 августа 1989 года в Спасо-Преображенском соборе останки одиннадцатилетней сестры князя Александра Невского Марии, его сына Дмитрия Александровича и внука Ивана Дмитриевича, последнего переславского князя. Годами их останки не были преданы земле и валялись в ящике в углу храма. Это ли не вопиющий очередной пример того, что с народными традициями, обычаями и нравами уже давно никто не считается здесь, в самом сердце российской старины.

У Переславля-Залесского своя историческая судьба, и мы, переславцы, хотим жить и развиваться сообразно своим традициям и представлениям о жизни, выработанным нашими великими предками, а не по законам, навязанным нам со стороны.

Сегодня возрождение Переславля-Залесского может быть только через возрождение духовного богатства всех поколений, живших до нас. Через возрождение плодородия земли. Через возрождение крестьянина, обрабатывающего свою собственную землю, через возрождение всех загубленных деревень и сел. Вот куда нужно направлять усилия народа. Это, в нашем понимании, и есть главные цели создания природно-исторического национального парка, организация которого всячески затягивается.

В. ВЫРЕЗОВА, Л. ЗУБКОВА,
В. СТЕПАНОВА, Р. ШАРОНОВА

г. Переславль-Залесский

«МИР ТАИНСТВЕННЫЙ, МИР МОЙ ДРЕВНИЙ» (материал читайте на стр. 146). Фото А. ГЕОРГИЕВА.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

Историческое повествование

Окончание. Начало на стр. 62.

«Всемилостивый государь! В высокославной службе Вашего императорского величества находился я сорок четыре года, продолжаю оную беспорочно...»

Покачал головой, взор его устремился куда-то вдаль, сквозь годы, в обозначившиеся лица ушедших соратников, очертания крепостей, силуэты уже несуществующих, но дорогих его сердцу кораблей. На лист легли новые строчки.

«...более сорока кампаний сделал на море, две войны командовал Черноморским линейным флотом против неприятеля, был во многих флотилиях с пользою...»

Отложив перо в сторону, охватил горстью подбородок и надолго задумался...

О чем думалось ему тогда? Наверное, о том, что заканчивался его боевой путь, о том, что окончательно уходил в прошлое его XVIII век, век сильных личностей и фаворитов, звонких побед и хитроумных интриг, открытого боя и незамысловатой тактики. Наверное, было ему противно словоблудие вокруг флота, возня для собственного возвеличивания, разговоры там, где полагалось дело делать. Мириться с этим тяжело. Бороться... В состав морского комитета его никто не ввел, и уже это говорило ему о том, что победы забываются, умение не ценится, опыт не берется в расчет. Ну что ж... Федор Федорович вздохнул и твердой рукой дописал:

«...Ныне же при старости лет моих отягощен душевной и телесной болезнью и опасаюсь при слабости моего здоровья быть в тягость службе и посему всеподданнейше прошу, дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было за болезнью моей от службы меня уволить».

Отмахнулся от какой-то навязчивой мысли и закончил:

«Не прошу я награды, знатных имений, высокославными предками Вашими за службу мне обещанных, удостой Всемилостивейший государь тем, чтобы от высочайшей щедроты Вашей определено будет на кратковременную жизнь мою к моему пропитанию».

* * *

Император Александр сидел на стуле, мысленно пытаясь представить себя со стороны. Он знал, что это очень важно для царствующей особы — уметь выглядеть, выглядеть императором. Его отцу этого не хватало: был суетлив, несдержан, неэлегантен. Он же не потеряет державного облика, будет обаятелен и красив, будет заботиться о том, чтобы все с первого взгляда понимали: перед ними император. Не деспот, не самодур, не бранчливый пришелец, а заботливый отец народа, защитник дворянства, вершитель всего разумного в империи.

Доклады, прошения, отчеты, проекты указов слушал краем уха, не любил бумажное дело: отбирало много времени, проходило без внимающих и рукоплещущих свидетелей. Небрежно подписал два указа, согласился с наказанием проворовавшегося управляющего государственными имениями, неожиданно смутился, услышав слова прошения адмирала Ушакова. Он не хотел иметь обиженных в империи, не хотел злых слухов о том, что устраняет заслуженных и умелых от управления. Знал, отцу это дорого обошлось. С деланным недоумением пожал плечами:

— Чем он недоволен, Ушаков? Какие такие награды ему недодал отец? Да не болен ли он? Или сие вызов, открытое недовольство? Вы, господин адмирал, дознайте у него подробнее о душевной болезни, что он пишет. В чем она проявляется?

...Почти месяц прошел. Александр уже почти забыл о прошении Ушакова и, когда Чичагов положил ему новое, с раздражением прочитал: «Всеподданнейше доношу, долговременную службу мою продолжая, от юных лет моих всегда беспрерывно с ревностью, усердием и отличной неусыпной деятельностью. Справедливость сего свидетельствует многократно получаемые мной знаки отличия. Ныне же после окончания знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море честью прославившей флот Ваш, замечаю в сравнении против прочих лишь лишенных себя высокомонаршей милостыни и милостивого воззрения. Душевные чувства и скорбь, истощившие крепость моего здоровья, богу известны; да будет воля его святая; все же случившееся со мной приемлю с высочайшим благолепием. Молю о милосердии и щедрости, повторяя всеподданнейше свое прошение от 19 декабря минувшего 1806 года».

Александр нервно дернулся.

— Упрямец. Мы на морях воевать не будем. Отпустите его, пусть молится богу.

Чичагов с удовлетворением кивал головой. (Все, больше суровый адмирал не будет молчаливо давить на него своим авторитетом.) И записывал диктуемый царем указ:

«...Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованием». Чичагов и против этого не возражал: лишь бы скорее ушел.

...Судьба Ушакова была решена. Великий флотоводец, политик и дипломат, отец многих поколений моряков отправился в Тамбовскую губернию.

ЗАВЕЩАНИЕ

От боевых, флотских и светских петербургских дел Федор Федорович уходил неспешно. Сдавал по описи дела, экипажи, отчитывался по финансовым документам. Куда ехать на покой, для себя уже давно определил. Тамбовщина, ближе к Санаксарскому монастырю, к месту, где он мог чувствовать себя умиротворенным и спокойным.

Пригласил зайти на чай Карцова, Голенкина и Сорокина. Подвел к карте.

— Вот тут мы, Петр, с тобой у Готланда впервые барахтались. Волнушки нам грозным валом показались. А в Палерме злато большая благодать, лазурь христова корабли окружала.

Карцов кивал, пощипывал ус, понимая, что адмирал прощается с прошлым. А Ушаков подошел к полкам, снял кожаные футляры, пододвинул их к краю стола и, прокашлявшись, сказал:

— Вот сии подзорные трубы со мной бывали в море Средиземном и Черном, врага видели, друзей примечали, хочу вам на память подарить.

Смущенно, по-мужски закряхтели:

— Что ты, Федор! Пусть дома будут.

— Нет, прошу в знак дружбы. Дальнозоркость, она никогда не лишняя. Ну и по чаю выпьем.

Денщик уже накрыл стол, даже самовар с красными угольями стоял в углу на подставке.

— Я вас, други, вот еще зачем пригласил, завещание написал и прошу его засвидетельствовать.

Сорокин даже чашку отодвинул.

— Что ты, Федор... Разве нельзя это лет через пятнадцать написать?

Ушаков покачал головой, спокойно не согласился.

— Нет, Саша, я ведь памятую, что час смертный с внезапностью приключается и может оставить после умершего такие хлопоты, что оные к вражде и несогласию приведут.

Достал из ящика стола бумаги и тихо продолжил:

— Я же желаю между родственниками моими любовь и дружбу утвердить и чтобы никто не мог сказать, что принял я его не в твердой и ослабленной памяти.

Разгладил рукой бумагу и, отодвинув ее, прочитал:

«Препоручая себя во власть Всемогущего Бога наследниками оного по прямой линии следующих определяю детей покойного брата моего коллежского асессора Ивана Федоровича сына Ушакова, родных моих племянников Флота мичмана Николая Иванова сына Ушакова, Морского Кадетского корпуса гардемарина Федора Иванова сына Ушакова и племянницу мою девицу Павлу Ивановну дочь Ушакову, которых почитаю я вместо детей моих и о благе их стараюсь, как собственный их отец, и оні... почитают меня таковым, — в горле у него что-то запершило, и он, переждав, продолжил, — означенному племяннику моему флота мичману Николаю Иванову сыну Ушакова отдаю в вечное и потомственяое его владение недвижимое мое имение, состоящие за мной Ярославской губернии Романовском уезде в сельцах Бурнакове, в Кузине и в Дымовском, и все принадлежащие к вим состояния в разных местностях, пашенные и непашенные земли и пустоши, с лесы, с покосы и со всеми угодьи, с людьми и со крестьяны, исключая из них находящихся при мне дворовых моих людей... Прокофья Иванова, Кузьму Александрова, Петра Исаева, Василия Ильина...»

Сосредоточенно и угрюмо слушали его друзья завещание, ко многим неожиданным и решительным действиям своего адмирала привыкли они, но вот эта его щедрая раздача сел, лесов, угодий поражала бескорыстием и безоглядностью.

— Все, что ли, Федор, отдаешь? — развел руками Карцов. Тот кивнул два раза подряд головой и продолжил:

— Племяннице моей девице Павле Ивановой дочери Ушаковой отдаю я в вечное и потомственное владение недвижимое мое имение, состоящее Новгородской губернии Череповецкого уезда деревню Филатову Горку с крестьянами... не оставляю я, адмирал Ушаков, из того недвижимого имения ничего, но все... отдам

племяннице моей без остатка в вечное и потомственное владение, и сам духовным моим завещанием укрепляю за него...

Все раздал адмирал, завещая разделить и передать друг другу для управления разные поместья и угодья. Немного оглушенные его щедростью и добротой, поставили свои подписи под завещанием друзья.

— Попрошу еще Фондезина да Шаховского, пусть руку приложат, — закладывая бумаги в папку, хлопотливо приговаривал Ушаков.

— Куда поедете-то нынче на лето? — обратился Голенкин.

— В Темников, на Тамбовщину, к могиле дяди своего, святого человека.

На следующий день он положил цветы у каменной плиты, на которой белела надпись: «...Полина».

Больше его ничего в Петербурге не держало.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Ушедший в отставку, на пенсию, на покой человек больших постов, положений, званий почти всегда теряется. Только что ты был в центре событий, разговоров, внимании. Тебя сопровождали и окружали люди, соратники, друзья, доброжелатели и вдруг — тишина, ехидство, безразличие. Как снова «ввинтить» себя в жизнь, как вызвать со дна жизненного колодца усыхающие силы, прочистить ходы для родников жизнелюбия, интереса, возродить любовь к людям, ведь столько жестокого, уродливого, коварного видано в них. Не всем дано пройти этот последний жизненный отрезок с достоинством и честью. У одних кутежи, измены, ущербность, падения молодости выпирают в старости физическими муками, дряхлостью, распадом чувств. У других наступает период всеотрицания, уничтожающего злословия, самосжигающего сарказма над всем происходящим без их участия. Третьи не теряют свои положительные качества. У таких, как Ушаков, не только продолжается все лучшее, но в них проявляется еще много невостребованного, а вернее, недоиспользованного раньше милосердия, добролюбия, сердечности.

Поселившись в двух верстах от Темникова и в трех верстах от Санаксарского монастыря, он как бы решил раздать все оставшееся у него людям и богу.

В «Русском вестнике», издаваемом Сергеем Глинкой, в 1817 году было помещено «Известие о кончине адмирала Федора Федоровича Ушакова». Его современник из Пензы со скорбью писал о смерти адмирала: «К душевному сожалению всех тех, которые

уважают славу и добродетели знаменитых соотечественников, 1 октября сего 1817 года скончался Адмирал Федор Федорович Ушаков. Хотя жизнь его посвящена была трудам и службе на морях, но он дожил до 74 лет... Получа отставку, Адмирал Ушаков поселился в поместье... После деятельной жизни сердце, животворное Верою, любит наслаждаться уединеньем. Кто жил для пользы общественной, тому приятно в преклонные лета жить с самим собою и с Богом. Вот для чего покойный адмирал для жительства своего избрал деревню, близкую к святой обители».

Верно подметил современник это стремление у многих пожилых людей, изведавших суеты деятельной общественной жизни. Однако Ушаков, уединив себя, не стал затворником. Его дом был открыт для всех жаждущих помощи, для ищущих успокоения, для бедных и убогих. Здесь, в отдалении от прежнего своего Дела, он снова проявил высокий талант Человека и Гражданина. Современник отмечал это в «Русском вестнике»: «Уклоняясь от светского шума, Ушаков не удалил сердца своего от ближнего. С какою ревностью служил он некогда Отечеству, с таким же усердием спешил доставлять помощь тем, которые прибегали к нему».

Вначале Ушаков считал, что уединился, отошел от мирских дел целиком и усердно молился. Это истовое моление было замечено всей братией монастыря. Даже через 12 лет после смерти Ушакова иеромонах Нафанаил в письме архиепископу Тамбовскому Афанасию сообщал: «Оный адмирал Ушаков... и знаменитый благотворитель Санаксарской обители по прибытии своем из С.-Петербурга около 8 лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь к служителям божьим во всякое время, а в великий пост живал в монастыре в келье для своего посещения... по целой седьмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно, слушая благоговейно. В послушаниях же в монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего значительным благотворением. тем же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния в всепомощи. В честь и память благодетельного имени своего сделал в обитель в Соборную церковь дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну святой церкви».

Ушаков молился усердно, поминая ушедших из жизни своих соратников, родственников, случайно встреченных на дорогах людей, желал здоровья живущим и раздавал все, что имел, всем, кто приходил к нему с просьбой, кто тихо надеялся, кто безмолвно стоял с протянутой рукой на паперти. Жизнь, однако, не дала уйти только в молитву и благодеяния. На западной границе выстраивалась темная наполеоновская туча. Федор Федорович оказался в Севастополе. Его пригласили на корабли (на рейде стояли тогда три 110-пушечника), ждали в напряжении оценки: способен ли нынешний флот отразить врага. В воспоминаниях, относившихся к 1865 году, один старый черноморский моряк пишет об этом посещении Ушакова: «Посетив флот, Ушаков на флагманском корабле «Полтава» осматривал его. Мы, хотя были юны, но хорошо помнили адмирала Ушакова: лицом был светел, седой, согбенный; нам казалось, что он не шел, а бежал по палубе; взглянув на флот, он, по-видимому, был тронут и затем сказал: «Вот если бы у меня были такие корабли...» Ушакову отдали все почести, присвоенные адмиралу флота».

Когда началась наполеоновская интервенция, в Тамбове, как и в других губерниях, было создано ополчение. Командиром просили стать Ушакова, но возраст, конечно, уже был не таков, чтобы воевать, да еще на суше. Однако следует новый (какой уж по счету?) взнос в помощь пострадавшим от войны.

Современник его пишет: «В достопамятный 1812 год, когда грозныя бури потрясли Отечество наше, не только из Темникова, но из отдаленных мест приезжали многие посетители. С страдальцами, лишившимися имущества, делился он тем, что имел; обремененных скорбью и унынием подкреплял непоколебимою надеждою на благодать небесного промысла. «Не отчаивайтесь, — говорил он, — сия грозныя бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к престолу восторжествуют. Мне немного остается жить, не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!..» Бог услышал моление Россиянина, поседевшего в служении Отечеству: он насладился славою и торжеством России». Да, прогромыхала победа, от берегов Сены к убогим пепелищам и нивам возвращались полки российских солдат, на повозках везли раненых, инвалидов. Разорены были села и города. И снова не скудеет рука адмирала, его взнос идет на лечение, уход и присмотр за покалеченными героями войны 1812—1814 годов, на помощь неимущим.

Темниковский предводитель дворянства Александр Никифоров доносит 15 января 1813 года тамбовскому губернатору о том, что для содержания и лечения больных солдат необходимо 540 рублей, далее сообщает: «Относился я по изъявленному благодетельному расположению к таковым пособиям (к) его превосходи-

тельству господину адмиралу и кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, вследствие чего его превосходительство и представил вышеписаную сумму для продовольствия больных военнослужащих — 540 рублей в мое распоряжение».

Сам Федор Федорович в письме обер-прокурору Синода в апреле того же 1813 года говорил, что в ответ на обращение императрицы Екатерины Алексеевны о свершении денежных пожертвований страждущим от разорения, бедствующим и не имеющим жилищ, одежды и пропитания, он решил снять все деньги, положенные им под проценты в Петербургской сохранной кассе, и отдать на воспомоществование ближним, страждущим от разорения злобствующего врага. «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия, — писал он, — роздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобнейший и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь овым по содержанию... в пожертвование от меня на воспомоществование бедным, не имущим пропитания. Полученный мною от С.-Петербургского опекунского совета на вышеозначенную сумму денег двадцать тысяч рублей билет сохранной кассы писаный 1803 года августа 27-го дня под № 543 и объявление мое на получение денег при сем препровождаю к вашему сиятельству. Прошу покорнейше все следующие мне... деньги, капитальную сумму и с процентами за все прошедшее время истребовать, принять в Ваше ведение и... употребить их в пользу разоренных, страждущих от неимущества бедных людей».

Образ жизни Федора Федоровича, скромность, щедрая благотворительность делают его почти святым для окружения, ему поклоняются, желают многих лет жизни. Искренними и высокими словами заканчивает Современник свое Слово памяти об Ушакове:

«Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы; но бедные, пользующиеся неистощимой его благотворительностью, с скорбью и со слезами говорят: Он мало жил для нас!.. Я не имел счастья быть свидетелем подвигов Ушакова, но я знал его добродетели, его благотворительность, его любовь к ближним: напоминание о том будет услаждать душу мою и руководствовать к добру. Имя Адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых Русских мореходов, а добродетели его запечатлелись в сердцах всех тех, которые пользовались его знакомством в последние годы жизни его, посвященной Вере и благотворению».

Так под прекрасным духовным знаком Благотворения и Милосердия закончилась жизнь Великого Адмирала.

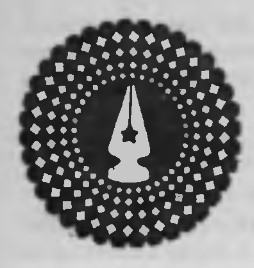
2 октября 1817 года в соборной метрической книге Спасопреображенской церкви было записано: «Адмирал и разных орденов кавалер Федор Федорович Ушаков погребен соборне». В графе о летах красивой вязью выведено — 75, о причине смерти нетвердым почерком обозначено: «натуральною», «погребен в Санаксарском монастыре».

* * *

...Прошли годы, и слава адмирала встрепенулась, стали собираться документы, писаться работы о нем, о боевых действиях флотских эскадр под его началом, в учебниках по военно-морскому искусству отводились главы его тактическим приемам и стратегическим планам. Были учреждены орден и медаль его имени. Писатели и художники восславили его подвиг. Борис Пастернак писал в 1944 году, поражаясь подвигу русского моряка:

Непобедимым — многолетье,
Прославившимся — исполать
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.
И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.
И на одноименной грани
Ее поэтов похвала
Историков ее преданья
И армии ее дела.
И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И гении ее полета,
И небо и она сама.
И вот на эту ширь раздолья
Глядит из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне — Ушаков.
Вся жизнь их — подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.
Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

След замечательных побед, великих сражений, героических подвигов наших предков лежит на нас. Не посрамить их, осилить препятствия, осуществить предначертания великой судьбы — наш долг.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ЭКОНОМИКА: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИДЕИ

В. УРЧУКИН,
заместитель Председатели
Совета Министров УССР

ПРАВО НА ИНИЦИАТИВУ

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ

Перестройка подошла к переломному моменту своего развития. Реформа политической системы управления в стране создает предпосылки для разработки и введения принципиально новых концепций экономической перестройки, закрепленных через систему законов. В стране нарастают экономические трудности, усложняются и обостряются межнациональные отношения, резко расширяется дефицит товаров на потребительском рынке при все более ощутимом росте цен. В чем же причины нарастания инфляции и негативных проявлений в обществе в ходе перестройки? Почему принимаемые меры по совершенствованию экономического механизма оказываются неработоспособными? Чем объяснить всесилие до сих пор догматического схематизма экономической теории социализма в выработке стратегии и тактики перестройки в экономике? Решают ли принимаемые меры задачу конвертируемости советского рубля?

Какой характер проявляется по содержанию проводимых реформ в процессе перестройки — социалистический или буржуазный? Ответить на поставленные вопросы в одной статье невозможно. Нужна открытая дискуссия и коллективный поиск путей, конкурсность предложений преодоления экономического кризиса в стране. Особенно это важно перед принятием основополагающих законов сессией Верховного Совета СССР. К сожалению, утверждая на словах плюрализм мнений, в прессе и средствах массовой информации усиливается одностороннее освещение вопросов экономической реформы.

При отсутствии четкой концепции и целей перестройки все больше прослеживается, что наша страна во многом повторяет экономическую реформу Венгрии и Польши.

Однако практика экономической реформы Польши, Венгрии, Югославии открыто свидетельствует о негативных результатах и политических тупиках заимствованных моделей экономического строительства у развитых капиталистических стран. Буржуазная реформв привела эти страны к катастрофе, когда у них не действуют ни плановость, ни рынок, резко снижено благосостояние основного населения, быстрыми темпами растет безработица, коррупция и преступность. Для нашей страны еще не поздно повернуть перестройку в русло социалистической реформы, хотя резко усилились центробежные силы в обществе, особенно на межнациональной основе. Это усиливает необходимость поиска путей развития социалистической экономики, а не комплексного копирования готовой модели «шведского и швейцарского социализма». Никвкая левая фраза о причастности к перестройке не может прикрыть обнаженную суть кризиса экономической мысли и желания жить значительно лучше, чем для этого располагает в целом наше общество.

Практика пока косвенно свидетельствует об отсутствии экономического механизма развития рыночных отношений и инструмента централизованного управления на основе экономических методов.

Нарастание социальной напряженности обществв не случайно, так как перестройка до сих пор тонет в словах и нет четкой и ясной для народа программы перевода ее в русло созидания.

Наше общество, не преодолев основ нисходящего развития, вынуждено повсеместно сталкиваться с попытками постоянного приукрашивания состояния дел по сравнению с действительностью; с незаинтересованностью развивать открытую систему информатики, особенно а торговле, медицине и материально-техническом снабжении, доступную для всех пользователей; с отсутствием системы стимулирования технического творчества и честного, качественного труда; с культивированием открытой враждебности и недоверия между людьми, особенно к руководителям, советским и партийным работникам.

Показателем нисходящего развития нашего общества служит сохранение тенденции снижения повсеместно дисциплины труда, ухудшения открытой продажи по государственным розничным ценам населению продуктов питания из-за узаконенной спекуляции через торгово-посреднические кооперативы, развития скрытой многоликости жизни и истинных мотивов поведения все большего числа людей.

В стране под лозунгом борьбы за перестройку, открытого обмана людей в истинности своих целей рвутся к власти различного рода «народные движения и союзы», которых объединяет, несмотря на различие языков и националистические устремления, лютая нена-

висть к социализму, к Коммунистической партии и желание если не реставрировать капитализм, то полностью разрушить экономику страны и разжечь межнациональную рознь. Дальнейшее развитие индивидуализма и группового эгоизма при значительном ослаблении роли партии в нашем обществе должно быть осуждено как опасный путь роста преступности, национализма и шовинизма, ничего общего не имеющий с обликом правового государства, с защитой интересов рабочего класса и трудового крестьянства. Как никогда необходима каждому политическая зрелость, умение за лозунговой и митинговой демократией различать конструктивные предложения от организованного наступления на социалистические завоевания в стране. В народе уже растет понимание, что организаторы митингов, эмиссары из Прибалтики, польской «Солидарности» кем-то хорошо оплачиваются, имеют свои команды молодчиков, далекие по духу и от народа, и от его интересов.

Без поворота к социальным нуждам человека, без воспитания в нем трудолюбия, творчества, социалистической нравственности ни одна из экономических моделей, тем более капиталистическая, не в состоянии вывести страну из кризиса.

Организация крупнейших за всю историю страны забастовок шахтеров Кузбасса, Донбасса и других регионов страны свидетельствует об обострении классовых противоречий и недостатках проводимой реформы в нашей стране, усилившей групповой эгоизм и индивидуализм, что послужило основой развития националистических проявлений под лозунгом регионального хозрасчета. Рабочий класс государственных предприятий за экономическими требованиями выдвинул и политические — об усилении борьбы с коррупцией, закрытии торгово-посреднических кооперативов. Под лозунгом борьбы за перестройку выступают скрытые и открытые жулики, тунеядцы, которые не считаются с действующими законами. Митинги на улицах не допускают никакого диалога между людьми, а используются для организованного давления на все население.

Экономическая реформа из-за разнонаправленности методов и целей больше способствовала появлению анархии, подталкивая предприятия не к удовлетворению общественных потребностей, а к росту прибыли за счет повышения цен, к усилению индивидуализма и групповых интересов в ущерб основному населению. Это особенно проявилось через организацию торгово-посреднических кооперативов, различного рода непроизводственных совместных предприятий с зарубежным партнером, созданных в большей части кооператорами с целью уйти от контроля и от любых видов налогообложения.

Цепь ошибок, поспешных решений, а иногда и преднамеренных действий за годы перестройки привели к радикальному нарушению народнохозяйственного равновесия, разрушили действующую систему материально-технического снабжения, не создав, по сути, никакого оптового рынка.

Переход к подлинно социалистической реформе по содержанию должен подчинить на деле, а не на словах производство удовлетворению общественных потребностей, способствовать развитию социальной справедливости, повышению творческого потенциала человека, сокращению всех непроизводительных затрат в обществе, в то же время гарантируя социальную и правовую социалистическую защищенность как отдельного человека, так и в целом общества. Социализму должен быть присущ свой механизм саморазвития, но через человека и во имя человека труда.

Принцип восходящего развития социалистического общества может базироваться только на соблюдении во всех сферах жизни свободы, равенства и конкуренции.

Свобода и равенство между людьми, трудовыми коллективами может быть обеспечена в рамках единого государства только при общенародной собственности на землю, недра, лес, воду, основные виды транспорта, связи как одно из главных условий социалистического развития.

Одной из главных причин экономического, научно-технического и экологического кризиса, с нашей точки зрения, стало отсутствие гибкой налоговой системы в нашей стране и сопряженных с ней экономических методов и организационной структуры управления народным хозяйством. Перестройка экономики пока не вышла из фазы поиска. Только этим можно объяснить, что важнейшие проекты законов и законы «Общие принципы самоуправления и самофинансирования союзных республик», «О налогообложении прибыли государственных предприятий, объединений и организаций», «Об аренде», «О кооперации» практически разработаны без взаимной увязки, без четкой концепции экономических взаимоотношений предприятий, регионов, республик и в целом государства.

К сожалению, в проекте закона «Общие принципы самоуправления и самофинансирования союзных республик» не раскрыто содержание механизма воспроизводства производительных сил, скорее декларативно изложены цели и представлены принципы распределения финансовых средств между государственным бюджетом и бюджетами союзных республик, строго придерживаясь сложившегося уровня затрат. Сохраняется возможность подмены территориальными органами управления диктата ведомств над предприятиями, усиления региональной замкнутости областей и союзных республик.

В проекте Закона о налогообложении государственных предприятий не стимулируется рациональное природопользование, наращивание производства экспортной и сертифицированной продукции, не обеспечивается равное налогообложение при выпуске идентичной продукции производственными кооперативами и колхозами. Бо́льшая часть действующих законов и постановлений Совета Министров СССР допускает различные толкования и применение волюнтаристски экономических нормативов, декларативно излагает суть дифференциальной ренты на землю, недра, лес. Объявив о хозрасчете предприятий и организаций, в стране только для роста инфляции сохраняется система бесплатного предоставления капитальных вложений в развитие производственных мощностей. В то же время только на Украине на счетах промышленных предприятий за период с 1 января 1988 года по 1 января 1989 года фонды развития возросли более чем на 9 миллиардов рублей и остались в большей части нереализованными из-за отсутствия лимитов капитальных вложений. Заказчики вынуждены в этом случае не заказывать, а униженно просить о включении в план строительства нужных для народного хозяйства объектов. Система государственного капитального строительства с переходом на прямые связи по поставке материалов оказалась в экономически невыгодных условиях по сравнению со строительными кооперативами. Строителям не выделяют лишних ресурсов для их обмена, кроме того,

они работают по государственным расценкам. Не в лучшее положение поставлены заказчики — государственные предприятия в вопросах комплектации объектов строительства оборудованием. Введение прямых связей в комплектации оборудованием производственных новостроек предопределило рост незавершенного строительства, несвоевременный ввод в эксплуатацию запланированных мощностей.

С экономической точки зрения для развития позитивных процессов в народном хозяйстве назрела необходимость разработки и введения в стране единой гибкой системы налогообложения. Здесь нелишне было бы присмотреться к опыту Китая.

В системе гибкого налогообложения особое место должны занять дифференциальная рента на землю, лес, недра, рентная плата за воду. Принцип равенства при применении дифференциальной ренты на землю независимо от форм ведения хозяйства и собственности необходимо возвести в ранг закона. Развитие арендных отношений на землю должно основываться на конкурсности арендаторов и при условии постоянного наращивания плодородия земли. Земля наша кормилица призвана стать главным общенародным достоянием, а не пустырем без человеческой заботы и стоимости. Дифференциальная рента на землю при выращивании на ней сельскохозяйственной продукции должна быть по величине на порядок ниже по сравнению с налогом на землю для предприятий промышленности, строительства и промышленной инфраструктуры в одних и тех же климатических зонах. При наличии кадастра на землю и районирования климатических зон не представляет большой сложности определение величины дифференциальной ренты в виде вилки арендной платы на землю для каждого района и даже населенного поселка. Ориентировочно. Для колхозов, совхозов, арендных коллективов, для индивидуальной деятельности плата за 1 квадратный метр пахотной земли, садов, виноградников в зависимости от плодородия земли, принятого договора на выращивание конкретных сельскохозяйственных культур, климатической зоны, близости к крупным городам должна составлять от 0,1 копейки до 3—5 копеек ежегодно. Для промышленных предприятий и промышленной инфраструктуры, кроме объекта охраны окружающей среды, плата за землю должна составлять ежегодно от 1 рубля до 15—25 рублей за 1 квадратный метр в зависимости от их места расположения. Величина рентной платы за воду, лес, недра должна быть составной частью фиксированной оптовой цены, но отдельно выделенная, которая представляет налог для пользователей и направляется на развитие социальной сферы, поддержание экологии окружающей среды и воспроизводства в добывающих районах и областях.

Важно, чтобы дифференциальная рента на землю, рентные платежи за воду, лес, недра поступали в бюджеты районов и городов в полном объеме со всех предприятий и организаций независимо от их ведомственной подчиненности. От суммы поступивших платежей, я полагаю, на основе предварительных расчетов, совпадающих примерно с распределением получаемых налогов в Китае между уездом, провинцией и государственным бюджетом, в районе должно оставаться на решение социальных вопросов в пределах 20 процентов, остальная часть подлежит перечислению области, у которой должно оставаться от общей суммы платежей 25—30 процентов. В бюджете союзной республики от общей суммы поступивших рентных платежей должно оставаться 30—35 процентов, остальная часть должна поступать в государственный бюджет страны. В сельский, поселковый Совет должно направляться до 70 процентов средств, оставляемых в районе от налогообложения.

Введение дифференциальной ренты создаст предпосылки свободы, равенства и конкуренции между пользователями при государственном контроле за соблюдением требований по наращиванию плодородия земли, воспроизводству леса, рациональному использованию недр и источников воды. Выразителем общегосударственной собственности на землю и недра являются на местах районные и городские Советы народных депутатов, которым делегированы права арендодателя. При этом исключается диктат как ведомства, так и территорий при условии установления государством величины (вилки) дифференциальной ренты. Кроме того, будут созданы предпосылки преодоления региональной замкнутости, развития межреспубликанских, межобластных и межрайонных объединений, консорциумов по производству товаров народного потребления, продовольствия, конкурентоспособной продукции. Нельзя допустить передачи земли в вечное пользование, как и ее продажу в частные руки, так как это приведет к социальному неравенству между людьми. В то же время срок первичной аренды должен быть на землю в пределах 10—25 лет с предоставлением права пользователю продления аренды при условии повышения плодородия земли.

Вторым по важности в системе гибкого налогообложения должен стать дифференцированный прямой налог на оборот во всех отраслях народного хозяйства, кроме выращивания сельскохозяйственной продукции. Для стимулирования экспорта продукции, приоритета поставок сертифицированной наукоемкой продукции по госзаказу, особенно товаров народного потребления, по фиксированным ценам целесообразно минимальное налогообложение в пределах до 2 процентов с каждого рубля продажи. Государству при этом следует устанавливать фиксированные цены не более чем на 600 видов продукции, из которых 150 — это основные виды энергосырьевых ресурсов, 150 видов продуктов питания, а остальные — это товары для детей, людей пожилого возраста и инвалидов, по которым следует доводить до предприятий госзаказ на уровне не ниже 95 процентов от плана производства. При этом фиксированные цены на энергосырьевые ресурсы с учетом рентных платежей должны быть приближены к мировому уровню. Фиксированные цены на продукты питания, одежду и обувь для детей, инвалидов, людей пожилого возраста должны быть максимально приближены к действующим розничным ценам с разницей только на торговую скидку (7—5 процентов). На оказываемые все виды услуг, на выпуск несертифицированной продукции, где в основном применяются договорные цены, величина налогообложения должна быть от 8 до 20 процентов с рубля продажи в зависимости от важности и необходимости развития конкретных видов услуг или производства товаров, потерь материалов и энергоресурсов при использовании устаревших технологий. Такая форма налогообложения должна стимулировать в производстве продукции, наряду с высоким качеством, ресурсосбережение, стремление коллективов бороться за получение большего госзаказа на поставку продукции. В целях стимулирования лучшего использования земли выращивание биологически чистой сельскохозяй-

ственной продукции не должно облагаться прямым налогом. Через налогообложение будет стимулироваться натуральное производство, ассортимент и качество продукции, нужной населению, а не рост стоимостных показателей.

Введение прямого налогообложения на производство всех видов продукции и услуг позволит упорядочить соотношение между оптовой и розничной ценой по всем видам товаров народного потребления, снизить до 5—7 процентов торговую наценку, чтобы не взвинчивать рост розничных цен. Сферу действий акциозного налога следовало бы ограничить винно-водочными, табачными, ювелирными изделиями и легковыми автомобилями с распределением получаемого дохода между государственным и республиканскими бюджетами.

Третьим составляющим системы гибкого налогообложения должен стать подоходный налог с предприятий, организаций, кооперативов в зависимости от направлений использования заработанных средств предприятиями и организациями.

Опыт работы предприятий и организаций на первой и второй модели хозрасчета подтверждает не только прогрессивность второй модели хозрасчета, но и возможность широкого развития на его основе арендных отношений во всех отраслях народного хозяйства. Введение ограничений на фонд оплаты труда, установление различных искусственных расчетных соотношений не исключает инфляцию и в то же время ограничивает предприимчивость хозяйственных руководителей только государственных предприятий и организаций, не затрагивая кооперативы, хозяйственные подразделения общественных организаций.

С экономической точки зрения более приемлема дифференциация налога в зависимости от направлений использования дохода вместо налога с прибыли.

Для стимулирования развития и технического перевооружения производства желательно минимальное налогообложение (3—5 процентов от фактического расхода на эти цели в пределах года), кроме предприятий перерабатывающей промышленности. При этом 3-процентный налог взимается при организации производства продукции и технологии мирового и выше мирового уровня, 4 процента — при превышении лучших отечественных показателей, 5 процентов — при поддержании действующего уровня производства. Налогообложение при использовании фонда социального развития должно составлять 5—7 процентов, а фонда оплаты труда — в пределах 18—25 процентов в зависимости от отрасли производства, что будет сдерживать нарастающую волну инфляции. Налогообложение по расходам на социальные цели должно быть дифференцировано по климатическим зонам: 5 процентов — в районах Севера, Сибири, Дальнего Востока, 6 процентов — среднеевропейская часть, 7 процентов — южные районы нашей страны. Налогообложение по фонду оплаты должно быть дифференцировано по условиям труда и климатическим зонам. К примеру, предприятия угольной и металлургической промышленности в районах Севера, Сибири должны выплачивать налог на фонд оплаты труда 18 процентов, а сфера быта, торговли в городе Сочи — 25 процентов. Следовало бы освободить колхозы, совхозы, кооперативные, семейные коллективы от налогообложения при затрате средств в повышение плодородия земли, в социальное развитие села. Предполагаемые пропорции налогообложения могут быть уточнены,

они основываются на предварительных расчетах по группе машиностроительных, металлургических предприятий Днепропетровской области. Такая форма налогообложения предоставляет право самим трудовым коллективам определять направление использования заработанного дохода, не придерживаясь каких-либо ограничений. Введение этой системы налогообложения исключает необходимость дальнейшего применения не только валовых объемных показателей, фонда заработной платы, многоликого рубля и плана прибыли, но и принципов затратного механизма. Развитие производственных мощностей в этом случае может осуществляться только за счет заработанного дохода и части кредитов, предоставляемых банками. Арендная плата за предоставленные основные производственные фонды трудовым коллективам, амортизационные отчисления на полное восстановление зданий и сооружений должны аккумулироваться на специальных счетах союзных министерств, Советов Министров союзных республик, облисполкомов в соответствии с подчиненностью предприятий для развития новых предприятий и производств по выпуску наукоемкой продукции, с безотходными ресурсосберегающими технологиями по инициативе вышестоящих органов управления с последующей передачей их в аренду трудовым коллективам. Тем самым будет дан приоритет реализации новейших научно-технических разработок в нашей стране, целенаправленному проведению структурной перестройки народного хозяйства.

Плата за основные производственные фонды должна быть заменена этими видами выплат. Следовало бы исключить ныне действующий налог за трудовые ресурсы, оставив его только в крупных промышленных центрах, так как он в большей мере будет сдерживать создание новых рабочих мест и усложнять решение проблем трудоустройства населения. Сохранение налогообложения с прибыли в этой системе вряд ли целесообразно. Следует безотлагательно отменить положение о 70-процентном отчислении сверхплановой прибыли в фонды предприятия, так как это вызвало повсеместно занижение плана прибыли и соответственно уменьшение отчислений в бюджет.

С введением системы налогообложения надо исключить создание огромного штата бухгалтеров по налогообложению с целью не подавить активное предпринимательство и не дать возможности роста взяточничества. Заслуживает позитивной оценки разработке системы налогообложения личных доходов населения в зависимости от их размеров, вынесенная в настоящее время на всенародное обсуждение. Но и здесь следовало бы придерживаться принципа единого подоходного налога на годовой доход всех граждан независимо от источников его образования, исключив налог на бездетность и государственные премии.

Остается неиспользованным до сих пор мощный финансовый источник пополнения государственного, республиканского и местных бюджетов через сбор и распределение таможенной пошлины на экспорт энергосырьевых ресурсов и импорт промышленных товаров. Собираемая таможенная пошлина в виде 70—80 процентов разницы между мировыми и внутренними ценами на товары должна распределяться: примерно 35 процентов — госбюджет, 30 процентов — бюджет союзной республики, 30 процентов — бюджет области и 5 процентов — таможенным органам страны.

Предлагаемая система гибкого налогообложения позволит, по

сравнению с существующими экономическими нормативами, реально поднять роль централизованного планирования в развитии приоритетных отраслей народного хозяйства при одновременном расширении сферы действия рыночных отношений, наполнить новым содержанием проект Закона о самоуправлении и самофинансировании союзных республик, местных Советов, исключив их экономическую обособленность и территориальный диктат над предприятиями. Система гибкого налогообложения позволит преодолеть региональный барьер в аренде земли, в создании совместных межреспубликанских и межобластных объединений, консорциумов, что усилит интернациональные связи между республиками, министерствами, предприятиями и организациями. Органическое соединение централизованного плана и рынка возможно только через введение с XIII пятилетки системы гибкого налогообложения и введения открытой и доступной для пользователей системы информатики для развития оптовой торговли между предприятиями с законодательным закреплением обязанностей сторон по поставке продукции и комплектующих изделий на основе факсимильной связи.

Доходная часть должна быть сопряжена с ответственностью центра за обеспечение обороноспособности страны, развитие фундаментальной науки и реализацию важнейших государственных научно-технических программ, международных связей и внешней политики, за подготовку и переподготовку специалистов высшей квалификации, развитие системы связи и информатики, общесоюзных и международных видов транспорта, поддержание развития сельского хозяйства, сферы быта и городского коммунального хозяйства, республиканского и местных видов транспорта, дорог, производства товаров народного потребления.

Введение системы гибкого налогообложения должно создать предпосылки к решению проблемы конвертируемости советского рубля, но через заинтересованность человека и каждого трудового коллектива в наращивании производства готовой продукции и услуг на экспорт. Экспортируя готовую продукцию, предприятие не может отделить работника от результатов хозяйственной деятельности. Расширение продажи акций своим работникам до 30 процентов от стоимости основных производственных фондов предполагает решение проблемы начисления дивидендов на акции как в рублях, так и в свободно конвертируемой валюте. Тем более расширение сети валютных магазинов в стране становится проблемой неотложной при развитии сферы иностранного туризма. Ошибки с закрытием магазинов типа «Березка» следует поправить в ближайшее время и дать одновременно возможность людям в нашей стране честно зарабатывать валюту.

Нельзя дальше обособленно развивать внешнеэкономические связи от проводимой экономической реформы. Проблема конвертируемости рубля должна стать центральной в проводимой социалистической реформе экономики. Предстоит в первую очередь выработать стратегию развития внешнеэкономических связей, в корне изменить структуру экспорта и импорта товаров, исключив дальнейший рост экспорта сырой нефти, круглого леса, хлопка-волокна, лома черных и цветных металлов, поставки валютного сырья в другие страны не за свободно конвертируемую валюту.

Основное значение для действия закона диалектического развития производительных сил в условиях рыночных отношений приобретают системе взаимоотношений сферы науки, образования и материального производства, место и роль руководителя трудового коллектива. Настало время перейти от общих призывов на хозрасчет к конкретным действиям по развитию и укреплению внутризаводского хозрасчета и арендных отношений, предоставив право непосредственно предприятиям и объединениям самим решать вопрос структуры и численности аппарата управления.

Развитие демократизации и гласности должно сопровождаться повышением уровня организованности, дисциплины и ответственности каждого человека, трудового коллектива за результаты своего труда, следует принципиально отделить демократию и гласность от демагогии, вседозволенности, переходящих в ряде случаев в удовлетворение групповых интересов, насилие или ущемление прав человека. Считая кооперативы более демократичными по форме по сравнению с государственными предприятиями, мы не замечаем того, что система управления ими утверждается близкая к управлению фирмами за рубежом. Управление совместными предприятиями с участием зарубежного партнера также осуществляется далеко не на демокретических принципах. В ряде социалистических стран установлена иная форма управления фирмами, компаниями. Руководство осуществляется через Советы управления в составе 12—14 человек. Из них 50 процентов представлено вышестоящим органом управления или коллективными членами акционерного объединения — собственниками основных производственных фондов, а другая ее часть избирается трудовым коллективом. Совет правления на основе конкурсного отбора назначает директора фирмы и заключает с ним договор о подрядной ответственности сроком на пять лет, обусловив в нем оклад и процент премии от прироста дохода от зафиксированного базового периода при условии повышения качества и роста экспорта продукции.

Руководитель фирмы, компании подбирает на такой же контрактной основе начальников отделов, цехов сроком на пять лет. Такая форма управления предприятиями, объединениями наиболее полно обеспечивает сочетание государственных и коллективных интересов, позволяет выявить и привлечь к управлению наиболее профессионально подготовленных и экономически грамотных специалистов народного хозяйства. Повышение роли и ответственности современных советских менеджеров придаст перестройке устойчивый характер позитивного развития, усилит организованность, дисциплину, творческое начало в труде одновременно с подлинным развитием демократии, гласности, культуры труда и человеческого общения.

Нельзя дальше молча созерцать превращение руководителей предприятий в безынициативных, боящихся риска хозяйственников, не успевающих отчитываться перед всеми уровнями управления. Если мы хотим добиться серьезных результатов, кроме ясного, логического хозяйственного механизма в форме гибкой системы налогообложения, им надо дать право на инициативу и риск.

Руководитель должен стать проводником научно-технического прогресса, новых форм организации труда, в первую очередь арендных отношений. Он должен находить время как самому учиться, так и лично учить своих ближайших подчиненных.

Добиться успеха в экономике в современных условиях невозможно без системы непрерывного развития творчества работающих, без создания и производства новой наукоемкой продукции,

конкурентоспособной на мировом рынке. Нельзя рассчитывать на успех на мировом рынке, не занимаясь снижением себестоимости продукции, дизайном и повышением общей культуры производства.

Введение обязательной вневедомственной научно-технической и экологической экспертизы проектов нового строительства, технического перевооружения действующих предприятий принципиально по-новому побуждает работать проектные и научно-исследовательские организации. Оценка проектов, научно-технических разработок по конкурентоспособности новых видов продукции, по сравнительной с лучшими зарубежными технологиями, по энергоемкости и водоемкости, экологической чистоте производства с определением ожидаемых экономических, социальных и экологических последствий эксплуатации намечаемых к сооружению объектов уменьшит вероятность крупных просчетов в инвестиционной и структурной перестройке.

Поэтому дальнейшее углубление хозрасчетных отношений в народном хозяйстве сопряжено с повышением требовательности к науке, к результативности проводимых научных исследований, коренной перестройке взаимоотношений науки и производства.

Пока перевод науки на хозрасчет и самофинансирование не сопровождается развитием демократических начал в управлении, предоставлением первичным творческим коллективам свободы и проявления инициативы. Сковывает многих ученых незыблемость и негибкость существующей структуры отделов, лабораторий, довлеет в большинстве институтов довольно значительный административный аппарат управления.

Автор идеи должен получить право формировать свой коллектив в институте, добившись в конкурсе выделения финансирования своей разработки. Руководитель такого творческого коллектива должен заключать контракт с дирекцией института и работать на принципах подряда или аренды, получая услуги на хозрасчетной основе от общеинститутских служб и подразделений. Повышение роли ученых, творческих коллективов, новые их взаимоотношения с дирекцией института создадут основу подлинной демократизации в науке, коренного ее поворота к решению неотложных для страны социально-экономических задач.

Придавая особую важность развитию фундаментальных исследований, увеличивая финансирование на нее из государственного бюджета, необходимо одновременно найти гибкие формы передачи первых положительных результатов исследований в производство. Задача эта многоуровневая. Это не только передача техники и технологии, но и отпочкование кадров с новыми знаниями в производство. Наиболее целесообразен путь внедрения новшеств через организацию малых инновационных предприятий, создаваемых по инициативе институтов-разработчиков и авторов крупных изобретений. Те малые инновационные предприятия, которые экспортируют свыше 50 процентов продукции от общего объема производства, следует по налогообложению приравнять к совместным предприятиям с зарубежным партнером. Представляется перспективной концентрация фундаментальных исследований в крупных университетах при ненасильственном единении с академическими институтами.

Непрерывное движение талантливой молодежи, не страдающей стереотипами установленных истин, через ее участие в проведении исследований, как обязательная современная форма индивидуализации учебного процесса в вузах, может стать мощным неиссякаемым источником и живой связью фундаментальной науки с производством.

Что касается промышленных министерств, особенно базовых, то более целесообразна, несмотря на принятое решение об их количественном сокращении, организация на их основе крупных хозрасчетных государственно-акционерных консорциумов, фирм. К сожалению, сделаны только первые шаги к развитию акционерных форм взаимодействия объединений, предприятий, не затрагивающих их самостоятельность или отраслевую принадлежность. Это направление наиболее перспективно в условиях проводимой социалистической реформы. Целесообразно и на будущее сохранение государственной монополии для ряда министерств, таких, как Минэнерго, Минуглепром, Минметаллург, Миннефтегазпром, ряд оборонных отраслей.

Введение системы гибкого налогообложения позволит изменить коренным образом функции промышленных министерств, сосредоточив их усилия на вопросах научно-технического прогресса и инвестиционной политики по структурной перестройке производства. Как министерства, так и региональные органы при этом в большей степени становятся партнерами предприятий, объединений, консорциумов в организации и развитии производства нужной продукции для населения и воспроизводстве основных производственных фондов.

Особые антимонопольные меры следует законодательно принять на общесоюзном уровне в системе управления академической наукой, промышленным строительством, машиностроением, здравоохранением, торговлей и в материально-техническом снабжении.

Учитывая особую важность наращивания производства товаров народного потребления для финансового оздоровления экономики, целесообразно было бы, начиная уже с плана 1990 года, и в XIII пятилетке до 40 процентов выпущенных изделий от прироста их производства оставлять в распоряжении предприятий для экспорта, организации фирменной торговли, до 30 процентов направлять на оптовую торговлю с универмагами и магазинами области по месту расположения предприятий, до 10 процентов — республиканским министерствам торговли, до 20 процентов производимых изделий выделять для продажи через всесоюзные оптово-закупочные ярмарки на принципах эквивалентного обмена между союзными республиками.

Только через стимулирование прироста производства товаров народного потребления при сохранении структуры сложившихся за последние годы поставок их по объему производства между республиками возможно перейти к оптовой торговле или к насыщению потребительского рынка.

МУЖЕСТВО ПОЗНАВАТЬ ПРАВДУ

(Продолжение диалога)

После публикации беседы нашего корреспондента И. Дьякова с доктором исторических наук С. И. Королевым в «МГ» (№ 6 за 1989 год) мы получили множество писем. Читатели благодарят, дополняют собеседников, в чем-то не соглашаются с ними, предлагают продолжить начатый разговор. Есть, как водится, несколько озлобленных, крикливых откликов. Едва ли не самый раздраженный помещен в газете «Советская культура». В нем в адрес авторов «Молодой гвардии» брошены провокационные обвинения. Прозвучали они, разумеется, не случайно. Есть лица, очень боящиеся правды о нашей истории, того, что она наконец-то станет известна народу. Им хочется перевести серьезный разговор о нашем прошлом в русло межнациональных отношений, чтобы даже сама постановка важных вопросов расценивалась неискушенными читателями как провокация. Чтобы упоминание где бы то ни было еврейской фамилии в отрицательном контексте ассоциировалось у людей с такими понятиями, как антисемитизм, шовинизм, черносотенство. Такое действие — не что иное, как попытка выделить «малый народ» в касту неприкасаемых, деяния представителей которого не подлежат анализу и пересмотру.

Именно с таких позиций выступали и выступают идеологи сионизма, спекулирующие на так называемом «еврейском вопросе». Сионистов понять можно: чего еще можно ожидать от врагов? Другое дело, когда за попытку объективно разобраться в нашей истории звучат обвинения в антисемитизме со страниц газеты ЦК КПСС, в которой должны понимать, казалось бы, бесспорные истины: преступления и ошибки некоторых представителей определенной нации не распространяются на весь народ, быть антисионистом или антисемитом — это далеко не одно и то же, правда о прошлом должна быть полной, не скрытой в угоду групповым интересам...

* * *

— Станислав Иванович, как мы и предвидели, нас втягивают в полемику...

— Ан. Макаров? (Автор статьи в «Советской культуре» за 12.8.89 г. «По поводу новых песен и старых иллюзий». — Ред.) О нет! Полемика была бы очень полезна и нам, и читателям. Но то, что предлагается «Советской культурой», сам автор, красуясь, назвал «грохотом перестройки». Аргументация в таком «грохоте» теряет смысл, заменяется металлическим роком, в лучшем случае песенным источником о «корнете Оболенском и поручике Голицыне». Этот метод, как известно, широко применялся в РАППе, в тезисах «кратких курсов»...

— Станислав Иванович, «Советская культура» устами своего автора делает «смелые» обобщения относительно «всех этих» Голицыных и Оболенских, основываясь на «песенных» источниках, торопливо «подшитывает» обобщенно-негативный образ, до недавнего времени бывший одномерным, в ущерб исторической правде. Киношный белогвардеец, тоскующий по тому, чтобы посечь «наших с вами» предков, возводится в абсолют. Что вы на это скажете?

— Доводилось мне видеть и Василия Романова — из императорской фамилии, и встречаться с Каледиными, с Родзянко-младшим, были в этом ряду и профессор Оболенский, и Голицыны, и Трубецкие. Не встречал я в них никакого «звероподобия», напротив, как правило, это были люди, глубоко переживающие как достижения, так и неудачи России. Но беседовать на эту тему, пожалуй, не ко времени. Как-нибудь, даст бог, поговорим и об этом, и о моем пребывании в Израиле, в США, Швейцарии — в странах, где многие говорят и думают по-русски. Это будет интересно, тем более что со временем мы утрачиваем навыки родной речи, родного мышления.

— Тогда предлагаю, как говорится, вернуться к нашим баранам, восприняимая статью в «Советской культуре» как провокацию, обязывающую нас затронуть темы, которых бы мы иначе и не коснулись, вероятно. Первая тема — о личности в перестройке. Ведь реакция «Советской культуры» на нашу публикацию одновременно и общественная, и личностная.

Это не случайно. Чувствуется административный опыт главного редактора газеты Альберта Беляева, в годы застоя с успехом «гасившего» в нашей культуре все, что напоминало о достоинстве России. «Есть мнение», — многозначительно звучал по теле-

фону его голос (такая рубрика, кстати, появилась и в «Советской культуре» с приходом Альберта Андреевича). А дальше шел разнос или жесткая «корректировка». Иные читатели наши возмущаются: не надо на личности переходить!.. Но ведь есть личности и личности... Когда международным еженедельником руководит лауреат Ленинской премии, получивший ее за сценарий документального фильма о Леониде Ильиче (главный редактор «Нового времени» Игнатенко), когда «историк» Ю. Афанасьев, подвизавшийся «в годы оны» в журнале «Коммунист», со скорбным видом дает понять, что партия утратила свою авангардную роль, хочется развести руками в изумлении, но, подумав, понимаешь, что ничего удивительного во всем этом нет...

— Действительно, есть некая закономерность. Виновники застоя ради того, чтобы избежать ответственности за содеянное, спешно «перекрасились» в жертв застоя и «прорабов», мобилизовав для этого все доступные средства. Средства, надо сказать, немалые. Вот, например, этнограф-академик Ю. В. Бромлей утверждал в свое время, что крымские татары не имеют корней в истории Крыма, и это было положено в основу серьезных правительственных решений. Тем, что в Программе КПСС говорится: «Национальный вопрос в СССР решен», — мы в известной мере обязаны упомянутому академику.

Академик Т. И. Заславская несет личную ответственность за «научно обоснованное» разорение русской деревни — она доказывала ее «неперспективность». Это повлекло за собой омертвение исконно русских территорий площадью в несколько европейских стран.

Грозный тупик в ядерной энергетике также не «анонимен». К этому «руку приложили» и академик Александров, и академик Велихов. Усмехаешься горько, когда на фоне Чернобыля последний на глазах у миллионов телезрителей заверяет Генерального секретаря ЦК КПСС в том, что «противников у ядерной энергетики нет». И это в то время, когда сотни тысяч людей пострадали от Чернобыльского «эксперимента», когда миллионы категорически против минирования территории Советского Союза — и России в первую очередь — атомными «минами».

Мне очень запомнились так называемые «ситуационные анализы» в Институте востоковедения АН СССР по Афганистану. Руководили этими своеобразными совещаниями экспертов, дающих рекомендации «наверх», академик Е. М. Примаков и доктор экономических наук Ю. В. Ганковский. «Эксперты» делали выводы: на Памире могут появиться американские ракеты, в Афганистане надо провести земельно-водную реформу. Провели. Результат общеизвестен. Разработанная теми же «экспертами» реформа превратила миллионы афганцев из горячих сторонников в непримиримых противников нашей страны. Американские ракеты так и не появились. Зато тем же американцам объективно были развязаны руки на Ближнем Востоке. Как и Израилю.

Подобные деятели, авторитет которых «Советская культура» тщательно защищает, естественно, бдительно следили — и следят! — за всеми потенциальными разоблачителями. Созидательная инициатива для них — нож острый: она может враз обнажить их собственную, по меньшей мере, некомпетентность. Вот и в статье Ан. Макарова применен отработанный прием «бичевания» неугодных, характерный для канцелярско-бюрократических методов времен застоя. Мне кажется, метод этот даже присталинский.

— Вы сказали «присталинский»?

— Я считаю это определение более корректным, отвечающим истине. Сейчас направо и налево употребляют термин «сталинский», в отрицательном смысле, конечно. А ведь во многом это — изобретение тех палачей, которые укрывались и укрываются под сенью ими же созданного кумира. Говоря словами М. С. Горбачева, надо признать: «Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенный им и его окружением... Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений».

Для понимания и «присталинского», и нашего нынешнего периода истории надо помнить не только об «окружении», но и о «традициях», породивших явление, которое принято называть сталинизмом, иначе не поймешь «гносеологические корни» статей, подобных статье Ан. Макарова. Надо знать факты, без которых все выводы, даже, казалось бы, самые добросовестные, будут по сути ложными. Поэтому давайте условимся: не будем ставить перед собой задачи переубедить «Советскую культуру», тем более что в науке, кстати сказать, нет и четкого определения понятия «советская культура». Для читателей будет гораздо полезней, если мы сосредоточимся на фактах, как и в прошлый раз.

— Согласен. Атмосфера склоки и подозрительности — к добру не приводит. У нас стало модным (и не только в журналистике) бравировать прежде всего отсутствием привязанности к вскормившей тебя и вспоившей стране. Люди, кичливо объявляющие себя всемирными гражданами, в раже национального самоотречения в первую очередь отрицают свое духовное Я. Им кажется, что, став наднациональными, они станут ближе к власти над всеми другими людьми, и это — главный стимул для них. В этом смысле предвзятость статьи, что опубликована в «Советской культуре», отчетливо проявилась в том, что из всего сказанного нами в прошлой беседе Ан. Макаров и газета вычленили только нашу мнимую жажду установить для евреев «процентную норму» при приеме в вузы.

— В первой статье мы с вами, видимо, допустили невольную неточность, и надо извиниться перед читателями. Мы брали данные на 1979 год, когда на тысячу русских и евреев приходилось соответственно 76 и 434 человека с высшим образованием. Но вот прошло десять лет — мы в экономике, науке, культуре имеем то, что имеем, — и Дмитрий Жуков в обстоятельном предисловии к книге В. В. Шульгина «Дни. 1920» (которой в Москве не сыщешь, но которую можно купить в отдаленном якутском селе, что характерно) приводит более свежие данные: 20 и 700. Добавлю, что больше половины всех докторов и кандидатов наук в Союзе принадлежат к тому же «этносу».

В этих условиях умилительно выглядит забота автора о «процентном» процветании «аварцев, калмыков, нганасан или нанайцев». Численность этих народов превышает численность евреев «по паспорту», а образованность — на том же уровне, что и у русских, белорусов, украинцев, и ниже, чем у грузин и армян (105 и 125 на 1000 соответственно).

Но Ап. Макаров сверхбдителен: «Молодая гвардия» сначала у него якобы «дает понять», потом будто бы она «замысливает... лишить свою Родину будущих умов и талантов», отлученных от науки и творчества «непопаданием в жестко установленный процент». И вот уже, как уверяет «Советская культура», нас «потянуло» разделить соотечественников на касты... — оригинальная молодогвардейская задумка». Классический ход! — сначала приписать оппоненту идиотский тезис, а потом за это же его обругать. Все это больше похоже на внутренний диалог «Советской культуры».

— Но, к сожалению, не только «внутренний» — заблуждение-то расхожее. «Мне 55 лет, и еврей, — пишет нам Ефим Израилевич Гофман из Чимкента, — но мой родной язык русский. С 9 лет был воспитанником детского дома. Кончил ремесленное училище, работал слесарем на заводе «Тяжсельмаш»... 25 лет работаю инженером на заводах. Высшее образование и у моей жены. Сын — инженер-электронщик, работает технологом. Все «грехи» налицо, хоть сейчас гони нас в шею, в лагерь. Всю жизнь работаю среди людей разных национальностей, в большинстве русских. Среди родственников теперь есть русские, украинцы, молдаване, азербайджанцы. Среди простых людей не видел почти антисемитов. Хотя подонки есть среди всех...»

— Можно согласиться практически со всем, что содержится в этом письме. Впрочем, тут прочитывается, что признаком «подонка» может быть только негативное отношение к евреям. Как видим, стереотип работает на разных уровнях. Даже подсознательном. А ведь мы-то лишь робко поставили вопрос об очевидном неравноправии русских на собственной земле. Неравноправии, заложенном еще в резолюции троцкистского Августовского блока в 1912 году. Этой резолюцией, по Ленину, предусматривалась «федерация для «национальностей» с отдельными центрами без отдельного центра для русских...» (Ленин В. И. ПСС, т. 22, с. 230). Каждый ныне в меру своего разумения может судить о «мифичности» этих планов.

— Ан. Макаров «сокрушается» по поводу нашей с вами «неинтеллигентности», а ее признак — в усмотренном им самим негативном отношении к евреям в целом. Между тем сам Ан. Макаров походя бросает грубые оскорбления в адрес русского народа, по сути, натравливая аварцев, калмыков и т. д. на русских, украинцев, белорусов — прежде всего на славян. Тот же метод отмечен в работах американцев Р. Пайпса, З. Бжезинского и других разработчиков «будущего России». Эти разработчики считают, что если разгромить идейно «славянские племена» в СССР, то воевать с ним не придется — он и сам развалится. Это социальный заказ.

— Да, это отвратительно. «Так кому же мстят бородатые (?) вандейцы? — орудует кондовыми стереотипами Ан. Макаров. — Комиссарам в кожанках, которые едва ли не первыми в российской истории (?) стали считать их предков не умильными меньшими братьями, а полноценными, достойными свободы и счастья людьми?» Знает ли автор «Советской культуры», кто такие, собственно, вандейцы — с классовой точки зрения, а не с точки зрения тайных масонских обществ, «приговоривших» изрядную долю французского народа, в основном крестьян, к массовому истреблению руками деклассированных элементов? Знает ли он, почему комиссары носили именно кожанки, откуда это? Не от ритуальной ли одежды тех, кто приносил жертвоприношения по обычаю иудаизма? И откуда эта расистская терминология: «меньшие братья», «полноценные», «достойные счастья»? Из Талмуда? «Шулхан-Аруха» — средневекового свода иудейских правил? Из «Майн кампф»? Впрочем, с точки зрения источниковедения, все это — ветви одного древа...

— «Ни я, ни предки мои никогда не нуждались в том, чтобы откуда то ни было появился кто бы то ни было, чтобы «считаться» «полноценными», — пишет нам кандидат технических наук из Москвы Л. Н. Рыжков, — тем более «впервые в российской истории». Они всегда таковыми были, «достойными и свободы, и счастья», так же как и остальные русские люди... Я буду настаивать, — продолжает читатель, — чтобы главный редактор и автор принесли мне и другим русским людям свои извинения за оскорбление нашего национального и человеческого достоинства. Что же касается лакейства и лобызания хозяйской руки, то эта европейская черта настолько не привилась на российской почве, что, даже трансформировавшись в рабское почтение к «денежному мешку», она вызывает презрение в русском, не потерявшем свое национальное лицо».

— Придется вновь вспомнить прозорливые слова: «Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги... Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства». Впрочем, читал ли А. Беляев, носящий, говоря привычным ему языком, в кармане партбилет, читал ли Ан. Макаров, в смешном доносительстве своем доходящий до базарной брани, — читали ли они работу К. Маркса «К еврейскому вопросу»? Или уж и Маркс для них «не указ»? А тогда от чьего имени, извините, упреки?

— «Честно говоря, — признается Ан. Макаров, — публичные восхищения столыпинскими сентенциями вызывают в памяти красноречие (?) других думских ораторов правого крыла (Столыпин не был «оратором правого крыла». — И. Д.) — Пуришкевича, Крушевана, Маркова-второго. Большие были умельцы... стравливать между собой униженных и оскорбленных». Вряд ли кто-либо из читателей вспомнит «красноречие» этих, всегда запрещенных у нас, авторов. С ними «спорили» весьма «свободолюбиво» и «демократично». Крушевана прямо средь бела дня на киевской улице «переспорили» — ножом в горло. «Войны темных сил» Маркова читали в нашей стране единицы. На организацию покушений на Столыпина заокеанские «свободолюбцы» — а именно миллиардер Яков Шифф — выделили специально полтора миллиона долларов.

Да и насчет «стравливания» униженных и оскорбленных» — аргумент столь же тонкий, как каменный топор в качестве хирургического инструмента. Что вы об этом думаете, Станислав Иванович?

— Явное замалчивание первопричины еврейских погромов в нашей печати «издревле» считается строгим правилом. Ныне оно попросту неприлично. Напомню, что погромы начала этого века были проведены по соглашению между президентом Всемирной сионистской организации (ВСО) Т. Герцлем и министром внутренних дел России Плеве. Тогда было трудно заполучить ми-

грантов в Палестину, как, впрочем, и сейчас. Вот и придумали. Но нужны факты. Поднимем газеты тех лет?

— Поднимем и вздохнем тягостно. Белосток, — один из самых громких еврейских погромов, о котором оповестила мир чуть ли не вся русскоязычная и зарубежная пресса. А факты?

— 120-тысячный город. Половина населения — евреи. 1 июня 1905 года на Институтской улице на крестный ход совершено нападение «дружин еврейской самообороны». Обстреливали с двух сторон, забросали бомбами, убившими четверых взрослых и троих детей. Отнимали из ненависти к христианству иконы и бросали на землю, образа разбивали о головы верующих. Народ в ужасе разбежался, не привыкший еще к подобным выходкам. Но тут подоспели католики (праздник в этот день совпадал у православных и католиков), вынули колья из оград и стали громить «еврейскую самооборону». Всех, кто стрелял, убивали на месте. Прибыли войска — разнимать. По ним — стрельба из браунингов. Приехал депутат Думы Якобзон. Осмотрел только еврейскую больницу. Сокрушился о жертвах. С тех пор и пошло... (Подробный отчет — в «Новом времени» от 8 июня 1905 г., № 10859.)

— Но ведь были и внешнеполитические расчеты у тех, кто так «усеченно» пропагандировал еврейские погромы в России. После кишиневского погрома, например, американские банкиры требовали у статс-секретаря Гея вмешательства, собрали миллион долларов «на помощь пострадавшим». Но до пострадавших христиан (а таковых было 60 изувеченных серной кислотой и 11 убитых, что и послужило толчком к ответному самосуду) деньги, естественно, не дошли. Как раз после этого, 5 июня 1903 года, в Киеве студент Пинхус Дашевский и нанес ножевой удар П. А. Крушевану, упомянутому Ан. Макаровым, — якобы подстрекателю к погрому в Кишиневе. (А. С. Шмаков. Международное тайное правительство. М., 1912, с. 570.) Деньги, по логике вещей, пошли, видимо, на бомбы и браунинги, как вы думаете?

— Мы с вами не специалисты в этом вопросе, ответов бы дождаться от историков русской революции. Или от «всезнающих» публицистов. Вот и Ан. Макаров утверждает примерно то же: «...если уж мы сделались так благородно терпимы к мнению людей, которых исторически привыкли (?) считать идейными противниками (которых «привыкли» считать или которые «были» таковыми? — неужто безразлично? — С. К.), то почему бы не вспомнить графа Сергея Юльевича Витте? Тоже ведь неординарный государственный муж...»

— Ненавидевший, кстати, Столыпина... Так ведь уже вспомнили. В издательстве «Международные отношения» только что вышла книга А. В. Игнатьева «С. Ю. Витте — дипломат». Искал я там — и не нашел (без удивления) выдержку из официального издании конгресса США — «Слушания перед комиссией по иностраиным делам палаты представителей. Вторник, 11 декабря 1911 года». Докладывал некто А. Уайт. «Я знал одного великого русского, Сергея Витте, — говорил этот Уайт. — Это он, в бытность свою министром финансов, наделял нас в Америке, во время президентства Кливленда, для поощрения нашей валюты, многими и многими миллионами золота, на самых сходных условиях ссуды». А ведь с середины 1890-х Витте доказывал, что для поправления русской валюты золота нет. Невольно усматриваются параллели с теми нынешними экономистами, которые предлагают влезать в долги, ссылаясь на нашу бедность и не давая развернуться нашим же «валютодобычливым» отраслям и предприятиям...

— Для того и предлагает Ан. Макаров «вспомнить» С. Ю. Витте. Социальный заказ обеспечивается на глубину в несколько эшелонов. В Портсмуте Витте встречается с главарями основанной в 1843 году масонской ложи «Б'най Б'рит» миллиардерами Шиффом, Штраусом и Зелигманом. Да и о результатах переговоров в Портсмуте — примечательный факт! — Витте почему-то первым уведомил не своего государя, а... берлинского банкира Мандельсона. Еще одна «загадка»?

Сам Витте в своих мемуарах несколько самоотстраненно рассказывает о «депутации из евреев, которые являлись ко мне два раза, когда я был в Америке... В этой депутации участвовали: Шифф (если не ошибаюсь, глава еврейского финансового мира в Америке), доктор Штраус (бывший посол Америки в Италии, кажется) — оба, по-видимому, были в наилучших отношениях с президентом Рузвельтом» *.

Дополняет бывшего российского премьера некто Краус (в журнале «Б'най Б'рит ньюс»): «Один из членов нашего комитета (?) сказал ему (Витте): «Если царь не желает дать своему народу свободу, — в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены» **.

Итак, Шиффы угрожали России внутренними беспорядками, если евреям не будет предоставлено равноправие. Во время русско-японской войны торговый дом Гинцбургов под русским флагом доставлял уголь японцам. Не бесплатно, конечно. Но русским продавал топливо в три раза дороже. Еврейская компания «Грегор, Горвиц и Коган» еще во время войны 1877—1878 годов открыто грабила русскую армию, поставляя недоброкачественные продукты по невероятно высоким ценам, легко прибегая к мошенничеству и подлогам на фоне общеславянского подъема и русских добровольцев, называющих себя по имени того, кто призывал у нас тогда защитить болгар от турок, «детьми Аксакова». Традиция давняя. Как и метода, о которой говорили выше: провокация — обвинение жертвы. Украл — и обвинил правительство в непутевости. А в Думе депутат Винавер вещает в 1906 году: «Доколе в стране есть неравенство (евреев, конечно. — С. К.), не будет в ней мира!»

— Но позвольте, Станислав Иванович, о каком неравенстве речь? Вот и Ан. Макаров, следуя винаверам, о нем говорит: «Большевики... сумели привлечь на свою сторону миллионы... китайцев (?) и наиболее презираемый и забитый самодержавием народ — евреев». Нищета и бесправие за чертой оседлости требуют особого разговора, тут уместно вспомнить, что «вина» за это бесправие в немалой, если не в большей степени, ложится не на самодержавие, а на кагальные порядки с их жесточайшей дисциплиной и низведением масс еврейства до положения рабов кагальных заправил (См. «Книгу кагала» Брафмана, где это излагается подробно и со знанием дела). Но ведь добрая половина

* Витте С. Ю. «Мемуары». Берлин, изд-во «Слово», 1922, т. 1, с. 394—395

** Цит. по: Шульгин В. В. Что нам в них не нравится? Париж, 1930 (2-е издание), с. 267.

всех купцов первой и второй гильдии в России начала XX века были евреями. Взять хотя бы земельные банки. Московский возглавлял Лазарь Поляков, Ярославско-Костромской — Розалия Полякова, Нижегородско-Самарский — Гинцбург и Лазарь Поляков же, в Ростове-на-Дону — Яков Поляков, в Полтаве — Рубинштейн, в Киеве — Бродский, в Вильно — Блиох, Бессарабо-Таврический — семейство Рафвиловичей. Даже Особый отдел дворцового земельного банка состоял в договорных отношениях с домом Ротшильдов. На закладных херсонского земельного банка вообще стояла типографская надпись на еврейском языке *...

— Первые советские бумажные деньги были с водяными знаками, изображающими «звезду Давида»...

— В той же Думе тот же Винавер представлял Петербург, а были и Якубзон, и Герценштейн (бывший приказчик одного из Поликовых-банкиров), и Розенбаум, и Мейлах, и Шефтель, и Котловкер. Сруль Френкель представительствовал от Москвы, Ицхи Френкель — от Костромы **. Разве можно после этого говорить о забитости? Во всяком случае, это, учитывая данные факты, понятие весьма относительное.

— А мне как-то попалось сообщение русских газет о погибших на «Титанике» русских подданных: Липпман, Зельман, Кон, Войцман, Спектор, Абельсон, Гринберг, Кантор, Польпер *** и так далее — все без исключения явно не «великодержавные шовинисты». Даже странно, что мы как-то не вспоминаем тех погибших «борцов за права человека». А ведь рейс был «суперпрестижный». На «Титанике» плыли самые состоятельные люди Европы.

— Нельзя сказать, что не вспоминаем: недавно был показан американский фильм о той давней трагедии. Смотрел я и думал: будет ли помянут «доктор Штраус», один из главарей «Б'найт Б'рит», погибший во время катастрофы? Дали фото: обаятельный дедушка, уступивший, как было с трепетом сказано, место в шлюпке даме, а сам погибший. Трогательно, черт возьми!..

— Еще как трогательно! Сколько крови русской, да и еврейской тоже, пролито с помощью денег этого высокопоставленного усопшего. Но нас упрекают в «подборе фамилий» при упоминании о советском правительстве разных лет. А начинать-то надо с состава первого Совета рабочих депутатов в Петербурге. В него входили Троцкий, Гревер, Эдилькен, Гольберг, Фейт, Мацелев, Бруссер, Хрусталев-Носарь. Последний, кстати, был по личному распоряжению Троцкого отыскан в Киеве в 1919 году и расстрелян: слишком много знал бывший председатель первого в России Совета. Голландский посол в Петербурге Уденлайк писал в своем донесении лорду Бальфуру в 1918 году: «Большевизм организован и осуществляется евреями, не имеющими национальности, единственной целью которых является разрушение существующего порядка для собственной выгоды» ****. Не станем комментировать субъективное мнение представителя Голландии. Отметим лишь, что подобные наблюдения не должны ускользать от

* Шмаков А. С. Тайное мировое правительство. М., 1912, с. 327.
** Шмаков А. С. Тайное мировое правительство. М., 1912, с. 504.
*** «Новое время», 12 апреля 1911 г.
**** Цит. по: «Белая книга» британского правительства. Лондон, 1919 (Раздел «Россия», сборник донесений о большевизме).

внимания объективного исследователя. Тем более, что не введены ни в научный, ни в «публицистический» оборот аналогичные свидетельства посла США в России Дэвида Р. Фрэнсиса; корреспондента английской «Таймс» Роберта Вильтона и других очевидцев эпохальных событий в России. Иначе получается, что плюрализм требует в жертву фактическую сторону истории, превращая ее в нечто уродливое и превращаясь в очередной период «кратких курсов».

«...Почему буржуазные политики того же иудейского корня оказались в России на той же самой мели, что и чистокровные (?) их братья по классу?» — задается вопросом Ан. Макаров. Мы были бы признательны высокочтимому автору, если бы он как-нибудь показал нам факты, на основании которых его утверждение можно «принять за основу». Что это была «та же самая мель». Я же хотел бы обратить внимание на то, что «русскую буржуазию» после революции уничтожали немилосердно именно по православному признаку (особенно досталось старообрядцам). Признаки «буржуазии» были — от миллионов на банковском счету до факта ношения пенсне.

Уместно вспомнить хотя бы слова Бакунина о целях революции. Не о бедных, не о пролетариате, не о светлом будущем речь. Бакунин писал: «В этой революции нам придется разбудить дьявола в людях, чтобы возбудить самые низкие страсти». В то же время он признавал, что Прудон, крупный мыслитель того времени, «почитает сатану». Согласитесь, довольно странно для борцов за освобождение человечества? Но то же видим и позднее. Министр внутренних дел СССР Ягода любил стрелять в иконы Иисуса Христа и святых, об этом пишет Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Бухарин еще в 12-летнем возрасте, познакомившись с книгой Откровения в Библии, мечтал о том, чтобы стать антихристом. Подобных фактов — мириады. Они требуют осмысления.

Так кто же уничтожал физически «старую Россию»? Но давайте заглянем в родословные некоторых деятелей первых советских правительств. Мы имеем на это моральное право хотя бы потому, что они-то занимались «вычислением буржуазности» ой как скрупулезно. Кроме того, здесь есть пища для размышлений о «забитости». Моисей Соломонович Урицкий — из купеческой семьи, учился на юридическом факультете Киевского университета; Каменев — из состоятельной семьи, из Польши; Коллонтай — дочь царского генерала; Зиновьев — без образования, но пытался учиться не где-нибудь, а в Бернском университете; Ганецкий — тоже из варшавской богатой семьи. Вот такие «рабочие и крестьяне». Да плюс «династические» браки. Каменев женится на младшей сестре Троцкого, сына крупного херсонского землевладельца-миллионера. Отец Наталии Седовой, второй жены Троцкого — Абрам Животинский — крупнейший еврейский банкир. Был, кстати, связан с Варбургом и упоминавшимся «активистом русского рабочего движения» Шиффом *. Сам Троцкий уже в восьмилетнем возрасте располагал крупной коллекцией порнографических открыток, а, надо думать, на этот тайный товар по тем временам требовались немалые деньги. Плюрализма нравствен-

* Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (по масонским документам). Сан-Паулу (Бразилия), 1964, 2-е издание.

ности в старой России не было. Израиль Лазаревич Парвус, которого у нас уже объявили чуть ли не «пламенным революционером», нажился на контрабанде и спекуляции презервативами и сальварсаном, лекарством против сифилиса... 35-летний Горький усыновляет 19-летнего Зиновия, брата Свердлова, тоже, как выясняется, происходившего далеко не из «беднейших слоев». И — так уж случилось — тиражи книг писателя резко возросли. Местечковый люмпен становится все более агрессивным, чувствует себя хозяином жизни. Ковались кадры для массовой братоубийственной бойни. Голова кругом идет, не правда ли? А не должна.

Неоспоримые факты могут кому-то не нравиться. Но как быть с ними историкам? Если бы, допустим, Берман был директором киевского универмага в тридцатые годы, а не одним из начальников ГУЛАГа, мы бы так и сказали. Но директором киевского универмага был другой — брат Лазаря Кагановича. Если бы Финкельштейн был управляющим Союзмехпрома, а не начальником концлагерей в Северном крае, мы бы так и сказали. Но управляющим Союзмехпрома был не Финкельштейн, а Розенгольц...

— «Имеются свидетельства старых большевиков, — пишет нам Л. Н. Рыжков, — что Генрих Ягода специально подбирал в аппарат ОГПУ — НКВД евреев, продвигая их наверх...» Такой механизм национального предпочтения сам по себе преступен. Это злостная форма коррупции. Некоторые африканские коммунисты называют это гнусным атавизмом родового строя. Но, конечно, нельзя, подобно Ан. Макарову, делать вывод (за нас), что обилие евреев ВЧК—ОГПУ—НКВД говорит о том, что они якобы склонны к преступлениям, — это натуральный фашизм. Расизм и фашизм и проявляются в утверждениях об особой одаренности евреев в сферах культуры, науки и печати, когда говорится это на основании факта их несуразно громадного представительства в высших эшелонах названных отраслей человеческой деятельности.

— Вы знаете, мне доводилось бывать в Израиле. Там даже наших бывших главврачей подпускают к больным после пятилетней стажировки в «земле обетованной». Уровень медподготовки, особенно терапевтов и педиатров, в СССР ниже, чем тот же показатель в Турции или Танганьике!

— «Я понимаю, — пишет Ан. Макаров, — что по сравнению с Ягодой, Ежовым и Берией, в сопоставлении со спецами из ГУЛАГа, расстрельщики и вешатели времен первой русской революции могут показаться едва ли не гимназистами». И Ан. Макаров укорил тех, кто смеет защищать Столыпина (который, на мой взгляд, совершенно в «защите» не нуждается).

Это был государственник. Это значит человек, который не только учитывал интересы тех или иных общественных групп, но и возможные действия со стороны сил антигосударственных. При отсутствии подобного взгляда государственный деятель обречен быть вечно удивленным, вечно советующимся, вечно застигаемым врасплох. А в результате, говоря словами Столыпина, — «царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах» (это сказано 78 лет назад). Кровавые беспорядки в стране нарастали, принимая опасные для государства размеры. «Государство может, — сказал тогда Столыпин, — государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные меры, чтобы оградить себя от распада... Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете». Но тут Ан. Макаров прав насчет «едва ли не гимназистов»: «Несогласные со взглядами правительства не могут преследоваться последним за крамолу... семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках, не могут быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсеменение...» Но меры против кровавой вакханалии были приняты. Тогда не было «плюрализма», подходить к истории надо исторично. Так случилось, что преступники — наказывались. Прямые убийцы, к прискорбию либералов-гуманистов, нередко казнились. И так как среди них были и евреи, он и вызывал — и, как видим, вызывает — сумасшедшую ненависть со стороны тех, кто спит и видит на развалинах страны «неведомое нам отечество». Но подчеркнем: наказывались не за национальность, а за преступления против существовавших законов, не самых худших, надо сказать, и не более, а менее жестких, нежели в те же годы в других, но «демократических» странах.

Единственный раз в публичной речи Столыпин употребил притяжательное местоимение от первого лица. «В том, что мы как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, — сказал Столыпин, обращаясь к членам третьей Государственной Думы, — ответственны мы, и эта ответственность — величайшее счастье моей жизни». Так звучали последние слова последней речи Столыпина 11 апреля 1911 года. Через несколько месяцев он был убит. Не деньги ли Шиффа «сработали»? Как знать.

Так или иначе, февральскими событиями 1917 года Яков Шифф был удовлетворен. 19 марта 1917 года он направил телеграмму «многомудрому» министру иностранных дел Временного правительства, в которой содержалось поздравление с «деянием, только что... так блестяще совершенным». Тон прямо-таки королевский. Речь ведется ни много ни мало — от народа к народу. Тем не менее многоопытный Милюков, прекрасно разбирающийся в международной этике и понимающий всю видимую несообразность послания Шиффа, в обход всех мыслимых протоколов Шиффу отвечает: «Позвольте сохранить наше единство...» — и так далее. Телеграмма Милюкова была опубликована в «Нью-Йорк таймс» от 10 апреля 1917 года...

Через несколько месяцев после убийства Столыпина (в феврале 1912 года) на многолюдном митинге в Филадельфии банкир Леб, директор местного департамента продовольствия, под бешеный восторг собравшихся вещал: «Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным от Бога народом». За этим последовал лавинообразный сбор денег. Минимум три американские газеты подробно сообщили об этом «эпохальном» выступлении...

— Это выступление могло бы пройти незамеченным, но оно сделано примерно через полгода после разрыва русско-американских отношений. А разорваны они были в 1911 году (Шифф «надавил» на президента Тафта) из-за того, что американских бизнесменов — в основном евреев — не пустили за пределы «зоны оседлости». Кстати, «зона оседлости» была ликвидирована в 1913 году, и говорить о ней применительно к 1917 году, как это

делает «СК» — явный признак некомпетентности или предвзятости. США восстановили дипломатические отношения с СССР только в тридцатые годы, когда «ряд фамилий» лиц из состава советского правительства, видимо, вполне удовлетворил американскую сторону. Как ранее, так и теперь американцам совершенно безразлично, какой у нас строй, им по-прежнему ненавистна любая сильная и независимая Россия.

— И еще — к вопросу о жестокостях Столыпина и вообще о нравах. Вчитаемся в такой документ: «Обязательное постановление... Попытки разгромов винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, частных квартир и пр., и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения...» Согласитесь, вто гораздо суровее и чревато более тяжкими последствиями и злоупотреблениями, нежели военно-полевой (все-таки) суд? Но это документ Совета рабочих и солдатских депутатов. Петроград, 6 декабря 1917 года. Это уже должно вызывать умиление? «Новая» мораль?!

Об истоках репресеий пора бы наконец подумать всерьез.

— Да, у нас много написано о жертвах «белого террора», так много, что превышает всякую реальность. Все правильно: белое движение оказалось исторически обреченным, и обреченность эта усугубилась в свое время жестоким обращением с мирными жителями, обращением, органически связанным, кстати, со всем предшествующим массированным разложением армии и общества. Но у нас «гражданская война» непомерно затянулась. Это проявляется и в замалчивании громадных жертв террора «красного». И не с 1937 года, а с самого начала.

В 1918 году была предписана регистрация всего «белогвардейского элемента». Резко возросло число заложников из состава родных и родственников этого «элемента», оставшихся в Советской России. Подлежали уничтожению даже рабочие и крестьяне, подозреваемые в несочувствии Советской власти. Лишь часть Старой России ушла в эмиграцию. Кстати, Ан. Макаров перечисляет русских ученых и деятелей культуры, добившихся выдающегося успеха в эмиграции, и делает вывод, что, мол, в Америке вот полная демократия, никаких процентных норм. Это похоже на манию! Но дело-то в другом: эти русские были людьми даровитыми, талантливыми. И пользу Америке принесли, по сей день толком не подсчитанную. Трагедия эмиграции воспринимается как должное, как этакая «перестроечная» прогулка «за рубеж». Так вот, часть старорежимного «элемента» покинула Россию вынужденно, малая часть скрепя сердце была принята на совслужбу. Остальная же масса сгинула навеки.

Люди не предполагали, что на русской земле станет возможным такой кошмар. Поэтому оставались на местах и не предпринимали никаких мер к спасению. Ученые, инженеры, доктора, писатели, сотни тысяч государственных чиновников... Но вот лишь перечень ученых и профессоров из числа всероссийски, а то и всемирно известных, кто умер или убит был к 1920 году: Армашевский, Батюшков, Бороздин, Васильев, Вельяминов, Веселовский, Быков, Дормидонтов, Дьяконов, Жуковский, Исаев, Кауфман, Кобеко, Корсаков, Киковеров, Кулаковский, Кулишер, Лаппо-Данилевский, Лопатин, Лучицкий, Морозов, Нагуевский, Рихтер, Рыкачев, Смирнов, Танеев, Туган-Барановский, Бураев, Фамицын,

Флоринский, Хвостов, Федоров, Ходский, Шляпкин... В последние месяцы 1920-го были сведены в могилу профессора Бернацкий, Бианки, Венгеров, Резехус, Дубяго, Штеренберг, академик Шахматов, Модзалевский.

Луначарский отказал В. В. Розанову в хлебных карточках па основании его «черносотенства» и тем свел великого мыслителя в могилу... «Подлая Россия» приносилась в жертву пещерным, воистину средневековым инстинктам. «Воспрянувшие от вековой покорности рабочие и крестьяне, — пишет Ан. Макаров, — просто-напросто не интересовались национальностью большевистских вождей... Как не интересуются тяжко больные, страждущие и увечные национальностью врача, сулящего им исцеление». Так сулящего исцеление или дающего таковое, товарищ Макаров? И так уж и «не интересовались», когда это было видно невооруженным вглядом, — вы ведь сами упоминаете латышей, китайцев... Владимир Солоухин писал недавно, что нередко, когда обостряется полемика, «кто-нибудь из оппонентов начинает: «Кого вы обвиняете? На кого вы хотите свалить? Разве не вы сами из церкви выбрасывали иконы, превращали церкви в склады, а то и вовсе разбирали их на кирпич, сбрасывали колокола, увозили семьи т. н. раскулаченных на железнодорожные станции? На кого же вы хотите свалить вину?»

Приходится отвечать, — продолжает Солоухин: «Знаете ли вы, дорогие оппоненты, что в каком-нибудь Освенциме около печей стояли евреи? Заключенные. Утром распределение работ: кому дорогу мостить, кому у печей стоять. И покорно стояли. Но не можем же мы на основании этого сказать, что евреи сами себя уничтожали в концлагерях?»

— Сведения о тех чудовищных репрессиях «не укладываются» ни в концепцию «злодея Сталина», ни в концепцию «иудушки Троцкого», ни в концепцию «русских зверей» (Станислвв Говорухин во «Взгляде» сокрушался: вот-де, какие нехорошие, даже царя своего расстреляли). Поэтому газеты тех лет, книжечки-брошюрки е похвальбой о кровавых «акциях» достать практически невозможно. Их «вычищали» из библиотек и при Сталине, и при Хрущеве. Теперь нам предлагают фактически «не заметить», как исчез целый континент — так называемая Старая Россия с ее высшей в мире рождаемостью и миллионами и миллионами умелых, твлантливых людей, даже небольшая часть которых оставила достойнейший след в новой истории многих стран Запада.

В 1928 году в Белграде вышли «Воспоминания» князя Н. Жевахова, где собраны рассказы очевидцев «красного террора» — русских и иностранцев, чудом вырвавшихся из-под мушки любителей розог для жителей Северной Пальмиры. Приведу лишь некоторые. Не верить им нет никаких оснований. Во всяком случае, верить им оснований гораздо больше, чем всей литературе, выпускавшейся под зорким оком то емельянов ярославских, то бухариных, то поспеловых, то беляевых.

Харьков. Массовые казни «белогвардейцев» и сочувствующих. Казнимых сбрасывают в ямы, не добивая, и закапывают. Единицам удается выползти, лишившись рассудка. В подвалах Харьковской ЧК обнаружены груды «перчаток» — содранной вместе с ногтями кожи.

Петроград. Петерс приказывает расстрелять сразу тысячу человек, трупы — сбросить в Неву. Урицкий, именем которого у нас

пазваны, наверно, сотни улиц, расстреливает минимум пять тысяч офицеров.

Киев. ЧК — Лацис. Помощники его — изверги Авдохин (из «челкашей»), некая Роза Шварц и некая «товарищ Вера». На счету той Розы — несколько сот человек, убитых «под брызги шампанского». В «чрезвычайке» на Свдовой, 5, когда больная фантазия истязателей иссякала, страдальцам разбивали головы тяжелым молотом. Мозг вываливался на пол. За полгода погибло в Киеве порядка ста тысяч человек. (В нашем распоряжении есть списки некоторых жертв — там и священники, и преподаватели университета, и гимназисты, и рабочие, в основном члены «Союза русского народа».)

Одесса. Самые знаменитые палачи — Дейч и Вихман. В числе сотрудников — китайцы-«интернационалисты» (из тех, вами, тов. Макаров, упомянутых) и негр, «специальность» которого состояла в вытягивании жил. По газетным сведениям, пишет Жевахов, ими было расстреляно свыше 800 тысяч человек. Но еще до создания Одесской ЧК на линейном корабле «Синоп» и крейсере «Алмаз» в топках сжигали «слуг царского режима», — в корабельной печи погиб, в частности, герой Порт-Артура генерал Смирнов.

В Вологде свирепствовали палачи Кедров (Цедербаум) и латыш Эйдук.

В Воронеже людей бросали в бочки, внутри обитые гвоздями, и скатывали с горы.

В Николаеве чекист Богбендер с помощниками (два китайца и каторжанин-матрос) замуровывали живых людей в каменных стенах.

В Пскове все пленные офицеры (200 человек) были отданы на растерзание «китайским интернационалистам», которые распиливали их на куски.

В Омске пытали даже беременных женщин, вырезали животы и вытаскивали кишки.

В Казани, на Урале и в Екатеринбурге несчастных распинали на крестах, сжигали на кострах или бросали в печи. В одном Екатеринбурге погибло свыше двух тысяч человек... Не довольно ли адресов, где «Мемориал» мог бы приложить свою энергию для увековечивания памяти тысяч и тысяч бессудно (но, «к сожалению», «досталински») погибших соотечественников?

...В Алупке расстреляно 272 больных и раненых. Заживающие раны вскрывались и посыпались солью, грязью или известью, заливались спиртом или керосином.

В Крыму расстреляны пленные сестры милосердия (из бывшей «Добровольческой армии»). Они запасались ядом, чтобы избежать бесчестия. В 1920—1921 годах, после эвакуации Врангеля, в Феодосии расстреляно 7500 человек, в Симферополе — 12 000, в Севастополе — 9000, в Ялте — 5000, итого 33 500 человек. Эту «интернациональную» миссию выполняли Бела Кун и Землячка. Подробности севастопольских зверств описывает В. Солоухин в своем очерке «Командир на кладбище» («Москва», 1989, № 7)..

— «Ненависть к тирану Сталину, — пишет Ан. Макаров, — не означает верноподданнической любви к его венценосным предшественникам». Уж не Роза ли киевская, не Богбендер ли николаевский или Петерс петербургский «венценосцы»? Нет, конечно. Это русские цари, при которых весь XIX век все глубоко переживали казнь пятерых декабристов, да «Николай кровавый», «устроивший Ходынку», «Ленский расстрел» я «Кровавое воскресенье»... Чтобы быть честными, надо предупредить Ан. Макарова, что в нашем — и не только в нашем — распоряжении есть исчерпывающая информация по этим и другим фактам русской и не только русской истории, которую не вместить ни в какое интервью. Это чтобы лишних «проколов» «Советская культура» не делала. Самый «темный» период (относительно, конечно) — время более позднее. Но если все эти розы и вихманы почили в результате «сталинских репрессий», число вопросов резко увеличивается. Надеюсь, и у читателя тоже. Во всяком случае, очевидно одно: насколько могуч нравственно народ, «согнуть» который не удалось даже после страшных, небывалых репрессий.

...Хочется заметить вот что. Безгрешных людей на свете не существует, как не существует и всезнаек. И я хочу оговориться, что и ваш покорный слуга отнюдь не монополист истины — иное утверждать было бы смехотворно. Но аморально говорить о «белых пятнах истории», подкрашивая их иными красками. Надо вводить в научный и общественный оборот те из них, пусть не объясненные пока, которые могли сказаться или сказались на ходе нашей истории. Манипуляция ярлыкообразными «знаниями» достигла запредельной степени. «Кое-кого обольщает надежда, — пишет Ан. Макаров, — намалевать на музейном ветхом полотнище (?) некое противоестественное маловразумительное словосочетание «народная монархия». Мы-то лишь процитировали в июньском номере И. Солоневича, автора книги «Народная монархия», а Макароа уже «бьет по рукам»: нельзя! не сметь! Он пугает ярлыком, словосочетание опасно для него до такой степени, что уже из-за названия книги следует отсечь от читающей публики совершенно неизвестного ей (но, видимо, не Макарову) автора. Ирония заключается в том, что 25 августа, через две недели после публикации в «Советской культуре», Игорь Шафаревич в интервью еженедельнику «Книжное обозрение» назвал в числе нескольких книг, которые, по его мнению, надо как можно скорее издать, — «Народную монархию» Ивана Лукьяновича Солоневича, белорусского крестьянина («вандейца», по Макарову), в 1934 году бежавшего с Беломорканала за границу от «спасителя» русского народа Бермана...

— Станислав Иванович, «Советская культура», вдохновенно коря «злокозненных шовинистов», якобы мечтающих о процентных нормах, упоминает о вкладе евреев в развитие советской культуры. Тут уже прямая связь с самим названием газеты, где помещена статья. Но ведь и в этом вопросе есть, так сказать, «другая сторона»...

— Талмуд учит правоверного иудея относиться с глубоким недоверием к эстетическим принципам язычества. Требует не просто негативных, а резко отрицательных, враждебных отношений к «язычеству», одним из проявлений которого, по Талмуду, является и национальное искусство «инородцев», то есть всех неевреев. «Языческое» даже уважать запрещено. А «прекращение запрета, — как свидетельстает «Еврейская энциклопедия» (т 1, с. 121), — обусловливается уничтожением святости уважаемого предмета... Самые верные признаки того, что поклонение прекра-

щено, — предоставить предмет воле судьбы, испортить его и нарочно повредить его части...». Каждый, кто увидит «идолов», сделает доброе дело, если сожжет и уничтожит их. «Следует стараться искоренять идолов и называть их издевательскими именами».

Вот вам и «идеологическое обоснование» всякого разрушения культуры. Естественно, своими руками горстка талмудистов вандализмом заниматься не могла и не хотела. Но пропаганда ненависти к родной культуре (или, что едино, нигилизма под соусом «отречемся от старого мира») мобилизовала на погром русской культуры все самое низменное, что всегда и в любом обществе имеется, да только нейтрализуется «государственниками» типа Столыпина и духовными авторитетами типа Иоанна Кронштадтского.

И — из песни слова не выкинешь — ведал отделом изобразительных искусств Наркомпроса в самый разгар безумств разрушения вернувшийся из Парижа «решительный модернист» Д. П. Штеренберг. Он «со компанией» и повел непосредственную борьбу за единообразие советской культурной жизни, от которого и поныне повсеместно не продохнуть.

— Молодой исследователь Сергей Дмитриев писал о существовавшей в первые годы Советской власти газете «Искусство коммуны». В ней сотрудничали с благословения Луначарского В. Кушнер, В. Шкловский, М. Шагал, К. Малевич, В. Татлин. Шла моральная подготовка вандализма. Газета, пишет Дмитриев, пестрела сентенциями типа: «Разрушать — это и значит создавать, ибо, разрушая, мы преодолеваем свое прошлое»; «Мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому»; «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли...». Умильно прославляемый ныне К. Малевич (в том числе и «СК» прославляемый) «высокодуховно» возвещал: «Скорее можно пожалеть о сорвавшейся птице, нежели о разрушившемся Василии Блаженном». Уже видел жемчужину русского зодчества и духовности раздавленной... Но «тиран Сталин» так умело маскировался, что, узнав о толовых шахтах, проверленных под храм, о подвижничестве великого нашего реставратора П. Д. Барановского, забаррикадировавшегося в «Василии Блаженном», приказал храм не трогать.

— Вообще же, если говорить о том времени более академично, следует, на мой взгляд, ставить перед обществоведами такой вопрос: роль сионизма в свержении царизма и в мировом революционном движении. Мне кажется, что если этот вопрос будет по-прежнему игнорироваться, мы останемся в положении буриданова осла, пока из нас не сделают аккуратных бифштексов (то есть пока страна наша не станет напрямую управляться из сионистского Израиля). Ведь сколько писалось — и справедливо! — о деятельности израильского лобби в США, о почти абсолютной зависимости американских государственных деятелей от Тель-Авива. Но вот мы сейчас наблюдаем попытки американизации нашего общества, и логично допустить, что и упомянутый атрибут «американского образа жизни» (влияние лоббистов-сионистов) нашими «американизаторами» вольно или невольно насаждается-привносится. Уверяю вас по собственному опыту: за два-три месяца легко стать американцем, попробуйте на тех же условиях стать русским, мордвой или чукчей! Невозможно! Потому что нас всех оберегает собственная, незаимствованная культура и история.

Кстати, читаешь подчас и глазам не веришь, что газета ЦК КПСС «Советская культура» наряду с интересными, достойными материалами на разные темы методично гвоздит как раз критиков сионизма, их обвиняя в «национал-социализме», хотя как раз сионизм является одной из онтологических, изначальных форм расизма и фашизма. С чего бы это такая односторонне-избирательная гласность в газете? Вот и Ан. Макаров не удержался: «Похоже на то, что кое-кого обольщает (?) надежда под грохот перестройки (?) добавить к понятию «социализм» многозначное определение «национал». Такой «оргвывод». «Блестящее отсутствие» приводимых в качестве подкрепления этого обвинения фактов, явные и скрытые передержки и ярлыкотворчество всегда завершаются чем-то подобным. Обратите внимание, ни решения эстонцев и литовцев обучать только эстонцев и литовцев, ни решение их объявить свои фронты «национал-социалистическими», а русским — давать только рабочие профессии — ни А. Макаровым, ни «Советской культурой» не считаются шовинизмом. Но вот попытка трезво взглянуть на реальную картину в России, на положение русских вызывает прямо-таки ненависть. Не компрометирует ли тем самым «Советская культура» тех читателей, русских и евреев — членов партии, Центральному Комитету которой принадлежит газета?

— «Некоторые доморощенные «защитники» евреев в СССР, — пишет В. Юдин, доцент Калининского университета, — демонстрируют плохо скрываемый сионизм, отнюдь не помышляя о выяснении подлинной сути вещей. Не потому ли столь остервенело они прибегают к демагогии, нагнетают страсти вокруг несуществующей проблемы, спекулируют на политических рекламациях типа «антисемитизм», «юдофобия», «русофильство» и т. д?» Как бы вы прокомментировали это письмо?

— Чтобы понять природу этого явления, очевидного для многих читателей, надо вспомнить о деятельности Антидиффамационной лиги (АДЛ) в США. Упоминавшийся нами в прошлой беседе Дуглас Рид писал о ней как о ростке «Б'най и Б'рит», возникшем в 1913 году. В 1947 году АДЛ превратилась в мощную тайную полицию, если не по форме, то фактически. «Сионисты, — по компетентному свидетельству Рида, — сумели создать в США ядро собственного политического аппарата...» Однако еще задолго до того основные усилия «граждан мира» были направлены не на накопление капиталов как таковых, а на их «наиболее рациональное» приложение: на борьбу за власть. Понятие «антидиффамация», то есть противодействие клевете, фактически означает пользование клеветой как оружием против политических противников. «АДЛ, — писал автор «Спора о Сионе», — живет тем, что оклеветывает противников сионизма как антисемитов, фашистов, параноиков, лунатиков, сумасшедших, фанатиков...»

В связи с этим интересно задать нашим оппонентам вопрос: существовали ли в природе упоминаемые нами документы? «Случались» ли упоминаемые события? И интересно было бы представить в этот момент лица А. Беляева, Ан. Макарова «и присных».

Вряд ли человек будет чувствовать себя уютно, не смея ни отрицать, ни признавать наличие этих документов, этих фактов. Что ему останется делать? Прибегать к силе или провокации, употребляя все доступные ему, и немалые, средства. Сталкивать лбами пока еще обманутых им людей, свести все к склоке, к «маленькой гражданской войне», лишь бы остаться «чистым».

— Гадать не будем... 10 марта 1988 года выходящая в Америке газета «Русский голос» процитировала некий «Мевора журнал», где вопрос освещается в несколько неожиданном ракурсе: «Борьба с антисемитизмом разрослась в большое коммерческое предприятие с многомиллионным годовым бюджетом». По определению журнала, целью АДЛ является «непрерывно бить в антисемитский барабан», чтобы припугнуть пожертвователей. Обычным методом является «открытый шантаж еврейских предпринимателей». Таким образом, говорится в еврейском журнале, «самозваные защитники американских евреев загнали их в состояние массовой истерии». Известен случай, когда АДЛ была вынуждена признать, что орудовала при помощи фиктивного «антисемита»-провокатора (вспомните Норинского! — И. Н.). Это был плодовитый писатель книг против антисемитизма, армянин по рождению, Аветис Богос Дерунян (литературный псевдоним — Джой Рой Карлсон). В ноябре 1952 года он был публично (в радиоинтервью) уличен в том, что в прошлом издавал «злобный антисемитский листок» под заголовком «Защитник христианства». Карлсон, припертый к стене, вынужден был признать, что он делал это «с одобрения Антидиффамационной лиги. Лига, в свою очередь, под давлением обстоятельств этот факт подтвердила...

— Таким образом, становится ясно, что еврейскую бедноту раньше и немалую часть простых евреев сегодня использовали и используют в циничной политической игре, шантажируют несуществующими страхами. Еще Бен Гурион упорно повторял: там, где евреи забыли о том, что они «избранные», что они «гонимые», что «жизнь их висит на волоске», надо создавать специальные подразделения, которые бы тем или иным образом напоминали евреям, что они не такие, что опасность их подстерегает на каждом шагу и так далее... По мысли сионистов, все это помогает «избранному народу» ощутить свою избранность, не распылиться, не ассимилироваться...

Но я верю, что уроки истории, даже самые трудные, должны способствовать созиданию и внутреннему миру. А упадок духа, как известно, хуже всяких поражений, когда исчезает даже память о своем прежнем величии. Вот уходит 1989-й... А отмечали ли у нас достойно юбилеи «ко сплочению и гордости»? 600-летие появления на Руси огнестрельного оружия, 400-летие установления патриаршества? 475-летие присоединения Смоленска к Москве? 400 лет основания Царицына... 275 лет победы при Гангуте... 250 — со дня взятия Хотина, в честь которого Ломоносовым создана была знаменитая ода, положившая начало «новой русской поэзии», 225 лет Смольному институту... 200 лет победы при Рымнике, давшей Суворову титул графа Рымникского... 175 лет капитуляции Парижа... Как умно, как поучительно можно было бы отметить эти даты. Даже 300-летие указа об удалении из Москвы иезуитов. Вместо того чтобы искать в истории примеры духоподъемные, объединяющие — копание в грязном белье, «хлесткие» обвинения, особое место отводится непомерному и болезненно-фальшивому «еврейскому вопросу». Из «Памяти», хотя ее почти не слышно под «грохот перестройки», делают вселенское пугало («забота» о ней европейского парламента прямо-таки комична: «вся Европа» потребовала от Советского Союза «зап-ре-тить!»). Из «Молодой гвардии» не без помощи таких людей, как Ан. Макаров, пытаются «слепить» гнездовье черносотенцев. Выискивают примеры неблагополучия евреев и тиражируют их, сея опасливо-раздраженное отношение их к окружающим. Даже Рейган приезжает в Россию, чтобы побеседовать о евреях! Дразнят и остальных. Отсекается все здоровое, благородное, придающее силы. Стремление не бить витрины за их пустоту, а разобраться в причинах этой пустоты, выдается за «консерватизм».

«Стоящая у края погибели Россия» сплошь и рядом называется «империей зла». Хороша «империя», в которой выкошены почти все традиции и носители традиций, которая защищала и кормила всех, у кого находилась ложка. А не было ложки — отдавала свою. Да и сегодня продолжает кормить...

Сионизм на это и рассчитывает, он «прошел» по спинам многих народов. Придется при этом повторить: мы не можем позволить, чтобы понятия «сионизм» и «евреи» ассоциировались в человеческом сознании как нечто однозначное. В погромной пропаганде всегда заинтересованы именно сионисты. Так было. Так, по-видимому, и есть. Нормальному человеку в голову не придет подозревать кого-либо по «национальному признаку». Прав товарищ Гофман: подонки есть везде. Но споенные, развращенные, возбужденные пропагандой насилия и ядовитой ложью люди, отвечая за свои поступки, вправе задуматься и об ответственности тех, кто способствует развитию агрессивной порочности в нашем обществе, кто за это платит и получает. И не только задуматься, но и пресечь «плюрализм» лиц, потворствовавших тому, что в нашей стране легально создается уже «Союз сионистов» с боевыми группами, своего рода белостокскими «дружинами еврейской самообороны». Но молчит об этом «Советская культура». Словно в рот воды набрал и «Огонек». Помнится, совсем недавно его аж колотило при одном упоминании слова «масон». Теперь же, когда в Москве, можно сказать, под боком, спокойно обосновалось отделение сионистско-масонской организации «Б'най Б'рит», о его деятельности в СССР в органе мужественных «застрельщиков перестройки» ни слова.

— А я бы поставил вопрос так. Не назначать на высокие должности в государстве, не выбирать тех людей, кто однозначно не даст понять, что отрицательно относится к сионизму и масонству. Так ставился вопрос в Коминтерне в 1922 году (интересна, кстати, роль Сталина в этом деле), так ставился вопрос и в послевоенные годы, достаточно вспомнить статью Георгия Димитрова под красноречивым названием «Масонство — национальная опасность». «Никакая разумная государственная политика невозможна, если столь важные факторы политической жизни, — писал о сионизме и масонстве Дуглас Рид, — заведомо исключены из публичных дискуссий; это то же, что играть в биллиард кривыми киями или овальными шарами». Полагаю, многим думающим людям у нас знакомо это ощущение изнуряющей и бессмысленной игры. Конечно, требуются знания (отсутствие таковых в настоящих усло-

виях означает полную беспомощность в любом серьезном деле), а для знаний необходимы специалисты и печать. Но специалисты есть. А печать — и об этом мы говорили в прошлый раз — должна быть. Положение слишком серьезно. Не должна энергия народа, растрачиваемая па справедливое возмущение тем или иным вопиющим явлением действительности, не должна эта энергия уходить в песок. Бережение сил народных есть высший закон государства. Любого. А уж тем более государства рабочих и крестьян.

Кстати, «Советская культура» пишет следующее: «Наша перестройка, если формулировать кратко, была предпринята для того, чтобы вернуть первоначальную притягательность октябрьским идеалам». По-моему, весьма своеобразная трактовка концепции перестройки. Во-первых, чья это «наша»? Если автор категорически отмежевался и от «бородатых вандейцев», и — фактически — от русских и всех других народов нашей страны, имеющих, скажем так, свою территорию. Во-вторых, возвращение притягательности как таковое не может быть целью перестройки. Более того, подобная формулировка способна вызвать у мыслящего читателя резонное подозрение: а не все ли это равно, что сменить «обманку»? Не возврата притягательности октябрьским идеалам ждет наш исстрадавшийся народ, а дела: мира внутреннего, земли — тем, кто пашет, власти — в руках тех, кто трудится. Народам — равноправие, в том числе народу русскому, истоптанному под «атуканье» чиновных «интернационалистов» из «Советской культуры».

— «Любые» попытки ущемления по национальному признаку должны рассматриваться как неприемлемые, противоречащие принципам советской государственности» — так говорится в платформе КПСС, принятой Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 года. Несмотря на это, наивно полагать, что самозваные «поборники гласности» с восторгом встретят нынешнюю нашу публикацию. Постараются, изловчившись, вновь навести тень на плетень. Дезинформация, как это уже случилось на том же Пленуме ЦК КПСС с первым секретарем обкома партии Еврейской автономной области Б. Корсунским, клеветнически обвинившим журнал «Молодая гвардия» в антисемитизме, будет подхвачена непосвященными людьми, начнет тиражироваться, зазвучит из уст выступающих с трибун... Но ради того, чтобы не повторились на нашей родной земле прежние трагедии, ради того, чтобы все народы нашей страны жили в согласии, надо иметь мужество, и познавать, и говорить Правду. Наперекор всему, в том числе и либеральному террору средств быстрого реагирования.

Беседу вел И. ДЬЯКОВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ: «И. А. БЕНЕДИКТОВ: О СТАЛИНЕ И ХРУЩЕВЕ»

ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

Письма, телеграммы, открытки и даже рукописи статей... Вчитываясь в отклики на опубликованную в № 4 журнала беседу со сталинским наркомом и хрущевским министром И. А. Бенедиктовым, словно заглядываешь в душу народа, знакомишься с его истинными чувствами и мыслями, с затаенными тревогами, надеждами и болью...

Скажу сразу: подавляющее большинство читателей восприняли жизненную позицию бывшего наркома, его оценки и суждения как свои. «Наконец-то хоть один журнал осмелился опубликовать неконъюнктурный материал. Веришь каждому его слову! — пишут В. Недашковский, В. Мусиян и Б. Казакбаев из Борисполя, обратившиеся в редакцию по поручению группы своих товарищей, — а то ведь за последние четыре года всю прессу захлестнули «воспоминания» то ли последних жен, то ли дальних родственников репрессированных и раскулаченных, которые всю историю строительства социализма рассматривают из окна «спецвагона». Для них все наши идеалы и все наши любимые с детства герои: Чкалов, Стаханов, Павка Корчагин, Павлик Морозов — выдумки и пропаганда

«сталинизма». Для них не было ни Магнитки, ни Комсомольска-на-Амуре, ни Челябинского тракторного, ни Сталинграда, ни Берлина 45-го. Вся наша советская история сводится к репрессиям и лагерям, а Хрущев неизменно изображается этаким добрячком-освободителем».

«Люди моего поколения (я с 1936 г.), — пишет из Челябинска рабочий-металлург Ю. Болотов, — единодушны в том, что те, кто кричит о зверствах «сталинизма» и самого Сталина, не правы. Много злобы, надуманности. Я принес журнал на работу. Запоем прочитали публикацию и с облегчением согласились, что наконец-то написана правда. А то нам совсем заморочили голову с массовыми репрессиями, миллионами и миллионами жертв сталинизма. Кто же тогда в партии остался, если чуть ли не всех честных коммунистов, как нас уверяют, репрессировали? Или партия — бездонная бочка? Или у нас весь контингент лагерей состоял только из политических, уголовников совсем не было? Концы с концами явно не сходятся...»

«Бенедиктову, — отмечают москвички дочь и мать А. А. и З. П. Астафьевы, — веришь сразу, так как по силе убеждения понимаешь, что нам не следует стесняться нашей истории, это героическая история, история великого народа. Кому-то, наверное, просто невыносимо видеть, что мы, русские, потеряв за годы испытаний десятки миллионов человек, все еще боремся, все еще чувствуем себя людьми, гражданами великой страны... Мои родители жили именно так, как говорил И. А. Бенедиктов: были в общем довольны жизнью, своей страной, своим правительством, берегли честь и достоинство, честно работали и не участвовали ни в каких нечистоплотных политических играх...»

Да, правы наши читательницы. Кое-кто пытается превратить в прах нашу историю, наше недавнее прошлое, которое, несмотря на всю свою суровость и драматизм, было временем героических свершений народа, впервые вздохнувшего свободно, почувствовавшего себя хозяином страны.

Здравый смысл народа, его наблюдательность и чутье помогают распознать приспособленческую фальшь новомодных обличителей «сталинизма», искажающих в своекорыстных целях глубинную суть общественных и исторических явлений, предлагающих неприемлемые для социализма, противоречащие интересам основной массы трудящихся рецепты выхода из нынешней кризисной ситуации.

«Нас, людей старшего поколения, возмущает кампания очернения прошлого, — пишет ветеран Вооруженных Сил, член КПСС А. Степанов из города Ишимбая Башкирской АССР. — Чтобы успешно осуществить перестройку, людям, и особенно молодежи, нужна правда, а ее грубо искажают разного рода писаки, так называемые «историки», стремящиеся отомстить партии за то, что она не пошла по пути «ситцевой» индустриализации, который предлагал Бухарин и поддержавшие его представители буржуазной интеллигенции. Казалось бы, ясно, что наша страна не одержала бы победы над фашизмом, не превратилась бы в современную великую державу, если бы не осуществила настоящей индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Однако находятся люди, которые ставят под сомнение очевидное, да еще хвалятся своей «объективностью». Далеко им до И. А. Бенедиктова, который оценивает нашу историю на основе реальных фактов, учитывает особенности каждого этапа и периода и честно говорит как о достоинствах И. В. Сталина и Н. С. Хрущева, так и об их недостатках».

«Практически открытый разрыв с марксизмом, — отмечает А. П. Пименов из подмосковного города Одинцова, приславший в редакцию глубокое и интересное исследование, — собирает воедино самую разномастную публику, начиная с деятелей, жрецов и жертв масскультуры и кончая историками, философами, поэтами и писателями с сомнительной жизненной позицией. Впрочем, это и есть, наряду с развалом экономики, критерий не провозглашаемой, а реально идущей «перестройки»... Сколько бы ни злобствовали на человека труда социологи вроде Заславской, требуя роста цен ввиду отставания прироста производительности труда от роста зарплаты, люди не будут трудиться лучше, если им будут делать хуже... Реальная перестройка может начаться с дела, затрагивающего всех, с «живого творчества масс». Тогда и бюрократия, представляемая сейчас врагом обновления общества, будет работать на это обновление, а сама жизнь будет ее «сокращать».

Многие читатели обращают внимание на ненормальность ситуации, когда любая попытка взглянуть на наше прошлое объективно и честно сразу же встречается некоторыми средствами массовой информации в штыки, а люди, видящие в нашей истории не только ошибки и преступления, но и героические свершения, огромные достижения, немедленно объявляются «сталинистами», «консерваторами» и «врагами перестройки». Громче всех крича о «свободе мнений», просвещенное мещанство, влияние которого в нашей идеологии, увы, резко возросло, на деле никогда не проявляло и не проявляет элементарного уважения к инакомыслящим, к честному сопоставлению различных взглядов, к плюрализму. Лучше действовать по привычной с застойных времен схеме — вот он, противник «прогрессивной» линии, который «не одобряет», ату его! Можно без преувеличения сказать: не побаивайся наши «перестройщики» ответной реакции народа, жертвами либерального террора стали бы не десятки, не сотни, как сейчас, а десятки тысяч человек, зачисленных в черные списки неисправимых «консерваторов» и «ретроградов». И пусть те, кого возмутит подобное предположение, задумаются над раздающимися с самых высоких трибун, в нарушение элементарных основ правового государства, злобными нападками в адрес политических руководителей страны, позиция которых не по душе почувствовавшим свою силу «прорабам духа». О рядовых «консерваторах» не говорю: их сразу готовы за борт, без лишних объяснений...

«Большого мужества требует в наше время напечатать объективный материал о деятельности И. В. Сталина, — замечает Д. Амиранов из Актюбинска. — Я не сталинист, но я твердо знаю, что в те годы не все было плохо. Но попробуй скажи это, и сразу же станешь мишенью оскорбительных ярлыков».

«Меня удивляет робость нашей партийной печати, — пишет в свою очередь И. В. Старостенко из Гомельской области, как она отмечает, «беспартийная, дочь «врага народа». — Критиканы разных мастей используют все печатные органы, телевидение и радио, а партия не дает им должного отпора. А ведь для меня, как и для многих, «Правда» — это не только самый главный и массовый печатный орган ЦК, но и политический и идеологический барометр... Нужна четкая точка зрения партии по всем вопросам, ибо в таком море мнений очень легко заблудиться».

В обширной почте есть и несколько откликов иного рода. Ветеран труда Н. П. Ермаков из Орла рассказывает о голоде 1933 года, очевидцем которого он был, называет материал Бенедиктова «правительственной, конъюнктурной точкой зрения периода застоя», которую, по его мнению, «не стоило печатать». Что ж, читатель вправе высказать свой взгляд. Хочу, однако, обратить внимание тов. Ермакова на то, что высказывания бывшего наркома острокритичны не только по отношению к Хрущеву, но и его преемникам, и уже поэтому никак не могут быть «правительственной точкой зрения времен застоя». Что же касается жестоких действий в 1933 году «активистов с наганами в кожаных куртках», то тут надо разобраться, насколько они были связаны с центром, а где поступали по собственному усмотрению, допуская перегибы и искажения партийной линии. И сейчас ведь на местах немало злоупотреблений, несправедливостей, перегибов и т. п.

Не могу согласиться и с мнением военнослужащего из поселка Нелюбино Томской области Л. Е. Поздеева, который осуждает распространенную в нашем обществе тоску по «сильной руке». Но ведь эта «тоска» возникла не сама по себе, не из кровожадных устремлений «сталинистов» вчерашнего и сегодняшнего дня. Расхлябанность, безответственность, обломовщина, низкая культура труда свойственны, увы, многим из нас — от рабочего до министра, и за годы перестройки все эти «болячки» отнюдь не исчезли, скорее наоборот — усилились. Наивно думать, что избавиться от них можно лишь демократическим путем, методами убеждения и воспитания, образцовой постановкой морального и материального стимулирования. Мы уже четыре года пытаемся навести порядок только таким путем, а дисциплина падает, ответственность снижается, расхлябанность и бесхозяйственность возрастают. Конечно, перестройке, ее новым методам нужен энтузиазм, нужна вера, но не безоглядные, не слепые же... Нельзя же, в конце концов, пусть даже в самых похвальных целях, впадать в то, что В. И. Ленин называл «фальшивой идеализацией масс», игнорировать реальный уровень политической и идейно-нравственной сознательности людей, да еще в условиях резко возросшей социальной и национальной напряженности, когда подчас правят бал эмоции, а не разум, раздражение и озлобленность, а не четко выстроенные аргументы... Без мер административного порядка зачастую просто невозможно эффективно бороться с махровым бюрократизмом, взяточничеством, воровством, разгильдяйством, обманом, разжиганием и использованием в своекорыстных целях низменных инстинктов толпы.

Не случайно В. И. Ленин, выступая за самую решительную демократизацию общественно-политической жизни, привлечение к управлению рядовых тружеников, требовал одновременно самых суровых, вплоть до ареста и даже расстрела, мер для борьбы с головотяпством, бюрократизмом, безответственностью, призывая «бить в три кнута» тех, кто допускал серьезные сбои в работе и не отвечал необходимым требованиям. Да и сам термин «железная рука» взят из ленинских писем, телеграмм, записок последнего периода. Почитайте, вдумайтесь в них — там он почти через каждую строчку. Или ленинские методы устарели как «командные»?

Перестройке нужен широкий и разнообразный арсенал средств, как из сферы убеждения, так и из области принуждения — слишком сложны, запутаны и остры стоящие перед ней проблемы, чтобы их можно было решить с помощью одного «чудо-средства».

Почта, лежащая передо мной, подтверждает это. Почти в каждом письме — острая боль за происходящее в стране, практически все призывают к срочным шагам по укреплению порядка, повышению ответственности и дисциплинированности во всех звеньях народного хозяйства, с самых его «низов» до самых руководящих «верхов».

«Полностью согласны с И. А. Бенедиктовым, — пишут челябинские рабочие, — что болтовней и криком никакого порядка у нас не установишь. Жизнь наша по сравнению со сталинским временем становится все хуже и хуже. Дисциплину кое-как поддерживают старые рабочие, а молодые о ней понятия не имеют. Ничего не стоит прогулять, прийти пьяным на работу. Администрация авторитетом не пользуется, заболталась. Партийных вообще не видим, хотя слышим, что где-то заседают, говорят о чем-то. Это не только у нас, говорили с другими рабочими — везде одно и то же».

Кстати, о молодых. Претензии авторов письма в их адрес можно понять. Но, с другой стороны, дифференциация, наметившаяся во многих слоях и группах нашего общества, коснулась и молодежи. В ее среде все громче слышатся голоса и тех, кто искренне обеспокоен кризисными явлениями, охватившими практически все сферы нашего общества, не позволяя одновременно сбить себя с толку эмиссарам Народных фронтов, лидерам экстремистских и националистических организаций. Молодежь не только протестует, она рвется в бой за высокие идеалы отцов. Вопрос в том, как использовать в интересах перестройки ее энергию и задор, как подойти к юношам и девушкам, осознавшим всю никчемность и антигуманность упорно подсовываемых им ориентиров масскультуры. А максимализм и резкость оценок не помеха — главное, чтобы настрой был здоровым, патриотическим; объективность и взвешенность суждений придут с опытом.

«Нам навязывают театральную пошлость, лицемерие и западную поп-культуру в виде металлического рока, проституции, наркомании и погони за модными тряпками, — пишут в коллективном письме учащиеся одного из московских ПТУ, — мы устали от пустых слов, не подкрепленных делами, от шагов, рассчитанных на поддержку капиталистов Запада, а не своего народа. Выливая грязь на Сталина, реабилитируют кулаков, белых офицеров, капиталистов и капитализм, ведут дело к распродаже национальных ресурсов. Но народ даст отпор скептикам, маловерам и нытикам, пытающимся расчленить и ослабить нашу Родину...»

Когда я познакомил с характером почты своего бывшего сокурсника по институту, теперь видного ученого, занимающегося исследованием общественного мнения, он досадливо поморщился: «Мистификация и обман. Народу нужен хороший царь, который за всех бы думал и решал и защищал бы его от бесконтрольной бюрократии. Отсюда идеализация Сталина».

Невысокого же мнения о своем народе наша прогрессивная и «свободомыслящая» наука! Но простится ли ей элитарное высокомерие?

Тут я подхожу к упрекам, что И. А. Бенедиктов-де оправдывает сталинские репрессии, включая расстрелы Тухачевского, Уборевича, Блюхера и других. Обратимся к тексту публикации, поскольку вопрос здесь затронут принципиальный.

Иван Александрович говорит лишь о том, что перечисленные видные деятели были «репрессированы по политическим сообра-

жениям и на основе коллегиальных решений Политбюро». Кстати, в свете опубликованных в последнее время документов в журнале «Известия ЦК КПСС», такой вывод представляется бесспорным. Констатировав очевидное, Бенедиктов продолжает: «Другое дело, насколько эти соображения обоснованны и продуманны. Ошибки, естественно, были возможны. Но чтобы разобраться в них... надо посмотреть на дело политически, с точки зрения государственных интересов... учесть все факторы и обстоятельства». Словом, Иван Александрович допускает, что Тухачевский, Якир и другие были репрессированы необоснованно, но в то же время призывает посмотреть на эти возможные ошибки политически, с точки зрения государственных интересов. Термин «ошибки», конечно же, не случаен. Ведь даже Хрущев признавал, что, санкционируя репрессии, Сталин исходил «из интересов трудящихся и партии», то есть злого умысла у него не было...

Согласитесь, подход правильный. Сначала все тщательно изучить, проанализировать, затем делать выводы, подумать, вникнуть в суть, а потом действовать — таков стиль бывшего наркома, прошедшего суровую школу сталинского руководства. И я не вижу в этом стиле ничего «консервативного», «догматического», угрожающего перестройке. Напротив, может быть, она и идет с таким «скрипом», а иногда и откатами назад, что многие наши министры, партийные деятели продолжают действовать в духе хрущевско-брежневских методов: сначала сделать что-то в страшной спешке, потом задуматься, что реально из этого вышло, сначала наобещать с три короба, а потом, свалив все на «объективные обстоятельства», «систему», — констатировать несостоятельность своих обещаний.

Представляю, какие чувства были у Ивана Александровича к Хрущеву, когда угодливые дилетанты и авантюристы, поставленные им у руля сельского хозяйства, стали разрушать то, что было с таким трудом, такими самоотверженными усилиями налажено и поставлено на ноги. Тем не менее Бенедиктов дает чрезвычайно высокую оценку деловым качествам Хрущева, считает его деятельность до середины 50-х годов в целом положительной, говорит о том, что Никита Сергеевич умел ставить назревшие вопросы. Другое дело, что на пост Первого не тянул, стал, добившись монопольной власти, совершать одну катастрофическую ошибку за другой... Вот она, реальная, а не словесная объективность и беспристрастность, до которых еще ох как далеко нашим «перестроечным» теоретикам!

Не пора ли обличителям «сталинизма» задуматься над тем, почему в проклинаемые ими годы темпы экономического развития страны были в несколько раз выше того, что мы имели и имеем в последние годы, при несравненно высшей эффективности производства и качества продукции, которое, кстати, при нынешнем положении дел представляется чуть ли не легендарным? Почему в послевоенные годы разоренный фашистской агрессией Советский Союз с объемом производства, равным всего 30 процентам от уровня США, сохранял лидерство на ведущих направлениях научно-технического прогресса, где сегодня нас с нарастающим успехом обгоняют даже развивающиеся страны? Почему в сталинское время удельный вес расходов на здравоохранение и народное образование был самым высоким в нашей истории, а советская система охраны здоровья считалась лучшей в мире? Чем объяснить тот факт, что в 1953 году СССР занимал третье место в

мире по удельному весу молодежи с высшим образованием, а в 1987 — 42-е? Почему продолжительность жизни в нашей стране возросла с 32 лет в 1922 году до 64 лет в 1953, а в брежневские годы снизилась с 70,5 до 67,7 лет? Почему, наконец, при Сталине большинство людей, несмотря на скромный достаток и бытовые неудобства, жили светло и радостно, были духовно богаче, гуманней нынешнего, изъеденного скепсисом и обывательским эгоизмом поколения? Почему люди «деспотической» системы с уверенностью и надеждой смотрели в будущее, а нам при безбрежном «демократизме» оно внушает, и не без оснований, самый мрачный пессимизм и растущую тревогу?

По данным социологических опросов, до 90 процентов людей возражают против суда над Сталиным, считая, что такой процесс фактически будет судом над социалистической системой. И даже в среде студенческой молодежи, наиболее восприимчивой к гневным обличениям, подобную позицию, по данным Научно-исследовательского центра при ВКШ, разделяют не менее 15 процентов юношей и девушек.

После опубликования материала мне довелось встретиться с родными Ивана Александровича — вдовой наркома Лидией Васильевной, его дочерью Неллей Ивановной. Не скажу, что их обрадовала необычная для нашего времени публикация и разговор был не без претензий. В мой адрес прозвучали упреки в том, что в беседе не проступила индивидуальность моего собеседника, говорилось об отдельных неточностях. Что ж, родственники, возможно, лучше могут судить о чертах характера Ивана Александровича, его душевных качествах, хотя в публикации, как помнят читатели, речь шла сугубо о мировоззренческих вопросах, политических оценках.

Иван Александрович чрезвычайно требовательно относился к своим воспоминаниям. Зная принципиальность Бенедиктова, я старался в первую очередь верно воспроизвести ход мысли, аргументацию, факты. И то, что касается основных суждений бывшего наркома, его принципиальных черт и особенностей как государственного деятеля, убежден, передал точно и правильно в полном соответствии с состоявшимися беседами, на основе тех впечатлений, того мнения, которое тогда сложилось у меня и которое сейчас, уже после разговоров с его родными, укрепилось.

Пожалуй, только у нас возможна ситуация, когда тотальному пересмотру и отрицанию подвергаются сложившиеся в течение многих десятилетий духовные и идейно-нравственные ценности, когда по прошлому ведется массированный огонь из идеологических орудий всех калибров, когда мишенью обстрела становятся люди, составляющие гордость и славу не только нашей Отчизны, всего цивилизованного человечества...

В США, Великобритании, ФРГ, Японии к своей истории, своим традициям, своим бывшим государственным деятелям относятся с куда большим уважением и тактом, хотя в их прошлом не меньше, а порой и больше того, что вызывает у любого порядочного и культурного человека законное чувство негодования, возмущения, протеста. При любых сменах правительства и колебаниях идеологических настроений памятников политическим лидерам там не взрывают и под улюлюканье славословивших их ранее интеллектуалов на свалку не вывозят... Черчилля, Трумэна, де Голля в своих странах чтут высоко и добрую память о них сохраняют.

Ну ладно, общенациональные лидеры, вожди... Фонд Ачесона, общество Джона Бэрча, ассоциация памяти Маккарти — с какой стати, казалось бы, американцам сохранять память и поддерживать интерес к этим второразрядным деятелям? Но ведь сохраняют, поддерживают. А мы о своих наркомах, превосходивших западных политиков по всем параметрам, мало что знаем. Более того, пытаемся вытравить из памяти то, что в ней осталось.

Почему среди растущих, как грибы, всевозможных фондов, обществ, ассоциаций нет у нас, например, Общества памяти Косыгина, фонда Вознесенского, ассоциации Бенедиктова, других политических и хозяйственных руководителей? И не потому ли мы так медленно идем вперед, а подчас и откатываемся к средневековью, что пытаемся строить новое на огульном отрицании старого, вместо того, чтобы прочно опереться на его достижения и опыт?

Растет опасность того, что отечественное малокультурное просвещенное мещанство, соединившись с цивилизованным мещанством Запада, станет непобедимым и угробит перестройку, которую без подъема духовного здоровья и нравственности народа не осуществить. А что до импорта новейшей технологии, знакомства с передовым опытом, то... самый высокий объем американского экспорта в нашу страну станков и промышленного оборудования приходится на начало 30-х годов, когда у нас не было с США даже дипломатических отношений. В 30-е и 40-е годы передовую технику и технологию из-за рубежа перенимали куда эффективней, чем сейчас, да и на заводах крупнейших западных корпораций стажировалось несравненно больше советских специалистов и инженеров. Возвращавшихся оттуда с передовыми знаниями и умением, а не модными тряпками и стойким презрением ко всему отечественному... Так что «железный занавес» зарубежной мещанской гнили необходим и сейчас.

Вернусь, однако, к исторической памяти. На доме № 9 по улице Горького, там, где проживал Иван Александрович, до сих пор нет даже мемориальной доски, хотя решение об этом и было в свое время принято.

В № 23 «Огонька» за нынешний год известный публицист Ю. Черниченко язвительно отзывается об окружавших Сталина «партийных бонзах», которые-де довели сельское хозяйство страны до полного разорения. Надо разобраться, однако, кто довел, ориентируясь на реальные факты, а не на взвинченные эмоции обличителей «агросталинизма»...

Да, сельское хозяйство страны после страшной, разрушительной войны было в тяжелейшем положении. Тем более, что по ряду причин, о которых, по-моему, убедительно говорил Иван Александрович, выделять на его развитие достаточные силы и средства просто не было объективной возможности, скорее наоборот, городу приходилось черпать из деревни. Но процесс восстановления шел быстро. Колхозы, совхозы заметно крепли, объем сельскохозяйственной продукции возрастал. Порядка, организованности, добросовестного отношения к труду было несравненно больше. Да, материальный достаток людей был куда скромней, чем сейчас, зато не было проблемы отоваривания заработанных денег, тем более что цены на ширпотреб снижались, а не росли. А что касается разнообразия продуктов, свободно продававшихся в магазинах всех, а не только столичных городов, то все это сейчас представляется недостижимой мечтой. О качестве продовольствия я уж не говорю... Конечно, не стоит идеализировать состояние сельского хозяйства тех лет, но все же массовые закупки за рубежом зерна, превратившиеся ныне в общенациональную проблему, начались в 60-е годы.

«Жизнь народа после войны с каждым днем была краше, каждый год было снижение цен, — отмечают в своем коллективном письме читатели из подмосковного города Кашира Михайлова, Демченко, Дмитриева, Любомудрова, Казакова, Сидоренкова и другие, — в магазинах наблюдалось изобилие товаров — как промышленных, так и продовольственных. На рынке мясо продавали по 1 руб. 75 коп. (по нынешнему курсу рубля) за килограмм, корова — через каждый дом, поросенок, куры, овцы, утки, гуси — в каждом доме, свободно можно было купить корм. Большое внимание уделялось общепиту, заботе о простых людях. И все это на деле, а не на словах. А сейчас только и слышишь о все новых дефицитах, в том числе на вещи, недавно бывшие всюду в изобилии». Да, при Бенедиктове в сельском хозяйстве был порядок. Умный и деятельный руководитель, досконально знавший проблемы отрасли, не допускал поспешных и непродуманных решений, которыми столь щедро «одаривали» нас его преемники. Нет, не сталинские наркомы, а хрущевские и брежневские министры довели наше сельское хозяйство до ручки. Если бы те, кто сменил Ивана Александровича на министерском посту, обладали его компетентностью, деловитостью, умели требовать и добиваться намеченного, как он, убежден: полки наших продовольственных магазинов сегодня представляли бы совсем иную картину...

Глубокие знания, деловитость, огромная энергия и сильная воля — этими качествами обладали многие сталинские наркомы. Говорю об этом с полной уверенностью потому, что имею перед собой красноречивые свидетельства компетентных людей, заподозрить которых в личных симпатиях к Сталину и его наркомам невозможно, скорее наоборот. Речь, в частности, идет о писателе А. Беке, в известном романе которого «Новое назначение» на основе большого количества документов и свидетельств очевидцев сделана попытка создать обобщенный образ сталинского наркома. А также известном экономисте, народном депутате Г. Попове, одном из наиболее рьяных критиков «сталинизма», одного из авторов, насколько мне известно, модного ныне термина «командно-административная система».

Г. Попов написал статью о романе А. Бека. В ней говорится и о том, как на заседании Политбюро Онисимов (главный герой романа. — В. Л.) «докладывает прямо, не выгораживая себя. Сталин тоже не нуждается в записной книжке. Он не интересуется успехами. Об уже завоеванном, сделанном ни слова, ни минуты на это. Трудовые заслуги остались даже неупомянутыми. Сталин сверлит только больные места станкостроения: крепления гусеничного башмака, масляный дифференциал, коробка скоростей, серый чугун. Сталин обнажает слабость за слабостью...

Такие же жесткие отношения не только по вертикали, но и по горизонтали... И здесь беспощадность, ничего лишнего, никаких уступок. Мы делаем государственное дело и обязаны его делать. Страна, Сталин требуют сотен и сотен танков, лучших, чем немецкие. А для этого, считает Онисимов, надо выработать лучшую — по мировым стандартам — технологию. Разработать детальные инструкции, дать конкретные задания. А затем заставить всех

подчиненных беспрекословно, точно, строго соблюдать все детали директив, все буквы инструкции. Надо постоянно, неукоснительно заставлять всех контролировать, ловить малейшие промахи, чтобы они не переросли в провалы, подавлять отклонение в зародыше. Вот почему так кричит нарком на мастера в цехе по поводу корочки при разливе стали: эта корочка вписана в инструкцию, без нее качество металла ухудшится.

Культура в работе, технологическая грамотность, четкость в каждой мелочи — вот стиль руководства отраслью. За эту тщательность Орджоникидзе называл Онисимова «немцем». И сам Онисимов воспитывал своих подчиненных в духе строжайшего контроля технологии и качества». «Правдивость — обязательное звено Административной Системы (в устах Г. Попова — ценнейшее признание! — **В. Л.**). Когда в годы войны возникла опасность срыва в выпуске металла, Онисимов лично, никому не поручая и ни за кого не прячась (в отличие от министров вчерашнего и сегодняшнего дня! — **В. Л.**), докладывает об этом в Госкомитет обороны. Он знает, что может стоить ему этот доклад. Но подвести страну нельзя (Г. Попов признает, что Сталину, в отличие от его преемников, надо было говорить в лицо только правду, самую беспощадную и горькую. Запомним! — **В. Л.**). И ему помогли, буквально сняли с фронта солдат. Ему верили: если говорит «не могу», значит, все человеческие силы действительно исчерпаны».

Вот так «бюрократическая» система «сталинизма»! Предав ее анафеме с высоты сегодняшнего «духовного прогресса», Г. Попов тут же, как бы между прочим, признает, что эта «система» была в корне враждебна нынешним бюрократизму, формализму, очковтирательству, беспрерывным совещаниям и заседаниям, парализующим деловую, конструктивную работу на всех уровнях управления. Сталинским наркомам было некогда заниматься обтекаемым словоговорением об «этапах» и «задачах», некогда тратить драгоценное время на банальные сентенции под видом «анализа ситуации». Эти люди работали, делали дело, добиваясь в кратчайшие сроки, казалось, недостижимого.

Не могу отделаться от впечатления, что деловые качества Онисимовых, Бенедиктовых кого-то сильно напоминают. Да что память напрягать — перед нами, в сущности, портрет руководителя современной процветающей американской или японской корпорации! Та же компетентность, та же фантастическая работоспособность, то же умение жестко требовать, контролировать, быстро внедрять перспективную технологию и добиваться высочайшего качества, та же способность смотреть на многие годы вперед... С существенной, правда, разницей: западный бизнесмен работает на корпоративный, частный интерес, на свой карман, а Бенедиктовы — на страну, на народ, что ставит их на два порядка выше. И можно только удивляться «высокоинтеллектуальной» логике и «последовательности» Г. Попова, который, дав в целом глубокую и объективную характеристику бывшего наркома, начинает метать громы и молнии в адрес «закрепощающей личность, ее творческие возможности» Административной Системы. Впрочем, ложная позиция, стремление громче и «ярче» всех откликнуться на конъюнктурный спрос, часто заставляли говорить глупости и пошлости даже очень умных людей...

«Система», которая выдвигает Онисимовых, Бенедиктовых, имеет не только прошлое, но и большое будущее. Хотя бы потому, что позволяет победить бесхозяйственность, безответственность, разгильдяйство, обломовщину, другие наши многочисленные язвы и болячки, вошедшие в плоть и кровь партийных, государственных и хозяйственных деятелей послесталинской эпохи. И самое важное и ценное, что можно взять из прошлого, — систему выявления, роста, продвижения на ответственные посты талантливых людей. Систему, которая была почти полностью разрушена преемниками Сталина, придерживавшимися в кадровой политике совсем иных, далеких от государственных критериев...

«Держава, Родина, коммунизм». Эти высокие слова, прозвучавшие с трибуны 1-го Съезда народных депутатов, невольно вспоминались, когда я слушал людей, близко знавших Ивана Александровича. Сейчас, увы, эти святые для нашего народа понятия пытаются поставить под сомнение, втоптать в грязь. Кое-кто, поддавшись на огульные обличения нашего прошлого в популярных изданиях, задает прямой вопрос: «А были ли у нас в сталинский период порядочные, честные, жившие высшими интересами страны государственные деятели? Или же всех поголовно репрессировали, оставив на министерских постах посредственных, послушных, малоинтеллектуальных исполнителей воли «великого вождя»?»

Нет, не репрессировали. Были и даже преобладали руководители типа Бенедиктова. В опубликованной беседе Иван Александрович говорит о том, что ему приходилось возражать Сталину, защищая свое мнение. «Возражать», однако, мягкое слово. В ряде случаев он шел наперекор сложившемуся мнению вождя и отстаивал свою позицию твердо, не страшась «высочайшего» гнева.

Так было, например, когда Сталин, доверившись одному из своих советников, стал в самом начале 50-х годов склоняться к введению дополнительных налогов в деревне. Вызвав Ивана Александровича, он дал указание провести соответствующие расчеты и высказать свое мнение. Мнение у Бенедиктова сложилось вполне определенное: больше у крестьян брать нельзя, все резервы исчерпаны. И это мнение он отстаивал, чувствуя за собой миллионы тружеников, ослабленную и разоренную войной и послевоенной разрухой деревню...

Или другой пример, на этот раз с Н. С. Хрущевым. Когда Никита Сергеевич организовал помпезную шумиху вокруг Ларионова, первого секретаря Рязанского обкома КПСС, сдавшего в государственный фонд тройной объем годовых поставок мяса, Бенедиктов наотрез отказался ехать в Рязань на чествование «героя», выразив сомнение в реальности его «подвига». И как в воду глядел: вскоре мыльный пузырь ларионовских комбинаций лопнул, и первый секретарь обкома, получивший Звезду Героя, застрелился. А способны ли на такие конфликты нынешние министры?

В беседе, как, наверное, помнят читатели, Иван Александрович сказал о том, что первоначально поддержал Хрущева, вместе с тем охарактеризовав его акции в области сельского хозяйства как «непродуманные», «поспешные», авантюристические». С этой поспешностью и авантюризмом Бенедиктов пытался бороться. С цифрами в руках доказывал он Хрущеву опасность «свертывания» приусадебного частного хозяйства колхозников и рабочих совхозов, выступал против тотальной «кукурузизации» и гигантомании, приведшей к ликвидации «неперспективных» деревень, отстаивал сохранение и развитие в деревне различных форм кооперации. Увы,

Хрущев настоял на своем, к мнению Ивана Александровича не прислушались, а его самого перевели на дипломатическую работу. Сегодня мы знаем, какую цену пришлось заплатить за то, что у руля сельского хозяйства оказались более послушные и менее заботившиеся о народном благе люди...

Слово «мужественный» вполне применимо к Бенедиктову. Отстаивая государственные интересы, он не раз рисковал постом, положением, личным благополучием. Неоднократно его пытались скомпрометировать, фабрикуя доносы о его «вредительской» деятельности. Но, по словам самого Бенедиктова, как утверждают его родственники, Сталин верил ему, а не тем, кто пытался его оговорить.

Подлинно государственный ум, с объективным, широким подходом к делам, умение стать выше личных обид и переживаний, понимание и учет чужой точки зрения, интересов и позиций других людей. Это позволило ему в кратчайшие сроки стать одним из лучших советских дипломатов, которого и по сей день с уважением и благодарностью вспоминают в Индии и Югославии, где он возглавлял наши посольства. В мидовских кругах и сейчас термин «школа Бенедиктова» служит синонимом дипломатического искусства высокого класса, умения отстаивать государственные интересы, приобретая одновременно нашей стране новых друзей.

Показательный факт. Джавахарлал Неру лично просил советское правительство прислать послом в Индию Ивана Александровича, что в международной практике случается крайне редко. А когда в советско-югославских отношениях наметился определенный спад, Бенедиктова направили в эту страну и не ошиблись — он сумел поправить дело.

Бывший нарком отнюдь не идеализировал свое время, хорошо видел его светлые и неприглядные стороны, его героику и его драматизм. Он глубоко сочувствовал людскому горю, переживал, что иногда, несмотря на все свои усилия, не мог помочь людям. Возможно, слова в рассказе И. А. Бенедиктова о колхознице, осужденной за кражу пшеничных колосков, звучат жестоко, а кому-то кажутся и чрезмерно жестокими. По воспоминаниям его родных, которым он тоже рассказывал этот эпизод, Иван Александрович с горечью повторял, что не мог ничего сделать, чтобы защитить ее. Но, с другой стороны, Бенедиктов, и это я хорошо помню, твердо защищал суровые законы предвоенного времени. Впрочем, тот, кто внимательно читал материал, обратил, конечно, внимание, что сам Иван Александрович называет приговор этой женщине «жестоким». В устах наркома, у которого слово никогда не расходилось с делом, это значило много...

На одном из общественных мероприятий к Бенедиктову подошел улыбающийся человек:

— Вы меня узнаете, Иван Александрович?

— Простите, но припомнить не могу...

— А я вас помню отлично, вы ведь спасли мне жизнь...

Марк Иосифович Рейзен, народный артист СССР — а это был именно он, — заболел туберкулезом. Врачи посоветовали ему регулярно, по нескольку раз в день пить парное молоко. Купить же корову в то время горожанину не разрешалось. Обратившись к Бенедиктову, Марк Иосифович сразу же получил необходимое разрешение.

О другом, весьма характерном для Ивана Александровича эпизоде, писала в свое время «Комсомольская правда».

Советский школьник, увлекавшийся изучением Индии, заболел тяжелым психическим расстройством, в результате чего потерял зрение. Врачи рекомендовали подключить к выздоровлению «индийский фактор». Бенедиктов, бывший тогда советским послом в Индии, лично занялся этим делом и быстро наладил переписку индийских ребят с заболевшим. Эмоциональный импульс помог — зрение у паренька восстановилось.

Острое беспокойство за судьбу страны, мучившее его до последних дней, высокая внутренняя культура, рыцарски благородное отношение к женщине — таким был сталинский нарком Бенедиктов. Спрашивается, была ли «антигуманной» система, выдвигавшая людей его типа на высокие посты, развивавшая в них лучшие деловые и нравственные качества?

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда материал готовился к печати, журнал «Огонек» (№ 37) под броским заголовком «Интервью, которого не было» поведал читателям, что никаких бесед с И. А. Бенедиктовым у меня-де не было и что совершен явный подлог, «чтобы реанимировать Сталина и сталинщину». Об этой клевете и говорить бы не стоило, но «Огонек» ввел в заблуждение миллионы читателей. Многие из них, привыкшие верить печати, не ведающие о приемах, которые используют в работе журналисты этого еженедельника, недоуменно разводят руками: как же так?

Письма, содержащие обвинения в мой адрес, подписаны в «огоньковской» публикации племянницей и братом бывшего наркома. Что ж, они вправе высказать свою точку зрения. Послушаем, однако, людей, знавших Ивана Александровича гораздо ближе, постоянно находившихся возле него в последние годы:

«Я встречалась с тов. Литовым, разговаривала с ним по поводу этой публикации и могу совершенно твердо сказать: он действительно встречался с отцом и беседовал с ним по темам, затронутым в интервью. Ни малейшего сомнения в этом у меня не было и нет».

Н. И. Бенедиктова, дочь И. А. Бенедиктова.

«Я также встречалась с В. Литовым по поводу данной публикации. Ни малейшего сомнения в том, что он действительно встречался с Иваном Александровичем и вел с ним беседы по освещавшимся в интервью вопросам, у меня не возникло. Говорю с полным основанием, поскольку близко знала Ивана Александровича в течение многих лет, в последние годы его жизни находилась рядом с ним и была хорошо осведомлена о подлинных умонастроениях, суждениях и оценках этого замечательного человека».

Л. В. Бенедиктова, вдова И. А. Бенедиктова.

Могу добавить к этому, что в архивах Гостелерадио СССР можно легко найти подготовленные мной в 1977—1980 годах передачи о советско-индийском сотрудничестве, в которых использованы интервью и беседы с И. А. Бенедиктовым, переданные за рубеж на многих языках мира. Иван Александрович, кстати, весьма охотно сотрудничал с журналистами, щедро делился с ними воспоминаниями, чему немало свидетелей. Да и сам опубликовал ряд статей,

в том числе мемуарного характера, например, о своей поездке в США в 1959 году. Так что не было у И. А. Бенедиктова никакого предубеждения к беседам и воспоминаниям, как это представлено в «Огоньке». Другое дело, что Иван Александрович несколько раз действительно отказывал в просьбах подготовить книгу воспоминаний, ибо не был уверен в том, что его подлинные высказывания и оценки могли быть в то время опубликованы без купюр.

Авторы письма в «Огоньке» пишут, что сумели добиться встречи со мной. Это, мягко говоря, неточно. Не они, а я добивался такой встречи. И встретился только с племянницей, Галиной Павловной, инициатором и вдохновителем «акции протеста». С братом же наркома, Алексеем Александровичем, не виделись — он человек преклонных лет (92 года), и по ряду причин настаивать на такой встрече было неуместно.

Встречался же я с Галиной Павловной потому, что хотел больше узнать об Иване Александровиче, его характере, гражданской позиции, отношении к людям. Ценную информацию, однако, удалось получить только у его дочери и вдовы, которые бережно и свято хранят память об этом незаурядном человеке. Со стороны же Галины Павловны выслушал только поток оскорблений и угрозы «принять решительные меры». Ни одного возражения по существу, ни одного конкретного примера моей недобросовестности. Сплошное «решительное осуждение» и «гневное возмущение», как будто авторы письма забыли, что прошли времена, когда это считалось вполне достаточным. Казалось бы, уже поэтому редакция «Огонька» должна была насторожиться. Но, увы...

Когда я показал Галине Павловне отклики на беседу с Бенедиктовым, поступившие в редакцию, она заявила буквально следующее: «Это все чернь (!!!). Интеллектуальные люди думают иначе». В устах родственницы человека, посвятившего всего себя без остатка самоотверженному служению этой «черни», простым нашим труженикам, за счет которых, и весьма безбедно, существуют доценты, профессора, академики, подобные слова, мягко говоря, прозвучали вызывающе.

А впрочем, сейчас входит в моду афишировать свои элитарные замашки. Даже с весьма высоких трибун звучат рассуждения о том, что генетический фонд нашего народа «не созрел-де для перестройки».

Меня упрекают в том, что я не пытался связаться с родственниками до публикации. Скажу прямо: если бы все слова и высказывания выдающихся людей приводились только с согласия их родных и близких, у нас не было бы подлинно правдивых воспоминаний.

В. ЛИТОВ

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ОСНОВА НРАВСТВЕННОСТИ

Из писем в редакцию

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МАФИЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНА В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Социальное бытие масс находит свое реальное отражение в порядке и правилах распределения труда и продукта. В динамике условий, порядка и правил получения материальных благ за свой труд должен быть отражен и характер усилий тех, кто реально определял и определяет экономическую политику. В отличие от широковещательной политической риторики, где чаще всего все туманно и расплывчато, в декретированных для масс правилах и порядке получения материальных благ за труд все однозначно. Давайте, приняв за точку отсчета 1929 год, рассмотрим, как менялись условия оплаты труда за 60 лет.

Для объективного сравнения нам требуется ввести единую денежную меру. Это можно сделать, если свести номинальную стоимость денежных единиц разных периодов к денежной единице

1929 года при помощи индекса розничных цен. Используя работы академика С. Г. Струмилина * и материалы по истории цен, можно определить индексы розничных цен за 1929—1987 годы.

Возьмем, например, годовой фронтовой паек 1920 года и определим его стоимость за разные годы, то, оказывается, что в ценах 1929 года он стоил 866 рублей, а в последующем был дороже: в 1940 году — в 15,4 раза, в 1955 году — в 19,7 раза, в 1987 году — в 2,8 раза. Если же учесть, что в наше время резко снизилось качество продовольствия — нитраты, пестициды, добавки крахмала и костной муки в мясные изделия и прочая, и прочая, то фактическое повышение цен в 1987 году будет еще больше — примерно в 4 раза.

Индекс розничных цен на промышленные товары оценить сложнее, хотя бы потому, что шла непрерывная смена сортов, артикулов, моделей. Чтобы не плутать в прейскурантных потемках и исходя из общепринятой посылки, что повышение цен на продовольствие обязательно влечет за собой повышение зарплаты, а последнее — рост цен на все товары, примем в качестве общего индекса розничных цен его уровень для продовольствия. Это, разумеется, грубо, но для определения численных параметров тенденции оплаты труда вполне приемлемо. Используя эти значения индексов розничных цен, рассмотрим, как менялись заработки за период 1929—1987 годов.

Правда, когда мы будем говорить о среднем заработке рабочих после 1929 года, то необходимо помнить, что этот уровень был достигнут за счет того, что сельское население практически было выведено из товарно-денежного обращения, и, таким образом, высокий жизненный уровень одних был основан на обнищании двух третей населения страны. Кроме этого, функционировала огромная лагерная промышленность, производившая продукцию по крайне низким ценам за счет рабского положения ее работников.

До войны месячный заработок рабочих менялся так: 1930 год — 258, 1933 год — 196, 1938 год — 80 рублей **. Как видим, несмотря на закрепощение большей части населения, уровень доходов с учетом роста цен снижался. Зарплата росла медленнее, чем цены. В последующем месячный заработок составлял: 1955 год — 125 рублей, 1975 год — 144, 1987 год — 183 рубля. За 32 года доходы выросли на 46 процентов. На этом фоне особенно впечатляюще выглядят официальные данные о росте реальных доходов — например, в 1986 году они были в 6,6 раза выше, чем в 1940 году.

Хотелось бы также отметить следующий прием, использованный в 1928—1930 годах для обеспечения поддержки рабочими политики геноцида против крестьянства. Несмотря на отсутствие объективных экономических условий, уровень доходов рабочих был резко повышен и в 1,8 раза превышал уровень 1913 года. Посмотрим, как на этом фоне протекала «коллективизация»: 1929 год — 3,9 процента, 1930 год — 23,6 процента, 1937 год — 93 процента общей численности крестьянских дворов. Получив столь ощутимые подачки, рабочий класс «мозолистой рукой» сломал сопротивление крестьян политике порабощения и геноцида. Понятно, что малограмотный и оболваненный массовой пропагандой рабочий не мог понять, что, загоняя крестьян в новые крепостные деревни, он закрепощает и самого себя. Затем данная подачка постепенно была съедена инфляцией, и доход рабочего стал гораздо ниже. Для того чтобы понять, на кого делались и делаются основные политические ставки, стоило бы рассмотреть историю тарифных систем и тарифных ставок. А история тарифных ставок наглядно доказывает, что все последние 60 лет насаждалась уравниловка, проводилась сознательная девальвация высококвалифицированного труда. Подачки же 1929—1933 годов были обусловлены необходимостью обеспечить поддержку политики геноцида против крестьянства. Затем, когда политические цели были достигнуты, рост зарплаты весьма отстал от роста цен.

Проследим, как проводилась политика уравниловки, рассмотрев динамику величины тарифного коэффициента (отношение ставки самого высокого разряда к ставке 1). В 1929 году тарифный коэффициент был равен 4,2. Затем он снижался так: 1933 год — 2,85, 1953 год — 2,31, 1965 год — 1,804, 1987 год — 1.797. Снижение этого коэффициента показывает, что все это время проводилась политика уравниловки. Главная ставка делалась и делается не на стимулирование всемерного роста квалификации работников — как основы будущего внедрения прогрессивных и наукоемких технологий, а, наоборот, на отбивание экономических стимулов к повышению квалификации и обеспечения на этой основе отставания в развитии промышленности. Несмотря на широковещательную риторику, несмотря на высокие решения и постановления, взятый в 1933 году курс на уравниловку и девальвацию квалифицированного труда продолжает править бал и в период перестройки. Различие между чернорабочим и рабочим самой высокой квалификации в 1987 году было сжато до предела — ни опыт, ни знания, ни талант практически ничего не весят на весах псевдонаучной тарификации. Подобная политика в области оплаты труда закономерно вырабатывает психологию поденщины, психологию рвача. И несмотря на осуждение психологии поденщины практически со всех трибун страны, политическая ставка на люмпенов технического прогресса, на наиболее отсталую часть рабочего класса осталась в неприкосновенности и по сей день.

Вместе с тем, выраженная в тарифных сетках девальвация квалифицированного труда — это лишь одна сторона медали. Тариф — тарифом, но ведь сдельщик получает в зависимости от количества и качества своего труда. Следовательно, определяющим моментом являются не тарифы сами по себе, а единичные расценки на те или иные виды работ. В связи с этим давайте проследим, как менялись требования к интенсивности труда на примере двух категорий занятых — люмпена прогресса (чернорабочего) и каменщика V разряда.

Для чернорабочего в качестве характерной работы возьмем подноску 1000 штук кирпича (весившего в 1929 году 3,35 тонны) на расстояние 85 метров. В 1929 году на эту работу выделялось 9 часов и стоила она 6,37 рубля *. Затем имело место следующее: ** 1933 год — 5,2 часа и 3,45 рубля; 1953 год — 8 часов и

* Струмилин С. Г. Избранные труды Т. I—II. АН СССР, 1963.

** Здесь и в последующем все данные приводятся в номинале денег 1987 года.

* Нормы выработки и расценки на основные строительные работы. Воронеж, 1929.

** Нормы в графиках расхода рабочей силы материалов и рас-

1,9 рубля; 1965 год — 11,2 часа и 5,6 рубля; 1987 год — 15,8 часа и 7,86 рубля. Нетрудно видеть, что после резкого повышения интенсивности труда в 1933-м все последующие годы требования к интенсивности примитивного труда неуклонно снижались. По сравнению с 1929 годом интенсивность примитивного труда в 1987 году была снижена на 76 процентов, а его стоимость повышена на 23 процента. Стало быть, несмотря на требования доперестроечной политэкономии, объявившей примитивный труд мерой всех вещей, и его стоимость подвержена колебаниям. А как же обстоит дело с квалифицированным трудом?

В качестве примера квалифицированного труда возьмем кладку кирпичных стен средней сложности под штукатурку, в расчете на 1 кв. метр стены толщиной в 1,5 кирпича. В 1929 году на эту работу отпускалось 4 часа и стоила она 4,06 рубля. В дальнейшем требования к интенсивности менялись так: 1933 год — 1 час и 1,2 рубля, 1953 год — 0,87 часа и 0,25 рубля; 1965 год — 1,48 часа и 0,99 рубля; 1987 год — 1,52 часа и 1,13 рубля. Отсюда наглядно видно, что в отличие от примитивного труда, начиная с 1933 года, неуклонно проводилась девальвация квалифицированного труда. Самый резкий скачок в требованиях к интенсивности квалифицированного труда был в 1933 году, когда она была повышена в 13,5 раза (в 4 раза за счет нормы времени и 3,4 раза за счет снижения расценки). С тех пор эта тенденция не менялась, сохранившись и во время перестройки. Неуклонное снижение часовой стоимости квалифицированного труда — особенно в сравнении со стоимостью примитивного — искореняло стремление к повышению квалификации, обеспечивая отставание в области передовых технологий. Наряду с этим в тарифной системе 1933 года проявилась вполне определенная политическая ситуация.

В связи с успешным проведением широких политических репрессий против крестьянства к 1933 году на стройки в достаточном количестве поступила дешевая рабочая сила, с которой можно было не церемониться. Поэтому стало возможным резко снизить расценки, поиграв на словах в повышение тарифов. Тем самым снижался и жизненный уровень, так как для сохранения достигнутого уровня работать требовалось гораздо больше. Вместе с тем сохранялась политическая необходимость иметь опору в рабочей среде. Требовалось также выполнить требование экономического раскола рабочих, чтобы предотвратить возможность их объединенного выступления. Стало быть, нужно было заигрывать с «темной массой». Другое дело квалифицированная прослойка, которую также требовалось «раскулачить», «коллективизировать», скрутить заботами о пропитании семьи. Здесь, как и в деревне, нужно было все сломать коренным образом. Именно это и прослеживается в пропорциях роста требований к интенсивности труда — для люмпенов она была повышена в 3,2 раза, а для спецов — в 13,5 раза. И при всех дальнейших «научных усовершенствованиях» систем оплаты труда политическая ставка на «мозолистую руку» люмпенов прогресса оставалась в неприкосновенности. Ничего не изменилось и в 1987 году. И, наверное, не случайно наряду с повышением стоимости труда люмпенов были сняты и ограничения на продажу водки — как поется в известной песенке: «Была бы водка, а к водке глотка...»

Однако только разнонаправленными требованиями к повышению интенсивности примитивного и квалифицированного труда методы обсчета рабочих не исчерпываются. Есть и иные «нюансы». С целью их вскрытия рассмотрим, как менялся межразрядный коэффициент (отношение тарифной ставки последующего разряда к предыдущему). Понятно, что в правильно построенной тарифной системе, ориентированной на стимулирование роста квалификации работников, межразрядный коэффициент должен возрастать. А что же было и есть на практике?

В 1929 году «нюанс» состоял в том, что равномерное повышение тарифных ставок шло до V разряда (уровень землекопов). Затем для VI—IX разрядов межразрядный коэффициент снижался от 1,2 до 1,1. Значит, меньше всего возрастали ставки для наиболее распространенных квалифицированных работ. За счет этого обсчета соответственно снижались расходы на зарплату. Значит, еще до 1929 года в области тарификации была сделана ставка на мелкий обман и подлоги в расчете на общую безграмотность (старую интеллигенцию к тому времени либо выбили, либо упрятали по концлагерям). Согласитесь, что здесь проявляется не логика и мораль строителей нового общества и даже не логика капиталистической буржуазии, а логика и мораль мелкого провинциального лавочника, делающего мелкий гешефт на обвесах и обсчетах. В последующих тарифных системах межразрядный коэффициент сохранялся постоянным, уменьшаясь пропорционально общему уменьшению тарифного коэффициента. Но вот в тарифной системе 1987 года мы с удивлением можем обнаружить повторение «нюанса» 1929 года, когда искусственно снижается межразрядный коэффициент для наиболее распространенных квалифицированных работ. Например, если бы в тарифной системе 1987 года был хотя бы сохранен принцип равенства межразрядного коэффициента, то дневные ставки были бы несколько выше: для III разряда — на 38 копеек, для IV — на 42 копейки и для V — на 28 копеек. Это внешне мизерное отличие в разрезе промышленности и капстроительства позволяет тем не менее экономить на зарплате — в 1987 году рабочим промышленности недоплатили 3, а рабочим строительства — 1 миллиард рублей. И вновь, как и в 1928—1929 годах, в этой практике мелкого обмана и обсчета видна мораль все тех же мелкотравчатых лавочников, норовящих урвать с ближнего лишнюю копеечку.

Чисто политическая опасность повторения этой практики мелкого обсчета в том, что искусственное создание «мозолистой руки» из люмпенов прогресса при одновременной ставке на обнищание квалифицированных рабочих само собой приведет к провалу планов ускоренной модернизации народного хозяйства на основе широкого использования достижений НТП. Провал планов потянет за собой несбалансированность бюджета и рост инфляции. Связанное с этим снижение жизненного уровня — и в первую очередь наиболее квалифицированных работников — вызовет широкое политическое недовольство. Это все само собой разумеется. Однако, когда разовьются эти процессы, то уже будет сформирована эта самая «мозолистая рука» из люмпенов, при помощи которой кто-то еще раз планирует свернуть шею стране

ценок для стандартного жилсоцстроительства. Госстройиздат. 1933. Гипросельстрой. Нормы времени и расценки на общестроительные работы. Киев. 1953. Единые нормы и расценки на общестроительные работы. М., 1965.; М., 1987.

и загнать ее в очередной — и последний — раз в смирительную рубашку новых концлагерей. Вот тот реальный политический курс, который высовывает свои уши из «новой» тарифной системы, введенной в разгар дебатов о «гласности и демократии». Здесь напрашивается отступление в связи с сегодняшними дискуссиями о политической природе сталинизма.

Дело в том, что Сталин заведомо не мог владеть методами мелких лавочников, которые приобретаются либо в результате длительной практики, либо при специальном изучении специфических методов нормирования в сочетании с практикой. Значит, можно предположить, что не он в 1928—1929 годах продумал рассмотренную практику обмана и обсчета квалифицированного труда и не он изобрел экономическую ставку на «мозолистую руку» люмпенов прогресса. Лишнее тому подтверждение — точное повторение этого метода в 1987 году. Так кто же тогда планировал и рассчитывал геноцид «коллективизации» задолго до того, как международная общественность начала петь дифирамбы и возводить культ Сталину? И кто же это сегодня дал команду повторить этот метод обесценивания квалификации и усиления курса на уравниловку? Это все далеко не праздные вопросы. За ними стоит глобальный для нашего общества вопрос о действительных центрах реальной экономической власти. Ясно, что не ЦК и не Совмин владеют этими важнейшими рычагами. А стало быть, не они ведут, а их ведут. Куда и кто? — вот в чем вопрос.

Перейдем теперь к анализу реальной практики. Посмотрим, как отразились в ней многолетние усилия по насаждению уравниловки и обесценивания квалифицированного труда. Возьмем справочник по труду* и сравним уровни оплаты в 1985 году в зависимости от вида и разряда работ (руб. в месяц): бетонщик IV разряда — 238, экскаваторщик VI разряда — 284, монтажник V разряда — 281. Нетрудно видеть, что уровень квалификации не оказывает существенного влияния на уровень заработка, который нивелируется к некоему среднему уровню.

Вместе с тем здесь есть еще один аспект. Месячная тарифная ставка рабочих IV, V, VI разрядов по сетке 1965 года составляла 115, 129 и 145 рублей соответственно. Для того чтобы получить больше, требуется перевыполнять нормы выработки. Значит, все бетонщики перевыполняли нормы на 216 процентов, бульдозеристы — на 174 процента, монтажники — на 218 процента. Согласитесь, что подобный уровень перевыполнения, да еще в столь массовом масштабе, принципиально невозможен. Значит, имеет место массовое «подкручивание» зарплаты до некоторого приемлемого уровня, когда рабочие не бегут со строек. «Подкручивание» зарплаты, в свою очередь, разлагает производственную дисциплину, удручающе действует на качество работ и окончательно рвет связи между конечным результатом и заработком. С другой стороны, чтобы «подкрутить» зарплату, нужно иметь объем выполненных работ (то есть затрат). Отсюда непрерывный рост незавершенки, достигшей в 1987 году 78 процентов от объема капвложений. Таким образом, строитель живет за счет будущего — чтобы «подкрутить» сегодня, он берет в долг с того, что он должен сделать завтра. Значит, один из важнейших корней незавершенного производства находится в тарифной системе, в которую, начиная с 1933 года, неизменно закладывался курс на уравниловку и обесценивание квалифицированного труда. И вот за эту примитивную «мудрость» мелких провинциальных лавочников, попросту надувших исторического «диктатора» на незнании «арифметики» профессионального нормирования и его специфических методов, общество расплачивалось и будет платить и впредь огромными экономическими потерями, разрушением экологии и социально-политического сознания масс. И, несмотря на грозные предупреждения науки и общественности о надвигающейся экологической катастрофе, Госкомтруд своей новой тарифной сеткой утверждает, что цели остаются прежними — вновь основная политическая ставка делается на «мозолистую руку» люмпенов прогресса, на усиление уравниловки, на дальнейшую девальвацию квалифицированного труда.

* Госкомстат СССР. Труд в СССР. М., 1988.

С другой стороны, сохраняется высокий уровень примитивного труда в народном хозяйстве, сохраняется практика привлечения «лимитчиков», сохраняются прежние принципы распределения. Не означает ли это, что ставка, как и в 1929 году, в 1965 году сделана на подготовку социальной почвы для очередного поворота к пост-политическому насилию над разумом и прогрессом? Именно поворота к тому, что в разные времена нашей новейшей истории принимало самые различные личины — «военный коммунизм», «коллективизация», «сталинизм», «волюнтаризм», релятивизм... — имевшие, однако, общий знаменатель. Этим знаменателем все это время являлось экономическое принуждение к деградации — деградации социальной морали, стремления к честному и инициативному труду, стремления быть гражданином своего Отечества. Но в этой, ставшей традиционной, ставке на наиболее темную и отсталую часть трудящихся сегодня есть и новые «нотки». Сегодня появились такие опасные тенденции, которые были заведомо исключены последние лет 50. Речь идет о многочисленных попытках распродажи земель иностранным государствам, широкого стремления к привлечению западного капитала, желания раздать самые богатые регионы в концессии. Наметившаяся широкомасштабность этих явлений уже не просто настораживает, она доказывает, что в стране есть сила, норовящая стремление общества к обновлению превратить в движение в колониальное рабство. Что это за сила? В статье автора (Кто кого содержит? «Социалистическая индустрия», 14.01.89) было показано, что в стране орудует экономическая мафия, грабящая общество ежегодно на многие десятки миллиардов рублей. Например, в 1986 году «испарилось» товарной продукции группы «Б» на 65—70 миллиардов рублей. Кроме этого, через систему розничной торговли «выплыло» 16,5 миллиарда рублей «левых» денег, которые никому не выплачивались через кассы. Достоверность этих данных была недавно подтверждена «Правительственным вестником» (Булгаков В. Теневая экономика. № 8, 1989 г.), где сказано, что подпольный оборот составляет 100—150 миллиардов рублей. Вот это и есть та реальная экономическая сила, направляющая сегодня экономическими процессами и делающая ставку на искусственное создание потребительских катаклизмов, чтобы на мутной волне потребительского недовольства прорваться к политической власти. Понятно также, что подпольные миллиарды рвутся к политической реабилитации любой ценой. И если за это требуется заплатить экономической и политической независимостью России, если для этого требуется всю страну сдать в

концессии, если для этого вновь требуется развязать широкие политические репрессии, то все это заведомо приемлемо. Наиболее полно это стремление награбленных подпольных миллиардов к политической реабилитации выражено в желании немедленно ввести конвертируемость рубля. Если исходить из трезвых экономических расчетов, то ведь совершенно ясно, что при слабости нашей группы «Б», при отсутствии насыщенности потребительского рынка, при неразвитости инфраструктуры услуг введение конвертируемости рубля эквивалентно распродаже Отечества с молотка на международном аукционе. Однако находится достаточное число «оракулов», пропагандирующих, что конвертируемость рубля есть высшее благо и единственное средство для спасения экономики. Разумеется, подпольные миллиардеры готовы платить и по 100 тысяч рублей за печатный лист, лишь бы обеспечить свою политическую реабилитацию, но разве не ясно, что нарастающий потребительский хаос создан искусственно и что за этим стоит экономическая мафия? Если связать воедино подпольные миллиарды, ставку на обсчет рабочих и обесценивание квалифицированного труда, заложенных в «новую» тарифную систему, с кампанией повышения розничных цен, то яснее ясного, что повышение цен на продовольствие должно было вызвать в стране столь вожделенный для подпольного бизнеса социально-политический хаос. Используя ситуацию, когда традиционные политические институты не могут контролировать положение, подпольный бизнес рассчитывал захватить все рычаги власти. Пока эти расчеты не оправдались, но от этих планов также не отказались, сочетая усиление потребительского дефицита с раздуванием межнациональных противоречий в республиках. Так как же нам ликвидировать эти миллиарды?

Если перейти к широким репрессиям против подпольного бизнеса, то результатом будет создание огромной лагерной экономики. Значит, нужно найти способ его ликвидации мирными экономическими средствами. Впервые этот подход был мной изложен в марте 1969 года в письме в ЦК — кратко повторю суть.

Ни один вор, какую бы продукцию он постоянно ни воровал, в этой продукции не нуждается. Во всех случаях он будет стремиться осуществить цикл «товар — деньги — товар». Как показала практика, у общества нет реальной возможности перекрыть все каналы хищений, злоупотреблений, взяточничества (и пр.). Однако у общества есть легко реализуемая возможность перекрыть каналы превращения «товар — деньги — товар» тогда, когда за этим стоят неправедные дела.

Процедура состоит в следующем. Все предприятия данного региона распределяются по сберкассам (при необходимости их число увеличивается), где каждому работающему открывается лицевой счет. На предприятии каждый получает, помимо трудовой, еще и специальную сберчековую книжку, в которой бухгалтерия проставляет сумму, перечисленную работником на свой счет. Сберкасса, подтверждая достоверность суммы, делает спецотметки на чеках. Чековая книжка выдается лишь по месту основной работы, и все другие источники доходов, которые работник желает обратить в накопления, перечисляются через его основную работу. В этом состоит реформа денежного обращения, которая в целях перекрытия каналов использования награбленного, дополняется реформой товарного обращения.

Все товары длительного пользования и повышенного спроса стоимостью, скажем, выше 150 рублей продаются только по чекам. При этом вводится специальный порядок продажи дорогих вещей — допустим, все товары стоимостью выше 500 рублей должны оплачиваться одним чеком. Спекуляция же сберчеками, в отличие от имевшей место спекуляции валютными чеками, лишена экономического смысла. Нет необходимости детализировать процедуры. Весьма детальная проработка этой концепции была в 70-е годы проведена академиком В. М. Глушковым и опубликована в 1977 году.

Если эту реформу денежного и товарного обращения дополнить требованием смены формы (но не номинала) денег, то яснее ясного, что автоматически исчезают все подпольные кубометры денег, рассыпаются уголовные связи, прекращаются рэкет и наркобизнес, исчезает взяточничество. Становятся бессмысленными грабежи, квартирные кражи и даже воровство сберчеков. Разумеется, есть и некоторые минусы, но они не имеют общественно значимого характера.

Понятно, что ничего, кроме стремления защитить интересы награбленных миллиардов, не мешает нашей научной экономической элите внедрить эту систему.

Ю. БРОВКО,
инженер

ПРОСТОТА — ХУЖЕ ВОРОВСТВА

Народный депутат Н. П. Шмелев на I Съезде народных депутатов СССР предложил развернутую программу исправления экономического положения страны. Выступление известного публициста сопровождалось аплодисментами. Очевидно, создалось впечатление, что Н. П. Шмелева искренне беспокоит неизбежный экономический крах СССР, если срочно не предпринять эффективные меры.

Что же предлагает нам народный депутат от Академии наук СССР, той самой, которая, с одной стороны, прославила отечественную науку многими замечательными открытиями и научными подвигами, а с другой — в настоящее время не в состоянии обеспечить научно-технический прогресс в стране грамотными научными разработками, несмотря на сильное увеличение числа «мудрецов», удостоенных высших академических званий: «отличилась» нелепым награждением генетики, кибернетики, теоретической органической химии политическим ярлыком буржуазных, то есть вредных наук и тем сильно затормозила развитие этих наук в нашей стране; растеряла свой авторитет поддержкой разорительных и разрушительных гигантских природопреобразующих проектов, вредоносной «теории» бесперспективных деревень, испытанной на территории Российской Федерации и т. д.? Может быть, в рамках экономической науки мы получим наконец образец научного подхода к реально существующей проблеме, всенародной беде?

Внимательное прочтение текста выступления Н. П. Шмелева разрушает до основания первое впечатление, которое кое у кого сложилось при восприятии его программы на слух. Выступление

его полно противоречий, голого эмпиризма, бездоказательности.

Уже в самом начале своего выступления Н. П. Шмелев сказал, что его «как экономиста не очень беспокоят долгосрочные перспективы нашего развития», потому что, «перепробовав... все мыслимые и немыслимые способы организации экономической жизни» (это ли не эмпиризм, метод проб и ошибок, в данном случае чрезвычайно дорогостоящих!), «мы не можем не выйти на ту дорогу, которую в 20-х годах, в последние два года своей жизни, определил и в базовых своих идеях разработал Владимир Ильич Ленин»... «не вернуться на эту дорогу мы просто не можем — у нас нет никакой другой альтернативы». Спрашивается, если единственно правильная дорога к счастью известна, то зачем нужно пробираться к ней, плывя множеством способов против течения, выбиваясь из сил? Но главное, этот здоровый оптимизм Н. П. Шмелев несколькими строчками ниже сам же и разбивает. Он говорит: «Я решаюсь высказать здесь опасения, что, если мы не остановим нарастающие как снежный ком инфляцию, распад потребительского рынка, чудовищный, рекордный в мире... бюджетный дефицит, мы в пределах двух-трех лет можем столкнуться с экономическим крахом». Из этой фразы следует, что Н. П. Шмелев считает вероятным экономический крах нашей страны, после которого, очевидно, уже невозможно себе представить хэппи-энд на отдаленную перспективу. Откуда же у него исходный оптимизм? Или ему как ученому-экономисту безразличен любой исход нашей борьбы за существование? Или же его программа и есть та единственно правильная ленинская дорога? Нет возможности проанализировать все позиции программы Н. П. Шмелева, но и те ее основные моменты, которые будут здесь рассмотрены, достаточно убедительно показывают, что к Ленину мысли Н. П. Шмелева не имеют никакого отношения.

Чтобы замедлить распад потребительского рынка и остановить инфляцию, обесценивание денег, Н. П. Шмелев предлагает выманить деньги у населения (150 миллиардов рублей) путем разового импорта потребительских товаров на сумму 15 миллиардов долларов. Разность сумм, по всей видимости, указывает на государственную спекуляцию заморскими товарами. Это еще куда ни шло, раз речь идет об «опасности краха». Но где взять валюту? Николай Иванович Рыжков знает, что таких денег в стране нет. Н. П. Шмелев решительно с ним не соглашается и указывает на три источника поступления валюты: международная торговля зерном и мясом как «первый источник колоссальной экономии валюты», временное прекращение импорта оборудования, которое мы все равно еще не научились своевременно устанавливать и эффективно использовать, и финансирование наших интересов в других странах. Всякому непредубежденному человеку должно быть ясно, что торговать зерном и мясом наша страна не может: невозможно продать то, чего у нас нет, преступно торговать тем, чего нам не хватает самим. Нельзя же уподоблять вашу экономику тришкиному кафтану! Ведь если торговать продовольствием, то продовольственная ситуация в стране, и так далекая от идеальной, сильно ухудшится, недовольство народа вырастет многократно. Возможно, стиральный порошок и появится в свободной продаже, но с прилавков магазинов исчезнет хлеб, а мясо — даже из рабочих столовых и ресторанов.

Н. П. Шмелев уговаривает Н. И. Рыжкова затянуть страну в

долговую петлю, уверяя, что ничего страшного в этом нет, что все живут в долг. Но разве наши средства массовой информации нас дезинформируют систематически, сообщая нам о долговом закабалении развивающихся стран, которые вынуждены теперь тратить значительную часть своих бюджетов на оплату только процентов по долгам?! Разве не ясно, что эта мера даст обратный эффект, то есть увеличение бюджетного дефицита?! Неужели нас ничему не научил близкий нам пример Польши?!

Высказываются предложения, как сказал Н. П. Шмелев, «конфисковать лишние деньги у населения». Эту интересную мысль Н. П. Шмелев с жаром искажает, драматизирует положение. Авторы таких предложений исходят из известного факта имущественного неравенства членов нашего «социалистического» общества: на одном полюсе — нарастающие вследствие инфляции и несправедливости массы людей, которые не обладают средствами для истинно безбедного существования, то есть не имеют даже нашего скромного прожиточного минимума; на другом же полюсе — советские миллионеры, которых, оказывается, в нашем «социалистическом» государстве даже больше, чем, скажем, в США! Ясно, что процесс имущественной дифференциации однозначно свидетельствует о неблагополучии в стране с любым социальным устройством, будь то капитализм или социализм. И если бы нам удалось договориться с Соединенными Штатами Америки о взаимном сокращении этого вида «оружия массового поражения», то наша страна могла бы позволить себе длительное одностороннее «разоружение».

Ясно, что лишними деньгами в нашем обществе располагают именно миллионеры, а не основная масса откровенно бедствующего населения, может быть, и располагающего скромными трудовыми накоплениями, но лишь на всякий «пожарный» случай (похороны, свадьба и т. п.). Было бы справедливо в трудные для судеб страны времена использовать нетрудовые накопления советских миллионеров для преодоления экономических трудностей, ими же и созданных. Денежная реформа, разумно организованная (опыт есть!), могла бы вернуть в бюджет страны огромные средства, награбленные акулами «теневой экономики» и махинаторами.

Однако Н. П. Шмелев с такой страстностью выступает против этой акции, заслуживающей как минимум внимательного изучения, как если бы он опасался за собственные миллионы!

«С этой трибуны я хотел бы обратиться... к главному редактору «Правды» Виктору Афанасьеву. Спросить его и редколлегию, о чем они думали, когда опубликовали статью Чекалина, в которой «Правда» в открытую призывает отнять лишние деньги у населения. Воистину никакое ЦРУ, никакой классовый враг нам не принесет столько вреда, сколько мы по собственной... неразумности можем нанести сами себе». И далее Н. П. Шмелев запугивает депутатов Съезда якобы неизбежным исчезновением с прилавков магазинов мыла, соли, спичек, будто сейчас с ними перебоев нет. Будто акулы «теневой экономики» будут вкладывать свои миллионы в закупки огромных количеств этих дешевых товаров. Пугает тем, что конфискация денег подорвет настроение и доверие людей (читай, миллионеров) к перестройке. Видимо, предложение Чекалина попало в самое «яблочко», а Н. П. Шмелев объективно выступил здесь в роли адвоката не

лучшей — в нравственном отношении — группы советских людей.

Н. П. Шмелев справедливо, конечно, отмечает, что наш бюджетный дефицит за последнее время резко возрос и достиг 100 миллиардов рублей. По мнению правительства, это явилось следствием нарастания выплат незаработанных денег, превышения темпов увеличения зарплаты над темпами роста производительности труда. Немалую роль в этом сыграло лавинообразно нарастающее кооперативное движение, та его значительная, в сущности преступная часть, единственной целью которой является зарабатывание денег любой ценой, вплоть до откровенной спекуляции готовой продукцией.

Н. П. Шмелев не согласен с этим. У него на сей счет свое мнение (на дворе плюрализм, как-никак!). Это, во-первых, уже не раз вспоминавшаяся здесь абсолютно неквалифицированная акция с продажей алкогольных напитков. Это была благородная акция, но, как говорится, простота нередко бывает хуже воровства. И с благородными целями мы нанесли колоссальный ущерб равновесию рынка и равновесию бюджетного дефицита. Вот так — элементарно — депутат Н. П. Шмелев расправляется с известным постановлением партии и правительства 1985 года «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», лучшим за весь послеленинский период нашей истории, выстраданным партией и народом. Простачки, стало быть, его подготовили и навязали нам, да такие, что хуже воров! Значит, водочка во всем виновата, но не то, что она ядовита, а то, что ее мало стали выбрасывать на потребительский рынок; значит, водочка и стабилизирует экономику социалистического государства! По Ленину, социализм и алкоголь несовместимы, а по Н. П. Шмелеву, социализм без алкоголя непременно потерпит экономический крах!

Депутату Н. П. Шмелеву и дела нет до того, что один пьяный рубль, заполученный в бюджет, несет с собой прямых и косвенных убытков на 3—5 рублей: ему неизвестно, что чем больше пьет народ, тем беднее становится государство! Будто в этом отношении между семьей и государством есть принципиальная разница! Н. П. Шмелеву, видимо, неизвестно, что чем больше труд советских людей оплачивается копеечным по себестоимости алкоголем, тем больше наших граждан погибает от болезней, связанных с употреблением этого наркотического яда. В настоящее время наши ежегодные людские потери от алкоголя вновь подскочили чуть ли не до одного миллиона человек! Может быть, в нашем народе есть лишние люди и их нужно убивать алкоголем? Неужели Н. П. Шмелев не знает, что «кровь людская — не водица»?

Н. П. Шмелеву, видимо, нет дела и до того, что алкоголь снижает умственные возможности отдельного пьющего человека и интеллектуальный потенциал всего пьющего народа: рабочих, крестьян, инженеров, творческой интеллигенции, ученых, включая и экономистов.

Кому выгодна позиция Н. П. Шмелева и тех народных депутатов, которые на Съезде ему аплодировали? Конечно же, бизнесменам от алкогольной торговли, ведущим необъявленную химическую войну против своих соотечественников во имя сверхприбылей. Значит, **объективно** Н. П. Шмелев выступает их адвокатом. Отсюда и алкоголизаторская аргументация. Он утверждает, что ограничение продажи спиртного ведет к росту самогоноварения (хотя известно, что самогоноварение характеризует в большей степени пьяную экономику, нежели трезвую), и аргументирует это известной нехваткой сахара. Однако пресса сообщает, что самогоноварение в стране в эти годы не росло, а неуклюжие махинации с торговлей сахаром уже никого не могут обмануть. Н. П. Шмелев указывает также на рост токсикомании, что также сомнительно, но, во всяком случае, людские потери от нее неизмеримо меньше, чем от алкоголя: противно же пить клопомор и закусывать ваксой!..

По Марксу, основной причиной пьянства является доступность алкоголя, торговля им. Но у Н. П. Шмелева и здесь свое, правда, не оригинальное, мнение: «Люди пьют от тоски, от лжи и от безделья». Спрашивается, но кто заставляет экономистов лгать народу!

Заметим, что в первом квартале 1989 года советский народ справился с 400 миллионами литров водки, выброшенных торговой сетью на потребительский рынок («Правда» от 23 апреля 1989 года). Производство и продажа водки в стране интенсивно наращиваются. Но допустим, что уровень, достигнутый в первом квартале, сохранится до конца года. Тогда в 1989 году мы одолеем 1,6 миллиарда литров водки, содержащих 640 миллионов литров чистого спирта. Из одного килограмма зерна (ржи или пшеницы) получается около 0,3 литра спирта; на изготовление 640 миллионов литров спирта уйдет 2,1 миллиона тонн зерна. Так как в стране нет лишнего зерна, то для обеспечения народа хлебом зерно приходится закупать в капиталистических странах по 200 долларов за тонну (из выступления Н. П. Шмелева на Съезде). Поэтому всенародное алкогольное застолье обходится нам в кругленькую сумму: более 400 миллионов долларов. Для наглядности отметим, что на отравление своего народа государство наше ежегодно затрачивает многие тонны золота. Что это, если не **экономика сумасшедшего дома?** И это при большом числе самоуверенных шмелевых, которыми располагает наша страна! Надолго ли хватит нашей пьяной экономике золотого запаса страны? И что наступит раньше: исчерпание золотого запаса или необратимая дебилизация народа, от которой уже теперь мы отстоим на опасно малой дистанции?

Но главное, почему экономисты-профессионалы не раскрывают нам глаза на эти угрожающие ситуации? Как может народный (?) депутат выходить на трибуну Съезда и призывать «вернуться к нормальной торговле спиртным»? Вернуться к проклятым народом застойно-запойным временам брежневщины! И земля не разверзлась под ногами Н. П. Шмелева?! Напротив, раздались аплодисменты.

Нет, товарищ Шмелев, не выйдет! Если уж возвращаться, то значительно дальше, к ленинскому декрету от 19 декабря 1919 года, коим строго запрещалось производство и продажа крепких спиртных напитков (крепче 2 градусов!) на всей территории Советской России, а расходование пищевых продуктов на изготовление самогонки каралось осуждением на срок до 5 лет с конфискацией имущества, а не жалким штрафом в несколько сот рублей, как теперь.

В 1925 году ЦК ВКП(б) под руководством И. В. Сталина принял ошибочное решение **временно** приостановить действие ле-

нинского декрета. Была разрешена торговля водкой («рыковкой») и другими спиртными «напитками». Возродилось и самогоноварение, которое легче скрыть, если водка есть в продаже...

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев мужественно принял на свои плечи тяжкий груз прошлого: культа личности, волюнтаризма, застоя и объявил последствиям этих режимов войну, призвал к перестройке, к реставрации подлинного социализма, заботе о труженике. Было бы в высшей степени справедливо, если бы именно М. С. Горбачев в отличие от Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, лично находивших «вкус» в вине, нашел в себе достаточно мужества для возобновления действия ленинского декрета, обещанного советскому народу Центральным Комитетом ВКП(б) — КПСС.

По своей поражающей силе алкоголь сравним с боевым химическим оружием массового поражения, а поскольку его действие усиливается многими лекарствами, то именно — бинарным боевым химическим оружием массового поражения, обращенным против собственного народа. Советский Союз имеет реальный шанс завоевать всеобщее уважение, призвав человечество включить алкоголь в число боевых отравляющих веществ, варварского оружия массового поражения, подлежащего запрету и уничтожению. Можно утверждать, что перестройка, в которой заинтересовано все человечество, невозможна без отрезвления.

Таким образом, программа Н. П. Шмелева не выдерживает критики. Ее принятие и реализация приведут к быстрой алкогольной дебилизации народа и окончательному обнищанию страны. Эти экономические ловушки не делают чести и славы Академии наук СССР, делегировавшей Н. П. Шмелева в Совет народных депутатов СССР. Невозможно себе представить, чтобы это были просто заблуждения Н. П. Шмелева, имея в виду его высокую квалификацию, но пусть будет так. Но почему с позиций Н. П. Шмелева безоговорочно согласился академик Л. И. Абалкин, избранный Верховным Советом СССР заместителем Председателя Совета Министров СССР по экономической реформе, в статье под многозначительным названием: «Думать о дне завтрашнем» («Правда» от 13 июня 1989 года)? Грустные мысли о ближайшем будущем приходят на ум, когда внимательно изучаешь выступление Н. П. Шмелева на Съезде и статью Л. И. Абалкина, да и выступления многих других экономистов. Создается впечатление, что разумных программ у советских экономистов, являющихся советниками правительства и во времена застоя (см. статью Л. И. Абалкина), и в период перестройки, по существу, нет, и обещание «медленного постепенного, но нарастающего улучшения экономической ситуации» не имеет под собой реальной почвы, воспринимается как очередной обман, байка, призванная сыграть роль обезболивающего средства. Становится очевидным, что группа экономистов, занимающих «командные высоты» вокруг правительства, уже выдохлась, исчерпала свои «боеприпасы».

В самом деле, за советский период нашей истории было опробовано великое множество самых разнообразных попыток стимулировать социалистическую экономику, но ни одна из них не дала решающего эффекта, коренного перелома. В чем же дело? Неужели социалистический путь развития вообще тупиковый? Уверен, что нет, потому что учение о социализме, о плановости развития всего народного хозяйства страны в интересах всего народа глубоко верно.

Остается предположить, что в механизм социалистической экономики попал некий песок, балласт, нечто чуждое социализму. Это как с часовым механизмом: если он чист, то часы ходят как в аптеке; если же в него попадает песок, то никакая переделка механизма не поможет. Только чистка!

Экономическое положение страны сейчас настолько сложно, что решение проблем может быть достигнуто только на строго научном фундаменте, усилиями всех экономических школ, а не голого эмпиризма и не усилиями одной экономической «гильдии». Срочно требуется ротация экономистов-советников при правительстве, то есть при лицах, принимающих самые ответственные решения. А это означает, в свою очередь, что необходимо стремиться к достижению истинного конституционного равноправия всех народов страны, добиваться пропорционального представительства наций, народностей и этнических групп, проживающих в СССР, во всех сферах народного хозяйства, и в первую очередь — в творческих. На родине Н. Н. Миклухо-Маклая не может считаться разумной концентрация лиц той или иной национальности, как якобы более способной в таких важных сферах, как управление, наука, медицина, культура и т. д. Нетрудно понять, что такая концентрация неизбежно ведет к монополизации влияния отдельных национальных групп в этих важных сферах и к снижению уровня деятельности в них.

Сейчас требуется мобилизация всех здоровых сил общества при уменьшении до нормы влиянии крикливого «демократического» или «радикального» меньшинства, которое настойчиво тянет страну к капитуляции социализма. Именно в этом меньшинстве, которое призывает к принятию решений подавляющим меньшинством голосов, представлены в сверхпропорциональном количестве лица, отношение которых к сионистской проблеме двойного гражданства, за исключением А. Д. Сахарова — почетного гражданина Израиля, до сих пор остается неизвестным. Может быть, ответ на этот сакраментальный вопрос содержится в наших перманентных экономических неурядицах? Может быть, и не удивительно, что представители именно этого меньшинства так далеко заходят в своих предложениях о выгодной распродаже земельных участков СССР всем, кто пожелает, якобы во имя спасения социализма. В число этих прожектеров входит и Н. П. Шмелев. Неясно лишь, куда сселять (ссылать?) людей с продаваемых участков русской земли?

В связи с выходом сионистов в нашей стране из подполья эти предположения становятся более реальными. Имеет ли право на существование в нашей стране сионистская, то есть фашистская и расистская — исключительно еврейского происхождения идеология и практика? Очевидно, эта партия должна быть объявлена вне государственных законов и распущена.

Хотелось бы знать — в рамках гласности, сколь велика численность сионистской организации, есть ли среди народных депутатов СССР ее члены? Как мыслится организовать выборы в местные Советы, чтобы в них не проникали члены сионистской организации, враждебные социалистическому образу жизни? И, наконец, понесут ли — и кто? — наказание за экономические преступления и диверсии в промышленности, о которых говорил

В. И. Белов на I сессии Верховного Совета СССР, за геноцид против других народов страны и уничтожение их духовных ценностей?

Миф о том, что среди советских евреев нет почвы для сионизма, который нам вдалбливали в течение всего советского периода истории России, наконец-то лопнул как мыльный пузырь. Но что же дальше?

С. ЖДАНОВ,
профессор, доктор химических наук.
Москва

ДИАГНОЗ — «СУДИЛИЩЕ»

Чрезвычайное событие!.. В Москву съехались на срочный «консилиум» именитые психиатры страны. Именно этому событию — «консилиуму» — «Литературная газета» (от 2 августа 1989 г., автор — ведущий консилиума О. Мороз) выделила целую страницу. За «круглым столом» собрались: четыре профессора, два кандидата наук, доктор наук и академик. Собрались знаменитости психиатрии. Приехали: из Томска, Ленинграда, Гродно... За «круглым столом» говорили долго, весь световой день и, видно, посчитав разговор историческим, попросили его опубликовать.

Ученые гости столицы не байки периферийные пересказывали друг другу, а общими усилиями пытались поставить диагноз И. В. Сталину. Но у них ничего не получилось. Не вышло, по-видимому, потому, что наши корифеи за столом плохо понимали друг друга, будто изначально учились по разным букварям. В итоге один утверждал, что обследуемый — «параноидный шизофреник», его сосед слева напрочь отрицал: «нет, он — тиран, но не параноик», а сидящий напротив настаивал на том, что у покойного никакой болезни нет, он «просто примитивная личность», остальные так же стояли каждый на своем: «антисоциальный психопат», «он был полностью вменяем...». Результат же «консилиума» таков: «...решить вопрос о болезни Сталина наскоками с использованием лишь вторичных, кем-то пересказываемых сведений не удается. В то же время важность решения этой проблемы наводит на мысль о необходимости создания комиссии из специалистов разного профиля, которая могла бы познакомиться с первоисточниками и сообщениями непредвзятых свидетелей для квалифицированного заключения о здоровье Сталина» (подчеркнуто мной. — **И. Ч.**).

Как видите, заключение корифеев психиатрии полностью отвечает духу времени, духу перестройки: подается модная мысль о необходимости создания комиссии.

В последние три-четыре года объявилось множество толкователей и ценителей нашей советской истории. За это святое дело берутся все кому не лень: философы и писатели, медики и артисты... даже бывшие уголовники. Как бы различно ни калькулировали они отдельные моменты и явления прошлого, в понимании периода 30—40-х годов почти сходятся — характеризуя его как фазу «триумфа и трагедий».

О трагедиях пишут много. Писать нужно. Но писать надо непредвзято. Над триумфом же, над его предпосылками почему-то

не задумываются. Хотя такое пренебрежение может далеко завести.

В народе исстари говорят: «Каково начало, такой и конец», или «Одному началу один и конец». Мой же покойный отец хорошо помнил претворение в жизнь директивы Я. Свердлова, появившейся на свет в январе 1919 года, которая, в частности, требовала: «Провести массовый террор против богатых казаков, **истребив их поголовно,** провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» (подчеркнуто мной. — **И. Ч.**). Любопытно, куда бы отнесли участники «консилиума» Якова Свердлова — к параноикам или к «душевнобольным»?

Кто подсчитал, сколько было уничтожено при расказачивании? Никто! Почему? Кому-то не выгодно? Тогда где же правда, за которую ратует автор названной публикации в «Литературной газете» О. Мороз? Директива Я. Свердлова положила начало массовым террорам, бессмысленной жестокости? Так что не плагиат ли — передавать авторство массовых репрессий от истинного творца другим, последующим использователям этого метода?

Дурной пример заразителен. Пример Свердлова вскоре был подхвачен Л. Троцким, М. Тухачевским, И. Якиром... 12 сентября 1919 года Л. Троцкий подписывает свой «исторический» приказ № 150 такого содержания: «Как изменник и предатель, Миронов (герой гражданской войны, командующий 2-й конной армией. — **И. Ч.**) объявлен вне закона. Каждый гражданин, которому Миронов попадется на пути, **обязан пристрелить его, как бешеную собаку.** Смерть предателю!» (Подчеркнуто мною. — **И. Ч.**)

Кто сейчас может утверждать, что, если бы «творцы» массового террора Я. Свердлов или Л. Троцкий правили страной на протяжении тридцати нелегких лет, бед на народ обрушилось бы меньше? Думается, что ответить на этот вопрос положительно невозможно. И вот почему. После смерти В. И. Ленина сторонников Троцкого было один-два миллиона, тогда как «сталинистов» — десятки миллионов. Каким-либо чудом приди к власти Л. Троцкий, «мяса» для него потребовалось бы куда больше... Поэтому считаю, что нашу народную трагедию 1918—1953 годов объяснять лишь жестокостями и болезненностью Сталина неправомерно.

Остановлюсь на «патологической» мании величия Сталина, первого руководителя страны после Ленина. Руководителя, которого упорно оставляли на высоком посту вопреки возражениям В. И. Ленина, вопреки неоднократным самоотводам. Ни с кем из лидеров не случалось подобного до него и, как теперь нам известно, после него. Однако ведущий «консилиума» О. Мороз для подтверждения «патологичности» мании величия Сталина приводит замечание Хрущева: «Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919 год». Возможно, это и так. Но, если сопоставить это с тем, что никем пока не подозреваемый в психических отклонениях Хрущев наслаждался просмотром картины о собственной персоне — «Наш Никита Сергеевич», а Брежнев повесил на грудь орден Победы, наконец-то, пусть и посмертно, снятый с него, то можно ли находку журналиста отнести к симптомам патологии? Объективно и то, что Сталин еще не знал исторической «цены» восхвалениям, а последующие лидеры — и зная — охотно их принимали.

Теперь о «просто примитивной личности» Сталина. Личность, отнесенная некоторыми участниками «консилиума» к «просто примитивным», стала Генсеком ЦК партии еще при В. И. Ленине, в 1922 году. Причем тогда у Сталина в руках не было ни армии, ни НКВД. Вскоре, по определению Бухарина, Сталин стал «фельдмаршалом пролетарских сил». Секрет его популярности в простом народе, видимо, в том, что он владел особым ключом к рабочему большинству общества. Под его руководством партия смогла создать невиданную жизнеутверждающую атмосферу в трудовой среде. Приведу несколько примеров, характеризующих эту атмосферу.

Генерал Горбатов (его, как известно, не причислишь к поклонникам Сталина) в своих мемуарах «Годы и войны» описывает такой случай, происшедший на областной партконференции в Виннице в марте 1932 года: «Пока «тысячница» (колхозница, собравшая тысячу центнеров свеклы с гектара. — И. Ч.) приветствовала конференцию, голова моей соседки, тоже колхозницы, наклонялась все ниже и ниже, и я заметил на ее глазах слезы.

— О чем вы грустите, — спросил я, — ведь она ничего плохого не сказала?

— Вы ничего не знаете... — ответила женщина сквозь слезы. Успокоившись немного, она рассказала мне:

— Я тоже давала слово собрать свеклы тысячу центнеров с гектара, а своего слова не сдержала, собрала только по девятьсот шестьдесят центнеров. Вот почему плачу, хотя меня и чествуют».

На XVII съезде партии делегат от большевиков золотодобывающей промышленности информировал: «...в 1928 году было в отрасли 37 школ, а в 1953 году стало 359, больницы имели 146 коек, а теперь — 3390, фабричных столовых было 11, а стало сотни...» О чем говорят эти примеры, взятые из времени советского становления? Только не о слабоумии руководителя, его «примитивной» личности, как того хотелось бы некоторым психиатрам.

Нет необходимости останавливаться на остальных «симптомах», примеренных «консилиумом» к Сталину — они также не выдерживают критики, построены на песке. Все, кто их принимает за чистую монету, должны наконец понять, что и Ленин, и Свердлов, и Сталин — это наша История, История рождения первого в мире социалистического государства, и для ее сравнения в мировом сообществе эталона не было и нет. Наша История — наша судьба, которой было исторически не избежать. И какая бы она ни была, охаивать ее огульно, предвзято могут лишь низкие духом «хлюпики», если выразиться по Ленину, многого не знающие из народных бед.

И. ЧУБУКОВ,
д. Волосово Московской обл.

УТЕРЯННЫЕ ТРАДИЦИИ ПСИХИАТРИИ

В апреле 1989 года в Москве проходило Всесоюзное совещание по проблемам психического здоровья в СССР. Из докладов, прочитанных на нем, ясно, что психиатрический раздел советской медицины не удовлетворяет как самих врачей, так и всю общественность, что психиатрия (как наука, так и медицинская практика) в настоящее время переживает в стране кризис.

Деятельность психиатрических клиник на протяжении последних десятилетий у нас замалчивалась. Врачи и медицинский персонал применяли противоправные методы госпитализации и лечения больных, перестраховки ради ставились необоснованные диагнозы душевных заболеваний. Несладко приходится и самим психиатрам. Из-за тяжелых условий труда, постоянного риска стать жертвой агрессии душевнобольных, нищенского обеспечения медикаментами, оборудованием — всем тем, что необходимо для успешной работы, они чувствуют себя незащищенными в правовом и профессиональном отношении. Почему это происходило и происходит? В статье С. Глузмана «На пути к науке и праву» («Медицинская газета» от 21 мая 1989 года) делается попытка объяснить возникновение некоторых проблем психиатрической науки и практики. Там есть такая фраза: «Ныне покойный академик Н. В. Снежневский пошел дальше, «открыв» новую форму шизофрении». Здесь и везде в статье напечатаны инициалы «Н. В.», следовательно, это не просто опечатка, а незнание, что академика Снежневского звали Андреем Владимировичем. Но не это главное.

В публикации уважаемой газеты вкралась более грубая ошибка. Открытие «вялотекущей» шизофрении, приписываемое А. В. Снежневскому, на самом деле принадлежит психиатру из Австрии А. Кронфельду, эмигрировавшему в СССР после аншлюса в 1938 году. Об этом сказано в статье Е. К. Краснушкина «К вопросу о так называемых «мягких» формах шизофрении», опубликованной в сборнике «Вопросы социальной и клинической психоневралгии» (М., 1936).

Вообще, «расширять границы» понятия «шизофрения» в СССР начали вскоре после революции. В 20-х годах врач из Екатеринбурга, последователь М. Нордау и Ч. Ломброзо (**Макс Нордау (1849—1923 гг.), врач по профессии, известен как сионист и автор книги «Вырождение», в которой многих деятелей мировой культуры квалифицировал как «дегенератов». Чезаре Ломброзо (1835—1909 гг.), итальянский психиатр, выдвинул антинаучную теорию о биологической предопределенности преступлений. Гениальность и помешательства считал явлением одного порядка**) Сегалин создал целую «науку» под названием «Эвропатология великих личностей». Основные задачи «эвропатологии» Сегалин представил в 1922 году в третьем номере екатеринбургской газеты «Уральский врач». При помощи безнравственных и антинаучных манипуляций Сегалин занялся дискредитацией великих представителей русской и мировой культуры (Р. Вагнера, Г. Мопассана, Ф. Достоевского, А. Скрябина, Л. Толстого и др.). Заочно ставил им различные психиатрические диагнозы. При этом у него получалось, что наиболее тяжелые «диагнозы» ставились тем деятелям культуры, которые так или иначе выступали против сионистов.

Внесла свой «вклад» в расширение границ понятия «шизофрении» и иная группа «специалистов». В 1932 году врач Розенштейн сделал доклад, в котором «осветил» основные положения «мягкой» шизофрении. Эти положения затем развили психиатры Фридман, Гольденберг, Каменева, Гейер и другие, о чем также говорится в упомянутой уже работе.

Таким образом, вышеперечисленных авторов и их учеников можно по праву считать родоначальниками псевдопсихиатрии в СССР, которая, «успешно» развиваясь, и привела к теперешнему плачевному состоянию в этой области науки и медицины. А. В. Снежневский лишь усовершенствовал теорию, сделав акцент на особенностях течения «мягкой» шизофрении, назвав ее «вялой».

В истории советской психиатрии остается много белых, а вернее, темных пятен. Многие голоса с Запада, констатируя психиатрические преследования в СССР, пытались объяснять их «российской правовой традицией применения понятия «вменяемости» и «невменяемости». Но российская традиция тут ни при чем. Общеизвестно, что русская психиатрическая школа в лице таких ученых и врачей, как Балинский, Мержаевский, Бехтерев, Корсаков, Кандинский, Сербский, Сикорский, Бажанов, Осипов и многие другие, была одной из передовых и гуманных. На их совести нет фактов помещения в лечебницы по политическим мотивам. Будущим поколениям еще предстоит выяснить, как и почему русскую гуманную школу психиатрии в СССР вытеснили псевдопсихиатрические карательные органы, в которых преступники в белых халатах беззаконно вершили человеческие судьбы. Примечательно, что на Западе надрывно застонали о психиатрических преследованиях в СССР только тогда, когда в эту созданную сегалиными, розенштейнами машину начали изредка попадать и духовные потомки ее творцов — диссиденты. Когда же дискредитации подвергались такие русские гении, как Есенин, за кордоном было тихо.

О том, что стало происходить с русской наукой, сказано в письмах академика Павлова, направленных им в 1920 году в Совет Народных Комиссаров, в которых он, кстати, просил разрешения выехать за границу. Не менее интересны и его письма, написанные в 1928—1935 годах Бухарину и в Совет Народных Комиссаров СССР. «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Пощадите же Родину и нас!.. — писал в 1928 году великий ученый. — Образованные люди превращаются в безмолвных зрителей и исполнителей. Они видят, как беспощадно и большею частию неудачно перекрашивается вся жизнь до дна, как громоздится ошибка на ошибке, но они должны молчать и делать только то, что приказывают. Даже мы, люди науки, признаны некомпетентными в нашем собственном деле, и нам приказывают в члены Высшего ученого Учреждения набирать людей, которых мы по совести не можем признать за ученых. Можно без преувеличения сказать, что прежняя интеллигенция частию истребляется, частию и развращается». (Цитаты взяты из «Медицинской газеты» за 12 и 14 апреля 1989 года.)

Красноречивее о положении русских ученых в 20-х годах, пожалуй, не скажешь. В то время тысячи врачей, в том числе психиатров, погибли на фронтах гражданской войны, тысячи погибли в застенках Чека и ОГПУ, сотни тысяч выехали в разные страны, обогатив их своими знаниями и талантами. Вакуум этот заполнялся новоиспеченными интеллигентами — часто выходцами из малокультурных социальных слоев, выучившимися детьми бывших ростовщиков и буржуа. Как правило, представителями «малых народов». Дети интеллигентов, священнослужителей и буржуа русской, украинской, белорусской национальностей подвергались преследованиям и испытывали ограничения в выборе профессии.

Психиатрическая наука и практика привлекала некоторых по причинам материального, социального и политического характера. Это и высокооплачиваемость неофициальных психиатрических услуг, это и возможность дискредитации неугодных для определенной группы людей, это и возможность освобождения «своих» от воинской повинности и уголовной ответственности, это и возможность внедряться в святая святых — человеческую душу, изучения механизмов воздействия на индивидуальное и массовое сознание с целью манипулирования им через средства массовой информации. Весьма показателен тут недавний судебный процесс по делу злоупотреблений в психиатрии бывших научных работников из НИИ психиатрии П. Рабиновича, Г. Заирова и других («Медицинская газета» от 24 и 27 сентября 1989 г.), показавший неблагополучие в этой науке и в настоящее время.

Для выхода из кризисного состояния советской психиатрии требуется восстановить утерянные традиции русской гуманной психиатрии, тщательно изучить ее историю, начиная с опыта помощи душевнобольным в православных монастырях, а уж затем только обогатить национальные традиции лучшим мировым опытом. У нас есть свои традиции, нам есть на что опираться и что восстанавливать!

М. ЧЕРНЫШЕВ,
кандидат медицинских наук.
Москва

ЛИДЕР С КУБЫШКОЙ

Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо...

Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 181.

Судя по тому, сколько руководителей, в том числе и занимающих высокие посты в правительстве, привлечены за последние годы к уголовной ответственности, можно сделать вывод: на командные должности проникает немало людей с корыстными целями. Есть и еще тому подтверждение. Много ли руководителей ушло на пенсию по собственному желанию в 65, в 75 и даже в 80 лет? Уходили, но по причине неудовлетворительной (мягко говоря) работы. Даже в лидеры «ухитряются» избирать у нас старых и больных людей. А почему? Наверное, прежде всего из-за того, что быть руководителем выгодно.

Стремление человека быть впереди, быть лучше, жить красивее и богаче — неплохое желание. Однако это желание нередко приводит к зависти и жадности — страшным человеческим качествам. Жадность резко изменяет психологию, а иногда нарушает психику, как алкоголь или наркотики. А приводит к этому зачастую дисгармония доходов трудящихся: рабочих, служащих, колхозников, административных работников, работников науки и культуры. Стыдно ли много зарабатывать? Нет, не стыдно, если честно. Однако в социалистическом обществе должны быть опре-

деленные границы «много» и гармонично построенный «аккорд» от «мало» до «много» для всех категорий граждан, будь то рабочий, служащий, директор, поэт, композитор, министр или профессор.

Пока же в нашем обществе еще есть люди с доходом до тысячи и более рублей в месяц, есть и с зарплатой в 150 и даже 80 рублей. А именно в семьях с низким доходом чаще по двое, трое детей. И всем надо купить одежду, обувь. Им хочется хорошей колбасы, нужны ягоды и фрукты.

В последнее время много говорят и пишут в печати о ценах и зарплате, но чаще их авторы — профессора, академики, руководящие работники. Это люди обеспеченные, порой не знающие, что такое жить от зарплаты до зарплаты. Они зачастую не знают или не хотят знать, что еще перед многими людьми постоянно стоят вопросы: как купить, за что купить, где купить?

Разумеется, нормализовать цены необходимо. Однако это следует проводить так, чтобы не отразилось на материальном положении трудящихся.

Не отрицаю, есть некоторые товары, на которые можно, на мой взгляд, повысить цены, и потребитель от этого значительно не пострадает. На спички, соль, крахмал можно, положим, повысить цену в два раза. Немного повысить цену на хлеб. Уж очень безалаберно мы к нему относимся. Ликвидировать продажу и выпуск дешевых сигарет (без фильтра). Это может повлиять на количество курящих, в особенности молодежи. Можно повысить цены на сахар, картофель, капусту.

А вот как быть с основными продуктами питания: мясо, молоко, овощи, которые уже сейчас могут купить в основном высокооплачиваемые граждане?

120 и 280, 170 и 230. И любое из этих соотношений нельзя отнести к уравниловке. А вот самая оптимальная разница в этом случае, мне кажется, соотношение максимума 230 рублей к минимуму 170 рублей.

Низкоквалифицированный, непроизводительный труд по сравнению с квалифицированным пусть оплачивается меньше, но ненамного. Почему? Да уже потому, что дети из высокооплачиваемых и низкооплачиваемых семей воспитываются в одной среде, учатся в одной школе и с раннего детства задают дома вопрос: чем я хуже?

Большая зарплата способствует накопительству. О его росте можно судить по сумме вкладов в сберегательные кассы. В 1960 году мы вложили туда 10,9 миллиарда рублей, в 1970 году — 46,9 миллиарда рублей, в 1984 году — 202 миллиарда рублей. К первому января 1987 года их величина, как известно, достигала 240 миллиардов рублей (СССР в цифрах. М., 1984). К этим суммам следовало бы приплюсовать деньги, накопленные дома, чаще всего нечестным путем, но получить о них данные не так просто.

От накопительства в таких больших размерах не избавишься. Иначе как растолковать смысл статьи профессора Н. Римашевской «Уравниловка: корни и последствия» («Аргументы и факты», № 28 за 1987 год), в которой автор оправдывает и обосновывает цитатой В. И. Ленина «неизбежную несправедливость». Не знаю, по забывчивости или умышленно, но Н. Римашевская, цитируя В. И. Ленина, не указала, что эти слова В. И. Ленин писал в 1917 году, а в 1920 году в «Проекте резолюции об очередных задачах партийного строительства» он уже говорил: «Неслыханно тяжелое положение советской республики в первые годы ее существования, крайнее разорение и величайшая военная опасность сделали неизбежным выделение «ударных» (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников. Это было неизбежно, ибо нельзя было спасти разорение страны без сосредоточения сил и средств на таких ведомствах и на таких группах работников, без укрепления которых империалисты всего мира, наверное, задавили бы нас». И далее: «Выработать вполне точные практические правила о мерах к устранению такого неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и пр.) между спецами и ответственными работниками, с одной стороны, и массою, с другой стороны, — неравенство, которое нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов» (Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 392—393.)

А вот что писал В. И. Ленин 1 декабря 1917 года («Об окладах высших служащих и чиновникам» (ПСС, т. 35, с. 105): «Назначить предельное жалование народным комиссарам в 500 рублей в месяц бездетным и прибавку в 100 рублей на каждого ребенка. Поручить министерству финансов немедленно изучить смету министров и урезать все высокие жалованья и пенсии». Почему бы не следовать этим указаниям и сейчас? Доплата на каждого ребенка облегчит содержание детей в малообеспеченных семьях, будет способствовать увеличению рождаемости. Можно определить и разумное соотношение заработков различных категорий работников.

«Людей, которых бы устраивала зарплата, наверное, нет», — говорит тов. Кунельский, начальник сводного отдела Госкомтруда СССР, уходя от вопроса, сколько он зарабатывает. («Аргументы и факты», № 38 за 1987 год.) Неправда! Есть немало людей, увлеченных своим трудом по-настоящему. Для них зарплата второстепенна. А вот жадность человеческая не имеет предела. Потому-то на высокооплачиваемые должности наряду со способными, нужными людьми и стараются проникнуть и проникают люди, далекие от производства, науки, политики, искусства. Белорусский академик А. Лыков по этому поводу как-то сказал: «Если бы ученые не зависели от материальных поощрений, в науке остались бы одни истинные ученые».

Большая дисгармония в доходах трудящихся наносит вред государству. К тому же мы мечтаем об обществе, в котором должны быть все равны, где сознательность и скромность работников любого ранга будет главным критерием их нравственности. Так и давайте создавать базу для этого общества.

Г. ЕРИНГРОЗ.
Минск

ПОШЛОСТЬ... ПО ПОДПИСКЕ И В РОЗНИЦУ

В последнее время журнал «Огонек» выступает в авангарде «перестройки» определенного направления, символом которого, видимо, служат проводимые на западный манер конкурсы красо-

ты, а также фестивали давно отгремевшей на Западе рок-музыки, которую с усердием провинциальных менеджеров пропагандируют у нас подобные издания. Бог с ним, с роком. Но вот о конкурсах красоты хотелось бы поговорить, особенно в связи с фотографиями, опубликованными в 33-м номере «Огонька» (1989 г.).

Журнал бдительно стоит на страже «нового мышления» в этой области. И как подтверждение того, что перемены здесь, вопреки проискам противников «реформаторского обновления нашей жизни», необратимы и успешно завоевывают все новые и новые сферы, журнал «Огонек» сообщает о конкурсе красоты, проведенном — где бы вы думали? — в Челябинской женской колонии! В журнале помещены фотографии этого «события»: начальник колонии водружает корону на голову счастливой обладательницы титула; другие участницы «конкурса» в ватниках и кирзовых сапогах демонстрируют свое воодушевление по поводу этого устроенного для них «праздника»: «Женщины! Прекрасен наш порыв в труде достичь высокого предела!»

Рискуя попасть в разряд «разъяренных критиков Горбачева» — такой ярлык «Огонек» теперь навешивает на неугодных ему — и даже обратить на себя внимание вновь созданных комитетов по борьбе с преступными мафиозными группами, противодействующими перестройке, хотелось бы все же прокомментировать это событие. Возможно, кому-то было смешно смотреть эти снимки, а мне было очень грустно и горько. Горько потому, что представленное «Огоньком» шоу в колонии романтизирует жизнь преступниц. Оказывается, можно преступить закон, нести заслуженное наказание, быть осужденной не только юридически, но и морально, нравственно, быть отчужденной от нормального человеческого общества, находиться в изоляции от него и... — процветать на ниве красоты, иметь неслыханную популярность (не преступлением ли заслуженную?), прослыть «королевой красоты» или «мисс очарование»... Совместимы ли в нравственном мире понятия «очарование» и «преступление»? Поневоле приходит мысль: сколько стоит такая красота и слава, сколько за них заплачено и кем?

Горько от всего этого. И грустно. Грустно еще и потому, что ведь не корону надевали на голову этой улыбающейся со страниц «Огонька» девушке, — напяливали шутовской колпак, выставляли на посмешище! Так уж получилось, что однажды и мне пришлось делить с такими женщинами и пищу, и узкое пространство тюремной камеры: от сумы и от тюрьмы, говорят, не зарекайся. Далеко не всем из них нравится пьянство, проституция, наркотики, случайные попутчики по жизни... И, уверяю, немало там женщин, которые намного чище и человечнее многих, не побывавших под стражей, и уж наверняка они не заслуживают такой жестокой насмешки. Те из них, кто оступился случайно, кто искренне раскаивается в своих преступлениях, в ком еще жива совесть, не позволили бы себе опуститься до участия в столь сомнительных шоу-представлениях.

Нет, не конкурсы красоты нужны этим выбитым из житейской колеи женщинам. Им нужно самое обычное человеческое участие, помощь, добрый совет. Многим из них нужно учиться, получить хоть какую-то специальность, найти прочное место в жизни, обрести душевное равновесие. А что они получают в тюрьме? Воровскую школу жизни и самый грязный неквалифицированный труд. Удивительно ли, что, когда они выходят на свободу, их нигде не берут на работу, отгораживаются от них стеной равнодушия и презрения, вновь толкают их в пропасть, из которой многие всеми силами хотят выбраться!

Вот о чем нужно было бы поведать «Огоньку», а не о поисках обаятельных и очаровательных «мисс», упрятанных за решетку. Но, видимо, издание взяло на себя другую роль — пропагандировать сомнительные зрелища, на которых зарубежные спонсоры опытными взглядами владельцев публичных домов оценивают объемы талии, бедер и бюста русских красавиц.

Разумеется, я верю, что они нас любят, ведь и волк тоже любит баранину, но не слишком ли привечают у нас заокеанских журналистов, которые приезжают в Союз по заданиям своих редакций «дегустировать» самых доступных и самых дешевых в мире советских интердевочек и рекламирующих у нас то, что все нормальные американцы беспощадно изгоняют из своих домов. Уверяю этих господ, что победительницы советских конкурсов красоты отнюдь не самые красивые в нашей стране, потому что самые красивые советские девушки в таких конкурсах не участвуют, потому что красота у нас — это еще и чувство собственного достоинства и самоуважения, не позволяющее демонстрировать себя на этой ярмарке. А поэтому для меня, например, простая женщина с русским лицом, похожая на старшую медсестру, даже если ей за 50 и у нее узкие глаза и одутловатое лицо, в тысячу раз симпатичнее всех вместе взятых юных красавиц, какую бы оценку им ни давали искушенные западные журналисты.

Под пышной мишурой конкурсов красоты и рассуждений о том, чтобы вернуть женщину к домашнему очагу, к нам протаскивают идеи воинствующего мещанства, отводящего женщине, под предлогом ее физиологических особенностей, унизительную роль добровольной прислуги собственного мужа.

Говорят, западные толстосумы очень охотно женятся на девушках из развивающихся стран: нет ничего удобнее домашней рабыни, надежно прикованной к чужому дому в чужой стране. Наверное, такой вид домашнего рабства пропагандирует у нас и журнал «Огонек», для которого, видимо, идеал — положение женщины в наших среднеазиатских республиках, где в последнее время участились случаи самосожжения женщин. Нам, женщинам, тонко намекают, что наш удел — три Д: дом, дети, диван. Не нужно учиться, участвовать в общественно-полезном труде — достаточно удачно выйти замуж за какого-нибудь генерала или американского миллионера. Но прислуга — всегда прислуга, даже если она — генеральская. Нет, не за такое «освобождение» женщин надо бороться.

И еще вот о чем мне хотелось бы сказать. Не слишком ли много появилось у нас изданий, уверяющих, что сексуальные томления и сексуальная распущенность — естественные, а не приобретенные, как алкоголизм и наркомания, человеческие качества, которые нужно всячески поощрять и развивать? Читая «Огонек» и некоторые комсомольские издания, начинаешь думать, что воспитание полового влечения, сексуального чувства — единственное, что нужно сегодня нашей молодежи.

Душевная чистота, верность, чувства материнства и долга — кто сейчас вспоминает у нас об этом? Удивительно ли, что число разводов и ущербных, обездоленных детей, воспитываемых в неполных семьях, катастрофически растет? Причина легкости, с какой сейчас расторгаются браки, не в той ли легкости, с которой исподволь навязываются нашему обществу чужие нравы? И не пора ли признать, что право на духовное воздействие может иметь только тот, кто не наносит вреда, кто не вводит в заблуждение неопытных молодых людей преступными рассуждениями о допустимости и безопасности такого образа жизни? Нет, не имеют права на творчество такие, с позволения сказать, «художники», как не имеет права на скальпель хирург, не знающий, где у человека сердце. Впрочем, бизнес — категория поистине интернациональная и безнравственная. Без зазрения совести истинная человеческая красота подменяется пошлостью и за ломаный грош сбывается доверчивому читателю «Огонька».

Луиза ГАГУТ,
Москва

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

ОСТАНОВИТЬ ТЕХ, КТО ИЗВРАЩАЕТ НАШИ ИДЕАЛЫ...

Мы очень и очень рады, что в этом году подписались на три хороших журнала: «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва» (кроме других советских газет и журналов). С удовольствием читаем статьи, поэзию, прозу, критику — все, что вы печатаете. Из последних публикаций особенно хочется отметить интервью журналиста В. Литова с наркомом И. А. Бенедиктовым («Молодая гвардия», 1989, № 4).

В нашей семье есть старые и молодые коммунисты. Мы очень любим Советский Союз, великий, героический русский народ!.. Мы знакомы со многими коммунистами — чехами, болгарами, греками, немцами, французами, норвежцами, англичанами... Они, так же как и мы, очень и очень любят первую страну социализма, уважают героический советский народ и разделяют наши взгляды в отношении того, что происходит сейчас у вас.

Прогрессивные люди всего мира потрясены тем, что творится в Советском Союзе. Они ждут от подлинных коммунистов и беспартийных большевиков, от честных и благородных русских и нерусских людей, что они не допустят катастрофы. Вы обязаны перед всеми коммунистами всех стран мира, перед прогрессивными людьми всего земного шара остановить тех, кто глумится сейчас над историей Отечества, извращает идеалы Великой Октябрьской социалистической революции, которые святы для каждого честного человека — русского или иностранца.

Идеалы Октябрьской революции не принадлежат только вам, они служили маяком для всего мирового пролетариата, а сейчас — для всего прогрессивного человечества.

Мария МОЧАЛОВА,
Бухарест,
Румыния

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНУЛ...

Дорогая редакция!

Чума XX века — так окрестили СПИД. Люди опасаются делать уколы, неохотно идут к зубному врачу, в парикмахерских появились объявления о том, что такая услуга, как бритье, отменена. Уже многие знают, чего нужно опасаться, чтобы не подвергнуться заболеванию. Принимаются всевозможные программы по борьбе с иммунодефицитом, разрабатываются различные рекомендации, открываются благотворительные счета по сбору средств, миллионами закупаются за границей одноразовые шприцы... Все это осуществляется ради того, чтобы уберечься от СПИДа.

Кажется, выявлены все пути заражения... Однако это не совсем так. Есть еще один не менее вероятный способ передачи болезни — катетеры, инструменты, с помощью которых проводятся различные манипуляции в сосудах человека для диагностики раковых и сердечно-сосудистых заболеваний, хирургических вмешательств, чрезкожных пункций в сосуды и почечные лоханки. Если, скажем, при уколе игла находится в теле человека считанные секунды, иногда минуты, то катетеры от 15 минут до нескольких часов, а то и лет.

Катетеры производятся у нас в мизерных количествах. Их приходится закупать за границей. Чтобы хоть как-то выйти из положения, эти инструменты стерилизуют холодным способом с помощью химреагентов. Кипятить их нельзя. Но эффективна ли такая обработка при СПИДе? Этого никто не знает, поскольку нет на этот счет никаких данных. Можно только вообразить, какому риску подвергаются пациенты!

Вместе с тем выход есть. Мною разработана рецептура и технология промышленного производства рентгеноконтрастных трубок, в том числе и катетеров. Есть положительные заключения соответствующих медицинских учреждений. Однако на протяжении нескольких лет не удается наладить их выпуск. Такое чувство, будто наталкивается дело на невидимую стену. А тем временем закупки катетеров и рентгеноконтрастных материалов растут. Что же будет, если случится беда, которая уже стоит у порога? Снова начнется ажиотаж, аврал, как это мы уже наблюдали с одноразовыми шприцами? Опять придется обращаться к иностранным фирмам? Вновь лихорадочно изыскивать твердую валюту? Неужели мы сами не можем решить простую проблему — наладить выпуск одноразовых катетеров? Можем! Но, похоже, кому-то выгоднее делать покупки за границей.

Р. СМОЛИНА,
Москва

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ОЧЕРКА И ПУБЛИЦИСТИКИ

Действительно, Римма Александровна Смолина разработала рецептуру и технологию промышленного производства рентгеноконтрастных трубок. Но когда она получила первые ощутимые результаты, ее вдруг ни с того ни с сего отстранили от исследований. А ректор Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова (МИТХТ) С. Кипарисов, где работала

Р. Смолина, для вящей убедительности, что все сделано правильно, на официальном бланке уведомил Ленинский райком партии Москвы, куда Римма Александровна обратилась за помощью, что у разработчицы невысокий профессиональный уровень, что она нарушает трудовую дисциплину, ну а что касается проводимых ею исследований, то они вообще безрезультатны и неперспективны.

Наружный блеск рассчитан на мгновенья, а правда переходит в поколения, сказал поэт. Слукавил, мягко говоря, руководитель вуза. Ведь еще годом раньше заказчик — ВНИИ медицинского приборостроения — работу, проводимую Р. Смолиной, оценил как необходимую и перспективную.

Под нажимом райкома партии ректор вынужден был возвратить Смолину к прерванным исследованиям. Но не успела она в них углубиться, как на сей раз заведующий кафедрой В. Кулезнев отстранил ее от работы. Чем не сказка про белого бычка?

— Как же так, Сергей Сергеевич? — взмолилась Смолина.

А Сергей Сергеевич Кипарисов — сама невозмутимость. И опять лишь под давлением райкома партии автору изобретения предоставляют возможность продолжить начатые исследования. Думаете, после этого все пошло как по маслу? Как бы не так! Проректор по научной работе вуза С. Белов тоже попытался прекратить финансирование работ, проводимых Смолиной. А когда трюк этот не прошел, то разработчице стали чинить препятствия при передаче готовых трубок на испытания. Когда и эта операция сорвалась, ректор неожиданно поручает вести параллельные исследования сотруднику института И. Кочнову. Но Минздрав СССР после соответствующих испытаний рекомендует к производству лишь трубки, изготовленные по технологии Р. Смолиной. Внедрять их взялся Белгород-Днестровский завод медицинских изделий из полимерных материалов. Согласно хоздоговору, который заключила Римма Александровна с этим предприятием, она должна была подготовить необходимую научно-техническую документацию для серийного производства трубок из рентгеноконтрастных полиэтиленовых композиций. С этой работой она управилась быстро. Завод начал выпуск дефицитных изделий. Не по дням, а по часам росло их производство. Автора наградили медалью ВДНХ СССР. Лечебные учреждения одно за другим отказывались от импорта. В НИИ нейрохирургии, скажем, за короткое время сэкономили около 20 тысяч инвалютных рублей. А в Московском научно-исследовательском рентгенорадиологическом институте сберегли более 30 тысяч рублей.

Расширение производства выдвинуло новые задачи. Прежде всего они касались качества изделий, их стойкости. Требовались новые исследования. Но для этого надо было продлить хоздоговор, срок которого истекал. И поэтому промышленники, полностью приняв все предыдущие работы, проводимые Р. Смолиной, более чем за месяц попросили руководство МИТХТ продлить договор еще на полгода и соответственно на этот срок перенести отчет о научной работе, который должен был быть представлен к окончанию хоздоговора. Но у руководителей вуза на этот счет была своя точка зрения. Проректор С. Белов наотрез отказался продлевать договор. А перед Р. Смолиной поставил категорическое условие: в недельный срок сдать отчет. Подготовить отчет о работе, которая длится уже более трех лет и находится в самом разгаре, было

не просто. А в недельный срок вообще маловероятно. Тем более что Римма Александровна, заранее зная, что договор намечается продлить по инициативе предприятия, активно продолжала исследования, связанные с улучшением качества изделий и повышением их стойкости.

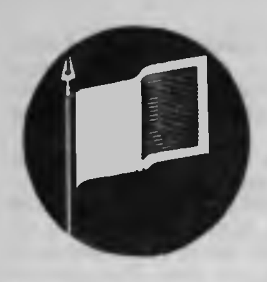
К назначенному проректором сроку сдать отчет она не сумела. Ей тут же — будто этого и ждали — объявили строгий выговор. Якобы за срыв хоздоговорных работ в целом по институту. После этого хоздоговор, по которому Р. Смолина проводила работы, не продлили. Но тем не менее институт начал вести переговоры с заводом, чтобы заключить новый договор, но уже без участия автора изобретения. Делалось все это в глубокой тайне от Риммы Александровны. Правда, ее не забывали. Несмотря на болезнь, Р. Смолиной в приказе, подписанном ректором, предписали через семь дней после выздоровления сдать отчет! Но она продолжала болеть. Тогда будто бы за умышленное затягивание сроков сдачи отчета ректор объявляет ей строгий выговор. А через день после выхода с больничного подписывает приказ об увольнении. И как бы в назидание — а может, в насмешку? — на следующий день после увольнения Римме Александровне вручают еще один приказ: за отсутствие на работе в общей сложности несколько минут ей объявляют выговор.

Так дело государственной важности зарубили на корню. Иманно таково мнение руководства Белгород-Днестровского завода медицинских изделий из полимерных материалов. Ведь до сих пор так и не подготовлена необходимая документация, которую намечалось разработать в тот период времени, на который заказчик просил продлить хоздоговор. Всего полгода не хватило, чтобы завершить работу. Но зато этого времени вполне было достаточно для сокращения выпуска изделий, возникновения острого дефицита. Для его удовлетворения обратились за границу. За каждое изделие приходится выплачивать от 70 до 200 долларов, тогда как отечественные трубки обходятся государству в среднем от 11 до 45 копеек. И стойкость катетеров, изготовленных по технологии Р. Смолиной, значительно лучше.

Недавно суд восстановил Р. Смолину в ранее занимаемой должности. Но по-прежнему ее технология промышленного производства рентгеноконтрастных трубок в загоне.

Все это напоминает до слез знакомую картину. Мы, располагая всем необходимым — сырьем, технологией, специалистами, — вынуждены идти на поклон к заморскому соседу. Неужели уроки прошлого, да и настоящего, так ничему и не научили? Значит, снова будем ждать, пока не грянет гром... А потом начнется суета, как это было, скажем, с одноразовыми шприцами.

●



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Леонид **КОРОБКОВ**

ЖЕРНОВА ЛЖИ

Вышла отдельным изданием, сначала в «Московском рабочем», чуть позже в «Книжной палате» автобиографическая повесть Анатолия Жигулина «Черные камни». Уже сейчас, вместе с тиражом журнала «Знамя», первым познакомившего мир с прозаическим дебютом известного поэта, количество экземпляров повести подбирается к миллиону. Однако наверняка лишь немногие видели «Черные камни» на прилавках книжных магазинов. Бестселлер есть бестселлер! 28 мая сего года земляки поэта, урожденного воронежца, были оповещены неким О. Ласунским, что по спрашиваемости в Москве произведение А. Жигулина ныне уступает лишь платоновскому «Котловану».

Понять читающую публику можно: раз написано против Сталина и сталинщины, да еще человеком, который получил в 1950 году от абакумовского Особого совещания десять лет лагерей и почти половину из них отбыл, то... Ныне, когда новая волна реабилитаций возвращает истории имена не только неповинных жертв, но и имена тех, кто, как Раскольников, Рютин, Мандельштам и другие (немногие, увы, другие), был п р о т и в, — поистине сенсационным (и, что греха таить, лестным для нашего исторического самосознания) явился рассказ живого свидетеля того, что, оказывается, не весь народ маршировал во время оно ликующими колоннами и метал ввысь шапки при одном упоминании имени генералиссимуса.

* «Знамя», № 7—8, 1988 г.

Наша литературно-художественная критика и журналистика, естественно, не могли пройти мимо такого свидетельства. А с началом нынешнего года литературно-критический бум вокруг повести-автобиографии «последнего поэта сталинской Колымы» (это самопрозвание автора повести было даже вынесено на заглавную страницу «Книжного обозрения» от 18 августа минувшего года) вступил в фазу историко-теоретическую, статейную, толстожурнальную. Авангардная «Нева» и авангардным стать стремящееся «Литературное обозрение», туда же заспешившая при обновленном своем руководстве «Звезда», а теперь вот и «Октябрь»... Все пошло, как говорится, путем; все пошло, как оно в принципе и должно было бы пойти в том случае, когда перед нами действительно солидный — если не литературно-художественный, то хотя бы исторический и психологический — материал.

И так бы всему этому продолжаться (быть может, на всю оставшуюся жизнь нынешнего читающего поколения, поскольку Анатолий Владимирович Жигулин оказался большим охотником давать органам массовой информации обширнейшие интервью, в которых обнародует все новые и новые данные о подпольной героике «Коммунистической партии молодежи» (КПМ) в 40-е годы и личном участии в антисталинском сопротивлении), если бы не одно существенное обстоятельство.

Практически ничего из того, о чем поведано нам в повести-автобиографии «Черные камни» и многочисленных жигулинских дополнениях к этому сочинению, н а с а м о м д е л е н е б ы л о.

Были только жестокие, неправосудные приговоры 23 молодым воронежцам в 1950 году — кому десять, кому пять, кому три или два года лагерей. А вот того, за что выносились эти приговоры, — не было.

Но не будем забегать вперед.

Думается, что в редакциях «Невы», «Литературного обозрения», «Звезды», «Октября» имели возможность хотя бы на стадии сверки задать своим авторам К. Степаняну, Е. Шкловскому, С. Чупринину, И. Сухих, А. Василевскому вопросы, которые не могли не возникнуть после прочтения напечатанного газетой «Советская Россия» от 16 декабря 1988 года очерка В. Кондакова и А. Пятунина «Дело КПМ». Очерк этот, в отличие от сочинения А. Жигулина, полностью документальный (иные из листов подлинного архивного следственного дела КПМ приведены там в фотокопиях), и если авторы-критики могут читателями «Советской России» не быть, то уж в редакциях-то...

Итак, повествует А. Жигулин (к собственному следственному делу не обращавшийся, хотя оно не закрытое) об осознанно и последовательно а н т и с т а л и н с к о й направленности нелегальной организации воронежских школьников, — а документы, поднятые и скрупулезно изученные В. Кондаковым и А. Пятуниным, однозначно свидетельствуют совсем обратное!

Очерк свидетельствует, что по замыслу основателей КПМ Акивисона (Акивирона в книжном варианте сочинения А. Жигули-

на) и Батуева у КПМ и ВКП(б) были общие задачи, ребята собирались, вступив в ВКП(б) и заняв в ней руководящие посты, бороться с бюрократизмом, за осуществление принципов социальной справедливости. А для этого требовали в своем рукописном журнале изучать труды «великих теоретиков нашего времени Ленина — Сталина»; здравицей «нашему дорогому учителю товарищу Сталину» завершался текст программы КПМ, с которым знакомили вновь вступающих и которому они клялись в верности. Да и в самой идее «партии внутри партии» н и ч е г о, по сути, «антисталинского» нет.

Но необходимо, сколько бы горечи и сожаления о юных, крепко поломанных судьбах ни звучало в наших словах, сказать и определеннее: такое уж было время, что желавшие своей Родине добра ребятишки и не видели иной перспективы, кроме как стать бо́льшими сталинцами, чем сам вождь народов. «Юные тимуровцы ВКП(б), по сути, ведь задумали осуществить ныне печально знаменитую идею Сталина об «ордене рыцарей-меченосцев»! И в этом плане оказались наивными, жестоко за свою наивность поплатившимися сколками той среды, в которой выросли: лидер организации Батуев был сыном секретаря Воронежского обкома партии, были в КПМ (особенно вначале) и ребята — дети и родственники офицеров и охранников тогдашнего МГБ, областного прокурора и т. п. Даже та тень тени протеста, которую при желании можно увидеть (в желающих ныне, как видим, недостатка нет) в самом факте «нелегальности», исчезает, если знать, что на своих собраниях ребята говорили о себе как о приятном сюрпризе для партии, как о помощниках ее лучших, нежели те, которых воспитывает безынициативный школьный комсомол.

Отходя теперь от очерка В. Кондакова и А. Пятунина, который может прочесть любой желающий, скажем далее, что ныне А. Жигулину приходится демонстрировать завидную увертливость, чтобы сохранить что можно хотя бы от легенды об «антисталинской направленности» организации, в которой он...

В которой он практически и не состоял, но это опять-таки отдельный разговор.

Известный поэт недавно «признался» (воронежская газета «Молодой коммунар» от 1 декабря 1988 года), что в 1956 году он, оказывается, обманывал специального представителя ЦК партии (ныне персонального пенсионера) Г. Ештокина, работавшего в Воронеже по реабилитации КПМ. Мы, дескать, даже вам и даже в 1956 году не говорили про свои антисталинские настроения 1948—1949 годов, иначе вы бы нас не реабилитировали (!).

Более того: пытаясь отчураться от программы КПМ со здравицей Сталину, А. Жигулин (см., например, «Комсомольскую правду» от 1 марта 1989 года) объявляет, что текст программы КПМ, найденный при обыске у И. Струкова — поддельный, для вновь принимавшихся в КПМ, чтобы не испугались с самого начала. А существовал якобы другой, для «проверенных», там Сталину хвалы уже не было. И, наконец, отбросив все, что должно же приличествовать «последнему поэту сталинской Колымы», от которого ждут правды, ничего, кроме правды, — запутавшийся в собственных придумках сочинитель объявляет сенсацию, запамятованную к обнародованию в первоначальном варианте «повести-документе»: эта программа для посвященных имела якобы

еще одну редакцию — с пунктом о физическом устранении Сталина в случае необходимости!..

Ну а как быть с утверждениями об «антисталинской направленности» в с е й организации (тем более, как быть с азбучной этикой, ибо непосвященных вовлекали в дело, об опасной сути которого им не говорили), — это продумать впопыхах оказалось недосуг. Вот и прокол...

Впопыхах же, очевидно, оказались забытыми и рукописные ж у р н а л ы КПМ, где (об этом можно и в очерке «Советской России» прочесть) среди рекомендуемой юным тимуровцам ВКП(б) литературы стоит: «И. В. Сталин. Краткий курс истории ВКП(б)... Это настоящая энциклопедия марксизма-ленинизма... Об огромном значении книги в деле воспитания не стоит даже говорить — так оно велико». Или этот журнал тоже поддельный?

Боюсь, что в моем изложении появились иронические нотки — прошу верить, что ненамеренно. И уж тем более ирония никак не относится к тому темному и страшноватому, что происходило в Воронеже сорок лет назад. Но сегодняшняя ложь и самореклама — ирония будет, пожалуй, слишком акварельной краской в нашем рассказе о них. И о тех моих коллегах — журналистах и литературных критиках, да и издательских редакторах тоже, вот уже более года приделывающих неправде длинные ноги.

Однако вернемся ненадолго к воронежским событиям 1948—1949 годов.

Легко понять сомнения, наверняка возникшие у читающих настоящие строки: статочное ли дело, чтобы у 16—17-летних подростков-школьников возникла и столь последовательно реализовалась «организационно» идея некой «масонской ложи» внутри партии — с жесткой иерархизированной структурой, в которую, кстати, входил и «особый отдел» слежки за ненадежными (потенциальных «предателей» даже приговаривали к смертной казни — по счастью ни над кем не осуществленной)? Не ощутимо ли в жизни КПМ влияния опытной, профессиональной, в з р о с л о й руки?

Да, такая рука была, и это была рука МГБ.

Читатель должен знать, что тогда, в 1948—1949 годах, существовало две КПМ. «Первая», возникшая непосредственно из школьного литературного кружка, не была сколько-нибудь многочисленной: в нее, кроме «ЦК», по сути, входила только одна «пятерка». Причем, естественно, все десять-двенадцать ребят все друг о друге знали, не было и намека на то, о чем читаем мы в повести А. Жигулина, у которого рядовые члены «пятерок» даже не знали никого из «руководства» или о составе и т. п. других «пятерок». Вот этот-то дискуссионный кружок, как вспоминает Г. Ештокин (см. в «Молодом коммунаре» от 5 ноября 1988 года его статью «Как это было»), не раз распадался, не был фиксированным по составу. Не говоря уже о том, что ни собственно политической активности (кроме рукописного журнала для своих), ни прозелитизма у этой, условно говоря, КПМ-1 не обнаруживалось.

Полудетская эта игра ребят в своих родителей и родных-функционеров в тайне, однако, долго не осталась.

Готовя свою статью о повести А. Жигулина (опубликована тем же «Молодым коммунаром» 19—24 сентября 1988 года), я обратился не только к материалам подлинного архивного следствен-

ного дела, но и (поскольку следователи тогдашнего УМГБ были после реабилитации КПМ в 1956 году исключены из партии, лишены званий и т. п.) к материалам партийного архива Воронежской области. И о том, что раскрылось, скажу словами Г. Ештокина, проверявшего это бессудное дело в том числе и под углом партийной ответственности воронежских сообщников Абакумова. Так вот, пишет Г. Ештокин (и партийные дела следователей, подававших апелляции, в которых им было в 1957—1959 годах отказано, его свидетельство подтверждают): «УМГБ через своих «помощников» — проще говоря провокаторов — приняло меры к тому, чтобы КПМ жила, дышала и пополняла свои ряды».

Так возникла — увы, полностью под контролем и, как видим, по инициативе бериевцев, желавших громкого дела, — КПМ-2 численностью более пятидесяти человек.

Следует сказать, что в отношении к КПМ-1 (и это документально доказано в очерке В. Кондакова и А. Пятунина) в тогдашнем УМГБ не было единства. Первоначально планировалось провести с ними и их родителями профилактические беседы и посоветовать реализовывать свои литературные склонности через стенную печать и комсомол. КПМ-1 и прекратила свое существование в начале 1949 года — Г. Ештокин считает, что эти самые «профилактические беседы» сказались...

А вот автор повести «Черные камни» почему-то забыл сообщать читателям (и забывает рассказывать об этом в газетных выступлениях и на встречах с читателями), что сам-то он, тогдашний Толик Жигулин, самолично заполнявший странички капэмовского журнала сталинистски-правоверными «статьями» и нормальными юношескими стихами (и позже, находясь под следствием, нынешний «последний поэт сталинской Колымы» писал стихи столь «патриотические», что Г. Ештокин ныне говорит в газете: «Мы эти стихи читали и опасались, не пропадут ли у парня способности»), сам Анатолий Владимирович Жигулин вышел из КПМ-1 совершенно добровольно. И даже, как заявил он следователю при своем задержании 18 сентября 1949 года, «убедившись в бесполезности этой нелегальной организации».

КПМ-2 все восемь месяцев своего поднадзорного существования обходилась без Толика Жигулина. Строго говоря, его осторожность, его неучастие в действительно оказавшейся опасной игре по-человечески понятны. Вот только позавидуешь присутствию духа у Анатолия Владимировича, когда нынче, в безопасное и плюралистичное наше время, не только взял он на себя честь быть вторым человеком в организации, в которой он с января 49-го не участвовал, но и права нравственного судии.

Подлинный протокол допроса Жигулина при задержании (еще до официального ареста) свидетельствует однозначно: «пояснил, что выбыл из КПМ в конце января 1949 года». О том же сказал на первом своем официальном допросе и «член ЦК КПМ» Егор Киселев: «В январе 1949 г. я, Жигулин и Акивисон договорились выйти из КПМ, поняв бесполезность этой нелегальной организации». Так что о моральном праве нынешнего известного поэта даже рассказывать-то о КПМ, не говоря уж о моральном суде над «предателями» (ныне он насчитывает их четверых, причем угрожает соответствующим образом расширить свой список за счет любого, кто не согласен с его версией), — о моральном пра-

ве Анатолия Владимировича Жигулина судить и приговаривать пусть уж что-нибудь скажет его совесть. И напомнит ли она ему его список названных на первом же допросе товарищей — Батуева, Киселева, Луткова, Рудницкого, Руднева, Мышова, Степанова, Сычева, Кузнецова, Семынину, Радкевича (позже покончившего с собой; повесть «Черные камни» посвящена ему*), Стародубцева, Леонида Золотых, Колесникова, Склянкина, Наумова, Нину Редько, Замаруева, Жизхреву, Булочкину, Селезнева, Струкова, Акивисона (половина из них была осуждена)?..

Напомнит ли Анатолию Владимировичу его совесть самое важное? Это не количество названных, а качество признаний.

Будущий поэт мог быть откровенным со следователями, очевидно, надеясь, что добровольный разрыв с КПМ будет ему зачтен — пройдет только свидетелем. Организацию же его признания (как, кстати, и лидера, Бориса Батуева) самым печальным образом подвели под самые тяжелые пункты зловещей 59-й статьи. Цитирую по протоколу от 12 октября 1949 года: «На предыдущих допросах я уже показал, что мы стремились создать широкую нелегальную организацию и воспитать в ней такие кадры, которые были бы способны удалить от занимаемых постов руководящие партийные кадры ВКП(б). Мы ставили задачей борьбу с ВКП(б) и как очередную цель — приход к власти партии КПМ». Дал Толик Жигулин и показания о «намерении КПМ захватить власть вооруженным путем»...

Вот откуда они взялись, те обвинения («подтвердившиеся»!) в подготовке террора, а отсюда и страшенные сроки мальчишкам и девчонкам. В первую очередь А. Жигулина и Б. Батуева надо за те сроки «благодарить» — остальные поначалу только твердили, как и заранее договорились (и как было на самом деле): хотели помочь партии и комсомолу в воспитании настоящих коммунистов. Но следователи их подвели под жуткий жигулинско-батуевский знаменатель; кого раньше, кого позже, но подвели всех, опыта у негодяев было в достатке.

Такое на себя и товарищей (пусть и уже восемь месяцев как бывших) добровольно не наговоришь. И кто нынче бросил бы камень в тогдашнего Толика Жигулина, скажи он в «Черных камнях» всю правду о своей роли в том, что такой страшной оказалась расправа? Испугался, поддался на уговоры «следователей и сокамерников», как позже скажет А. Жигулин в процессе реабилитации. Но эта правда не сказана А. Жигулиным до сих пор, а свою простительную (мы, как говорится, там не были, не нам

* Любопытная деталь: «свой» список названных автор повести «Черные камни» скромно сокращает или вовсе опускает. О лично им выданных следствию А. Жигулин заговорил лишь в интервью «Книжному обозрению» (от 18 ноября 1988 г.), да и то лишь отвечая на мою статью «Россказни» о его повести. Свою словоохотливость Анатолий Владимирович объясняет тем, что он назвал только одноклассников, знакомых, но никак не членов КПМ. Это неправда: следователь спрашивал только о членах организации, и ближайший друг Радкевич именно в этом качестве Толиком Жигулиным назван. Ныне А. Жигулин утверждает печатно и устно, что мою статью вообще не читал. Но он, наверное, читал выписку из подлинного дела, которую я 29 сентября 1988 года передал главному редактору «Знамени» Г. Я. Бакланову (подробнее об этом ниже), там жигулинский список выданных приведен, и Анатолий Владимирович решил его оправдательным для себя манером опережающе объяснить... — **Прим. автора.**

судить) мальчишескую вину А. Жигулин прицельно переложил на прототипа «Чижова». Именно на того, кто, скажем, забегая несколько вперед, держался как раз крепче других и дольше других.

Ради раскрытия этой сегодняшней неправды пишутся настоящие строки — и как же они нелегки!

Как много темного и тяжелого в том давнем деле. Против его раздувания, как свидетельствуют воспроизведенные в очерке В. Кондакова и А. Пятунина докладные тогдашнего начальника УПМГБ по Воронежской области генерала Суходольского, был поначалу он сам, Суходольский. Но что ему оставалось делать после таких показаний Б. Батуева и А. Жигулина? Тем более что заместитель Суходольского Литкенс изначально вел за спиной начальника свою игру. Очевидно, с показаниями самыми «жареными» — о намерении «захватить власть» — Литкенс, воспользовавшись отпуском Суходольского, съездил на прием к Абакумову. Признания Батуева и Жигулина получены 17—18 сентября 1949 года, а уже 22 сентября датирована исполненная Литкенсом и перепечатанная машинисткой Жданевич докладная Абакумова Сталину с просьбой разрешить арест Батуева, Луткова, Рудницкого (Жигулина в этом позже расширенном до 23 человек списке еще нет). И завертелись жернова! Представим же себе сейчас эту маленькую вихрастую группу — двадцать один юноша, двое девчонок, которую изощренные негодяи в штатском повели на проклятую бериевскую живодерню. Представим и с болью задернем занавес за тем актом драмы — протяженностью, как оказалось, в 40 лет.

Почти сорок лет они жили, вспоминали, хранили дружбу. Начинающий, а потом все более уверенно становящийся на ноги при своей поэтической «трудной теме» Анатолий Жигулин дружил с Геннадием Лутковым особенно тесно и сердечно (сохранилось около сорока его писем нынешнему «Чижову» 1958-го — конца 70-х годов — лично я очень хотел бы получать такие письма от своих друзей, столько в них доверительности, нежности и памяти о совместно перенесенных испытаниях). Ничего не возьмусь объяснять, жутким парадоксом пусть и останется: именно на интимнейшего друга трех десятилетий переложил Анатолий Жигулин тяжесть своего тогдашнего мальчишеского испуга. Причем нельзя даже спасти себя от этой тяжести предположением, что Анатолий Владимирович лишь сейчас узнал о «предательстве друга»: при окончании следствия он, как и все остальные, с показаниями всех привлекавшихся к делу ознакомился до листика.

Парадокс, парадокс: именно тогдашний (из писем Жигулина другу) Генаша Лутков, нынешний Лутков Геннадий Яковлевич, тоже поэт и тоже член Союза писателей, вел себя на следствии так, как себе приписал его нынешний обвинитель!

В фондах партийного архива Воронежской области сохраняется апелляционное дело некоего Михайлова, как и большинство его коллег по делу КПМ исключенного из партии, разжалованного и т. д. Бюро Воронежского обкома КПСС рассматривало его апелляцию 22 января 1959 года и отклонило ее. Вот из соответствующего документа я узнал, сколько все-таки держался, «не давая требовавшихся следствием показаний», Генаша Лутков. Он почти пять месяцев, с 17 сентября 1949 года по 10 февраля 1950 года, повторял, спасая, как умел, себя и товарищей от самого худшего: о вооруженном восстании не помышляли, хотели помочь Сталину воспитать достойных коммунистов.

Его не били (на этом следствии не били никого — необходимости не было), просто не давали спать и шантажировали тем, что тяжело больна мать (она действительно умерла, когда Геннадий Лутков был в концлагере), что отца лишили звания и пенсии. Он не признавал «террористического» заговора — того самого, который лидер КПМ Батуев и добровольно вышедший Жигулин признали на первых же, не забудем, своих допросах еще в сентябре! Луткова, наконец, передали этому самому Михайлову, и уже на втором допросе у него Лутков «признался». Вот это-то партийной комиссией 1958 года и было признано главным доказательством того, что Михайлов применял запрещенные приемы дознания...

Документы партийного архива Воронежской области подтвердили для меня и то, что позже прочел в воспоминаниях Г. Ефтокина — только эвфемизма «помощники» не встретилось, а говорилось определенно об агентуре УМГБ в рядах капеэмовцев. Кто эти люди, как чувствуют себя сейчас — наверное, лучше не доискиваться.

Смутна, темна роль в этом деле кое-кого из ныне здравствующих бывших членов КПМ, которых А. Жигулин то ли изобразил, как и покойного (автомобильная катастрофа в 1970 году) Бориса Батуева, рыцарями без страха и упрека (возложив на Батуева, кстати, и главную миссию — свидетельствовать о «предательстве Чижова»), то ли водит их на собственные авторские вечера в Воронеже.

Для меня до сих пор остается загадкой, как мог Борис Батуев уже после вызова в УМГБ в начале 1949 года, задолго до сентябрьских арестов, — именно после вызова как мог он развернуть, собственно, настоящую вербовку неофитов (десятков парней и девчат) в КПМ-2? Его близкий друг Егор Киселев (сейчас он, правда, называет себя Юрием) рассказал корреспонденту «Комсомолки» Е. Яковлевой (беседа эта под названием «Борьба и победа» опубликована 31 августа 1988 года), что после его и Батуева приглашения в УМГБ он с лидером КПМ «сцепился»: прекращаем! «Борис не соглашался, — комментирует журналистка, — и росли новые «пятерки». Показаниями Е. Киселева на первом допросе этот факт подтверждается. Что это было — мальчишеская бравада? Расчет перепуганного школьника на то, что «весь класс в угол не поставят»? Или парнем кто-то манипулировал, оставаясь в тени? Мертвый Борис Викторович Батуев уже ничего не расскажет, а с материалами агентурного наблюдения за КПМ-2 я незнаком (если они вообще могут быть когда-либо подняты).

Есть, однако, свидетельства, позволяющие угадать за спиной Бориса Батуева чью-то уверенную, профессиональную руку. Помните в «Бесах» Ф. М. Достоевского сцену «У наших», когда провокатор Верховенский просит Ставрогина и Кириллова принять молчаливую роль «представителей интернационалки» ради вящего воздействия на собравшуюся в доме Виргинского пеструю диссидентскую компанию? Точно такая же сцена была и в реальной истории КПМ-2: Борис Батуев летом 1949 года представил своим ребятам молодого человека в военной форме, сказав, что он —

представитель «московского центра». Позже этот молодой человек, ныне живущий в Воронеже Василий Иосифович Туголуков, также получил свои десять лет. Об этом эпизоде Василий Иосифович нынче не вспоминает на различных встречах с читателями жигулинской повести! И, кстати, он до сих пор убежден, будто его выдал «Чижов». А это не так — имя Туголукова стоит в первом протоколе Б. Батуева, «Чижов» (Лутков) его не назвал.

Необъяснима и нынешняя позиция воронежского инженера Егора Степановича Киселева, азартно и агрессивно подтверждающего все, что написано в сочинении А. Жигулина. Еще более необъяснимо его тогдашнее поведение. Сообщивший на первом своем допросе, что он, Жигулин и Акивисон договорились выйти из КПМ (тут же дав на своего друга Батуева, несомненно, отягчающие его судьбу показания: «Батуев отказался распустить организацию»), Киселев в КПМ, однако, остался тогда, бывал на собраниях. А о том, что он и Батуев уже приглашались в УМГБ, то есть о том, что организация раскрыта и контролируется, ребятам не сообщал (вот тебе и «сцепился с Батуевым»). А ведь на той «беседе» в УМГБ в начале 1949 года Киселев — это в деле зафиксировано — рассказал все, что знал, о структуре КПМ-1, назвал имена...

И последнее о том, как «сцепились» Киселев с Батуевым: по свидетельству тогдашнего казначея КПМ, ныне геолога-поисковика на Ямале Леонида Серафимовича Сычева, они изъяли у него и прокутили денежные накопления организации.

В компании, вместе с которой А. Жигулин при своих приездах в Воронеж позирует перед кино- и телекамерами, выступает на встречах, организуемых воронежским отделением общества «Мемориал», и охарактеризованный в «Черных камнях» храбрецом из храбрецов Николай Стародубцев (ухитрившийся назвать следствию среди 26 других и собственную родную сестру).

Можно понять этих и еще немногих других из девятнадцати ныне здравствующих бывших членов КПМ: автор «Черных камней», не обратившийся к ним, как и к архивам, в ходе «творческого процесса», поставил их перед фактом. Их первоначальные колебания (ими бывшие капэмовцы еще делились с комсомольской журналисткой Е. Яковлевой летом минувшего года) сменились согласием. Так что сдвинулись, завертелись жернова неправды, перемалывая — как и тогда, в недоброй памяти 49-м, только, так сказать, с противоположным «перестроечным» знаком! — исторические факты, судьбы и репутации живых людей. Но даже сейчас трудно безоговорочно осудить Киселева, Рудницкого, Стародубцева или даже Жигулина: люди устраиваются как могут, их жизнь клонится к закату, а каждому ведь вольно полагать, что он от нее чего-то недополучил.

Только, возвращаясь к началу нашего рассказа, совершенно невозможно понять множество читателей не наивных, профессиональных служителей истины — критиков и журналистов, с азартом кинувшихся раскручивать те жернова.

Как понять редактора воронежской комсомольской газеты Ивана Щелокова, его зама Владимира Колобова и подчиненных Евгения Бусалаева, Александра Сорокина, как понять местно известных критиков В. Семенова, О. Ласунского, поднявших невероятный шум ради недопущения к публикации материалов, основанных на подлинных документах и живых свидетельствах, — причем и видимой корысти-то люди не имеют? Но, седины свои презрев, обрывал В. Семенов телефоны обкома партии и редакций, вдохновенно импровизируя, как слег при смерти «последний поэт сталинской Колымы», прочитав скептический отзыв о своем творении (поэт же, восстав с одра, на который и не думал бесповоротно ложиться, своего воронежского спасителя дезавуировал, печатно сообщив, что соответствующую статью не читал и читать не намерен). Ведь припрятал же завотделом писем Бусалаев шедшие не в масть читательские отклики, ведь изготовил же задним числом Сорокин коллективное письмо в поддержку А. Жигулина, коего редакция воронежской газеты не получала (когда делом заинтересовалась областная прокуратура, письмо вдруг нашлось... в рабочем столе все того же «последнего поэта», оно было продиктовано из Москвы по телефону). Ведь требовал же Колобов психиатрической экспертизы для осужденного к десяти годам лагерей бывшего казначея КПМ Л. С. Сычева, а иначе ни в какую не хотел публиковать его воспоминания.

В то же время к спасению авторской репутации А. Жигулина в глазах воронежского читателя бравые младокоммунаровцы подключили, шутка ли, народного депутата СССР — «неформала» Владимира Кириллова. Этот заявил печатно, что именно публикация «Советской России» (!) убедила его в факте подпольно-антисталинской активности КПМ. Основания? А вот какие: в журнале КПМ рекомендовалось читать книгу о франкистском режиме в Испании, а сам депутат понял, что такое сталинизм, когда начал читать об Испании Франко... Логическая мощь такого умозаключения, конечно, впечатляет. Только вопрос: как быть с тут же, в упомянутом депутатом очерке, приведенными д о к у м е н т а л ь н ы м и данными, версию «антисталинизма» капэмовцев начисто опровергающими? Даже как-то неуютно становится при мысли, что в решении судеб страны будет принимать законное участие депутат, со столь инфантильной наивностью демонстрирующий пренебрежение документированными фактами...

Но что там безвестная, да к тому же год от году скандально теряющая тираж областная «молодежка». Как понять «Комсомольскую правду», которую просто сизифовы усилия (целый уже том образует переписка с первым замом главного редактора Ядвигой Брониславовной Юферовой, ЦК ВЛКСМ и т. п.) заставили извиниться хотя бы перед Л. С. Сычевым, со страниц «Комсомолки» ославленным сумасшедшим.

Перед Л. С. Сычевым «Комсомолка» извинилась в анонимном материале «Еще раз о деле КПМ» (1 марта 1989 года). Сквозь зубы вынуждена была газета признать, что подлинное архивное следственное дело не содержит ничего, что позволило бы упрекать «Чижова» (Луткова, поскольку после очерка в «Советской России» реальное имя и навязанный его носителю жигулинский псевдоним связываются читателем вполне однозначно). Но перед Г. Я. Лутковым (еще ранее телеграфно требовавшим от Я. Б. Юферовой раскрытия своего псевдонима) извиниться у родной нашей «Комсомолки» духу не хватило. Наоборот: в анонимном материале со слов каких-то также анонимных (новация нынешней благословенной эры гласности) «других членов КПМ» утверждается, что «Чижов» их не устраивает «в первую очередь своей этикой поведения на следствии».

Никого не предал — но «этика поведения на следствии» не та.

Читатель, ты что-нибудь тут понимаешь? Если, конечно, не иметсн в виду то, что Г. Лутков, как мы уже знаем, не давал требовавшихся следствием показаний почти пять месяцев, а Киселев, Батуев, Жигулин выложили требуемое на первом же допросе, — ну что ж, тогда действительно, у них разная была этика...

Не прошу у читателя извинения за то, что снова погружаюсь в кажущиеся второстепенными детали теперь уже третьего (в 1949 и 1956-м были дела следственное и реабилитационное) «дела КПМ». Они важны потому, что дают возможность получить суждение о некоторых характерных приемах некоторых особо авангардных органов нынешней гласности. Один из этих приемов мы знаем: сам говори, а возражать не позволяй. Другой я бы так сформулировал: забудь сегодня, что врал вчера, кто станет копаться в прошлогодней подшивке?

Кое-кто в редакции «Комсомольской правды» этот прием, кажется, усвоил. В материале «Еще раз о деле КПМ» первомартовский безымянный автор ссылается в своих выводах на «архивы». И журналисты «КП» Е. Яковлева и Д. Муратов, уже напечатавшие по делу КПМ две статьи объемом в тысячу и шестьсот строк, наконец-то до архивов снизошли (после очерка в «Советской России»). Из архивов-то им и стало ясно, что «Чижов» не «предатель». Но 25 октября 1988 года те же авторы писали: подлинному архивному следственному делу КПМ «доверять... разумеется, нельзя — уже не секрет, что задним числом фабриковались показания в органах «тех» лет». А вот теперь, когда, грубо говоря, к стенке приперли — мгновенно повернули не только официальному делу КПМ, но даже... самооправдательным записям исключенного из партии Суходольского! Ай да коллеги — прямо на ходу подметки рвут!

Но основным приемчиком все же остается тот, первый — избирательный запрет.

Читатель может у меня спросить: журнальный вариант повести появился в июле — августе 88-го, нынче на дворе поздняя осень 89-го, где же ты был, автор, со своим текстом так долго? Отвечу: я стучался в разные двери неравнодушных к правдеистине периодических изданий столичной прописки (огромное пятнадцатитомное дело, а тем более его современные отголоски, очерком В. Кондакова и А. Пятунина, понятное дело, не исчерпалось).

Для начала двинулся я 29 сентября минувшего года на прием к человеку (которого многие воронежцы еще помнят школьником Гришей Фридманом), миру известному как один из главнейших прорабов нашей перестройки. Главный редактор «Знамени» принял земляка, с любопытством прочел (оставил у себя и не вернул — хорошо еще, что копия была) обширную официальную выписку из протоколов первых допросов Жигулина, Батуева, Луткова и других. Но напечатать мой отклик категорически отказался: «Лутков? Знать такого не знаем! «Чижов»! Запомните — «Чижов»!» Вторую же встречу через несколько дней Григорий Яковлевич Бакланов закончил и вовсе неожиданно (все-таки столица, Кремль в двух шагах, Спасскую башню слышно, как о том сообщила со значением одна из ныне многочисленных интервьюерш знаменитого писателя и общественного деятеля): «Я знаю, кто вам сделал эту фальшивку, — разумелась та самая архивная выписка, оглядываясь на которую А. Жигулин уже в ноябре оправдался насчет выданного им Радкевича и других, — я знаю и кто вопросы к воронежской прокуратуре помог составить. Это фальшивка — тут в кабинете генералы бывали!»

Уж не знаю, каких собеседник подразумевал генералов. Но кабинет — точно, только генералов и принимать: теплый, обширный, обшитый панелями желтого дерева.

В заключение же пообещал Григорий Яковлевич что-то такое обо мне сообщить воронежскому областному партийному руководству. И точно, сообщил. И по Центральному телевидению сообщил: вот он какой плохой, Коробков! По вопросу же о том, как влипло «Знамя» с этой самой повестью — ни полслова. Ну да тут главному редактору «Знамени» не впервой, еще ведь не отсмеялся читающий мир над инцидентом с угрозами прорабу перестройки от общества «Память»; тоже, между прочим, ни словечка комментариев не последовало.

И были еще желтопанельные кабинеты — это уже в Костянском переулке, где старый и пятнадцать лет беспорочный воронежский автор «Литгазеты» дошел до самого верха, но так и не получил права возразить прославляющим «Черные камни» и их автора статье Вл. Новикова и реплике В. Верина. В «Литгазете», правда, сразу поняли, что дали маху, и не угрожали и т. п. (Но — «Жигулина мы не трогаем», — сказала член редколлегии Светлана Даниловна Селиванова.)

А оба ленинградских прогрессивных органа (тоже ведь писал «невцам» в лице Бориса Николаевича Никольского и «звездниицам» на имя Геннадия Философовича Николаева) и старое доброе авторское прибежище «Литературное обозрение», — те просто промолчали, как будто каких камней набрали в рот.

Не возымел я ответа и от «Огонька», а ведь тоже кое-что посылал на имя Коротича Виталия Алексеевича.

Откликнулся только (вот ведь чудо, не зря говорят, что не самый это прогрессивно-авангардный из толстых журналов.) — «Октябрь». Но тут надо чуточку подробнее.

В апрельской за этот год книжке напечатал «Октябрь» богатую фактами статью Андрея Василевского «Страдания памяти». Ну а раз страдания, то как же без произведения А. Жигулина было обойтись в обзоре новейших достижений темы культа в литературе? И воспроизвел критик те пассажи жигулинской повести, где повествуется о том, как Батуев и сам Жигулин были столь потрясены картинами голодающей воронежской деревни, что стали на путь сознательной подпольной борьбы со сталинщиной и аггелами ее, — при этом, пишет А. Василевский, наверняка руководствовались примером своих сверстников из Краснодона.

Более внимательное, писал я в «октябрьскую» рубрику «Отклик», чтение «повести-документа» А. Жигулина могло бы все же побудить А. Василевского усомниться. Вот, скажем, сообщение А. Жигулина, что свой пистолет «вальтер» он примерно в то же время купил на толкучке за десять золотых пятерок чеканки 1909 года. Или на сцены, где лидеры КПМ упражняются на обкомовских дачах в стрельбе по арбузам влет, наблюдая, как те взрываются в воздухе. Отметил бы внимательный и этически ориентированный читатель (а критик-профессионал разве не дол-

жен быть таким читателем?) и многочисленные жирно написанные сцены выпивок под добрую закуску, за коими коротали время собравшиеся в будущем занять в ВКП(б) руководящие посты юные страдальцы за народ.

(В скобках замечу, что все эти сцены чаще всего вранье. Ибо за исключением сына секретаря обкома Батуева или сына областного прокурора капэмовцы и их семьи бедствовали тогда как все.)

А сколько буханок непайкового к моменту создания КПМ хлеба можно было бы купить для голодающих крестьянских семей на те золотые пятерки? (Снова в скобках: не было на самом деле ни пятерок, ни «вальтера» — по делу проходил сломанный, небоеспособный «наган», который, по свидетельству жигулинского товарища тех лет Л. И. Золотых, тот уступал за рюмку водки, но покупателя не нашел.) И еще вопрос к критику А. Василевскому: сколько лет давали крестьянину за унесенный с бахчи арбуз, столь зрелищно лопавшийся от пуль юных радетелей за колхозное крестьянство? И, похрустывая за водкой огурчиками (а сцен таких в повести хоть отбавляй), почему не задумались Батуев с Жигулиным да Киселевым, что уместно бы с себя начать очищение страны от скверны сталинщины, которая, между прочим, и возродила традицию государственного спаивания населения?

Ну и так далее — девять страничек, вырезки и пр. И факты.

Ответ из журнала был в трех строчках:

«Уважаемый тов. Коробков! К сожалению, не имеем возможности воспользоваться присланным Вами материалом, так как редакционный портфель переполнен. Рукопись возвращаем. Всего Вам доброго! Л. БУКИНА, редактор отдела критики».

И последний на момент завершения нашего рассказа эпизод новейшего «дела КПМ-3», связанного с прохождением правды о той давней и трагической истории.

Популярная программа Центрального телевидения «Взгляд» командировала в июне текущего года свою бригаду в Воронеж. Надо так надо — все бывшие капэмовцы, живущие в Воронеже, живущая в Белгородской области Валентина Жихарева (ей от абакумовского Особого совещания определено было маяться в лагерях три года, их она и отбыла) приготовились к встрече. Но, когда автор передачи Ольга Мельник уже готовилась со своим режиссером и операторами к отбытию, стало ясно, что допущены к предстоянию перед камерой только Киселев, Туголуков и прочие — исключительно по списку Анатолия Владимировича Жигулина. Дело знакомое! И битых три часа четверо немолодых мужчин, годящихся в отцы очаровательной посланнице «Взгляда», проповедовали ей желательность обращения к архивным материалам, советовали идти от жизни, а не от апробированного увертливым мифотворцем списка лжесвидетелей. В любом случае — диалог «сторон»: с Жигулиным были готовы встретиться хоть в прямом эфире, ответить на любые вопросы телезрителей и бывших товарищей по КПМ. Ольга Мельник проявила железную стойкость: «Я как автор передачи сама решаю, что записывать и с кем встречаться».

Вот пока, на момент отсыла этих строк в редакцию журнала, и все. Хотя, конечно же, далеко не все, ибо присутствие духа и связи А. В. Жигулина в определенных литературных кругах и

около них кажутся безграничными. И мы, боюсь, еще почитаем в журналах, толстых и полутолстых, в газетах, еженедельных и ежедневных, о том, как в черные, страшные годы сталинщины поднялась на борьбу с нею полурота юных воронежских предтеч демократизации под испытанным соруководством «последнего поэта сталинской Колымы», бывшего одно время даже кандидатом на получение Государственной премии РСФСР, Анатолия Владимировича Жигулина.

Ах вы, гласность наша с плюрализмом — драгоценнейшие дети, близнецы-диоскуры нашей революционной перестройки, что же с вами все-таки происходит?

Как раз в эти горячие месяцы читал я «Зрячий посох» Виктора Астафьева, встретилась там цитата из Горького, очень, как уверен, точно накладывающаяся на нынешнюю, «третью» драму воронежских теперь уже не ребятишек, которых когда-то включали-заманивали в литкенсовский список жертв чьих-то карьеристских амбиций.

«В своем чистом виде, не связанная с интересами личностей, групп, правда совершенно неудобна для использования обывателей и неприемлема для него», — истину Горький сказал! Вот вышла вещь — неправдивая от А до Я, нечестная ни к живым, ни к мертвым, но отвечающая нашим свыше разрешенным установкам и ориентировкам. И мы, мгновенно в этой мифологии угревшись, причем видя, какими белыми нитками она шита (о том нам и Ольга Мельник говорила, и мне «литгазетовцы»), просто железной рукой в духе прежних времен, готовы мифологию защищать. «Против Сталина же»! А «Совроссия» Нину Андрееву напечатала! — сколько такого пришлось услышать...

Совершенно неудобна правда о КПМ для использования обывателем. В реальности — что ни эпизод поведения Батуева ли, Жигулина, Киселева и других тогда и сейчас, то и загадка, неоднозначность, истинно сногсшибательная смесь идеализма с черт его знает чем. Чем больше в это дело влезаешь, тем безнадежнее тупики — не фактов, нет, тут-то все написано протокольным пером как топором, — а мотивов, психологических обертонов, внутренних переходов! Ведь приходят же иные из нынешних «жигулинцев» по пьяному делу к «предателю», о котором знают они, что никакой он не предатель, — и стонут. Но потом... Впрочем, журналистам нынешнего младого племени нет дела до этих тонкостей. У них — заказ от органов «либерального авангарда»!

Обывательщина всегда влечется в примитив. Ее вопрос к реальности — не что происходит, а кто из какого детского садика. Ее эстетика — мода и сенсация (читайте, читайте «Черные камни»: уж что-что, а запросы р ы н к а засвидетельствованы здесь с документальной точностью), она на все заранее знает ответ! Не потому ли ей никогда не нужна «правда факта», «документа»? Факт непредсказуем, алогичен, неприручен — всю неподъемную для дюжинного ума сложность житейской диалектики вместил он, всю неотрежиссированность действительных событий, всю изнурительную многослойность реальных событий и характеров.

Пятнадцать томов фактов — давнего, абакумовцами слепленного, на пустом месте слепленного дела... А сколько миллионов подобных им — дай бог, чтобы не попали они в руки ловкие и неразборчивые. Эти строчки — только материал для того, у кого достанет времени попытаться во вседержавном масштабе про-

следить, как же ловко и оперативно успевает обыватель распорядиться на потребу себе историей беспредельно сложного нашего семидесятилетия. Которое, еще не будучи толком узнано, корыстью строчащего борзо литобывателя уже вновь расписывается по клеточкам некоего «Краткого курса наоборот»!

Да кто вообще нынче, кроме трех-четырех битых-клятых журналов, решается говорить о том времени всю правду? Прочие работают по старым ждановским методологическим шпаргалкам, только что поменяв местами плюсы-минусы, героев с «врагами»: вот вам герои — вот иуды, вот осаннопевцы — вот «Сопротивление».

А между плюсами-то осталась, как и тогда, правда. И уходит она, уходит опять в нерезкость, перекрикивается слаженным хором: кому выгодно? консервативные силы! общество «Память»! прокурор Шеховцев! Опять не образы, а маски, не исследование, а преследование, не смыслы, а знаки.

Но я, пожалуй, опять отвлекся. А впрочем, нет: железный отпор прогрессистов рискнувшему воскликнуть «а король-то...» — этот отпор был не неожиданным, знал, на что и против чего шел. Что ж, опять покатимся в застой или во что еще похуже, если не утвердится в обществе единственный из культов, который не требует ни крово-, ни слюнопролития: культ факта, культ правды действительно бывшего? И настоящего. Горько и тревожно, когда молодые (сотни подписей «в защиту Жигулина» собраны были минувшей осенью в Воронежском университете, а повесть читали едва десятки из подписавшихся, не говоря уж о «деле», архиве), очертя голову кидаются на лукавый зов очередного гаммельнского дудельщика. О какой тут «необратимости перестройки» можно говорить, пока в головах еще врублено и втемяшено: вопросы о чем бы то ни было можно решать не от фактов, а от «народного мнения».

Сколько мифов разрушено на наших глазах, а работы все еще едва початый край. «Кому выгодно?!» — сколько крови оправдано этим было «тогда» и сколько велеречивого вранья уже оправдывается сейчас. Конечно, можно понять тех, кому претит любое «тут ни прибавить, ни убавить» при освещении таких ведь недавних темных страниц нашей истории. Эти люди (я не о профессионалах слова сейчас, эти-то знают, что делают) искренне, может статься, верят, что надо заменить одни зоны вне критики другими, ибо мы лишь одной ногой вылезли из того проклятого кровавого болота.

Но если с азартом кидаются защищать кооперативчик новых мифотворцев, если рискнувшему сказать «вот как было-то!» затыкают рот, если факту сгибают холку перед умозрением, — далеко ли до того, чтобы вернуться в то болото и второй ногой?

Причем вернуться под всеми новыми лозунгами, лишь заменив безликую цензуру чиновников цензурой группочек и групп. История — она любит такой вот черный юмор.

История одной полемики вокруг одной лжедокументальной повести (впрочем, какая тут полемика — в основном пендели в одни ворота) показывает, как же недалеко мы еще ушли.

●

Багаудин КАЗИЕВ

ЛАУРЕАТ ИЗ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК... ИЛИ ОБ ОЧЕРЕДНОЙ ФАЛЬШИВКЕ «ОГОНЬКА»

Читатель вряд ли поверит, если я скажу, что Иосифа Бродского, ныне нобелевского лауреата, два десятка лет назад кое-кто побаивался, а кое-кто защищал от треволнений жизни более рьяно, чем ныне.

На моего предшественника, взявшегося за перо двумя десятилетиями ранее меня, чтобы рассказать о том, кто такой Бродский, неожиданно обрушились угрозы, проклятия, ложь, клевета, оскорбления... Эти угрожающие письма и звонки, как ни странно, имеют место и по сей день. Не потому ли. что, находясь от нас за тысячи верст, И. Бродский воздействует на интеллектуальную жизнь Ленинграда, например, едва ли не сильнее, нежели, когда он пребывал здесь непосредственно. Не указывает ли это на то, что источник его «мощи» находится за океаном. Недаром же его так тянуло туда — на свою духовную родину, к почве которой он припал и быстро преисполнился се предприимчивым духом и деловым пафосом.

Мой предшественник — Яков Михайлович Лернер. Еврей. Подчеркиваю это потому, что он счел нужным начать наш

разговор при знакомстве именно с этого, с того, что он еврей. Может быть, потому, что и его оппонент — Иосиф Бродский — тоже еврей. Авось, мол, не обвинят в антисемитизме.

Яков Михайлович роется в своем обширном архиве, достает, складывает в стопку касающиеся Бродского документы. Стопка растет...

Вас, наверное, интересует, какое отношение пенсионер Лернер имеет к нобелевскому лауреату Бродскому.

Четверть века назад, в феврале — марте 1964 года, в городе на Неве состоялся судебный процесс, точнее сказать — общественный суд, на скамье подсудимых которого сидел... Иосиф Бродский. А начальником ДНД, которая, так сказать, «брала» последнего, был Лернер Яков Михайлович. Вот как он сам описывает те давние события.

«В 1963—1965 годах я был избран по месту жительства — в Дзержинском районе г. Ленинграда, командиром оперативного отряда 12-й добровольной народной дружины. В этом качестве я и столкнулся впервые с И. Бродским, который жил в этом же районе вместе с отцом и матерью — Бродским Александром Ивановичем и Вольпер Марией Моисеевной».

В октябре 1963 года к Лернеру обратился завотделом общественного порядка Ленинградского горкома ВЛКСМ Г. Иванов. Он официально просил рассмотреть вопрос об И. Бродском, который долгое время нигде не работал. После этого Лернер стал искать встречи с молодым человеком, но тот, однако, не спешил объявиться, уклоняясь под разными предлогами от разговора с командиром ДНД.

Друзья Бродского предъявляют Лернеру совершенно нелепое обвинение. Они утверждают, будто бы процесс над их дружком был организован именно им. Разумеется, это не так. Лернер причастен к этому делу потому только, что являлся в то время командиром ДНД района, в котором проживал Бродский. Правда, он опубликовал в «Вечернем Ленинграде» статью «Окололитературный трутень», написанную в соавторстве с А. Иониным и М. Медведевым. Но суд над Бродским стал возможен лишь благодаря Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, не занятыми общественно-полезным трудом и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». По этому указу были осуждены многие тунеядцы, именно за тунеядство судили и Бродского.

Впрочем, Яков Михайлович не скрывает своего отношения к Бродскому. И дело тут не только в том, что ему пришлось пережить немало неприятных моментов в связи с этим процессом — ему и угрожали, и обзывали по-всякому. «Ты еще жив, сволочь!..», «кэгэбэшник проклятый!..» — вот лишь несколько образцов оскорблений, которые приходилось, да и по сей день приходится выслушивать Якову Михайловичу.

В последний раз люди Бродского посетили Лернера недавно, года полтора назад. Причина визита — с т е н о г р а м м а. Скромный молодой человек в строгом костюме, ссылаясь на причастность к известной организации, просил передать ему документ.

— Я знаю, он у вас есть, — волнуясь, проговорил он. — Дайте... Он нужен...

Дело в том, что Яков Михайлович, присутствовавший на злополучном «судилище», сделал магнитофонную запись процесса. Вот

передо мной фотография тех лет: на переднем плане — Яков Михайлович в зале суда, перед ним — блокнот, в руке — магнитофон. По его сосредоточенному лицу видно, что он занят какой-то важной работой.

Для полной ясности познакомлю вас с одной справочкой. Она составлена 20 июля 1964 года, через три месяца после суда над Бродским, и адресована прокурору Дзержинского района Ленинграда товарищу Костакову.

«Направляю Вам запись на пленке хода заседания общественного суда над тунеядцем И. Бродским в связи с распространением друзьями Бродского и поэтессой Грудининой лживой записи, сделанной гр. Вигдоровой, где утверждается, что Бродского судили не как тунеядца, а как поэта. Гражданин Ентин, о котором Вам известно, в беседе со мной заявил, что эти записи Вигдоровой якобы отправлены за границу. Ентин способен и выдумать, поэтому я ему не верю, что записи ушли за границу.

Прошу после прослушивания пленки и сравнения ее с записями гр. Вигдоровой для установления подлинности происходившего на общественном суде и принятия мер пленку возвратить в штаб 12-й ДНД.

ПРИЛОЖЕНИЕ: кассета пленки с записями хода суда над тунеядцем И. Бродским. Командир 12-й добровольной народной дружины Я. М. Лернер».

Так вот ее-то, эту самую запись, вернее, сделанную с нее стенограмму, и желал заполучить молодой человек в строгом костюме.

Яков Михайлович уже готов был пойти ему навстречу, да в последнюю минуту усомнился: попросил показать удостоверение. И тут молодого человека точно подменили. «А-а, кэгэбэшник! — зарычал он, оставляя роль серьезного мужчины. — Русским продался!..»

Лернер попросил «гостя» очистить помещение. Он понял, что под строгим костюмом детектива скрывался ярый поклонник нобелевского лауреата.

Хочу обратить ваше внимание на одну деталь: стараясь уязвить Лернера, его оппоненты то и дело повторяют фразу «русским продался!..», точно речь идет о каком-то иностранном резиденте, переметнувшемся на сторону русских. Не странно ли это? Ведь и Лернер, и молодой человек в строгом костюме, и русские — граждане одного и того же государства! О какой же продажности может идти речь? Представьте себе, что один гражданин Франции сказал бы другому гражданину Франции, что он-де продался... французам! Что подумал бы этот гражданин о своем соотечественнике!.. У нас же такое можно услышать. Не раз я бывал свидетелем того, как один литовец говорил о другом литовце, что он продался русским, потому только, что тот женат на русской или даже просто учился в России. Да и мне самому не раз приходилось выслушивать подобное обвинение — «продался русским!». Причина? Та, что я пишу на русском языке, люблю русскую литературу, верю, что Русь — жива и еще скажет свое слово!

Но Бродский и К° уверены, конечно, в обратном. Сам нобелевский лауреат иначе как х а з ы р и м (свиньи *(евр.)*. — Б. К.) русских не называет.

— Опомнитесь, — заявил он Якову Михайловичу во время одной из бесед, — нас же окружают одни хазырим!..

Лернер встречался с Бродским несколько раз. Не только долг службы побуждал его к этому, но и просто человеческий долг.

«Хотелось помочь ему, — рассказывает Яков Михайлович. — Ведь он был тогда совсем еще молодой человек. Заблуждался. Молодости это свойственно. Однако, несмотря на молодость, был он крайне заносчив и высокомерен. Как-то я предложил ему идти в литературное объединение при газете «Смена». Бродский расхохотался. «Пусть они у меня учатся. Я больше их знаю!..» — был ответ.

Ну что сказать на такое. Я растерялся и сказал уже построже:

— Иди работать!

— Пускай ишаки работают! — закричал он, побледнев.

После таких слов я закипел весь, но все-таки взял себя в руки, сдержался.

Бродский все время пытался играть на национальной струне.

— Яков Михайлович, — говорил он трагическим голосом. — Вы же тоже — еврей!.. — и замолкал с таким видом, что этим-де все сказано».

На этой струне не прочь были поиграть и родители Бродского. Я читал их письмо Лернеру. «Дорогой Яков Михайлович, помогите нам вывести на дорогу сына, который у нас один, — писали они, зная, что судьба их Иосифа зависит (в какой-то степени) и от Лернера. Ведь Иосиф такой же еврей, как и Вы, а Вы ведь знаете, как эти хазырим (разрядка моя. — Б. К.) нас любят...»

Опять хазырим! Опять ненависть!

Я спросил у Лернера, насколько ненависть Бродского к Советскому государству имела национальную окраску.

Лернер взял стенограмму и дал мне прочесть несколько мест из нее. Вот они, эта места.

Бродский: «...здесь сидят все те, кто ненавидит евреев!»

Эткинд (свидетель): «Бродский гениальный поэт, и его преследуют за то, что он еврей, и состряпали это дело антисемиты».

Бродский: «...в Союзе все они там антисемиты и фашисты! <...> все они связаны с милицией и партийными секретарями и не дают жить так, как хочется, особенно если еврей...»

Бродский (выслушав решение суда): «Все понятно. Я от антисемитов ничего хорошего не ждал...»

Как видим, ненависть Бродского очень сильно национально окрашена. По существу, понятия советский и антисемитизм сливаются для него в одно понятие. А советский — это, конечно, русский, а русский — это, разумеется, хазырим.

Такая вот логика.

Интересно, откуда в таком молодом человеке, каким Бродский в то время был, взялось столько ненависти к народу, среди которого он родился и рос, культурой которого питался, на языке которого писал свои пресловутые стихотворения?! Неужели те русские, с которыми он встречался изо дня в день, только тем и были заняты, что давали почувствовать бедному Бродскому, что он еврей? Неужели это единственное, что он слышал от них? Сомневаюсь в этом.

Конечно, в жизни бывает всякое, вполне может быть, что впечатлительного Иосифа кто-нибудь и оскорбил в детстве; но, уверен, случаев проявления доброты, чуткости, понимания было гораздо больше. Почему же малое плохое так легко перевесило для Бродского многое хорошее? Почему оно заслонило все то многое, прекрасное, возвышенное, благородное, что дала ему великая русская литература? Почему?

Русские люди, по моим наблюдениям, весьма мало обращают внимания на национальность человека, она для них при подходе к нему не имеет решающего значения. Личные качества, конкретный характер — для них важнее, чем отвлеченная общая характеристика, каковой является национальность.

Эмпиризм русских, стремление изучить как следует предмет, прежде чем делать выводы, обобщать — замечен уже давно. Вспомним такие русские пословицы: семь раз отмерь — один раз отрежь; лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; доверяй, но проверяй... Они, конечно, не исчерпывают всю глубину русского характера, но, согласитесь, говорят о многом.

В чем же причина такого озлобления Бродского против русских? Этот вопрос, кажется, озадачил Лернера — сам он далек от подобного отношения...

Вот я держу в руках письмо Якова Михайловича. Оно адресовано Леониду Ильичу Брежневу. Да-да, тому самому, произведениями которого так самозабвенно восхищались недавно будущие «прорабы перестройки». Но в отличие от них Лернер ему дифирамбов не пел:

«Уважаемый Леонид Ильич! Извините еще раз за беспокойство, но пишу Вам снова, потому что на мои первые два письма и документы, которые я Вам послал, ответа я так и не получил. А вот угроз за правду, которую Вам написал, получаю достаточно. Мне угрожают, требуя моего отказа от сообщенных Вам подлинных фактах своеволия, обмана партии, существующих в Ленинграде, благодаря первому секретарю обкома партии*, о котором говорят, что он Ваш любимец и поэтому, что бы он ни натворил, ему, как и Романову, все сходит с рук.

Мои друзья мне говорили, чтобы я Вам не писал, так как определенно угожу в тюрьму, но ведь я — коммунист и этого не боюсь. За правду можно все перетерпеть...»

В тюрьму Лернер угодил, а до этого помощник секретаря обкома партии, вызвав его к себе, заявил буквально следующее: «Жидовская морда, не суй свой нос куда не надо или же отправишься к праотцам!..»

Лернер, однако, не сделал из этого заключения, что все русские «хазырим», не озлобился, понимая, что русский народ — это одно, а этот секретарь обкома нечто совершенно другое. Так почему же озлобился Бродский?

— Не знаю, — задумчиво произнес Яков Михайлович, — были ли для этого какие-то конкретные причины...

* * *

Я сказал вначале, что Бродский набрал сейчас большую силу. Разве не так? Именно Бродский вкупе с Вознесенским, Евтушенко и еще бог весть кем формируют в настоящее время общественное мнение в литературных кругах Европы и США, имен-

* Речь идет о В. С. Толстикове.

но они указывают, ч т о в советской литературе ценно, а ч т о нет, именно они являются спонсорами так называемого «задержанного поколения» и возят этот выводок то в Бельгию, то в Англию, то в самою Америку в качестве первых поэтов и прованков России. Да, кажется, среди этих самых «задержанных» русских поэтов нет ни одного русского человека.

«Задержанное поколение...» Можно только удивляться самомнению этих «передовиков» — ведь всего несколько немолодых уже мужчин и женщин претендуют на звание целого поколения!..

Вернемся, однако, к их спонсору и духовному наставнику Иосифу Бродскому. Когда была опубликована стенограмма Фриды Вигдоровой в «Огоньке» (1988, № 49), Яков Михайлович испытал состояние, близкое к шоку. То же самое испытал и я, когда познакомился с вариантом стенограммы, которую показал мне Я. М. Лернер. С полной ответственностью могу заявить: один из этих двух документов фальшивый, поддельный. Нет необходимости скрупулезно сравнивать их для того, чтобы убедиться в этом, ибо уже самый зачин «огоньковской» публикации ставит в тупик. Судите сами:

«Прекратите записывать! — требование судьи. Фрида Вигдорова не прекращает.

— Отнять у нее записи! — выкрики из зала. Вигдорова записывает. Иногда украдкой, иногда открыто.

— Эй, вы там, которая пишет! Отнять у нее записи, и все тут! Фрида продолжает упорно».

А теперь обратимся к стенограмме Лернера:

«Савельева: Вызовите свидетеля Вигдорову.

Дежурный: Вигдорова о т с у т с т в у е т.

Савельева: Тов. защитник! Почему о т с у т с т в у е т свидетель защиты?

Топорова: Не знаю. Думаю, что суд можно продолжать.

Савельева: Ваше мнение, Бродский?

Бродский: Да, а что она нового скажет?! Согласен с защитником.

Савельева (советуется с заседателями): Заседание суда продолжается».

Ну как, читатель, изумлен? Каково же было Якову Михайловичу, когда он читал это самоотверженное «Вигдорова записывает...», «Фрида продолжает упорно...»

Вот его собственные суждения на этот счет: «Даже беглое ознакомление, а тем более внимательное прочтение мнимой «записи» Ф. Вигдоровой показывает, что в ней, кроме имен участников судебного процесса, нет ни одного, подчеркиваю это, ни одного подлинного факта! Не раз критиковали «Огонек» за различные подлоги, лживость, но такое, кажется, происходит впервые: под видом «неопровержимо точной» печатается явная и возмутительная фальшивка, опровергнуть которую может любой из присутствовавших тогда в зале суда.

Зачем «Огоньку» потребовалась такая, с позволения сказать, «публикация» — ведь не составило бы большого труда поговорить с очевидцами процесса».

В ситуации с различными версиями одного судебного процесса

я почему-то склонен больше доверять Лернеру, чем публикации «Огонька» и его главному редактору. Ведь Коротич меняет свои взгляды как перчатки: вчера он был п е в е ц застоя, сегодня — его б и ч, а кем он будет завтра — одному аллаху известно.

В стенограмме Ф. Вигдоровой кое-что совпадает со стенограммой Я. Лернера. Однако целый ряд незначительных — на первый взгляд! — изменений в тексте; некоторые новые акценты, которые мы обнаруживаем в огоньковской публикации, серьезно изменили «лицо» давнего процесса. «Огонек» представляет дело так, что судили п о э т а, судили за с т и х и, за т в о р ч е с т в о, а это не соответствует правде. За стихи Бродского о с у ж д а л и, а вот с у д и л и за другое — за тунеядство.

Впрочем, и в предисловии к огоньковской публикации Лидия Чуковская называет записи Ф. Вигдоровой то «неопровержимо точным» документом, то «художественным документом», как бы заранее списывая на «художественность» возможные неточности и несообразности. Какие? Ну хоть вот эта.

Один из свидетелей, заместитель директора Эрмитажа по хозчасти Логунов, судя по записям Ф. Вигдоровой, говорил на процессе: «С Бродским я лично незнаком. Впервые я встретил его здесь, на суде». А вот слова Логунова, записанные Я. М. Лернером: «...Встречался я с Бродским дважды». И далее: «Как поэта я Бродского не знал, а как хулигана очень хорошо».

И последнее. Лидия Чуковская в своем страстном предисловии сообщает: «Бродскому выпал завидный жребий отстаивать — и отстоять! — честь русской поэзии. Дома и за рубежом (особенно за последним! — Б. К.). Честь вооружить интеллигенцию для отпора бюрократии выпала Фриде Вигдоровой. Настойчивые защитники Бродского помешали бюрократии доконать поэта. Бродский вернулся из ссылки не через пять лет, а через полтора года».

Настойчивые защитники... Одно из двух: либо она не знает, кто они, эти настойчивые защитники, либо знает это чересчур хорошо, так что даже избегает назвать их имена. Оно и понятно, ведь первым ей пришлось бы произнести имя... Лернера! Да, да, Якова Михайловича, нашего скромного героя. Именно его подпись стоит под письмом, отправленным на имя прокурора Дзержинского района города Ленинграда. Перечислив несколько оправдательных обстоятельств, командир 12-й ДНД заключает:

«Исходя из всего вышесказанного, просим Вас войти в ходатайство перед судом о досрочном возвращении в г. Ленинград осужденного по Вашему представлению гр. Бродского...»

Через три месяца Бродский был освобожден.

●

Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ

ЭФФЕКТ КОЭНА — ГОРЕЛОВА: ТЕЛЕПАТИЯ ИЛИ ШАРЛАТАНСТВО

Скептики посрамлены! Наконец есть документальное свидетельство возможности телепатической связи. Это произошло благодаря выходу в свет книги доктора исторических наук профессора И. Е. Горелова «Николай Бухарин», подтверждающей своим содержанием успешный прием информации с помощью парапсихологических средств. Хотя о публикации книги было объявлено 5 ноября 1988 года* по московской программе телевидения (в ходе передачи автор без ложной скромности пожаловался, что тираж его произведения в 50 тысяч экземпляров — «это капля — в море»), но ни средства массовой информации, ни сам И. Е. Горелов не оповестили мир о совпадении значительной части этой биографии с отрывками из произведения другого автора. Если бы И. Е. Горелов пытался скрыть работу, содержание которой совпадает с его книгой (как это обычно бывает в случаях незаконного заимствования чужого материала), то у нас могли бы возникнуть нехорошие подозрения. Однако автор добросовестно разбирает ее в предисловии наряду с книгами своих предшественников, исследовавших жизнь и деятельность Н. И. Бухарина.

И. Е. Горелов. Николай Бухарин. М., «Московский рабочий». 1988 г.

* Подписано к печати 4 октября 1988 года

И. Е. Горелов суров, а порой и беспощаден к тем авторам, кто, по его мнению, внес «лепту в фальсификацию деятельности Бухарина». Особенно достается работам Ф. М. Ваганова, Г. А. Чигринова и других авторов, в которых, по словам И. Е. Горелова, «содержится искаженная картина идейной борьбы в партии в конце 20-х — начале 30-х годов», а «при чтении их книг словно попадаешь в королевство кривых зеркал». Автор подчеркивает, что его собственная работа — «одна из первых, ставящих своей целью объективно показать деятельность видного революционера и политического деятеля».

Не обошел вниманием И. Е. Горелов и усилия зарубежных ученых, особо отметив труд С. Коэна «Бухарин и большевистская революция»: «Достоинством книги является широкое использование советских и зарубежных источников. В ней приведен список избранной библиографии, насчитывающей 466 названий книг, брошюр и статей, которые получили соответствующее отражение в ее тексте».

Действительно, книга С. Коэна — плод основательной работы известного советолога (ныне он — директор программы русских исследователей Принстонского университета). С 1962 по 1969 год С. Коэн готовил докторскую диссертацию о Бухарине, а с 1969 по 1972 год перерабатывал ее в книгу. В 1980 году эта работа была опубликована издательством «Ардис» на русском языке (Энн Арвор, штат Мичиган), в переводе Е. и Ю. Четверговых и В. Козловского *.

Проявив несомненный интерес к труду своего предшественника, сославшись на него четыре раза, два раза процитировав С. Коэна и даже порекомендовав его книгу к изданию, И. Е. Горелов в то же время критически оценивает позицию американского автора («Со многими положениями С. Коэна мы не можем согласиться»).

Это неудивительно. Следует учитывать, прежде всего, что С. Коэн адресовал свое исследование американским советологам, под руководством которых он создал свой труд. Некоторые из них вскоре стали советниками государственного секретаря и даже помощниками президента США по вопросам национальной безопасности в период обострения советско-американских отношений. (В предисловии к нью-йоркскому изданию С. Коэн, в частности, особо благодарил Институт проблем коммунизма при Колумбийском университете и лично Збигнева Бжезинского.)

Эта идейно-политическая среда во многом определила отношение С. Коэна и к Октябрьской революции, и ее руководителям, что проявилось в его концепции «бухаринской альтернативы»: «Речь идет о непрекращающемся поныне развитии международного коммунистического реформизма, начавшегося в Белграде, получившего мощную поддержку в компартиях Польши и Венгрии после 1956 года, пережившего короткий период расцвета в Праге в 1960-х годах, ставшего частью еврокоммунизма в 1970-х годах и разворачивающегося в 1980-х годах в Китае в виде демаоизации». Необходимость же «бухаринской альтернативы»

* Перевод, надо сказать, высококвалифицированный, учитывает современный политический лексикон: уже в 1980 году переводчики неоднократно использовали слово «судьбоносный» для обозначения важных политических событий в жизни нашей страны (гл. 10, эпилог, переведенный В. Козловским).

для СССР С. Коэн обосновывает так: «Бухарин не был демократом. Как и другие основатели Советского государства, он ответствен за убийства сталинского режима». Тем не менее «бухаринская альтернатива» хороша для СССР, так как «бухаринизм был более либеральным и человечным вариантом русского коммунизма с его врожденными авторитарными традициями» *.

Видимо, И. Е. Горелов, заявляя о своем несогласии «со многими положениями С. Коэна», имел в виду и эти принципы, являющиеся основополагающими для американского автора. Тем поразительнее, что, помимо упомянутых шести ссылок на С. Коэна, мы легко обнаруживаем в книге И. Е. Горелова многочисленные случаи приближения к коэновскому тексту. Сходство между двумя книгами в последовательности изложения событий, использовании тех же самых фактов, статистических данных, цитат, выводах и подборе словесных выражений часто доходит до такой степени текстуального совпадения, что говорить о случайности не приходится.

И. Е. Горелов. «Николай Бухарин» (с. 64—65)	С. Коэн. «Бухарин и большевистская революция» (с. 65—66)
По заданию В. И. Ленина он (Бухарин) подготовил предложения по национализации промышленности и созданию органа по руководству экономикой. В соответствии с этими предложениями был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Первым его председателем стал Н. Осинский (В. В. Оболенский), до этого бывший управляющий Государственным банком. В президиум ВСНХ вошли также Н. И. Бухарин, В. М. Смирнов, Г. И. Ломов. Под их редакцией стал выходить печатный орган ВСНХ.	В ноябре 1917 года Бухарину было поручено составить проект законодательства о национализации и создании органа, который руководил бы экономической жизнью страны; проект был одобрен в декабре. На основе этих предложений был создан Высший совет народного хозяйства. Осинский, который вместе со Смирновым до этого возглавлял новый Государственный банк, стал первым председателем ВСНХ, в президиум которого вошли также Бухарин и Смирнов. Между тем Ломов (...) в январе 1918 г. (...) также вошел в состав президиума ВСНХ (...). Под редакцией Осинского, Смирнова и Ломова стал также выходить официальный журнал ВСНХ.

Так как случаи сходства и совпадений не помечены сносками на книгу С. Коэна, то остается предположить, что И. Е. Горелов писал соответствующие части своей книги в бессознательном со-

* В 1988 г. книга С. Коэна была опубликована в издательстве «Прогресс» под названием «Бухарин. Политическая биография. 1888—1938», и ее перевод несколько отличается от текста книги, изданной в Энн Арборе. Послесловие к книге написал И. Е. Горелов.

стоянии, что характерно для лиц, вовлеченных в телепатические опыты. А если это так, то понятно, что И. Е. Горелов даже не осознал того, что он воспроизводил текст из книги С. Коэна.

Текстуальных сближений и полных совпадений, это можно называть эффектом Коэна — Горелова, (КГ), так много, что для сопоставления текстов пришлось бы занять большую часть очень толстого журнала. А так как здесь речь идет о явлении биофизическом, а не идейно-политическом, то совпадения касаются многих, в том числе и наиболее сущностных сторон исследования (оценки теоретических произведений, кардинальные вопросы внутрипартийной борьбы, история нашей страны). Эффект КГ наблюдается при описании ранних лет Н. И. Бухарина и его пребывания в эмиграции, его деятельности в первые месяцы Советской власти, в годы военного коммунизма и в годы нэпа.

И. Е. Горелов (с. 68)	С. Коэн (с. 70)
Доводы Бухарина против подписания мирного договора сводились к тому, что империалистические хищники неизбежно объединятся против Советской Республики. Этому зловещему союзу может противостоять только международный революционный фронт. Он все время подчеркивал, что российский пролетариат является одним из отрядов международного рабочего движения. Поэтому надо начать «священную войну против милитаризма и империализма», ибо, «сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения». Условия мирного договора, говорил он, приведут к прекращению революционной пропаганды, заставят замолчать «колокол, гудящий на весь мир». «У этого колокола мы отрезаем язык», ибо сила Советской Республики — в ее революционных идеалах.	Бухарин был обеспокоен «союзом» империалистических держав (...) Только международный революционный фронт, настаивает он, сможет противостоять неминуемому империалистическому фронту против Советской России... Вера в грядущую европейскую революцию побудила Бухарина рассматривать российский пролетариат лишь как «один из отрядов» международного движения... Он требовал, чтобы Советская Россия поддержала революцию в Европе актом мужественного вызова «священной войны против милитаризма и империализма»... «сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения» (...) Прекращение международной революционной пропаганды — а это было определено германскими требованиями, — могло заставить замолчать «колокол, гудящий на весь мир», «обрезать язык». Убеждение Бухарина, что способность Советской России влиять на европейские события основана не на силе ее армии, а на ее революционных идеалах, послужило причиной его наиболее донкихотского жеста.

Эффект КГ проявляется и при характеристике всех значительных работ Н. И. Бухарина. Человек, не верящий в возможности телепатии, мог бы даже заподозрить, что И. Е. Горелов не брал в руки бухаринских работ, ограничившись переписыванием высказываний С. Коэна об этих книгах. Разумеется, если бы речь не шла о поразительном парапсихологическом феномене, можно было бы усомниться и в необходимости столь широкого воспроизведения оценок и интерпретаций, рожденных в советологических центрах США в 60-х годах, под которыми так легко подписывается советский ученый без упоминания автора этих высказываний.

О книге «Экономика переходного периода»

И. Е. Горелов (с. 77)

Так, М. С. Ольминский обвинил автора в замене марксистской политэкономии «бухаринским методом каторги и расстрела». Ее основным недостатком было то, что вынужденный характер многих экономических мероприятий политики «военного коммунизма» Бухарин распространяет на весь переходный период.

С. Коэн (с. 101—103)

Ольминский обвинил Бухарина в отходе от марксистской политической экономии и замене ее «бухаринским методом каторги и расстрела» (...)

Основные недостатки книги отражали дефекты «военного коммунизма».

...Ошибка Бухарина (...) заключалась в распространении этого опыта на весь переходный период.

И. Е. Горелов (с. 87)

Осенью 1921 года появилась одна из наиболее известных книг Бухарина «Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской идеологии». Книга была написана на рубеже окончания политики «военного коммунизма» и начала новой экономической политики. Но если еще недавно Бухарин энергично пропагандировал революционное насилие и необходимость социальных скачков, то в данной книге отстаивал эволюционный путь развития.

С. Коэн (с. 115)

...Знаменитая книга Бухарина «Теория исторического материализма» <...> появилась осенью 1921 года, то есть всего через месяц после окончания экстремистской политики «военного коммунизма», которую он поддерживал с энтузиазмом. Более того, эта работа была написана одновременно с «Экономикой переходного периода», теоретическим оправданием волюнтаризма и социальных скачков. Пренебрегают тем фактом, что и «Экономика», и «Теория исторического материализма» содержали знаменитый механицизм Бухарина и теорию равновесия, хотя первая работа проникнута идеей катаклизма, а вторая — эволюции.

О книге «Теория исторического материализма»

Как известно, при телепатических экспериментах принимающая сторона старается воспринять передаваемый образ зрительно, не пытаясь при этом критически оценивать его. Часто телепаты говорят, что они видят не точное изображение, а некие контуры, в которых они стремятся угадать образ предмета. Этим они и объясняют ошибки при воспроизведении информации. Отгадывание очертаний таких предметов, как карандаш или зубная щетка, изображений на так называемых карточках Зеннера (крест, волнообразные линии и т. д.), — предел возможного у современных экстрасенсов (при этом процент успешного приема информации часто едва превышает достижения при случайном отгадывании).

В данном случае шел прием печатного текста, набранного очень убористым шрифтом, и хотя возникали некоторые отклонения, порой точность воспроизведения достигала почти 100 процентов.

И. Е. Горелов (с. 136—137)

Н. И. Бухарин и его последователи повели атаку, правда, облеченную в эзоповские выражения, на сталинские позиции. Выступая 6 мая 1928 года на VIII съезде ВЛКСМ, Бухарин подверг критике безответственные призывы к развертыванию «классовой войны» и «внезапному прыжку» в сельском хозяйстве. Несколько позднее в эмоциональной статье, опубликованной в «Правде», он обрушился на поклонников «индустриального чудовища», паразитирующего на сельском хозяйстве...

К началу лета 1928 года отношения между Сталиным и Бухариным обострились настолько, что оставалась только видимость их единства. Бухарин в частных разговорах все чаще стал называть Сталина представителем неотроцкизма. 15 июня активный сторонник Бухарина, заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин направил в Политбюро письмо, где в тревожных тонах обрисовал внешнеполитическое и внутреннее положение страны.

С. Коэн (с. 296—297)

Бухарин со своими последователями также начали облеченную в эзоповские выражения атаку на сталинские взгляды. Выступая 6 мая на VIII съезде комсомола, Бухарин критиковал безответственные призывы к «классовой войне» и некоему внезапному рывку в области сельского хозяйства. Три недели спустя он обрушился в эмоциональной статье на проповедников «индустриального чудовища», паразитирующего на сельском хозяйстве...

Отношения между Бухариным и Сталиным соответственно ухудшились. Их совместные публичные выступления, несмотря на попытки сохранить видимость единства, становились едва прикрытыми столкновениями <...>

Примерно в то же время Бухарин стал в частных разговорах называть Сталина представителем неотроцкизма... 15 июня сторонник правых заместитель наркома финансов Моисей Фрумкин отправил в Политбюро взволнованное письмо, в котором обстановка в деревне описывалась даже еще более пессимистически, чем ее представлял Бухарин.

Высокая точность в воспроизведении коэновского текста была достигнута и при характеристике личности Н. И. Бухарина. Именно пропаганду личных черт Н. И. Бухарина С. Коэн считает особенно важным в деле утверждения «бухаринской альтернативы». («После десятилетий восточного деспотизма и сталинской бюрократии интернациональное мировоззрение и личное обаяние Бухарина представляются особенно привлекательными» *.) Видимо, сильный импульс С. Коэна был телепатически воспринят И. Е. Гореловым, в результате чего были созданы два портрета одного и того же лица, сходство которых беспрецедентно во всей истории мировой литературы.

И. Е. Горелов (с. 34—35)	С. Коэн (с. 17)
...Бухарин вел скромный образ жизни, одевался просто и непритязательно, легко и непринужденно вступал в контакт как с рабочими, так и с интеллигентами. Был он небольшого роста, легкий и подвижный. Огромный лоб, голубые сияющие глаза, редкая рыжеватая бородка с золотистым оттенком, искренность и мальчишеская экспансивность, неисчерпаемый юмор и жизнелюбие делали его симпатичным и обаятельным не только в рядах большевиков, но и среди политических противников.	Простота и естественность облика и личности зрелого Бухарина уже тогда проявлялись в его непритязательности к образу жизни. Он был маленького роста (немного выше пяти футов), легкий, подвижный, рыжеволосый, с редкой бородкой на мальчишеском лице и серо-голубыми глазами, вспыхивавшими под высоким лбом... Женщина, которая встречала его в 1913 году... вспоминает: «Его открытое лицо с громадным лбом и чистыми сияющими глазами было в своей совершенной искренности почти безвозрастным». Обаятельный с женщинами, непринужденный с детьми, чувствующий себя в своей тарелке как с рабочими, так и с интеллигентами, он был «симпатичной личностью» даже в глазах своих противников. Юношеский энтузиазм, общительность, задушевный юмор... уже тогда производили впечатление на знакомых. Они говорили о его доброте, благородстве, экспансивности и жизнелюбии.

Свидетельством бессознательного характера эффекта КГ является резкий спад в интеллектуальном уровне повествования, как только «эффект» прекращается. Невключенность интеллекта во время приема внешнего сигнала дает себя знать при переходе на самостоятельный режим работы. При удалении из текста

* Коэн С. Переосмысливая советский опыт, с. 82.

И. Е. Горелова всех сближений и совпадений на страницах остаются лишь шаблонные фразы, которые обычно произносит не очень успевающий школьник, отвечающий без шпаргалок урок по истории СССР. («В результате победы Великого Октября большевики оказались у руля государственной власти... Началось триумфальное шествие Советской власти, резко усилилось революционизирующее влияние молодой Советской Республики на капиталистический мир... Упрочению завоеваний Октябрьской революции больше всего мешало состояние войны с Германией».) Этот примитивный лепет кажется особенно нелепым в устах того, кто титулован доктором исторических наук и профессором.

Однако нас интересуют не аномальные попытки воспроизводящего механизма создавать собственные словесные конструкции, а разрешающая способность приемного устройства (мозг профессора Горелова), качественно превосходящая лучшие образцы современной электронной техники. Совершенно очевидна необходимость объявить И. Е. Горелова национальным достоянием страны и на основе всестороннего изучения опыта телепатического моста Принстон — Москва попытаться совершить новый прорыв в тайны природы и осуществить подлинную революцию в технике связи.

Находятся, правда, ретрограды, выражающие сомнение в необходимости издавать сокращенный вариант книги С. Коэна под псевдонимом И. Е. Горелова. Они договариваются до того, что публикация выводов американского советолога за подписью советского ученого дезориентирует читателя. Есть и упрямые скептики, которые утверждают, что, как это бывало не раз, под видом телепатии имеет место шарлатанство, но на сей раз в виде литературного плагиата.

Однако здесь совершенно очевидны проявления узколобого догматического подхода к смелым биофизическим экспериментам. Если предположить, что автор действовал сознательно, то есть попросту пересказывал и переписывал книгу С. Коэна, выдавая это за свое сочинение, то неужели он всерьез рассчитывал остаться непойманным? В этом случае он исходил бы из очень низкой оценки интеллектуального уровня читателей, демонстрируя презрение к ним. Разоблачение было бы неминуемо, и автора не спасли бы ни его высокие степени и звания, ни заявления о чистоте его моральных принципов, провозглашаемых им в борьбе против фальсификации истории.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Михаил Иманов — романист. «Чистая сила» его второй роман, первый был «Действующее лицо», вышедший тремя годами раньше в том же издательстве «Современник». Не всякий писатель, написавший одно крупное произведение, может считаться романистом, и не всякое пухлое, многостраничное сочинение заслуживает название романа. Существует множество определений этого жанра, и если отвлечься от различий, имеющихся в этих определениях, и попытаться вычленить то общее, что в них есть, то станет очевидно, что под романом понимается полнота мировоззрения, роман — это попытка воссоздания при помощи духовных усилий писателя целого мира.

Недостатком Михаила Иманова как писателя, на мой взгляд, является то, что он как бы находится в тени поэтики Достоевского. Это заметно и на уровне композиции (мизансцен, эпизодов), и па уровне стилистики, ритмики. Молодой писатель точно так же, как и классик русской литературы, использует для оживления сложного, я бы даже сказал, усложненного мира своей прозы безотказно действующую пружину — детективную интригу. Она тонко вплетена в ткань романной жизни и держит действие.

Интрига заключается в том, что у некоего Владимира Федоровича Никонова, приехавшего отдохнуть на южный курорт, имеется неразменный бриллиантовый капитал (то ли наследство, то ли еще что-то), превратившийся со временем в некую идею «чистой силы». Владимир Федорович, свято, по-жречески хранивший свое сокровище, ввиду ухудшения своего здоровья или в силу того, что к сокровищу возникает нездоровый интерес со стороны нескольких подозрительных людей, решает передать его на хранение человеку, способному, так же как и он сам, посвятить сокровищу всю свою жизнь. В санатории, где и разворачивается действие романа, Владимир Федорович находит подходящего, как ему кажется, человека — Алексея Михайловича, находящегося в процессе внутренней переоценки своей довольно долгой жизни. Сосед Алексея Михайловича — герой-рассказчик Саша, именно его глазами читатель видит все происходящее. В традициях русской прозы девятнадцатого века М. Иманов каждому герою дает «выход» — возможность произнести монолог и вообще как-то себя показать, а сопровождается выход обстоятельным портретом героя.

Необходимо отметить, что образ героя-рассказчика навеян героями Достоевского. Саша играет в «Чистой силе» такую роль, как Долгорукий в «Подростке». Саше лет двадцать пять, но его подростковая неуравновешенность, несдержанность, непрерывные дерзости, которые он говорит окружающим, его метания, попытки вмешаться в жизнь, перемежаемые решениями бежать от нее, и главное — внутренняя интонация, «говор души» — все это выдает очень близкое родство с героями классического романа.

Влияние композиционного гения классика тоже очень заметно в «Чистой силе». Композиция романов Достоевского как бы пульсирует в насосе. Несколько раз на протяжении романа герои сходятся все вместе, происходят бурные сцены, потом они надолго расстаются, действуют самостоятельно. Причем во время «общей» сцены обязательно случается нечто, заставляющее читателя напряженно ждать развития дальнейших событий. Тут можно вспомнить пощечину, которую Шатов дает Ставрогину. По тому же принципу построено несколько ключевых сцен в романе М. Иманова. Например, сцена философского диспута во второй главе, где сходятся почти все действующие лица. И философствующий врач Мирик с женой Леночкой, и две пары — члены его философского кружка, и «артист жизни» Ванокин, и загадочная женщина Марта, вызванная из Каргополя истерической телеграммой Ванокина, и, наконец, Саша, введенный тем же Ванокиным с совершенно неизвестной целью в круг местной элиты. В кустах, поблизости, то есть тоже являясь участником сцены, сидит самодеятельный сыщик Думчев. Сошедшиеся философствуют, и Саша, следуя по стопам уже упоминавшегося Долгорукого, устраивал скандал, не согласившись с «философией» Мирика.

Интрига интригой, но что же в самом деле лежит в основе романа? Мне кажется, идея романа — испытание человека, что является прерогативой, может быть, высших, может быть, «чистых» сил. Попутной, но очень важной проблемой, располагающейся тоже очень близко к центру романа, становится авторское сомнение в том — а есть ли вообще на свете «чистые силы»? На мой взгляд, название романа просто-напросто неочевидный оксюморон.

На протяжении всей рецензии я сравнивал молодого писателя Иманова с его великим предшественником, и сравнение каждый раз оказывалось в пользу предшественника, что и не удивительно.

М. Иманов. Чистая сила. Роман. М., «Современник», 1988.

Но через пристальное рассмотрение недостатков романа «Чистая сила» стали более понятны и несомненны его достоинства. Да, роман рациональный, литературный, но в нем нет желания автора выставить себя на всеобщее любование и восхищение, роман «Чистая сила» — это искренняя и страстная попытка хоть на несколько шагов приблизиться к смыслу человеческого существования.

Что же касается сильной зависимости молодого писателя от творческого метода Достоевского, то мне не видится в этом ничего ужасного, ведь это все-таки Достоевский.

Михаил ПАВЛОВ

НАДО ВЕРИТЬ

Электричка для горожанина, жителя окраины, пригорода, дачника — это место, где подчас проходит немалая часть его жизни. Здесь, как, может быть, нигде, ощутишь в полной мере и автоматизм, монотонность, тесноту городской жизни. Впрочем, все зависит от того, как смотреть на вещи. Лирический герой Владимира Сидорова в электричке, в метро, в толпе не чувствует себя забытым, брошенным, одиноким. Пресловутое чувство локтя для него не утратило своего первоначального смысла, это чувство близости к людям и связи с ними («И кровь у нас одна, и дух един»).

Поэт наделен способностью и в «каменном мешке» подметить, запомнить, запечатлеть в душе все, что хранит живую жизнь, тепло человеческое. Поэтому так дорога ему память о провинциальном и, как иногда говорят, патриархальном детстве. Не будем же вкладывать в эти слова негативного смысла, разве не патриархальная закваска стала основой редкостной нынче цельности?

На том берегу
мне снится всю ночь
в Пречистом — селе
колокольня,
и голос отца
зовет меня вновь —
где лодка? — найти
не могу! —
родные мне машут ветвями
березы...
сейчас я проснусь — будет
сладко и больно,
но пусть они катятся,
поздние слезы:
туда все равно я сбегу!
(«Песня»)

От этого навсегда сохранившегося душевного тепла тянется ниточка к собственно «взрослым», «городским», своеобразно окрашенным стихам:

...Из окошка, как будто
родня,
Чьи-то бабушка, внучка
и мама,
Улыбаясь, глядят на меня!

Это уже из «Розового дворика». Кстати, несколько странный цвет для наших скорее серовато-грязных городских дворов, не правда ли?

Боже мой, где он взял этот
колер,
Уж не в небо ли кисти
макал?
Эй, художник, я правда бы
помер,
Если б двор этот не отыскал!

Впрочем, не «художник», я думаю, отыскал этот цвет, а поэт Владимир Сидоров так смотрит, это он умеет придать увиденному такую эмоциональную окраску.

Банальные рифмы: «березы — слезы», сентиментальность, умиление. И, строго говоря, многословие. Не без того. Но объясняется это тем, что многие стихи рассчитаны на пение. Надо учитывать своеобразие жанра, в котором преимущественно работает поэт, — романса. Одно из стихотворений так и названо — «Московский романс». Повторы, рефрены, композиционное кольцо — частые приемы В. Сидорова. Теперь уже не говорят, что жанр этот устарел и ушел безвозвратно в прошлое. Чем ближе к концу нашего «научно-технического» столетия, тем яснее становится, насколько насытились люди бешеными темпами, «прогрессом», завоеваниями цивилизации, покорением природы. Пришла пора понять, что в старых темах, мотивах, словах, жанрах есть многое, что может стать опорой и для современной поэзии, поможет сохранить личности нравственную опору.

В. Сидорову дороги знаки духовной культуры, остатки которой теперь, вспомнив о тысячелетнем христианстве Руси, пытаются сохранить, возродить, растерянно обнаружив, что многие преемственные связи оборваны, а новые духовные, идеологические «эквиваленты» не созданы или скомпрометированы и не срабатывают. В наши дни индивидуум, оказавшись перед раскрывшимися драмами, ошибками, несуразностями не столь давнего прошлого, испытав также всю горечь собственного своеволия, возжаждал покаяния и очищения. Не случайно слово «вина» прозвучало из уст поэтов раньше, чем у многих других, до того как эта тема стала самой распространенной в современном искусстве. Оказавшись в опустевшем, поруганном и заброшенном храме, оставленный на самого себя, наш современник «отчаянно тоскует» (как писал когда-то Тютчев), пытаясь обрести нравственную опору, устойчивую иерархию ценностей, приобщиться к высокой духовности.

Конечно, здесь есть изрядная доля романтизации. Но как же без идеала? К тому же поэт ищет идеал, устойчивые нравственные ценности не среди исключительных героев и ситуаций, но видит, отстаивает их и в бытовой, житейской сфере, где современный городской автоматизм, отчужденность, увы, тоже обосновались довольно прочно.

Поэтому ощутима в его стихах «мысль семейная»: чувства заботливого отца («Одеяло съехало у сына — Как он сладко и безгрешно спит!»), любящего — несмотря ни на что — мужа («Сказать по правде, бывшей не бывает жена... Едина плоть себя не забывает, Как ты ни разводи ее по свету»).

Привязанности личные — лишь составная часть кровного родства с миром и людьми, «мысль семейная» органически входит в более широкое, общее мироощущение:

Владимир Сидоров. Электричка. Стихотворения и поэмы. М., «Современник», 1988.

Надо верить и ждать — хоть
до смертного часа:
Смолкнет сердце, и выпадет
книга из рук,
И расплещется свет
ослепительный Спаса,
И не будет ошибок, не будет
разлук!
Догорает закат. И несутся
навстречу
Из ночной темноты села,
рощи, холмы.

Никому не отнять то,
что с нами навечно.
Это наша страна. Это ***мы,***
это ***мы!***

«Надо верить» — вот что, по мысли поэта, позволит нашему современнику сохранить духовную цельность и нравственную стойкость.

Вл. СЛАВЕЦКИЙ

СВОЯ СТЕЗЯ

О прозаике Марине Кретовой пока пишут мало. Но, думается, скоро начнут писать больше, много больше, поскольку все же как-то естественно для нормального человека замечать больше хорошее, нежели плохое. А чтобы убедиться в том, что Кретова пишет хорошо — достаточно прочитать ее пока единственную книгу «Дарить радость».

Сегодня, говоря о Кретовой, критики непременным долгом своим почитают сказать о молодости ее, тем самым как бы выдавая ей некую индульгенцию за огрехи — ежели, паче чаяния, они отыщутся — и испытывая радостно-тревожное недоумение: такая молодая, а уже пишет.

Да, она — самый ныне молодой член СП в Москве. У нас уже давно размыты возрастные критерии: никого не удивляют «молодые» писатели, художники, режиссеры, уже начинающие отважно штурмовать пятое десятилетие, но все еще непривычен двадцатилетний талант.

Марина Кретова. Делить радость. М., «Молодая гвардия», 1987.

В рассказах Кретовой нет дидактичности и куцего морализаторства, столь любимых «начальниками» от искусства, поскольку позволяют превратить многоцветье мира в жестко-функциональную черно-белую схему.

Марина — именно писательница в самом прямом смысле этого слова, если понимать под этим углубленный психологизм, игру полутонами, милую орнаментику и любовь к безделушкам, предельное изящество выражения, что, видимо, соответствует эмоциональной природе женской натуры. Ее рассказы невозможно передать в нескольких предложениях. События у Кретовой подчиняются не внешнему сюжетному ряду, хотя есть у нее и четкий сюжет, но он не выпирает, а дает простор потоку мыслей, чувств, действий, который и создает целостный образ восприятия мира.

Это соединяет в единое нерасторжимое целое ее книгу, состоящую из рассказов о наших днях и повести «Стезею правды», рассказывающую о высокой и трагической судьбе семьи Тучковых — братьях-генералах Павле, Сергее, Николае и Александре, героях войн с Наполеоном. Двое последних из них не переживут Бородина — падут на поле брани. Жена Александра — Маргарита — станет настоятельницей монастыря, основанного ею на Бородинском поле — в память о муже и всех тех, кто, подобно ему, сложил голову, защищая Отечество.

Кретова пишет о любви к людям, которая невозможна без исторической памяти, так как не могут любить ни себя, ни, уж тем более, окружающих люди, забывшие свои корни, отрекшиеся от своих предков.

Для М. Кретовой чрезвычайно важна и иная память — не только память о фактах — рассказы имеют под собой твердую основу пережитого, осмысленного, память ассоциаций, чувств, психологических нюансов, звуков, ароматов, словом, память жизни во всех ее переливах.

У нас сейчас редко интеллектуальная проза соединяется с хорошим стилем. Афористичность прозы М. Кретовой — лучшее доказательство, что здесь этот сплав удачен.

Заключая небольшое предисловие к своей книге, М. Кретова пишет: «Мне просто хочется, чтобы, когда вы взяли эту книгу и начали ее читать, я не была бы вам совсем чужая». Это ей удалось.

Марина Кретова начала писать рано — еще в 1979 году в коллективном сборнике «Ранний рассвет», составленном из работ подростков, вышел ее рассказ «Кто вы? Мы?..». Ее рассказы рождают особый настрой души, позволяющий смотреть на мир без розовых очков, но и без брезгливой мины всеосуждающего и всепонимающего скепсиса. Нет, мир предстает перед нами как некая драгоценность, которую невозможно ни унизить, ни опошлить, ни растоптать, а только понять, поверить ей и полюбить ее.

Юрий ЛУБЧЕНКОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1989 ГОД

● ПРОЗА

● ПОЭЗИЯ

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИСКУССТВО

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАШ КАЛЕНДАРЬ

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОПРАВКА

В стихотворении Сергея Острового «Врач» (№ 9, с. 23) допущена ошибка.
В 4-й строфе следует читать:

«А на земле двадцатый век,
Все меньше пашен. Меньше рек.
Все злее взводит свой курок
Немилосердно — модный рок».

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 12.10.89. Подп. в печ. 24.11.89. А12939.
Формат 84 × 108[1]/[16]. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,6.
Тираж 655 000 экз. Заказ 319. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21